

20825.

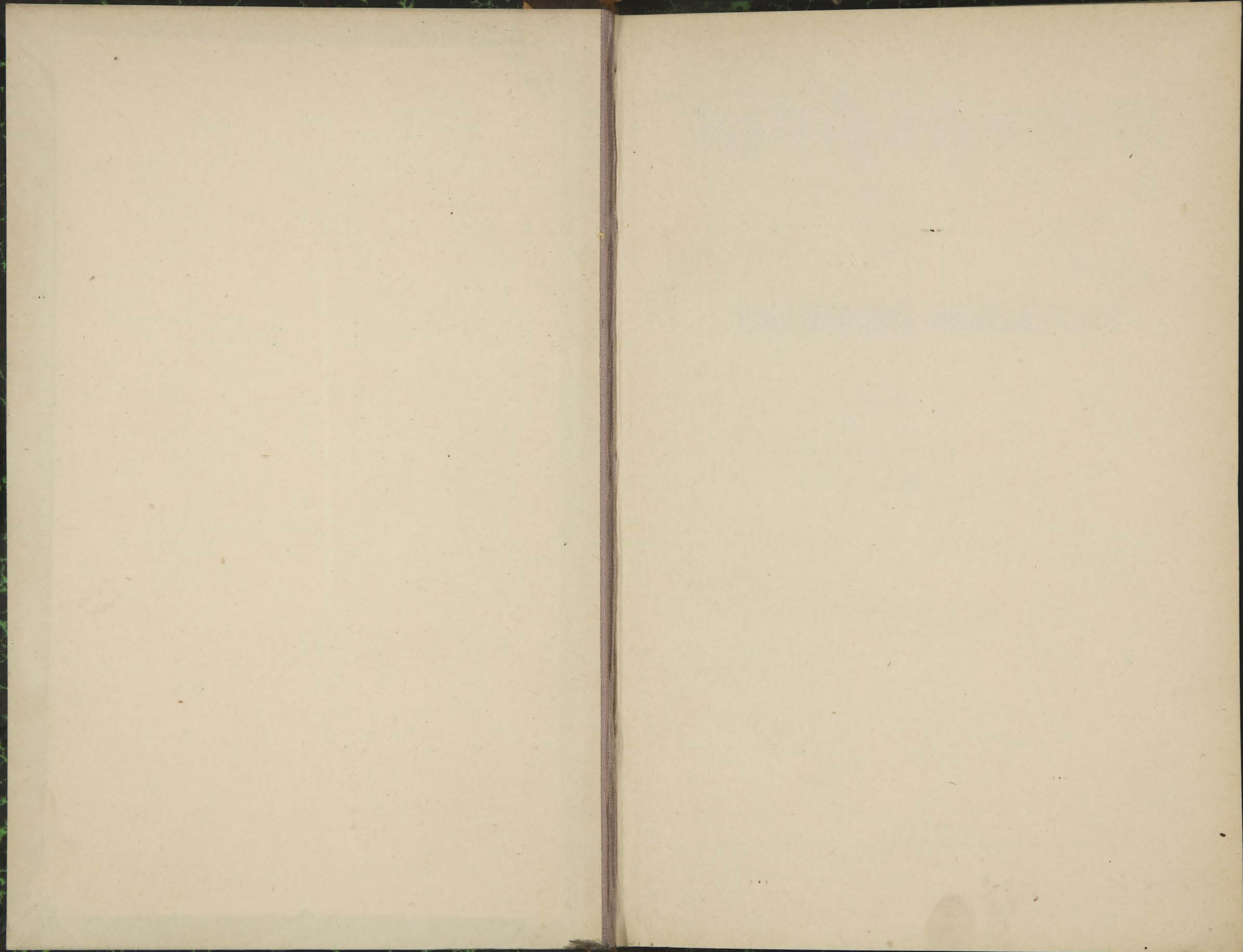
Д

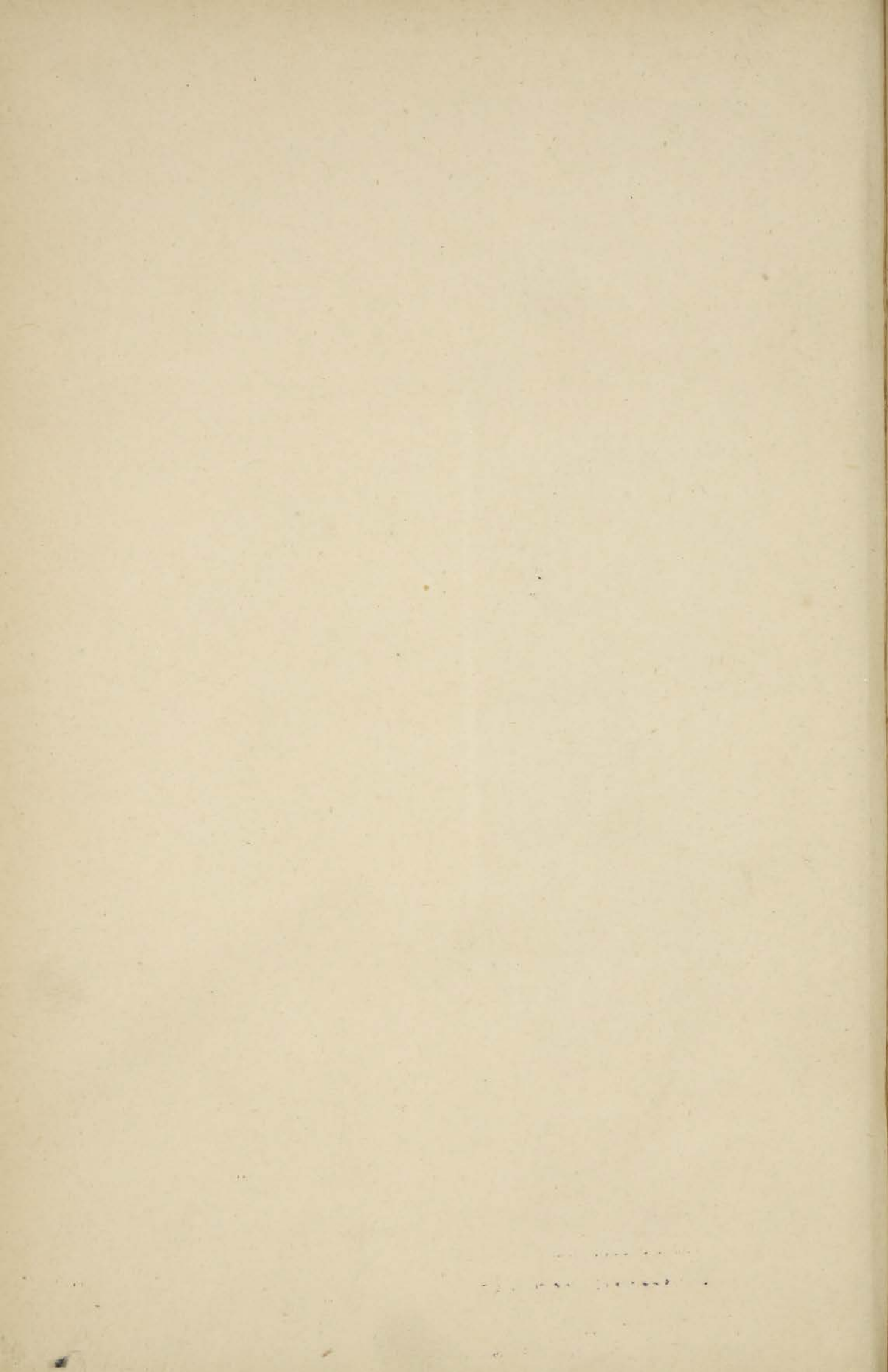
ССЪ

Ъ

ШВ

Ф.

20825.

ВОПРОСЪ ОБЪ ОБЩИНЪ

И

~~22215/50~~

УРАВНИТЕЛЬНОМЪ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ.

П. Д.

МОСКВА.

Товарищество „Печатня С. П. Яковлева“. Петровка, Салтыковский пер., д. Товарищества, № 9.
1904.

39

Библиотека н. в. СССР

K

83354

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стран.</i>
Глава I. Къ исторіи происхожденія общиннаго землепользова- нія.....	1
Глава II. Община—„эмбріонъ“ будущаго соціального порядка.	23
Глава III. Сибирское крестьянское землепользованіе.....	<u>54</u>
Глава IV. Освободительные акты (Положеніе 19-го февраля 1861 г., Положеніе о б. государственныхъ крестья- нахъ и др.) и община.....	87
Глава V. Причины упадка крестьянскихъ хозяйствъ: малозе- мелье и тяжесть податей и повинностей.....	111
Глава VI. Длинноземелье, дробимость и черезполосица крестьян- скихъ полей. Принудительная обработка.....	134
Глава VII. Вопросъ о мобилизаціи крестьянской земли.....	161
Глава VIII. Крестьянство—хозяйство семейнаго очага. Итоги....	206

Г Л А В А I.

Ученый нѣмецкій путешественникъ по Россіи въ эпоху царствованія Императора Николая Павловича, баронъ Гакстгаузенъ ¹⁾, первый повѣдалъ ученому міру о своеобразныхъ отношеніяхъ великорусскихъ крестьянъ къ землѣ и, по насмѣшливому выраженію современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ ²⁾, открылъ русскимъ „общину“. По мнѣнію Гакстгаузена, русская (великорусская?) община—патріархальная и семейная—сохранилась съ незапамятныхъ временъ, представляя собою коренной бытовой институтъ, свойственный вообще славянскому племени (задругу) и рѣзко, отличаясь отъ общины германской, въ основѣ которой всегда лежалъ индивидуальный элементъ—личность, со свойственнымъ ей требованіемъ свободы и равноправности. Взглядъ барона Гакстгаузена на русскую общину произвелъ большое впечатлѣніе у насъ въ Россіи какъ въ правящихъ классахъ, такъ и въ литературѣ. Славянофилы приняли мнѣніе нѣмецкаго путешественника съ восторгомъ, и съ тѣхъ поръ создалась литературная легенда о русской современной (дореформенной) общинѣ, какъ коренномъ бытовомъ національномъ институтѣ.

Противъ этого-то предвзятаго и ненаучнаго взгляда на русскую сельскую общину выступилъ ученый историкъ-юристъ, ученикъ Грановскаго, получившій свое научное образованіе въ эпоху славныхъ традицій старѣйшаго русскаго университета. Въ статьѣ „О происхожденіи русской сельской общины“, напечатанной въ 1856 г., Б. Н. Чичеринъ доказывалъ, что наша община, какъ и всякій другой челове-

¹⁾ Studien über die inneren Zustände etc. Russlands.

²⁾ См. А. Wagner, Lehr und Handbuch der Politischen Oeconomie, I Hauptabth., II Th., S. 395, 3 изд.

скій институтъ, имѣла свою исторію. Изъ родовой—патріархальной, съ разложеніемъ родового быта, она перешла къ формѣ владѣльческой (вотчинно-тягловои) и затѣмъ получила значеніе государственнаго тягла, перейдя къ формѣ уравнительной душевои, съ періодическими передѣлами земли. На послѣднюю ея формацію имѣли непосредственное вліяніе два момента: прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и подушная подать.

Мнѣніе нашего ученаго юриста, какъ извѣстно, возбудило горячую полемику со стороны славянофильскихъ писателей, но всѣ новѣйшія изслѣдованія лишь подтвердили правильность сдѣланнаго имъ анализа историческаго развитія великорусской общины и тѣхъ моментовъ, которые создали такъ называемое уравнительное землепользованіе нашихъ крестьянъ.

Талантливый историкъ русской культуры, г. П. Милюковъ ¹⁾, высказывается такъ по данному вопросу: Русская община есть поздній и въ разныхъ мѣстностяхъ разновременный продуктъ владѣльческаго и правительственнаго вліянія. Древняя русская община была тяглою, а не хозяйственною единицею. Ея задачею было уравненіе платежей съ размѣрами участковъ ея членовъ. Участки эти оставались неизмѣнными и находились въ свободномъ наслѣдственномъ владѣніи отдѣльныхъ семей. Ограниченіе правъ собственности на эти участки впервые встрѣчается на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, распоряжается при этомъ не община, а приказчикъ частнаго владѣльца.

Уже въ XVI в. свободное хозяйственное распоряженіе крестьянскими участками, повидимому, входитъ въ обычай на владѣльческихъ земляхъ средней Россіи. Въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ правительство старается распространить этотъ обычай и на свободное крестьянство русскихъ окраинъ; но окончательно эта цѣль была достигнута въ XIX вѣкѣ. Г. В. В. въ своей книгѣ „Къ исторіи русской общины“ не соглашается съ изложеннымъ мнѣніемъ современной русской науки объ „искусственномъ“, по его словамъ, происхожденіи русской общины и въ опроверженіе этого мнѣнія приводитъ слѣдующую аргументацію:

¹⁾ Очерки по исторіи русской культуры, I, стр. 188 и слѣд.

1) Если порядки уравнительнаго землепользованія и появились впервые на земляхъ частныхъ вотчинниковъ, то это потому, что здѣсь прежде всего почувствовалось населеніемъ „утѣсненіе“ въ угодьяхъ.

2) Земля, на которой сидѣли владѣльческіе крестьяне, принадлежала вотчинникамъ, не могла отчуждаться крестьянами, а потому идея уравнительнаго землепользованія не встрѣчала здѣсь препятствій, какія она встрѣтила на земляхъ свободнаго крестьянскаго пользованія.

3) Идея уравниенія была выгодна вотчинникамъ, а потому могла получить съ ихъ стороны поддержку даже въ томъ случаѣ, если впервые она и появилась въ сознаніи крестьянъ. Поэтому г. В. В. находитъ, что мнѣніе русскихъ ученыхъ о крѣпостномъ происхожденіи великорусской общины представляется пока недоказанной гипотезой, тѣмъ болѣе, что ученые не объяснили, почему на окраинахъ Россіи и въ Западной Европѣ вотчинникамъ не удалось навязать уравнительнаго землепользованія крестьянамъ и почему правительство въ Россіи не ввело раскладки податей и повинностей по количеству владѣемой каждымъ земли и тѣмъ „громодно усложнило дѣло“. Слѣдовательно, заключаетъ г. В. В., возможно допустить, что „идея уравниенія (земли) находилась въ согласіи съ желаніемъ массы крестьянъ“²⁾.

Прежде всего замѣтимъ, что г. В. В. совершенно неправильно придаетъ воздѣйствію правительственной власти, при введеніи уравнительнаго землепользованія, значеніе искусственнаго. Это не научный пріемъ. Конечно, исторія (а исторія нашего отечества въ особенности) учитъ насъ, что не всякое воздѣйствіе власти воспринимается во благо населеніемъ; подобное воздѣйствіе можетъ имѣть иногда фатальныя послѣдствія для народа, но въ данномъ случаѣ установленіе уравнительнаго землепользованія вполне гармонировало съ установившимися вотчинно-крѣпостными порядками и было тѣсно связано съ тѣми двумя моментами, на которые указалъ Б. Н. Чичеринъ. Установленіе подушной подати потребовало уравниенія земли по ревизскимъ душамъ

²⁾ Стр. 4—6.

и не допускало прежней системы равенія платежей по землѣ, такъ какъ земельное тягло было перенесено на личность крестьянина и обратилось въ душевое тягло, чего не было ни въ Западной Европѣ, ни на нашихъ окраинахъ. А что крестьянское населеніе желало уравниенія податей по землѣ, а не уравниенія земли по душамъ,—мы имѣемъ прямыя фактическія доказательства. Такъ важскіе крестьяне (дворцовые) въ 1739 году ходатайствовали передъ властью именно о томъ, чтобы пашенныя и сѣнокосныя земли были перемѣнены для уравнительнаго платежа доходовъ: „кто имѣетъ“, говорили они, „во владѣніи по мѣрѣ земель больше, тотъ и доходовъ платить будетъ больше, а кто земель имѣетъ меньше, тотъ и доходовъ платить будетъ меньше“, но власть предписала своему управляющему произвести передѣлъ земли по душамъ, не принимая отъ крестьянъ никакихъ представленій ¹⁾.

Вообще же аргументація г. В. В. не основательна и не научна потому, что вся она основана на категоріи „возможности“. Г. В. В. „предполагаетъ“ всякаго рода „возможности“ и менѣе всего допускаетъ ту, которая ему нежелательна, хотя столь нежелательный выводъ и принадлежалъ бы къ категоріи „должнаго“, что для г. В. В. ровно ничего не значить, такъ какъ онъ вообще категоріи долженствованія совсѣмъ не признаетъ. Оттого въ изслѣдованіяхъ г. В. В. обыкновенно факты не вяжутся съ итогами, а, напротивъ, часто имъ противорѣчатъ. Изслѣдованіе, которое мы разсматриваемъ, не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія.

Въ настоящее время твердо установленъ фактъ“, пишетъ г. В. В., что крестьяне сѣверныхъ губерній первоначально распоряжались своими участками земли какъ своею собственностью, но это объясняется тѣмъ, что, при отсутствіи „утѣсненія“, не было надобности и въ уравниеніи земли. Г. В. В. повторяетъ здѣсь обычную теорію нашихъ изслѣдователей—уравнителей. Эта теорія построена на шаткой почвѣ и не подтверждается фактами. Наши сибирскіе инородцы еще ко-

¹⁾ См. «Русское Богатство» № 1, 1901 г., статью Семевского. «Очерки изъ исторіи крестьянскаго землевладѣнія» и его книгу «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II», стр. 38, Т. II.

чують, обладают громадными территориями, а между тѣмъ производятъ „уравненія“ своихъ угодій. Крестьяне-переселенцы имѣютъ вокругъ себя необъятную сибирскую тайгу и, тѣмъ не менѣе, требуютъ и добиваются уравнительнаго распределенія земель, такъ какъ внѣдряться въ глухую тайгу для нихъ тяжело. Напротивъ, уравнительный процессъ объясняется просто и легко, какъ скоро мы примемъ въ соображеніе, что инородцы и русскіе переселенцы облагаются душевымъ тягломъ правительствомъ, а потому обязательно должны быть надѣлены землею для несенія наложеннаго на нихъ тягла. А такъ какъ правительство признаетъ всю территорию Сибири и прочую землю, на которой водворяются крестьяне, своей собственностью, на крестьянъ же смотритъ не какъ на субъектовъ права, а какъ на тягольщиковъ, то и предписываетъ производить передѣлы, организуя для уравненія своихъ тягольщиковъ общины—волости, общины—сельскія общества съ отмежеваніемъ имъ въ узаконенной пропорціи земли. Таковъ дѣйствительный ходъ дѣла и такъ именно организовало правительство систему уравнительнаго землепользованія въ вотчинно-крѣпостную эпоху историческаго развитія русскаго народа.

Этотъ процессъ описывается г. В. В. почти съ буквальной точностью. Въ 1795 г. (при V ревизіи) многіе крестьяне Вологодской губерніи обращались въ экспедицію вологодскаго директора экономіи съ просьбой объ „удовольствованіи ихъ землею по числу душъ“. „Внимая этимъ просьбамъ“, начальство послало „надлежащія“ предписанія волостнымъ присудамъ, при чемъ даны были распоряженія и инструкціи объ уравненіи крестьянъ въ пользованіи землей. Въ передѣлъ не должны были поступать „крѣпостныя“ (старыя печищныя) земли; но если бы многоземельные хозяева представили такія крѣпости или закладныя, которыя нигдѣ не явлены, или партикулярныя письма, не представляя въ доказательство „законныхъ крѣпостей“, показавъ, что онѣ утрачены, то всѣ таковыя земли полагать въ раздѣлъ. Читатель видитъ, что давность—этотъ первѣйшій институтъ всякаго правопорядка—не признавалась нашимъ правительствомъ по отношенію къ крестьянамъ, такъ какъ вообще „подлый“ народъ не причи-

саялся къ субъектамъ правъ въ Россійской Имперіи ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, распоряженіе казенной палаты встрѣтило энергическое противодѣйствіе со стороны крестьянъ, которые „внимали повелѣнію о раздѣлѣ съ болѣзнію“, потому что должны были лишиться земли, удобренной „великими трудами“. Посыпались жалобы, и нижній вельскій судъ, усматривая изъ жалобъ крестьянъ, что „передѣлъ земли сопровождается многими спорами“, разослалъ въ волостные присуды подробную инструкцію о производствѣ раздѣла земель. Между тѣмъ состоялась передача дворцовыхъ крестьянъ въ вѣдѣніе удѣловъ, и товарищемъ совѣтника архангельской удѣльной экспедиціи Бестужевымъ былъ возбужденъ въ департаментѣ удѣловъ вопросъ, не слѣдуетъ ли отложить передѣлъ земель между крестьянъ до назначенія землемѣра, такъ какъ „въ уравненіи между крестьянами земель безъ землемѣра обойтись никакъ не можно, и сами собою крестьяне при раздѣлѣ чинятъ большія ссоры и разстройства, черезъ что не произошло бы между ними дракъ и смертнаго убійства“. Одновременно поступило въ департаментъ удѣловъ донесеніе другого совѣтника, Григоркова, въ которомъ изложены были объясненія крестьянъ слѣдующаго содержанія: „до 1796 г. крестьяне солвычегодскаго округа (Вологодской губ.) спокойно пользовались землями, расчищенными изъ подъ лѣса, и прилагали не мало усилій къ надлежащему ихъ удобренію, а кто не питалъ къ хозяйству особой склонности, тотъ отправлялся на сторону и тамъ зарабатывалъ сколько нужно для годового содержанія и уплаты податей. Таковой изъ самыхъ древнихъ временъ заведенный порядокъ доставлялъ имъ способы быть всегда исправными плательщиками казенныхъ повинностей, и ни въ какое время доимки не оставались и всѣ были своею участію довольны. Но когда въ одной казенной волости, по просьбѣ только двухъ человѣкъ, вологодская экспедиція приняла намѣреніе учинить раздѣлъ земли по числу душъ, въ ревизію написанныхъ, то необходимо ужъ изъ сего слѣдовало, что и прочихъ волостей крестьяне, находящіе въ томъ

¹⁾ Лоранъ («Principes de droit civil») справедливо говоритъ, что общество, не признающее давности,—не закономѣрный союзъ, а анархія.

свои выгоды и подстрекаемые сдѣланною однажды потачкою, усугубили о томъ свои просьбы, желая получить обработанную трудами ближняго землю, *не стыдясь своей наглости и забывъ то, что они столько же могли имѣть земли, еслибы прилежали болѣе къ расчисткѣ нежели къ питейнымъ домамъ*“. Поэтому „всѣ лучшіе и добросовѣстные крестьяне внимали таковому повелѣнію съ болѣзною“, потому что должны были лишиться земли, удабриваемой великими трудами, и отдавать таковымъ, у которыхъ нѣтъ ни способности къ хозяйству, ни скота, чѣмъ бы пахать и удобрять оную“. Затѣмъ Григорковъ сообщаетъ, что, въ виду встрѣченнаго препятствія и сопротивленія со стороны крестьянъ, передѣлъ не состоялся почти во всѣхъ волостяхъ, кромѣ одной Пучежской, въ которой многодушные крестьяне получили крупные участки, которые оставили незасѣянными, въ чемъ крестьяне-просители просили удостовѣриться, такъ какъ взрослые члены многодушныхъ семей находились на заработкахъ и сельскимъ хозяйствомъ никогда прилежно не занимались. Въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ владѣніе землею осталось по старому, крестьяне, „*пребываютъ хотя не въ излишнемъ, но въ приличномъ для нихъ довольствѣ; напротивъ того, Пучежская волость, которая передъ передѣломъ была изъ лучшихъ, въ теченіе одного года перешла чрезъ раздѣленіе земель въ совершенное разореніе*“. Григорковъ признавалъ несомнѣннымъ, что послѣ раздѣла земель прекратится новая ихъ расчистка и осушиваніе низкихъ мѣстъ, между тѣмъ какъ разлитіе рѣкъ ежегодно уноситъ или засыпаетъ не малое количество земли. Кромѣ того „нашенная земля, *не имѣя настоящаго хозяина, лишится того многотруднаго удобренія, котораго здѣшнія песчанья мѣста требуютъ и каковымъ каждый крестьянинъ до сего времени питалъ принадлежащую ему часть, признавая ее своею собственностью*“; а безъ такого удобренія „всякое хлѣбородіе въ непродолжительномъ времени должно исчезнуть“. „Такимъ образомъ“, замѣчаетъ г. В. В. (стр. 15), „Григорковъ высказывалъ тѣ же самыя возраженія на вводимую среди казенныхъ крестьянъ форму уравнительнаго пользованія землею, какія противниками общины повторяются и по настоящее время“. Совершенно вѣрно! Но мнѣніе лица,

близко стоявшаго къ крестьянину и видѣвшаго результаты „уравненія“, было согласно съ сужденіями самихъ крестьянъ, а г. В. В. забылъ упомянуть объ этомъ маленькомъ обстоятельстве. Подобный взглядъ на уравнительное землепользованіе высказывали не одни крестьяне упомянутыхъ волостей Архангельской и Вологодской губерній. Буквально то же самое было выражено и выборными Ростовской волости подвинской четверти въ прошеніи, поданномъ ими въ контору главной дворцовой канцеляріи противъ передѣла земли, о которомъ просили, по ихъ выраженію, лишь „каштаны и ябедники“, и мотивировали крестьяне Ростовской волости свое ходатайство тѣмъ, что „каштаны и ябедники“ свои земли продали, а деньги пропили, почему и хотятъ теперь „верстать чужую землю по своимъ прихотямъ“, а потому крестьяне просители, съ общаго мірскаго совѣта, домогательство каштановъ и лѣнивцевъ опровергаютъ и почитаютъ за несправедливое, такъ какъ часть земли каштановъ, а именно тѣ писцовыя дачи, которыя они могли бы распахать, и нынѣ впустѣ стоятъ, а между тѣмъ они чужія распашки желаютъ раздѣлить; если это желаніе будетъ исполнено, то эти земли „приходить будутъ по нерачителству ихъ въ опустошеніе“. Затѣмъ на общемъ сходѣ крестьяне Ростовской волости вновь подтверждали, что если земли нынѣ подѣлить уравнительно, то „имѣетъ быть крайняя обида и разореніе“¹⁾. Итакъ, мы видимъ, что доводы „противниковъ общины“ вполне совпадаютъ съ мнѣніемъ русскаго народа, когда онъ былъ хозяиномъ-собственникомъ своей земли и не былъ еще лишенъ своихъ имущественныхъ правъ. Но, конечно, всемогущая бюрократія вотчиннаго государства не могла руководиться подобными соображеніями; система вотчинно-крѣпостного порядка требовала, чтобы весь русскій народъ былъ подстригнуть, какъ подстригаютъ стадо овецъ. Уравнительный процессъ былъ проведенъ съ должной стремительностью; бунтовщиковъ и возмутителей общаго спокойствія велѣно

¹⁾ См. упомянутую нами статью г. Семевского «Очерки изъ исторіи крестьянскаго землевладѣнія». Ср. также его книгу «Крестьяне въ ц. Екатерины II» Т. II, стр. 72 и слѣд.

было, заковавъ въ кандалы, держать подъ стражею и, „съ прописаніемъ ихъ замысловъ и наглостей, для отдачи подъ судъ, присылать немедленно ясныя и правильныя рапорты“ (стр. 17). Низшее сельское начальство спѣшило обнаружить соотвѣтственную требованіямъ высшаго начальства энергію и, согласно даннымъ инструкціямъ, сохранить необходимый декорумъ. Отъ крестьянъ требовали „согласія“ на сходахъ, а несогласныхъ сажали на цѣпь (стр. 42).

Разумѣется, „безстыдные въ своей наглости лѣнивцы и каштаны“ явились доброжелательными сотрудниками правительственной власти. Сѣверное крестьянство, этотъ живой остатокъ черносошной Руси, подверглось полному разгрому, хотя мѣстное начальство осмотромъ на мѣстѣ и убѣдилось, что дѣйствительно у многихъ крестьянъ — въ томъ числѣ и у „присяжныхъ, производившихъ разверстку“ — оказались запущенныя полосы, вмѣсто которыхъ „сдѣланы отводы изъ внутреннихъ полевыхъ отъ большеземельныхъ“ (!) ¹⁾, что крупныя участки домохозяевъ „не присвоены ими насиліемъ, а трудолюбіемъ, а у другихъ праздною и нерадѣніемъ потеряны“.

Аппетиты „лѣнивцевъ и каштановъ“, поддерживаемые правительственной властью, разрастались. Въ передѣлѣ пущены и крѣпостныя земли (печищныя), „по усильству буйныхъ“, такъ что даже приказныя старшины не успѣвали отъ этого остановить. „По личнымъ испытаніямъ“ пишетъ Карюкинъ, „ничто другое открылось, какъ одного до другого въ притяжаніи земель насиліе и не оставался почти ни одинъ въ своемъ печищѣ или деревнѣ при участкѣ, въ какомъ бы то числѣ владѣть ему по раздѣлу не доводилось“ ²⁾.

Побуждаемый „многими просьбами и воплями лишенныхъ своихъ участковъ“, Карюкинъ рѣшилъ произвести заново разверстку между крестьянами земельныхъ участковъ. Итакъ,

1) Это оказалось именно въ Путужской волости, по осмотру чиновника Карюкина, уже въ 1803 г., такъ что указанія Григоркова вполне подтвердились.

2) Читатель видитъ, какъ создается черезполосица общиннымъ уравнительнымъ процессомъ.

община не смогла даже произвести толковаго передѣла въ натурѣ: ее замѣнилъ чиновникъ правительства.

Вопросъ о печищныхъ (крѣпостныхъ) земляхъ крестьянъ возникъ прежде всего по частнымъ дѣламъ. Такъ департаментъ удѣловъ, по поводу жалобы одного крестьянина, сослался на свой указъ отъ 11 августа 1799 г., въ силу котораго купчія и закладныя уничтожаются „по закону“. Такимъ образомъ наша крѣпостная бюрократія признавала свои велѣнія равносильными закону для подвластныхъ крестьянъ, притомъ такому закону, которымъ отмѣнялись и основные законы Россійской Имперіи. Купчія и закладныя по печищнымъ землямъ совершались установленнымъ порядкомъ въ судахъ Имперіи. Если бы верховная власть издала новый законъ, отмѣнявшій установленный порядокъ, то во всякомъ случаѣ, въ силу основныхъ законовъ, новый законъ не могъ имѣть обратной силы, и, слѣдовательно, права крестьянъ по купчимъ и крѣпостямъ не могли быть нарушены, но департаментъ удѣловъ ставилъ свои велѣнія выше велѣній Верховной Власти Имперіи. Винить его за это очень не приходится, такъ какъ подобный, немного курьезный, взглядъ раздѣляется и нѣкоторыми нашими современными учеными, разумѣется, не юристами ¹⁾.

Впрочемъ относительно департамента удѣловъ слѣдуетъ допустить „смягчающія обстоятельства“. Высшее начальство не имѣло ни малѣйшаго понятія объ историческомъ происхожденіи черносочныхъ крестьянъ нашего сѣвера и воображало, что оно имѣетъ дѣло съ крѣпостными, водворенными на казенной землѣ.

А потому неудивительно, что департаментъ пришелъ въ недоумѣніе, когда мѣстная экспедиція указала ему на силу и значеніе крѣпостныхъ актовъ ²⁾, и приказалъ экспедиціи оцѣнить силу купчихъ (!?) и изслѣдовать вопросъ о томъ, почему крестьяне Архангельской губерніи имѣли прежде право (sic!) продавать и закладывать земли „принадлежащія

1) Такъ г. Семевскій въ упомян. выше его трудѣ.

2) Распоряженіемъ департамента нарушался и межевой законъ, въ силу котораго купчія крѣпости, совершенныя до 1765 г., сохраняли всю свою силу.

вообще къ селенію, а не лично каждому поселянину“. Экспедиція представила историческую справку о землях черносошныхъ крестьянъ, не совсѣмъ впрочемъ удовлетворительную. Не находя нигдѣ въ узаконеніяхъ яснаго предписанія, чтобы казеннымъ и дворцовымъ крестьянамъ „позволено было“ продавать и закладывать ихъ участки, экспедиція приписала такое „вкравшееся между здѣшними крестьянами въ прежніе годы употребленіе деревенскихъ ихъ участковъ слѣдующему наиболѣе обстоятельству. Новгородцы и другіе посторонніе жители, „удостовѣрясь о пользѣ сихъ земель, переселялись на оныя по позволенію своихъ начальствъ въ разные годы цѣлыми семействами, гдѣ стараніемъ своимъ время отъ времени распространивъ деревенскія ихъ угодья и обзаведясь домами, составили на послѣднихъ цѣлыя деревни и волости. Но чтобы таковыя расчищенные трудами ихъ пашни и луга остались навсегда въ неотъемлемомъ ихъ владѣніи, то они, отлучась въ Москву, по ходатайству своему, получали на тѣ владѣемыя ими земли грамоты, по которымъ, присвоая ихъ, якобы къ своей собственности или въ число недвижимаго имѣнія, именовали себя черезъ то настоящими вотчинниками“.

Таково нескладное историческое разъясненіе происхожденія печищныхъ земель черносошныхъ крестьянъ, данное Архангельской экспедиціей своему высшему начальству. Оно отчасти подѣйствовало: департаментъ призналъ себя не въ правѣ уничтожать законно утвержденныя крѣпости, хотя экспедиція ссылалась на то, что купчія и другія крѣпости относятся къ старозаимочнымъ землямъ, расходы, труды и платежныя суммы по коимъ съ избыткомъ уже покрыты долговременнымъ пользованіемъ землями — резонъ, какъ извѣстно, вполне раздѣляемый и нашими современными уравниателями, даже учеными, напримѣръ, г. Семевскимъ.

Анархія въ сѣверной деревнѣ быв. черносошныхъ крестьянъ продолжалась своимъ чередомъ и закончилась только въ царствованіе Императора Николая Павловича.

Еще позже чѣмъ въ сѣверныхъ губерніяхъ произведены были первые передѣлы въ дворцовыхъ селеніяхъ другихъ губерній Россіи. Отмѣтимъ здѣсь одно недоразумѣніе гг. Се-

мевскаго, В. В. и другихъ, смѣшавшихъ старинное русскіи „вервленіе“ съ передѣлами. Эти изслѣдователи приняли распредѣленіе податей и повинностей платежныхъ писцовыхъ книгъ частныхъ вотчинниковъ за передѣлъ земли (въ XVI столѣтіи). Въ книгахъ дворцовыхъ земель вел. кн. Симеона Бекбулатовича предписывается крестьянамъ, чтобы они землями, лугами, лѣсомъ и всякими угодьями верстались межъ себя самихъ полосами или десятинами на всякую выть поровну, а не чрезъ землю, чтобы крестьянамъ межъ себя спору и брани не было“. Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь не о передѣлѣ земли, а о распредѣленіи податей и повинностей по землѣ, какъ это ясно видно по выраженію „выть“ и изъ предписанія верстаться всѣми угодьями, а не только пашнями. Смыслъ памятника тотъ, чтобы крестьяне не допускали черезполосицы, которая дѣлала невозможнымъ или неудобнымъ измѣреніе неравныхъ полосъ владѣльца для опредѣленія повинностей и податей (единица мѣры была для центральной Россіи „выть“). Во всякомъ случаѣ, въ памятникѣ о передѣлѣ земель нѣтъ ни малѣйшаго намека, да и существованіе писцовыхъ книгъ теряло всякій смыслъ при допущеніи передѣла. Несомнѣнно, что уже въ XVI вѣкѣ иногда крестьяне состояли въ общемъ владѣніи и владѣли своими участками черезполосно, но жребій cadaго владѣльца опредѣлялся правомѣрнымъ титуломъ, и крестьянинъ владѣлъ имъ какъ собственникъ. Таковъ же смыслъ и другого памятника, приведеннаго г. В. В. (Псковской губ.), въ которомъ говорится, чтобы крестьяне своихъ жеребьевъ не передѣляли, а жили попережнему, „кто какъ жилъ до писца—и послѣ писца“. Выраженіе „передѣлять“ означаетъ „не дѣлить“, т. е. не дробить своихъ жеребьевъ ¹⁾.

По всей вѣроятности, и желаніе крестьянъ Московской губ. (д. Новлянскій и Семиврагъ) разверстаться по душамъ, а не по тягламъ, тоже относилось къ распредѣленію повинностей, а не къ передѣлу земель. Тягловая разверстка была навязана

¹⁾ Жребій (sors) въ памятникахъ всегда означалъ подворный участокъ. Г. П. Милуковъ тоже ошибается, смѣшивая „дѣль“ сябровъ и вообще со-владѣльцевъ съ передѣлами.

вотчинными управленіями крестьянамъ въ XVIII столѣтіи, но крестьяне тяготились ею, предпочитая ревизскую, какъ легальную и болѣе прочную. Наше предположеніе въ этомъ случаѣ основывается на томъ, что всюду въ дворцовыхъ селеніяхъ въ XVIII в. господствовало подворное, а не общинное землепользованіе, что подтверждается и изслѣдованіемъ самого г. В. В. Въ Пермской губ. еще въ 1830 г., при трехпольѣ, участки многихъ хозяевъ отдѣлялись даже отъ сосѣднихъ оградами (стр. 63). Передѣлъ земли, какъ и вездѣ, былъ произведенъ администраціею. Еще произвольнѣе поступили съ крестьянами Уфимской и Оренбургской губ. въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія. Въ 1788 г. крестьяне Мензелинскаго у. разныхъ деревень горійской волости арендовали землю у башкиръ на 40 лѣтъ съ единовременной уплатой 40 р. и 10 к. ежегодно со двора и съ правомъ возобновить договоръ. Въ двадцатыхъ годахъ башкиры возбудили споръ о землѣ, но Правительствующій Сенатъ присудилъ землю крестьянамъ. Департаментъ удѣловъ, ссылаясь на рѣшеніе Сената, въ которомъ крестьяне названы „припущенниками“ на башкирской землѣ, призналъ эту землю принадлежащей удѣлу (!), наложилъ на нее поземельный сборъ и раздѣлилъ ее между крестьянами по числу домохозяевъ. Такимъ образомъ оказалось, что крестьяне разработали землю и выиграли свой процессъ съ башкирами не для себя, а для удѣльнаго вѣдомства!

Однако само удѣльное вѣдомство находило подобное рѣшеніе дѣла немного смѣлымъ, и потому отказало управляющему оренбургской конторы въ ходатайствѣ присвоить въ пользу удѣловъ земли крестьянъ, водворившихся на башкирской территоріи. Но управляющій настаивалъ на своемъ ходатайствѣ и приводилъ такой резонъ, что хотя сроки арендныхъ договоровъ съ башкирами не вездѣ истекли, но договоры, какъ не облеченные въ „законную“ форму, не имѣли юридическаго значенія“ ¹⁾. Послѣ долгихъ колебаній департаментъ

¹⁾ Очень милый резонъ: на какомъ же основаніи вѣдомство удѣловъ полагало возможнымъ присвоить себѣ землю по договорамъ крестьянъ съ башкирами, не имѣющимъ „юридическаго“ значенія?

дозволилъ управляющему присвоить въ пользу вѣдомства удѣловъ земли башкиръ и произвести передѣлъ. Еще рельефнѣе казусъ съ деревней Потаскуевой, арендованной въ 1757 г. нѣсколькими крестьянами у бригадира Бахметьева на 100 лѣтъ за 150 рублей (единовременно) ¹⁾. Въ 1842 г. Правительствующій Сенатъ предписалъ размежевать землю за селеніемъ съ выдачею плана удѣльному вѣдомству, которое и присвоило ее себѣ. Когда срокъ аренды истекъ и возбужденъ былъ споръ о томъ, кому принадлежитъ земля: наследникамъ Бахметьева или удѣлу?—то департаментъ удѣловъ предписалъ оставить эту землю, какъ она значится по плану генеральнаго межеванія, т.-е. за удѣломъ. Вслѣдъ за этимъ крестьяне деревни Потаскуевой были обложены поземельнымъ сборомъ въ пользу удѣловъ (передѣлъ земли былъ произведенъ немного раньше, именно въ 1833 году). Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ оказалось, что крестьяне приобрѣли землю не для себя, а для вѣдомства удѣловъ.—Все это характерно, а для юриста представляетъ особый интересъ. Къ русскому крестьянину вполнѣ примѣнялось правило римскаго права, въ силу котораго рабъ могъ приобрести имущество только для своего господина, а не лично для себя.

Нѣсколько труднѣе было провести уравненіе между крестьянами разныхъ селеній (въ сложныхъ общинахъ). Вначалѣ администрація считала это дѣло простымъ и рассчитывала быстро привести его къ окончанію, но она здѣсь встрѣтилась съ сопротивленіемъ объединенныхъ общимъ интересомъ цѣлыхъ обществъ, сломить которое, конечно, оказалось труднѣе. Управляющимъ приходилось доносить объ отказахъ крестьянъ въ послушаніи приказамъ конторы „съ дерзостью и буйствомъ“. Однако крестьяне приводили довольно основательные резоны противъ „уравненія“ земли (въ приговорахъ), напиримѣръ, ссылаясь на то, что въ краткій промежутокъ времени послѣ ревизіи они не успѣли удобрить свои земли настоящимъ порядкомъ, что „черезъ таковыя частыя передѣлы съ переворачиваніемъ камней съ прежнихъ мѣстъ на новыя“, съ

¹⁾ Земля была арендована безъ мѣры; въ ней оказалось 4000 десятинъ. Вѣроятно, дѣло это попало въ Сенатъ какъ межевое.

проведеніемъ новыхъ межъ по обрабатываемымъ полосамъ, крестьяне испытываютъ значительный недоборъ хлѣба сравнительно съ тѣмъ, что они получали до передѣла. Департаментъ удѣловъ призналъ всѣ эти доводы крестьянъ „напрасными и затѣйными спорами“, настаивая на исполненіи своего приказа о передѣлѣ. Жалобы подавались и на самый способъ передѣла, напримѣръ, на то, что землемѣръ „перебилъ селенія, пользовавшіяся покосами по рѣчкамъ, и отвелъ покосы въ другихъ мѣстахъ за 10 или 15 верстъ“ и т. п. Жаловались крестьяне и на взятки чиновниковъ удѣла, но подобныя жалобы кончались для нихъ худо: ихъ подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ. Что „уравнительные“ передѣлы иногда не имѣли никакого смысла, подтверждается докладомъ (въ 1817 г.) управляющаго тамбовской удѣльной конторы о томъ, что многія селенія, при уравниеніи, получили бы дополнительные участки за нѣсколько десятковъ верстъ отъ своихъ усадебъ. Вообще тамъ, гдѣ управляющіе не особенно ретиво настаивали на уравниеніи, крестьяне прямо постановляли приговоры въ томъ смыслѣ, что они желаютъ оставаться при своихъ старыхъ участкахъ (напр., въ Тамбовской губ.). Особенныя затрудненія уравниеніе встрѣтило въ Малороссійскомъ краѣ (Черниговской и Полтавской губ.), вслѣдствіе того въ особенности, что, при уравниеніи, семьи, состоявшія исключительно изъ женскаго пола, теряли свои земли. Приговоры обыкновенно заканчивались постановленіемъ „представить начальству на благоуважительное разсмотрѣніе объ изъятіи отъ принужденія чинить разверстку... желаемъ остаться при древнемъ нашемъ владѣніи... и на дальнѣйшее время утруждать начальство о разверсткѣ не станемъ“ (стр. 124).—Въ Пензенской губерніи межселенное уравниеніе происходило очень бурно. На разъясненія управляющаго, что распоряженія департамента „относятся къ общему благосостоянію и что каждый крестьянинъ, неся одинаковыя повинности, и въ земельныхъ участкахъ долженъ имѣть одинаковую уравнительность“, крестьяне отвѣчали, что земля ихъ собственность (!), „на которую другіе не имѣютъ никакого права“ (!!). Энергическія мѣропріятія правительства и тутъ повели не только къ ссорамъ и жалобамъ, но и

къ смертоубійствамъ. Такъ 12 іюля 1815 г. между крестьянами с. Ефаева, Шаверова, Тенашева и Шениной произошло побоище: 700 человекъ, вооруженныхъ дубинами и рогатинами, избили ефаевскихъ крестьянъ, убили приказнаго старосту, голову избили до полусмерти, перебили 30 человекъ, нанеся имъ тяжелые побои, грозившіе опасностью жизни, переломали косъ и отбили зипуновъ, балахоновъ и т. п. на 800 руб. Убійцы по слѣдствію, конечно, не были открыты, но 37 человекъ присуждены были наказанію плетью (60—100 ударовъ) и 14 человекъ изъ нихъ „для очищенія совѣсти“ подвергнуты церковному покаянію. Особенно трудно было совладать съ крестьянами сель Покровскаго, Пичуръ и Самаевской, хотя 45 человекъ покровскихъ крестьянъ было заключено въ смирительный домъ. Командированный департаментомъ чиновникъ Афросимовъ доносилъ министру, что „упорство“ крестьянъ столь сильно, что „никакія убѣжденія“ на нихъ не дѣйствовали. Крестьяне подали жалобу Великому Князю Константину Павловичу, за что были приговорены къ тѣлесному наказанію, которое, однако, не было допущено министромъ удѣловъ. Окончательный результатъ передѣла неизвѣстенъ.

Громадныя затрудненія встрѣтило управление удѣлами при уравнианіяхъ въ коломенской волости Московской губерніи. До 80-хъ годовъ XVIII вѣка 15 селеній коломенской волости, обмежеванныхъ одной окружной межей, „въ разсужденіе владѣнія землей жили спокойно и миролюбно“. Въ 1795 г. при народной переписи ни одно изъ селеній волости не требовало новаго уравнианія пахотныхъ земель; разверстывали ежегодно по душамъ (5-й ревизіи) лишь отхожіе луга. Возбудили вопросъ о передѣлѣ всей земли волости два селенія (Новинки и Бѣляево), но прочія селенія коломенской волости заявили, что они желаютъ остаться до слѣдующей ревизіи на старомъ положеніи. Департаментъ удѣловъ командировалъ чиновника Лодыгина, но тотъ не могъ привести крестьянъ къ соглашенію; въ удовлетвореніе крестьянъ двухъ упомянутыхъ селеній рѣшено было отвести 68 дес. отъ сель Коломенскаго, Братѣва и дер. Ногаткиной. Постановленіе было приведено въ исполненіе, но крестьяне с. Коломенскаго

и дер. Ногаткиной отказались от рукоприкладства подъ актомъ, почему для „вразумленія“ были высланы въ Москву, гдѣ „за всѣми внушеніями“ крестьяне, однако, акта не подписали. Затѣмъ въ 1811 г. командированный департаментъ ревизоръ Лодыгинъ составилъ проектъ уравниенія земель всей волости и всего приказа, но проектъ Лодыгина былъ оставленъ безъ движенія, а крестьянамъ было предоставлено самимъ произвести уравниеніе земель. Между тѣмъ сами крестьяне не могли притти къ соглашенію и неоднократно обращались въ удѣльную контору съ просьбами и жалобами, но постоянно получали отказы, почему 9 селеній волости обратились уже къ Министру удѣловъ съ просьбою „не допустить быть разверсткѣ въ рукахъ міра, умножившаго между собою великія неразборчивости“ (sic!). Наступало время посадки овощей,¹⁾ и крестьяне, „оставя прекословія“, обратились въ контору съ просьбой командировать землемѣра. Такъ какъ разногласія продолжались, то департаментъ согласился, наконецъ, отступить отъ „правилъ невмѣшательства“; были командированы чиновники, которые и произвели передѣлъ между всѣми селеніями волости. Однако раздѣломъ остались недовольны крестьяне д. Ногаткиной и, несмотря на угрозы высылкой въ отдаленныя губерніи, начали подавать жалобы по своему вѣдомству и Министру юстиціи, и даже на имя Государя. Это заставило Министра удѣловъ принять особыя мѣры при наступившей 7-й ревизіи; уравниеніе было произведено подъ руководствомъ кн. Барятинскаго, и раздѣлъ земли окончательно завершёнъ въ 1819 году. Заканчивая описаніе передѣловъ въ дворцовой вотчинѣ сѣверныхъ губерній, г. В. В. дѣлаетъ общее заключеніе, состоящее въ томъ, что идея уравнительнаго пользованія среди удѣльныхъ крестьянъ сѣверныхъ губерній была достигнута благодаря настойчивому требованію уравниенія со стороны малоземельнаго большинства домохозяевъ. Уже не говоря о томъ, что „о большинствѣ малоземельныхъ“ въ деревняхъ сѣвера намъ ничего не извѣстно²⁾, и г. В. В. не привелъ

1) Всѣ селенія занимались огородничествомъ.

2) Хотя мы и могли бы съ извѣстной долей достовѣрности утверждать, что малоземельныхъ не могло быть много въ виду того, что сѣверныя

ни единой цифры въ подтвержденіе своей гипотезы, читатель самъ можетъ судить, насколько факты, изложенные нами, соотвѣтствуютъ выведенному изъ нихъ „заключенію“ автора изслѣдованія. Но если принять въ соображеніе, что г. В. В., выводя свои заключенія, руководствуется исключительно категоріей „возможности“ и не допускаетъ категоріи „долженствованія“, то своеобразная логика его общаго „заключенія“ становится понятной. Во всякомъ случаѣ, г. В. В., ради точности, слѣдовало бы выразиться такъ: онъ думаетъ, что идея уравнительнаго землепользованія среди удѣльныхъ крестьянъ сѣверныхъ губерній можетъ быть допущена, если предположить „возможность“ настойчиваго требованія уравниенія у предполагаемаго малоземельнаго большинства домохозяевъ. Но и съ подобными предположеніями мы не можемъ согласиться, такъ какъ они прямо не вяжутся съ фактами.

Какіе же результаты дала уравнительная аграрная политика правительства, проведенная съ такой настойчивою стремительностью? Къ сожалѣнію, намъ очень мало извѣстно объ экономическомъ положеніи государственныхъ (и удѣльныхъ) крестьянъ данной эпохи, и мы можемъ лишь косвенно о немъ судить.

Такъ, напримѣръ, вологодскій губернаторъ отъ 29 ноября 1837 г. писалъ временному совѣту для управленія департаментомъ Государственныхъ Имуществъ: „При всемъ ужасномъ количествѣ казенной земли (2.392.995 дес.) и весьма маломъ населеніи, у нѣкоторыхъ крестьянъ только по 4 и по 3 дес. на ревизскую душу. Такое стѣсненіе въ земляхъ—главнѣйшая причина весьма скуднаго хлѣбопашества казенныхъ крестьянъ до той мѣры, что во многихъ волостяхъ крестьяне не болѣе сѣютъ на душу озимаго хлѣба, какъ пуда 2, и потомъ правительство нерѣдко обременяется продовольствіемъ ихъ“¹⁾.

деревни были сплошь окружены тайгой и пустыми пространствами, свободными для занятія, и, какъ мы видѣли, у мнимо-малоземельныхъ оказалась масса запущенной пашни. Да и сейчасъ нашъ сѣверъ европейской Россіи не только не страдаетъ малоземеліемъ, но представляетъ массу пусто-порожней земли, для заселенія которой проектируется цѣлая система колонизаціи.

1) Историческое обозрѣніе 50-лѣтней дѣятельности Министерства Государственныхъ Имуществъ. II, отд. II, стр. 7.

Несмотря на уравнение, неравенство между крестьянами въ земельномъ довольствѣ царило всюду. Были общества, въ которыхъ приходилось $\frac{1}{2}$ десятины, а въ другихъ до 20 десятинъ и даже болѣе. Въ Псковской губерніи часто земли были распределены такъ, что у одного селенія отрѣзывались ближайшія къ нему уголья, ему необходимыя, и отдавались другому, отдаленному селенію. Многіе крестьяне принуждены были селиться на помѣщичьихъ земляхъ или массаами уходили въ другія губерніи отыскивать свободныя земли. До 600 тысячъ душъ не пользовались надѣлами, 182.000 чело-вѣкъ числились безземельными, 143.000 не имѣвшими осѣд-лости¹⁾.

Недоимки въ крестьянскихъ платежахъ достигли громад-ныхъ размѣровъ; къ 1 янв. 1816 г. ихъ накопилось болѣе 60 милліоновъ рублей. Общая сумма недоимокъ государствен-ныхъ податей къ 1823 г. опредѣлилась въ 74.105.375 руб. асс.,—112.368 руб. сер. и 1831 руб. зол.—Вообще офиціаль-ные источники свидѣтельствуютъ о весьма бѣдственномъ со-стояніи казенныхъ крестьянъ данной эпохи, и для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ такое бѣдственное положеніе кре-стьяне были приведены уравнительнымъ процессомъ, разру-шившимъ прочныя хозяйственныя единицы подворныхъ вла-дѣльцевъ. вмѣсто того, чтобы надѣлять безземельныхъ и ма-лоземельныхъ, уравненіе обрѣзало зажиточныхъ и превра-щало ихъ въ малоземельныхъ и нищихъ. Очевидно, необхо-димо было установить иную систему вотчинно-крѣпостного управленія казенными крестьянами, что и было выполнено реформами гр. Киселева съ учрежденіемъ Министерства Го-сударственныхъ Имуществъ. Въ сущности эта система была заимствована у помѣщичьихъ крестьянъ и заключалась въ томъ, что крестьянъ перестали обрѣзать, новыя же тягла, крестьяне безземельные и малоземельные, надѣлялись изъ свободнаго фонда казенныхъ земель, а тамъ, гдѣ этого фонда не было, крестьянъ переселяли на свободныя пустопорожнія земли, принадлежавшія казнѣ. При подобныхъ условіяхъ передѣлы теряли свое фатальное значеніе для сельскаго на-

¹⁾ Ibid., стр. 6.

селенія, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ заимочное землепользованіе замѣнилось трехпольнымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ было организовано и управленіе казенными крестьянами. Государство-казна взяло ихъ подъ свою опеку. Учреждено было особое вѣдомство Министерства Государственныхъ Имуществъ, мѣстное управленіе поручено особымъ палатамъ, а для непосредственнаго управленія крестьянами, попеченія о нихъ, наблюденія и проч. за „сельскимъ начальствомъ“, были назначены окружные начальники, подчиненные палатамъ Государственныхъ Имуществъ. Разумѣется, главная обязанность окружныхъ относилась къ податному дѣлу; окружной начальникъ „печется и отвѣтствуетъ“, чтобы всѣ денежные сборы, слѣдующіе съ сельскихъ обществъ, внесены были „своевременно и безнедоимочно“. Вообще права окружныхъ были очень обширны, сельскіе сходы и волостныя правленія были поставлены въ полную отъ нихъ зависимость.

Извѣстно, что окружные начальники пользовались весьма плохую репутаціею, Это были наглые взяточники-грабители крестьянъ; въ порядочномъ обществѣ николаевскихъ временъ ихъ не принимали, почему случайно попавшіе въ такое общество окружные скрывали свое званіе. Но все-таки окружные были отвѣтственными чиновниками, а не безотвѣтственной толпой, именуемой міромъ или сельскимъ сходомъ нашего времени. Они были подчинены правиламъ и инструкціямъ, главное же управленіе сосредоточивалось въ Министерствѣ, представлявшемъ собою высшій органъ власти. Государство было въ Россіи всегда добрымъ вотчинникомъ: оно давало крестьянамъ много, а требовало съ нихъ очень мало. Неудивительно, если положеніе казенныхъ крестьянъ послѣ реформъ гр. Киселева значительно улучшилось, а недоимки значительно уменьшились. Въ 1843—1850 годы недоборъ не превышалъ 2.15% всего оклада ¹⁾. Конечно, хозяйство крестьянъ велось шаблонно, объ интенсификаціи земледѣлія нечего было и думать. Казна заводила травосѣяніе на поляхъ крестьянъ и другія „новшества“, но толку отъ этихъ

¹⁾ Бржескій, недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ, стр. 161.

мѣропріятій было мало. Вообще же положеніе казенныхъ крестьянъ было удовлетворительно; при существовавшемъ вотчинно-крѣпостномъ режимѣ, натуральномъ хозяйствѣ и проч., большаго достигнуть было нельзя. Въ такомъ видѣ и застала казенныхъ крестьянъ великая освободительная реформа.

Многіе изслѣдователи и публицисты придаютъ весьма важное значеніе кадастровымъ работамъ при гр. Киселевѣ. Но это одно недоразумѣніе. Мы позволимъ себѣ высказать мнѣніе, что всѣ эти работы были излишни и не принесли никакой существенной пользы. Министерство гр. Киселева воображало, что оброчная подать—поземельный или промысловый налогъ. На самомъ же дѣлѣ она оставалась „душевымъ“ (ревизскимъ) налогомъ и другимъ не могла быть, ибо при общинномъ землепользованіи не можетъ быть иного налога. Поэтому, несмотря на тщательныя работы при оцѣнкѣ земель, промысловъ и пр., отношенія подати къ чистому доходу получались весьма различныя по губерніямъ, такъ какъ обуславливались раскладкою по доходамъ суммъ, которыя были впередъ опредѣлены по душевому счету. Самъ гр. Киселевъ высказалъ, что принятою мѣрою Министерствомъ переложеніе существующихъ податей съ душъ на земли и промыслы достигается уравниеніе селеній одной и той же губерніи, но нельзя не предвидѣть въ будущемъ затрудненій при общемъ уравниеніи всѣхъ губерній, какъ отъ разности положенія ихъ, такъ и отъ измѣняемости промысловъ и невозможности подвести ихъ подъ одинаковую оцѣнку во всѣхъ мѣстностяхъ. Гр. Киселевъ упустилъ изъ виду главное: правительство перелагало подати съ душъ на землю, а община производила какъ разъ обратное переложеніе, и иначе быть не можетъ при общинномъ землепользованіи. Такимъ образомъ гр. Киселевъ въ сущности занимался сизифовой работой. Мнимая оброчная земельная или промысловая подать благополучно оставалась для крестьянина „подушной податью“, какъ выкупные и др. платежи крестьянина нынѣ остаются таковою же, несмотря на ея отмѣну. Правительство позабываетъ, что оно имѣетъ дѣло съ обществами, а не домохозяйствами. Оно можетъ измѣнить оклады селеній, одни селенія облегчить, другія отягчить, но домохозяевамъ отъ

этого не станетъ легче. Въ селеніи съ малымъ окладомъ крестьянину-домохозяину придется, можетъ быть, платить значительно больше, чѣмъ домохозяину въ селеніи съ большимъ окладомъ, и происходитъ это оттого, что въ нашихъ великорусскихъ общинахъ распредѣляютъ не подати, а прежде всего землю и достатки домохозяина. Податными единицами считаются общества, а дѣйствительными плательщиками являются домохозяева. Душевые оклады въ селеніяхъ могутъ быть равны, но подворные никогда не равны, не равны и подесятинные, хотя селенія могутъ находиться въ одинаковыхъ условіяхъ относительно угодій. Но въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ состоятельныхъ плательщиковъ больше, оклады ихъ будутъ меньше, а въ тѣхъ, гдѣ такихъ плательщиковъ меньше, оклады могутъ оказаться значительно выше. И подобное явное противорѣчіе зависитъ исключительно отъ уравнительнаго общиннаго землепользованія. То обстоятельство, что правительство и наше интеллигентное общество не желаютъ понять этой простой истины, и составляетъ главную причину упадка крестьянскаго хозяйства въ пореформенное время. Корень или причина недоразумѣнія заключается въ ложномъ возрѣніи, что земля, сама по себѣ, цѣнность или орудіе производства для крестьянина, тогда какъ въ дѣйствительности цѣнностью является энергія крестьянина, хозяина и землевладѣльца-собственника; потому-то и нельзя распредѣлять эту энергію по душамъ, ртамъ и т. д. по волѣ кого бы то ни было, ибо эта энергія принадлежитъ тому, кто ею обладаетъ, и, слѣдовательно, только самъ владѣлецъ можетъ распредѣлять ее и распоряжаться ею по своему усмотрѣнію.

Г Л А В А II.

Въ 1900 г. вышла книга г. Качоровскаго „Русская Община“, о которой мы дали отчетъ въ одномъ изъ нашихъ трудовъ. Не придавая труду г. Качоровскаго серьезнаго научнаго значенія, мы, однако, указали на то обстоятельство, что въ книгѣ г. Качоровскаго проводится со всей послѣдовательностью теорія о русской общинѣ, какъ „эмбрионъ“ будущаго соціальнаго порядка, сложившаяся подъ вліяніемъ извѣстныхъ дѣятелей шестидесятихъ годовъ, не принимавшихъ никакого участія ни въ освобожденіи крестьянъ, ни въ другихъ реформахъ великой освободительной эпохи, но стоявшихъ во главѣ тогдашней печати и воспитавшихъ то поколѣніе нашей интеллигенціи, на долю котораго легла обязанность осуществить всѣ великія реформы царствованія Государя Александра II.

Книга г. Качоровскаго была принята нашей печатью весьма благосклонно, чего и слѣдовало ожидать. Затѣмъ она удостоилась блестящей аттестаціи и съ той стороны, отъ которой можно было ожидать иного отношенія къ труду Качоровскаго. Нашъ старѣйшій храмъ науки, Императорскій Московскій Университетъ, присудивъ г. Качоровскому премію Ю. Ѳ. Самарина, призналъ его сочиненіе выдающимся научнымъ трудомъ, повторивъ въ своемъ отзывѣ почти съ буквальной точностью рецензію г. Н. Каблукова, напечатанную въ свое время въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“.

Подобный отзывъ компетентнаго ученаго учрежденія заставилъ насъ вновь прочесть книгу г. Качоровскаго и подвергнуть ее нынѣ болѣе обстоятельному разбору.

Г. Качоровскій—убѣжденный коллективистъ. Въ началѣ своего труда онъ прямо высказываетъ, что „во всѣхъ областяхъ производства, кромѣ земледѣлія, будущая эволюція настолько опредѣлилась, что самое направленіе ея—въ сторону обобществленія—уже внѣ спора едва-ли не для большинства образованныхъ людей“. Поэтому, съ его точки зрѣнія, вопосъ о русской общинѣ пріобрѣтаетъ значеніе для всего цивилизованнаго человѣчества, тѣмъ болѣе, что и „въ Западной Европѣ“ взоры ученыхъ и политическихъ дѣятелей „направляются уже прямо на русскую общину“

Согласно-ли изложенное мнѣніе г. Качоровскаго съ господствующей нынѣ доктриною экономики? Соціализмъ уже давно занялъ мѣсто на каедрѣ соціальныхъ наукъ. Этому можно только радоваться. Наука ищетъ только истины; она допускаетъ всякую точку зрѣнія, лишь бы эта точка зрѣнія не выходила изъ рамокъ серьезнаго изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе, мнѣніе г. Качоровскаго не находитъ себѣ ни малѣйшаго подтвержденія даже въ трудахъ тѣхъ ученыхъ, которыхъ принято называть соціалистами каедры; достаточно указать на берлинскаго профессора А. Вагнера, который рѣшительно отвергаетъ возможность „обобществленія капитала“ и въ отдаленномъ будущемъ, относительно же крестьянства прямо высказываетъ, что нѣтъ надобности мечтать о „націонализаци“ земли тамъ, гдѣ господствуетъ многочисленное и прочное крестьянство ¹⁾. Такимъ образомъ уже съ первыхъ же словъ г. Качоровскаго ясно, что онъ плохо знакомъ съ той областью знанія, которая носитъ названіе соціальной экономики или политической экономіи. Но предметъ его изслѣдованія касается еще другой области знанія, для земельныхъ отношеній человѣка несравненно важнѣйшей,—юриспруденціи, или науки о правѣ. Каковы познанія г. Качоровскаго въ этой области, мы увидимъ ниже.

Матеріаломъ для книги г. Качоровскаго послужили почти исключительно изслѣдованія оффиціальной и земской статистики. Исторіи русской общины (дореформенной) онъ не касается вовсе, хотя включилъ въ свой трудъ, безъ всякой

¹⁾ A. Wagner. 1. c. S. 343 und folg.

провѣрки, все то, что говорится въ статистическихъ изслѣдованіяхъ о дореформенныхъ порядкахъ нашего крестьянства. По мнѣнію г. Качоровскаго, изслѣдованія историковъ-юристовъ о происхожденіи русской общины, основанныя на „архивныхъ документахъ“ имѣютъ лишь „значеніе косвеннаго апріорнаго разсужденія“, а потому даже „незаконно“ замѣнять такимъ разсужденіемъ прямое точное изслѣдованіе вопроса (стр. 27). Неужели подобный взглядъ г. Качоровскаго нашъ старѣйшій храмъ наукъ могъ признать правильнымъ и научнымъ?..

Положивъ въ основаніе своего труда статистическія изслѣдованія, г. Качоровскій не подвергалъ критикѣ этихъ источниковъ своей книги. Для г. Качоровскаго все, что стоитъ въ статистическихъ земскихъ сборникахъ, даже голословныя утвержденія статистиковъ, равносильно безспорнымъ фактамъ. Съ другой стороны, и ученая коллегія нашего храма наукъ, давая свой отзывъ о книгѣ г. Качоровскаго, тоже не провѣряла его показаній и ссылокъ на матеріалы: она вѣрила ему на слово. Подобный пріемъ оцѣнки ученыхъ трудовъ учеными коллегіями, кажется, у насъ встрѣчается впервые.

„Во всѣхъ европейскихъ странахъ, кромѣ Россіи“, говоритъ г. Качоровскій (стр. 71), почти вся земельная территория находится во владѣніи индивидуальномъ (у физическихъ или юридическихъ лицъ,—это безразлично), и лишь сравнительно ничтожныя клочки земли остались во владѣніи коллективномъ—у государства, городовъ, деревень. Въ Россіи же, наоборотъ, коллективная земельная собственность составляетъ общее правило, а личная—исключеніе“. Затѣмъ къ „коллективному“ владѣнію, г. Качоровскій относитъ въ *Россіи* „государственное землевладѣніе“ и общинное землепользованіе нашихъ крестьянъ, а общее владѣніе, т. е. общую собственность, признаетъ межеумкомъ между коллективнымъ (общиннымъ) и индивидуальнымъ.

Я имѣю глубочайшее уваженіе къ нашему старѣйшему храму наукъ, въ которомъ и самъ когда-то получилъ свое научное образованіе, но я рѣшительно отрицаю научность изложеннаго выше безсвязнаго и совершенно невѣрнаго опредѣленія г. Качоровскимъ того, что слѣдуетъ разумѣть подѣ

„коллективнымъ“ и „индивидуальнымъ“ владѣніемъ. Въ Западной Европѣ, по словамъ г. Качоровскаго, „коллективнаго владѣнія“ почти не существуетъ, слѣдовательно, территориальнаго права государства онъ не признаетъ „коллективнымъ“ владѣніемъ, не признаетъ и владѣніе землею юридическихъ лицъ коллективнымъ, и вдругъ въ Россіи, оказывается, существуетъ какое-то „государственное землевладѣніе“, которое авторъ книги именуетъ „высшей формой коллективной собственности!“ Ничего подобнаго г. Качоровскій не могъ прочесть ни въ учебникахъ по гражданскому праву, ни въ учебникахъ по государственному праву. Не могу допустить, чтобы и юридическій факультетъ Императорскаго Московскаго Университета могъ признать изложенную безсвязную болтовню за научную истину, за строго-научное изложеніе понятій о „коллективной“ собственности или „коллективномъ“ владѣніи.

Пандектное право называетъ коллективной собственностью (или владѣніемъ) собственность (или владѣніе) юридическихъ лицъ (учрежденій, корпорацій), или общую собственность многихъ лицъ одной вещью. Территориальнымъ правомъ называется верховная (политическая) власть государства надъ территоріей державнаго союза. На страницѣ 74 своего труда г. Качоровскій „подъ чисто личнымъ владѣніемъ“ подразумѣваетъ „такое, въ которомъ весь комплексъ правъ владѣнія, распоряженія и пользованія принадлежитъ безъ всякихъ ограниченій отдѣльному индивидууму; а подъ чисто коллективнымъ—такое, при которомъ всѣ эти права принадлежатъ той или иной группѣ индивидуумовъ, какъ цѣлому“. Подобное опредѣленіе „коллективнаго“ владѣнія неясно и ненаучно и во всякомъ случаѣ не находится въ связи съ тѣмъ, что мы выписали изъ его книги выше. Очевидно, г. Качоровскій никакого юридическаго образованія не получилъ и имѣетъ весьма смутное представленіе о правѣ. Но если это такъ, то едва ли изслѣдованіе г. Качоровскаго объ общинномъ землепользованіи имѣетъ то научное значеніе, которое ему придалъ нашъ старѣйшій храмъ наукъ. Тутъ, очевидно, мы должны допустить какое-то недоразумѣніе.

„Общее владѣніе“, пишетъ г. Качоровскій, „коллективное во внѣшнемъ смыслѣ слова“, вся общность владѣнія тутъ

только и заключается въ нераздѣльности объекта, „цѣлью владѣнія является осуществленіе суммы правъ отдѣльныхъ владѣльцевъ, а не правъ и интересовъ цѣлаго“. Права совладѣльцевъ при общемъ владѣніи, скажемъ мы, относятся къ цѣлому, слѣдовательно, каждый заинтересованъ въ цѣломъ; это цѣлое представляется общимъ согласіемъ совладѣльцевъ и права и интересы цѣлаго являются цѣлью владѣнія, что и выражается посредствомъ представительства чрезъ уполномоченнаго отъ совладѣльцевъ.

Г. Качоровскій придаетъ „огромное значеніе“ указанному имъ различію между общимъ и коллективнымъ владѣніемъ. При коллективномъ владѣніи, по его опредѣленію, „за каждымъ членомъ группы а priori предполагается равное право на объектъ владѣнія“, и осуществленіе этого права выражается у большинства въ ущербъ правамъ меньшинства, а при общемъ владѣніи права совладѣльцевъ обыкновенно не равны, „а потому никакое нарушеніе правъ однихъ въ пользу другихъ не возможно“ (стр. 75). Такимъ образомъ сущность коллективнаго владѣнія заключается въ томъ, что при немъ всегда нарушаются права меньшинства, а при общемъ владѣніи господствуетъ полная правомѣрность.

Это откровенное признаніе, со стороны г. Качоровскаго, неправомѣрности мнимаго института коллективнаго владѣнія не придаетъ еще опредѣленію автора научнаго значенія. То, что неправомѣрно, вообще не принадлежитъ къ области права; подобныя отношенія людей, конечно, въ жизни бываютъ; юристы ихъ относятъ по ту сторону права.

Въ дѣйствительности же г. Качоровскій просто не сумѣлъ дать опредѣленіе владѣнію юридическихъ лицъ (государства, корпорацій и пр.). Юридическое лицо владѣетъ имуществомъ на вещномъ правѣ и тѣмъ, конечно, устраняетъ возможность владѣнія на томъ же основаніи членомъ союза ¹⁾, составляющаго юридическое лицо, почему права членомъ союза обязательственныя, а не вещныя; члены союза составляютъ лишь субстратъ юридическаго лица. Главное отличіе юридическаго лица отъ общества совладѣльцевъ заключается въ органи-

¹⁾ Ибо „plures in solidum possidere non possunt“.

заціи; юридическое лицо обязательно должно имѣть таковую, общество же въ ней не нуждается и представляется обыкновенно повѣреннымъ, уполномоченнымъ приговоромъ или договоромъ довѣренности.

Общинное землепользованіе нашихъ крестьянъ, по мнѣнію г. Качоровскаго, занимаетъ, „по своему законодательному опредѣленію“ и обычно-правовой формулировкѣ, средину между „коллективнымъ — общественнымъ“ и общимъ владѣніемъ.

Законодательнаго опредѣленія общиннаго землепользованія не существуетъ; Положенія 19 февраля 1861 г. лишь опредѣляютъ, что земля, при общинномъ землепользованіи, передѣляется по „душамъ“, „тягламъ“ и проч., но что слѣдуетъ разумѣть подъ этими „душами, „тяглами“ и проч., законодатель не говоритъ. Составители Положеній вовсе и не думали дать научное опредѣленіе института общиннаго землепользованія. Въ описаніи же института г. Качоровскій допустилъ цѣлый рядъ неточностей. Такъ усадебная земля принадлежитъ по закону (ст. 26 Пол. о вык.) отдѣльнымъ крестьянамъ-домохозяевамъ на правѣ собственности и давно ими выкуплена; никакого „контроля“ общины, какъ владѣльца, законъ тутъ не допускаетъ.

Законъ 1893 г. не относится къ усадьбамъ. Обществу не принадлежитъ право распоряженія крестьянской землей уже потому только, что общество, не имѣетъ того органа, который могъ бы распоряжаться надѣльной землей: міръ — не органъ, а само общество. Такимъ образомъ надѣльной землей распоряжаются совладѣльцы посредствомъ приговоровъ, которые приводятся въ исполненіе или самими совладѣльцами, или особыми уполномоченными. То же самое мы должны сказать и объ общемъ владѣніи нашихъ крестьянъ.

Г. Качоровскій придаетъ принципиальное значеніе большинству и единогласію въ вопросѣ землепользованія, но форма составленія приговоровъ не можетъ измѣнить сущности института: это лишь разрѣшеніе вопроса о „modus vivendi“. Затѣмъ г. Качоровскій признаетъ общее владѣніе „долевымъ неравномѣрнымъ“, а общинное „пропорціонально-уравнительнымъ“; въ сущности это пустяя слова, какъ читатель легко усмотритъ

изъ нижеслѣдующаго. Если нѣсколько лицъ купили землю, при чемъ одинъ далъ 5, другой $2\frac{1}{2}$ и третій $1\frac{1}{2}$ и т. д. тысячъ руб., то доля cadaго въ имѣнии пропорціональна внесенной суммѣ денегъ; такъ совладѣльцы и будутъ пользоваться имѣниемъ. Съ другой стороны, если общество, при общинномъ землепользованіи, постановитъ распредѣлять землю по ревизскимъ душамъ, тягламъ, ртамъ и проч., то каждый домохозяинъ получитъ участокъ — долю, равную ревизскимъ душамъ, тягламъ, ртамъ и проч., которыми онъ владѣетъ или которые входятъ въ составъ его двора. То и другое землепользованіе доленое и уравнительное. На страницѣ 254 своей книги г. Качоровскій повторяетъ свое опредѣленіе и утверждаетъ, что при общинномъ землепользованіи каждый членъ общины въ каждый данный моментъ имѣетъ равное право на общинную землю, и въ результатѣ земля постоянно между членами перераспредѣляется. Выраженіе „въ каждый данный моментъ“, конечно, невѣрно и несогласно съ дѣйствительностью, но и при общемъ владѣніи земля перераспредѣляется (и притомъ дѣйствительно *въ каждый данный моментъ*), какъ скоро измѣняются основанія владѣнія членовъ общества. Такимъ образомъ г. Качоровскій не сумѣлъ дать яснаго и точнаго опредѣленія института общиннаго землепользованія. Объясняется это тѣмъ, что г. Качоровскій не пожелалъ познакомиться съ „архивными документами“, т. е. съ исторіей происхожденія общиннаго землепользованія. Юристъ требуетъ чтобы владѣніе было основано на правомѣрномъ титулѣ, а такового въ институтѣ общиннаго землепользованія мы не находимъ. Г. Качоровскій видитъ этотъ титулъ „въ равной степени удовлетворенія нуждъ или (!) соотвѣтствія рабочимъ силамъ каждой семьи“. Но это не юридическій титулъ; такъ надѣляютъ рабовъ, крѣпостныхъ, пожалуй, даже животныхъ земными благами. Г. Качоровскій видитъ въ этомъ „субъективное“ равенство; но каждый субъектъ судитъ о своихъ нуждахъ и о своей силѣ различно, о при общинномъ землепользованіи земля распредѣляется велѣніями большинства: какое же тутъ „субъективное“ равенство (!?). Г. Качоровскій не умѣетъ правильно употреблять выраженія. Если нужда и сила составляютъ титулы владѣнія у людей, то воры и грабители со-

вершено правы, когда воруютъ и грабятъ, потому что завладѣваютъ имуществомъ другихъ, основываясь на титулахъ „нужды и силы“. Г. Качоровскому слѣдовало лучше остановиться на „законныхъ титулахъ“, „душахъ“, „тяглахъ“ „наличныхъ“ и проч. и объяснить ихъ. Конечно, онъ не нашелъ бы этихъ „титуловъ“ въ учебникахъ права, но онъ нашелъ бы ихъ въ исторіи русскаго народа. Всѣ эти „титулы“ составляли элементы вотчинно-крѣпостного порядка, при которомъ государство само непосредственно или чрезъ власть помѣщика налагало на крестьянина тягло и для несенія этого тягла надѣляло его землею. Но несеніе тягла требуетъ отъ крестьянина извѣстныхъ условій; онъ долженъ кормиться, владѣть рабочей силою; всѣ эти элементы и принимались въ соображеніе при распредѣленіи земли. Таково правильное объясненіе странныхъ „титуловъ“, о которыхъ говорятъ Положенія о крестьянахъ. Пусть г. Качоровскій и другіе изслѣдователи опровергнутъ наши слова и докажутъ, что мы ошибаемся! Ниже читатель убѣдится, что наше опредѣленіе общинно-крѣпостного института подтверждается съ буквальной точностью. Слѣдуя за социалистами, г. Качоровскій распространяется „о правѣ крестьянина на трудъ“. Такого права юриспруденція не признаетъ и его нѣтъ. Это мнимое право въ сущности есть ничто иное какъ свобода — та священная свобода, которая присуща человѣку, какъ нравственно-разумному существу, и которая соединена съ понятіемъ о достоинствѣ человѣческомъ. Но сама по себѣ свобода не производитъ цѣнностей, какъ не производитъ ихъ и голый трудъ. Ф. Бёмъ-Баверкъ прекрасно разъяснилъ, что иное дѣло трудиться, и иное дѣло получить плоды отъ своихъ трудовъ; если общество будетъ надѣлять своихъ членовъ имуществомъ только потому, что они махали руками, то общество разорится, слѣдовательно, и съ точки зрѣнія экономики опредѣленіе г. Качоровскаго вовсе не обосновано. Хозяйственный субъектъ долженъ выразить не только свою энергію, но и выразить ее цѣлесообразно, только тогда онъ въ правѣ сказать „мое“ о томъ, что явилось результатомъ его энергіи, и юристъ согласится съ нимъ и признаетъ за нимъ правомѣрный титулъ, который носитъ названіе труда.

Большая часть книги г. Качоровскаго посвящена изслѣдованію заимочнаго землевладѣнія крестьянъ Сибири и другихъ окраинъ Россіи. Заимочное право основано на томъ титулѣ, который признается юристами первоначальнымъ для права собственности. Римскіе юристы примѣняли этотъ титулъ къ движимымъ вещамъ (дичи), къ землѣ же они примѣняли его только при захватѣ непріятельской территоріи посредствомъ войны. Въ средніе вѣка этотъ титулъ имѣлъ широкое примѣненіе при оккупациі земли въ дикой маркѣ, но въ настоящее время на западѣ Европы для примѣненія его нѣтъ мѣста, почему онъ исчезъ изъ законодательствъ культурныхъ народовъ. У насъ оккупациа дикихъ земель составляла обычное явленіе въ теченіе всей исторіи русскаго народа. Вся колонизациа центра и окраинъ Россіи была основана на этомъ титулѣ; въ Сибири этотъ титулъ не потерялъ своего значенія и теперь. Какъ же разъясняетъ заимочное землепользованіе г. Качоровскій? Трудно себѣ представить болѣе смутное и безсвязное изложеніе, чѣмъ то, которое даетъ г. Качоровскій въ своей книгѣ. Прежде всего онъ утверждаетъ, что заимочное землепользованіе практикуется лишь въ періодъ „въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ *бронженія*“ населенія охотниковъ и скотоводовъ, за которыми слѣдуютъ и занимающіеся земледѣліемъ. Осѣданіе населенія происходитъ не хуторами, а деревнями, а размноженіе этихъ поселеній—дѣленіемъ деревень. Но затѣмъ оказывается, что сплошные лѣса „требуютъ“ дѣленія на мелкія деревни, починки и даже хутора, а въ безводной степи образуются крупныя села; такъ въ центрѣ Россіи образовались крупныя селенія въ 200—250 дворовъ. „Въ Россіи“, пишетъ г. Качоровскій, „хутора, заимки никогда не остаются хуторами и заимками, но пріобрѣтаютъ значеніе „починковъ“, т. е. деревень, при чемъ размѣръ деревень, какъ общее правило, великъ даже въ тайгѣ“.

Все это описаніе заимочныхъ поселеній изложено г. Качоровскимъ и невѣрно, и довольно безтолково. Источники, которымъ онъ слѣдовалъ, свидѣтельствуютъ, что поселенія нашихъ крестьянъ-колонистовъ всегда были хуторскими; крупныхъ селеній заимочное землепользованіе не знаетъ. Если бы г. Качоровскій не пренебрегъ „архивными документами“,

то онъ узналъ бы, что и въ древней Руси починокъ означаетъ хуторъ, одинъ дворъ, а не селеніе, да и выраженіе „деревня“ прежде означало лишь пахотный участокъ („деревня пахати“).

Интересно, что самъ же г. Качоровскій потрудился опровергнуть свою фантастическую картину заимочнаго заселенія. Онъ приводитъ графически схему г. Филимонова (статистика), которая изображаетъ слѣдующее: въ серединѣ деревня, окруженная пастбищемъ, вокругъ котораго пустое пространство; затѣмъ идетъ область заимокъ-землянокъ бѣдныхъ хозяевъ, далѣе начинается область наѣздныхъ заимокъ—избъ крестьянъ среднихъ, имѣющихъ тутъ свои земельные участки; еще далѣе—лѣтнія заимки—избы болѣе зажиточныхъ съ почти полнымъ домохозяйствомъ, и, наконецъ, начинается область *постоянныхъ* избъ заимокъ *большихъ* зажиточныхъ крестьянъ со всѣми хозяйственными постройками, являющихся ячейками будущихъ деревень. Такимъ образомъ оказывается, что нашъ крестьянинъ-колонизаторъ всюду садился на землю хуторами—заимками съ подворными владѣніями (Hofsystem), а не придерживался системы сплошныхъ селеній (Dorfsystem). И вотъ этотъ-то важный фактъ обычнаго права русскаго народа г. Качоровскій старается затемнить и по возможности извратить. О какомъ „кочеваніи“ заимщиковъ свидѣтельствуешь г. Качоровскій? Въ Сибири кочуютъ охотники и скотоводы инородцы, которые не осѣдаютъ и не заводятъ хуторовъ-заимокъ, но русскій заимочникъ сидитъ въ своемъ дворѣ крѣпко до тѣхъ поръ, пока его не смѣстятъ съ дѣдовской трудовой земли правительство и община. Въ матеріалахъ г. Качоровскаго о кочеваніи заимочниковъ нѣтъ и помину.

Далѣе г. Качоровскій пишетъ такъ: „между заимками, наиболѣе отдаленными отъ селеній и совершенно отдѣленными другъ отъ друга значительнымъ разстояніемъ, границы не нужны и невозможны, и ихъ нѣтъ“. Это опять со стороны г. Качоровскаго голословное утвержденіе; каждый заимочникъ прекрасно знаетъ границы своихъ владѣній и защищаетъ ихъ энергично; въ случаѣ нарушеній подаетъ даже жалобы въ волостной судъ, который и возстановляетъ нарушенное владѣніе; самъ г. Качоровскій привелъ подстрочно выписку изъ

одного подобнаго рѣшенія волостного суда. Зачѣмъ понадо- билось г. Качоровскому утверждать небылицу? Границы за- имки опредѣляются тѣмъ пространствомъ, которое фактически захвачено заимочникомъ и, разумѣется, опредѣляются раз- лично, смотря по условіямъ мѣстности (урочищами и проч.). Между тѣмъ г. Качоровскій изображаетъ дѣло такъ, будто границы заимокъ впервые появляются только тогда, когда заимки обращаются въ сплошныя селенія—изображеніе опять несогласное съ матеріалами, которыми онъ пользовался.

„Заимкѣ, селенію, группѣ селеній“, пишетъ г. Качоров- скій, „составляющей сельское общество или *волость* (sic!),— отходить вся лежащая окрестъ данной поселенной единицы земля со всѣми къ ней относящимися угодьями“, т. е. г. Ка- чоровскій описываетъ правительственное межеваніе, которое обыкновенно составляетъ первый шагъ къ насильственному разгрому заимокъ крестьянъ-колонизаторовъ. И тѣмъ не менѣе г. Качоровскій настаиваетъ на томъ, что опредѣленіе границы производится не правительственнымъ межеваніемъ, а какимъ-то крестьянскимъ, о которомъ въ источникахъ, которыми онъ пользовался, нѣтъ ни единого слова! ¹⁾

Поэтому г. Качоровскій отрицаетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что первой и самой обыкновенной общиной въ Сибири яв- лялась волость, къ которой правительство и приписывало заимщиковъ. Ее замѣняла, по словамъ г. Качоровскаго, пу- таница границъ, „безпорядочно вспыхивающая и затихающая земельная война между поселенцами, хаотическое состояніе“

¹⁾ Подъ источниками мы разумѣемъ факты, а не бюрократическія мудро- ванія изслѣдователей. Въ „Матеріалахъ по Запад. Сибири“ (вып. VIII, стр. 3—18), а равно въ книгѣ г. Кауфмана „Крестьянская община въ Си- бири“ (стр. 1 и слѣд.) сущность дѣла излагается довольно правильно, что нисколько не мѣшаетъ изслѣдователю, при изложеніи своей „теоріи“, фан- тазировать и прямо отступать отъ фактическаго изложенія предмета, дан- наго раньше. Г. Кауфманъ на страницѣ 2-й своей книги самъ признаетъ, что неограниченный захватъ въ Сибири царилъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не производилось никакихъ межевыхъ работъ, и что границы дачъ, селеній или группы селеній—результатъ дѣятельности правительства, направленной къ регулированію землевладѣнія и къ равномерному заселенію края (стр. 3). Фактическое изложеніе предмета въ I главѣ труда г. Кауфмана подтвер- ждаетъ этотъ выводъ изслѣдователя.

(стр. 105). Разумѣется ничего подобнаго въ матеріалахъ, которыми пользовался г. Качоровскій, нѣтъ, и онъ не приводитъ ни одной фактической ссылки въ подтвержденіе своей странной и оригинальной „теоріи“. Какъ разъясняетъ г. Качоровскій сущность своеобразнаго института заимочнаго права? Захватное владѣніе, говоритъ г. Качоровскій, не есть право, а фактъ; въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ его, впрочемъ, „кулачнымъ правомъ“, сильныхъ своей и наемной силою богатѣевъ, не позволяющихъ никому подступаться къ ихъ заимкамъ ¹⁾. Но затѣмъ оказывается, что крестьяне не столько владѣютъ землею, сколько „работаютъ“ промежду себя, такъ какъ, при обиліи земли, никто не могъ стѣснять другъ-друга въ землепользованіи. Какъ вяжется подобная противорѣчивая характеристика института заимочнаго землепользованія съ логикою, г. Качоровскій не потрудился разъяснить. Чтобы спутать представленіе своихъ читателей, г. Качоровскій пристегиваетъ къ заимочному праву и такъ называемое вольное сѣнокошеніе, когда каждый коситъ въ дикой тайгѣ сѣно тамъ, гдѣ хочетъ, гдѣ раньше намѣтилъ себѣ мѣстечко; пристегиваетъ сюда и городьбу поскотины ²⁾ у инородцевъ нѣсколькими хозяевами,—однимъ словомъ, все валится въ одну кучу съ цѣлью доказать, что заимочное право представляетъ нѣчто случайное, не поддающееся юридическимъ опредѣленіямъ. И тѣмъ не менѣе г. Качоровскій признаетъ *основаніями* заимочнаго права трудъ, захватъ и давность (стр. 118). Но давность, по мнѣнію г. Качоровскаго, тоже только фактъ, ибо „давность, очевидно (!), способностью устоять въ спорѣ не обладаетъ“, такъ какъ общество отбираетъ у заимщиковъ землю, хотя бы они владѣли ею давно и безспорно“. Для г. Качоровскаго это резонъ, но юристъ признаетъ, что общество, которое не уважаетъ давности—не правомѣрно организованное общество, а анархія.

Относительно титула оккупации (захвата) г. Качоровскій

¹⁾ Такимъ образомъ „границы“ владѣній заимщиковъ оказались въ наличности!

²⁾ См. нашу книгу, „Уравнительное землепользованіе въ Забайкальскомъ краѣ“, стр. 241, гдѣ мы разъяснили сущность поскотинной городьбы у инородцевъ.

ничего не разъясняетъ, а ссылается лишь не то, что оккупация всегда соединяется съ трудомъ. Но какъ же быть съ титуломъ труда? Дѣло въ томъ, говоритъ г. Качоровскій, что трудъ погашается своими полезными результатами: значить, всякая затрата труда, продолжаетъ г. Качоровскій, какъ какъ бы она ни была долга и велика, пріобрѣтаетъ землю не навсегда, а лишь до тѣхъ поръ, пока не извлечетъ изъ земли въ видѣ полезныхъ продуктовъ всего своего результата ¹⁾. Кто же тутъ можетъ быть судьей? Г. Качоровскій этого не разъясняетъ, полагая, очевидно, что судьей является самодержавная и всемогущая община. Вотъ нашъ отвѣтъ на это г. Качоровскому: трудъ заимщика, обратившаго дикую землю въ культурную, не оцѣнимъ; никто не можетъ оцѣнить этого труда, кромѣ самого заимщика, и пока эта земля не обратится вновь въ дикую, права заимщика неприкосновенны; такъ именно и признаетъ обычное право въ Сибири право захвата и труда какъ у крестьянъ, такъ и у инородцевъ ²⁾.

¹⁾ Г. Качоровскій тутъ слѣдуетъ „теоріи“ г. Кауфмана, который „про-свѣщаль его“ (см. „Крестьянская община въ Сибири“, стр. 71). Интересно сравнить эти мудрованія съ слѣдующими словами г. Кауфмана (стр. 68). „Исслѣдованіемъ положительно (!) доказано, что въ нѣкоторыхъ волостяхъ Ишимскаго округа Тобольской г. вліяніе ссыльнаго элемента значительно ускорило переходъ къ душевому пользованію; дѣло въ томъ, что возможность пользованія на захватномъ правѣ, наравнѣ съ другими, пашнею и покосомъ и право свободно рубить лѣсъ, конечно, не могутъ удовлетворить „шатающагося“ (а такихъ большинство) ссыльно-переселенца, который самъ не пашетъ, сѣна не коситъ, нуждается въ ничтожномъ количествѣ топлива или даже вовсе въ немъ не нуждается,—и который могъ бы, фактически, извлекать выгоду изъ владѣнія землею лишь путемъ сдачи ея въ аренду или продажи лѣса на срубъ (!); такой ссыльный не довольствуется поэтому своимъ правомъ участія въ захватномъ пользованіи, *а требуетъ отвода передѣленнаго душевого надѣла, и такія требованія, иногда поддерживаемыя администраціею, нерѣдко могли явиться существеннымъ дополнительнымъ стимуломъ къ введенію уравнительнаго душевого землепользованія. При чемъ же тутъ „утѣсненіе“ какъ „первый стимулъ“ поравненія по „теоріи“ г. Кауфмана? Во всякомъ случаѣ „право на трудъ“ тутъ не при чемъ, такъ какъ „шатающійся“ вовсе не желаетъ трудиться, а желаетъ пользоваться чужимъ добромъ.*

²⁾ См. нашу книгу „Уравнит. землен. въ Забайкальскомъ краѣ“, стр. 248.

Но до сихъ поръ мы еще не видимъ ни малѣйшаго указанія на общину. Оккупация, трудъ, давность—все это титулы, оправдывающіе владѣніе заимщиковъ; всѣ эти титулы уничтожаются общиною, слѣдовательно, интересно знать, откуда является этотъ *deus ex machina* заимочной драмы, и въ силу какого титула община считаетъ себя въ правѣ уничтожить юридическіе титулы заимщиковъ. По разъясненію г. Качоровскаго, община дѣйствительно появляется какъ *deus ex machina*. Оказывается, что право захватывать землю „несомнѣнно (!) основано на коллективномъ началѣ, на равномъ правѣ всѣхъ крестьянъ на ничью землю“. Такъ; но, во первыхъ, это мнимое коллективное право существуетъ для всѣхъ крестьянъ, а община не представляетъ всѣхъ крестьянъ Россійской Имперіи, и, во-вторыхъ, всѣ крестьяне „имѣютъ право“ захватить „ничью“ землю; мы же говоримъ о землѣ заимщика, которая перестала быть „ничьею“. Затѣмъ г. Качоровскій утверждаетъ, что хутора разрастаются въ деревни, а потому тутъ является коллективно-общинное право на данный „совмѣстный“ для отдѣльныхъ группъ семей района захватъ. Это положеніе противорѣчитъ фактамъ и все-таки не объясняетъ, какимъ образомъ селеніе или деревня получаетъ право распоряжаться заимками *отдѣльныхъ* владѣльцевъ, которые въ деревнѣ даже не живутъ. Г. Качоровскій ссылается, между прочимъ, на волостные суды; но эти суды не сельскія общины, напротивъ, именно тотъ фактъ, что споры по владѣнію рѣшаютъ суды, а не сельскія общества, служитъ доказательствомъ, что послѣднія даже не считаютъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ землепользованіе заимщиковъ. Г. Качоровскій ссылается на приговоры „мира“ въ вопросахъ семейно-наслѣдственныхъ; но приведенный имъ фактъ относится къ эпохѣ, когда сельское общество уже функционируетъ, состоитъ налицо какъ признанное „начальство“ или власть: откуда же оно взялось? Г. Качоровскій далѣе ссылается на семейные союзы большихъ семей, артели, „помочи“; но всѣ эти соединенія и союзы не селенія общества, а потому повторяемъ опять: откуда взялось общество? Ссылка на „скрытую потенцію“ общины (стр. 131) тоже ничего не разъясняетъ. И вотъ, въ концѣ-концовъ, *volens-no lens*, г. Ка-

чоровскому приходится признать: „при разграниченіи волостей“, отграниченіи угодій групповыхъ селеній и особенно при отмежеваніи отдѣльными селеніямъ „*конкретизируется общинная территория*“.

Межуешь правительство — государство, „конкретизируетъ общинную территорию“ государство, учреждаетъ волость, волостное правленіе и сельскія общества — тоже государство. Такъ и слѣдовало г. Качоровскому разъяснить дѣло, а не водить своего читателя въ туманѣ.

Обыкновенно правительство открывало земли займщиковъ при ревизіяхъ, приписывало ихъ къ волости и налагало на нихъ свое тягло. Затѣмъ оно приселяло къ займщикамъ ссыльныхъ и російскихъ переселенцевъ, которымъ давались льготные сроки, а, по истеченіи таковыхъ, ихъ зачисляли въ окладъ, и волости получали предписаніе надѣлать ихъ землей изъ владѣній займщиковъ по установленной нормѣ; этимъ распоряженіемъ и наносился первый ударъ правамъ займщиковъ, а затѣмъ уравнительный процессъ получалъ свой обычный ходъ. Такъ свидѣтельствуютъ факты¹⁾, такъ свидѣтельствуютъ и сами изслѣдователи; туманныя же ихъ теоріи, которыя г. Качоровскій цѣнитъ наравнѣ съ фактами, не имѣютъ ни малѣйшаго научнаго значенія и составляютъ плодъ ихъ фантазіи. Начинается уравнительный процессъ обыкновенно съ сѣнокосовъ, что признаетъ и г. Качоровскій (стр. 181 и 183): „Повсюду развитіе передѣловъ сѣнокосовъ не только шло одновременно и параллельно съ развитіемъ передѣловъ податей, но и совершенно сливалось съ нимъ,

1) Куріозная теорія „утѣсненія“ опровергается фактами, приводимыми самими изслѣдователями. Г. Филимоновъ прямо указываетъ, что „учрежденіе въ Западной Сибири отряда межевыхъ чиновъ по образованію переселенческихъ участковъ служило одной изъ важнѣйшихъ причинъ установленія здѣсь общины“. Въ Боготольской волости крестьяне сами говорили: „богатые сидѣли по заимкамъ, и ихъ никто не смѣлъ трогать; а какъ отобрали земли подъ російскихъ, такъ мы на заимки глядѣть не стали“. Земля прямо вымежевывалась изъ-подъ заимокъ сторожилцевъ. Да и какое можетъ быть „утѣсненіе“ тамъ, куда и сейчасъ направляется переселенческая волна. Но главную роль, при передѣлахъ, несомнѣнно, играли прямыя приказанія начальства; крестьяне на это указывали даже въ своихъ приговорахъ.

совершалось примѣнительно къ одной и той же единицѣ: сѣнокосы уравниательно распредѣлялись между семьями именно по числу въ нихъ душъ, обложенныхъ податями (sic!), такъ что, собственно говоря, тутъ уже подати перекладывались на сѣнокосы“. Начинаютъ уничтожать и поскотины, силою ихъ разгораживая (стр. 188), и, наконецъ, обязываютъ заимщиковъ пасти свой скотъ въ общемъ стадѣ, т.-е. происходить, по выраженію г. Качоровскаго, „обобществленіе пастбища“. Все это происходитъ, конечно, не безъ сопротивленія владѣльцевъ и не безъ насилій. У казаковъ иногда ведется правильно-организованная война.

„Чтобы остановить и сократить захваты хуторовъ, курени (т. е. станицы) выдвигаютъ противъ нихъ свои плуги, подходятъ подъ нихъ траншеями, ископанными раломъ, а хутора, въ видѣ усиленныхъ вылазокъ, напускаютъ на куренныя пашни свои стада и табуны. Неурядицамъ, жалобамъ и искамъ, самымъ нелѣпымъ, нѣтъ конца“¹⁾. Начинается истребленіе общиной вѣковыхъ лѣсовъ; всякій рубить, гдѣ попало и какъ попало. Что же касается до пашенныхъ угодій, то здѣсь борьбу рѣшаетъ начальство, прямо предписывая произвести передѣлы. Пока происходятъ только отрѣзы и поравненія — дѣло рѣшается компромиссами, но чѣмъ дальше идетъ уравнительный процессъ, тѣмъ энергичнѣе проявляется воздѣйствіе начальства, особенно по отношенію передѣла податей. Въ этихъ случаяхъ начальство прямо разсылаетъ циркулярныя предписанія. Г. Качоровскій оспариваетъ обязательность этихъ циркуляровъ для обществъ. По закону это такъ, но въ дѣйствительности выходитъ иначе. Самъ г. Качоровскій приводитъ слѣдующую корреспонденцію „Восточнаго Обозрѣнія“: „Реформа эта, несмотря на ея обязательность для всѣхъ обществъ, пришлась нашимъ кулакамъ не по вкусу“, и т. д. Г. Качоровскій замѣчаетъ, что корреспондентъ тоже не зналъ, что администрація вовсе не имѣла права, къ чему бы то ни было обязывать крестьянъ въ этомъ вопросѣ. Если интеллигентный корреспондентъ этого не зналъ,

¹⁾ Слова казацкаго генерала Лобко.

то крестьяне и подавно не могли этого знать ¹⁾. Вообще анархія и безтолковщина шли такія, что даже богатые выражали желаніе, чтобы земля поскорѣе была передѣлена по душамъ, чтобы „меньше грѣха было“. Но грѣха выходило обыкновенно очень много, и передѣлы рѣдко совершались мирнолюбово, а чаще всего сопровождались драками, ссорами и жалобами начальству. Исслѣдователи вывели изъ этого, что сибирскіе крестьяне вообще очень склонны къ жалобамъ (стр. 243). Съ своей стороны и мѣръ не бездѣйствовалъ, а принималъ иногда весьма энергическія мѣры, чтобы „присогласить“ своихъ членовъ; на примѣръ инородцы Закаменской инородной управы 1-го Куркутскаго рода Бортойскаго десятка „единодушно“ постановили: „кто будетъ оспаривать сей приговоръ (передѣлъ), тотъ будетъ наказанъ на законномъ основаніи розгами, — непременно будетъ высѣченъ!“ ²⁾ Но и розги не помогали: ссоры и жалобы продолжались. Въ Ишимскомъ округѣ чиновники по крестьянскимъ дѣламъ прямо приказывали передѣлять земли (стр. 245). Г. Качоровскій замѣчаетъ, что они не имѣли права такъ поступать; совершенно вѣрно, но крестьяне должны были повиноваться.

¹⁾ До какой степени сибирскіе крестьяне мало знакомы съ дѣйствующимъ законодательствомъ и своими правами, можно видѣть изъ приговоровъ сельскихъ обществъ. На примѣръ въ приговорѣ крестьянъ Шералдайскаго селенія (Мухорь-Шибирской вол.) говорится такъ: „разсуждали о раздѣлѣ земли, на основаніи предписанія В.-Удинскаго окружнаго полицейскаго управленія (!) отъ 20 юля минувшаго года и на основаніи 199 общественнаго Положенія 19 февраля 1861 г. (!!). Въ Общемъ Положеніи 19 февраля 1861 г. 199 ст. вовсе не существуетъ; вѣроятно же всего, что „начальство“ сослалось на 179 ст. выкупнаго Положенія, разумѣется ни къ селу, ни къ городу. (См. Матер. Куломз. Коммис. вып. 10 стр. 86). Наше предположеніе подтверждается приговоромъ крестьянъ Кокоринскаго сельскаго общества селенгинскаго округа, въ которомъ также сдѣлана ссылка на 179 ст., хотя не указано по какому Положенію (см. *ibid.* стр. 93). 179 ст. выкупнаго Положенія гласитъ такъ: „Пріемъ постороннихъ лицъ въ общество крестьянъ-собственниковъ и пріемъ крестьянъ-собственниковъ въ другія общества и сословія, а также причисленіе ихъ въ окладъ, исключеніе изъ онаго и перечисленіе изъ онаго оклада въ другой, производится на основаніи правилъ, изложенныхъ въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависмости“.

²⁾ Матеріалы Куломз. Коммис., вып. 10, стр. 180.

Были, конечно, случаи, что и повторныя приказанія чиновника не были исполнены: приговоры остались на бумагѣ, а передѣла никакого не было. Наконецъ, самъ г. Качоровскій признаетъ (стр. 249), что „огромное ускореніе“ уравнительнаго процесса производить переселенческой потокъ, когда новоселы приписываются къ „старожильцамъ“, и когда этотъ потокъ все тѣснѣе суживаетъ ихъ территорію межеваніемъ, „отрѣзывающимъ надѣлы россійскимъ“. Такъ оно и есть. Вообще власть мѣстнаго сибирскаго начальства гораздо сильнѣе и важнѣе, чѣмъ предполагаетъ г. Качоровскій. Дѣло въ томъ, что славные дѣятели освободительной эпохи не позабыли сибирскихъ крестьянъ. И для нихъ были установлены тѣ же самыя правила, какъ для бывшихъ государственныхъ крестьянъ европейской Россіи. Такъ въ правилахъ о преобразованіи общественнаго управленія государственныхъ крестьянъ въ Сибири для губерній Тобольской и Томской установлено: „въ селеніяхъ крестьянъ Тобольской и Томской губерній образованы сельскія общества и волости на основаніяхъ, изложенныхъ въ *Общемъ Положеніи* о крестьянахъ 19 февраля 1861 г.; тѣ же правила примѣнены и для селеній крестьянъ губерній Енисейской и Иркутской и областей Забайкальской и Амурской. Всѣ эти правила составляютъ приложение къ Положенію о быв. государственныхъ крестьянахъ на основаніи 2-го примѣчанія къ 1-й статьѣ Положенія, которое гласитъ такъ: „Общественное управленіе государственныхъ крестьянъ Сибири преобразовано на основаніи *Общаго Положенія* съ соблюденіемъ правилъ, при семъ приложенныхъ“.—Ясно, что сибирскіе крестьяне въ силу законодательныхъ актовъ освободительной эпохи получили землю, на которой они были водворены или водворились сами, на правѣ собственности съ правомъ выкупа оброчной подати. Не позабыли славные дѣятели царствованія Царя-Освободителя и бытового заимочнаго права крестьянъ. Въ 12-й статьѣ правилъ „о составленіи владѣнныхъ записей“ значитъ: расчистки и поляны, находящіяся въ постоянномъ пользованіи государственныхъ крестьянъ среди казенныхъ лѣсовъ, какъ незаселенныя, такъ и заселенныя прочно-осѣдлыми домохозяевами (починки), вносятся во владѣнную запись казеннаго насе-

ленія съ подробнымъ показаніемъ всѣхъ отдѣльныхъ частей владѣнія“. Въ 3-й статьѣ правилъ, приложенныхъ къ 19-й статьѣ Положенія о быв. государственныхъ крестьянахъ, значится: „Семейные лѣсные участки, предоставленные въ прежнее время въ наслѣдственное пользованіе отдѣльныхъ домохозяевъ, оставляются за послѣдними. Они вносятся, согласно примѣчанію къ статьѣ 7 Высочайше утвержденныхъ 31-го марта 1867 г. правилъ о владѣнныхъ записяхъ, въ эти записи и въ особыя къ нимъ приложенія. Такіе участки могутъ повсемѣстно быть отчуждаемы при соблюденіи правилъ, изъясненныхъ въ пунктахъ 4 и 5 статьи 15 сего Положенія, и съ переводомъ на пріобрѣтателей участковъ обязанности уплатить причитающійся съ оныхъ лѣсной налогъ“. Въ примѣчаніи же къ 7 статьѣ правилъ, о которыхъ говоритъ законъ, сказано: „на основаніи изложеннаго въ ст. 7 правила, въ селеніяхъ четвертнаго владѣнія (!) *и вообще тамъ, гдѣ крестьяне, всѣ или частію, не передѣляютъ своихъ земель по числу душъ, а владѣютъ ими подворно по наслѣдственному праву (sic!!),* составляются по образцу, приложенному къ 17 ст. Положенія, къ записямъ приложенія, въ коихъ прописываются всѣ имѣющіе отдѣльное наслѣдственное владѣніе домохозяева съ показаніемъ количества состоящей во владѣніи каждаго изъ нихъ земли и причитающей съ него оброчной подати, по разверсткѣ, сдѣланной самимъ обществомъ“.

Въ примѣчаніи къ статьѣ 18 правилъ объ опредѣленіи крестьянскаго надѣла (приложеніе къ 22 ст. Положенія о государственныхъ крестьянахъ) значится: „лѣсныя расчистки, произведенныя отдѣльными домохозяевами и состояція, *по мѣстнымъ обычаямъ,* въ наслѣдственномъ ихъ пользованіи, показываются отдѣльными статьями, на тотъ конецъ, чтобы, при составленіи владѣнныхъ записей для подлежащихъ селеній, онѣ могли быть обозначаемы въ порядкѣ, указанномъ въ примѣчаніи къ статьѣ 7 правилъ 31 марта 1867 года“.

Итакъ, мы видимъ, что законодатель призналъ заимочное право нашихъ крестьянъ, призналъ исконный бытовой институтъ русскаго крестьянства, призналъ титулъ оккупаціи и установилъ, освобождая крестьянъ отъ крѣпостной зави-

симости, твердый правомѣрный порядокъ, основанный на правѣ собственности и личной свободѣ освобожденнаго народа. Обо всемъ этомъ, слѣдуя по стопамъ изслѣдователей, статистиковъ и устроителей сибирскаго крестьянскаго землепользованія, г. Качоровскій умалчиваетъ, и подобный колоссальный недочетъ его труда признается „научнымъ“ приѣмомъ изслѣдованія вопроса!

А между тѣмъ передъ нами почти невѣроятный фактъ оригинальныхъ порядковъ въ управленіи нашей великой державы. Оказывается, что высшая мѣстная власть можетъ у насъ отмѣнять, измѣнять и не исполнять законовъ, установленныхъ Высочайшею властью. Всѣ изложенныя нами правила вовсе не были введены въ дѣйствіе въ Сибири, заимочники лишились своихъ займокъ, и все сибирское крестьянство не получило права выкупа тѣхъ земель, на которыхъ оно водворилось. Правда, изданныя въ наше время законодательною властью правила для землепользованія крестьянъ въ Сибири отмѣнили Положенія 19-го февраля 1861 г. и связанныя съ ними законоположенія, но эти Положенія и правила не получили своего осуществленія и до ихъ отмѣны. Да и самая отмѣна ихъ свидѣтельствуешь о томъ же. Великій Преобразователь Россіи дѣйствовалъ въ двоякомъ смыслѣ: съ одной стороны онъ совершалъ преобразование какъ Монархъ-представитель державной государственной власти, а съ другой—какъ верховный вотчинникъ прикрѣпленныхъ крестьянъ. Какъ Монархъ—онъ устанавливалъ правомѣрный порядокъ въ своемъ государствѣ въ интересахъ всеобщаго блага и разрѣшалъ вѣковой исторической вопросъ; какъ верховный вотчинникъ—онъ дарилъ милость своимъ крѣпостнымъ подданнымъ широкою рукою и великодушною благостью. Если измѣнившіяся воззрѣнія правительственныхъ сферъ и могли повлечь за собою отмѣну Положенія 19-го февраля 1861 г. для Сибири, то великодушный даръ верховнаго вотчинника своимъ крестьянамъ едва ли можно было отмѣнить и уничтожить ¹⁾. Весь этотъ

¹⁾ Намъ могутъ возразить, что высшее начальство въ Сибири не успѣло провести въ жизнь Положенія о бывш. государственныхъ крестьянахъ;

странный эпизодъ въ исторіи нашего законодательства объясняется тѣмъ, что сибирскіе крестьяне ничего не знали о дарованныхъ имъ правахъ, такъ что столь обычныя подозрѣнія нашего сельскаго люда въ томъ, что господа (чиновники

правительство же съ 1887 года, въ ожиданіи закона о поземельномъ устройствѣ въ Сибири, прекратило всякія работы по надѣленію крестьянъ-старожильцевъ. Однако пріостановка разграниченія крестьянскихъ надѣловъ послѣдовала вслѣдствіе настояній главнаго сибирскаго начальства, находившаго невозможнымъ примѣнить къ Сибири Положенія о крестьянахъ. Между тѣмъ въ то же самое время происходило земельное устройство переселенцевъ, причемъ значительное большинство площадей, вошедшихъ въ переселенческіе участки, было выдѣлено изъ пользованія старожиловъ, а не изъ «единственнаго» владѣнія казны землями, состоящими въ арендѣ, и не изъ пустопорожнихъ пространствъ (дикой земли). Какъ производились работы отграниченія земель для старожиловъ и «отрѣзки» отъ ихъ владѣній, можно судить по книгѣ г. П. Соколова-Костромскаго «Записки колонизатора Сибири». Такимъ образомъ правительство воспользовалось для переселенцевъ вѣковой работой крестьянина-колонизатора Сибири и отняло у него его трудовую землю. Справедливой такую аграрную политику признать нельзя. Еще менѣе слѣдуетъ ее признать правильною съ точки зрѣнія соціально-экономической. Правительства культурныхъ странъ (Сѣв.-Амер. Штаты, Великобританія въ Австраліи) предоставляютъ займщику въ полную собственность всю площадь земли, обращенную имъ въ культурную; мы же отнимаемъ ее у займщиковъ. Правительства культурныхъ странъ высоко цѣнятъ экономическую энергію своихъ гражданъ и поддерживаютъ ее; мы же смотримъ на эту энергію, какъ на какого-то врага, и подавляемъ ее. Правительства культурныхъ странъ стремятся установить правомѣрный порядокъ въ земельныхъ отношеніяхъ своихъ гражданъ; мы же разрушаемъ установившійся обычнымъ правомъ порядокъ земельныхъ отношеній нашихъ крестьянъ и создаемъ на его мѣстѣ анархію. Во всякомъ случаѣ совершенно непонятно, какими юридическими, экономическими, соціальными и этическими соображеніями руководились чиновные колонизаторы Сибири, отрѣзывая у старожиловъ земли, которыя «ихъ дѣды пахали» и на которыя, по ихъ выраженію, столько потовъ положено было». «Вѣдь мы тоже государевы жители», возражали бѣдные займщики-крестьяне. Обо всемъ этомъ г. Качоровскій и оффиціальные и неоффиціальные изслѣдователи не говорятъ ни слова; тутъ уже не община лишила займщиковъ ихъ трудовой земли, а правительственная власть, разумѣется, для той же общины—in spe.

Отмѣтимъ еще одну особенность Полож. о быв. госуд. крестьянахъ. Для губерній съ подеѣчной системой полеводства инструкцію, приложенною къ I примѣч. 22-й ст. Положенія, были установлены особыя правила для ичисления размѣра надѣловъ: при системѣ 20-ти-лѣтняго перелога крестья-

и другіе) „скрываютъ“ отъ нихъ, крестьянъ, царскую волю, какъ видитъ читатель, не лишено основательности ¹⁾).

Ходъ эволюціи уравнительнаго землепользованія передается г. Качоровскимъ съ обычными ему путанностью и неясностью изложенія. Уравненіе земли по дворамъ можетъ

янамъ отводилось вмѣсто одной десятины пашни— $7\frac{2}{3}$ перелога, а при 12-ти-лѣтн. перелогѣ вмѣсто одной десятины пашни—5 десятинъ: дозволялось отводить надѣлы въ раздробленныхъ по лѣсу участкахъ, причемъ прогоны не облагались оброчной податю (ст. 12 инструкціи). Нельзя не пожалѣть, что эти правила инструкціи не были примѣнены къ сибирскимъ губерніямъ. Если бы сибирскіе чиновные колонизаторы опредѣлили размѣры надѣловъ заимочнаго пользованія на основаніи изложенной нами 11 ст. инструкціи, то «избіенія» заимочниковъ не было бы вовсе. Интересно, что въ 1886 г. (945 ст. Св. Зак. т. I, ч. 2, Учр. Мпн. по продолж. 1886 г.) состоялся законъ, въ силу котораго сибирскіе крестьяне (и инородцы) вновь возвращены въ вѣдѣніе Министерства Государственныхъ Имуществъ и нынѣ состоятъ подъ его «попечительствомъ». Такимъ образомъ крестьяне возвращены въ крѣпостную зависимость казны-государства, вопреки I статьи Общаго Положенія 19 февраля 1861 года. Этимъ и объясняется вся послѣдующая аграрная политика Правительства въ Сибири.

1) Впрочемъ замѣтимъ, что и на другихъ нашихъ окраинахъ мѣстная высшая власть не особенно церемонится съ законами Россійской Имперіи. Такъ въ югозападныхъ губерніяхъ, по личному усмотрѣнію этой власти, признано было необходимымъ, чтобы продовольственные платежи крестьянами вносились натурою, а не деньгами, несмотря на почтительныя заявленія мировыхъ посредниковъ, что такой способъ взносовъ въ продовольственный капиталъ не соответствуетъ интересамъ края. Крестьяне тяготились этимъ распоряженіемъ (прямо противозаконнымъ), такъ какъ къ концу года въ амбарахъ оказывалась велѣдствіе амбарнаго жучка—труха. Но повторныя представленія мировыхъ посредниковъ мѣстной центральной власти привели лишь къ тому, что крестьянамъ разослали циркулярно правила для истребленія жучка. Но вотъ произошла перемѣна въ личномъ составѣ высшей центральной власти края, и мировые посредники посѣпили вновь представить свои соображенія о неудобствахъ взноса продовольственныхъ платежей натурою. Разумѣется, крестьяне пріостановили ссыпку зерна, ожидая рѣшенія. Оно запоздало, и крестьянамъ зачли запоздалый взносъ въ недоимку, хотя они полностью внесли платежи немедленно по полученіи разрѣшенія. Мировымъ посредникамъ была дана нахлобучка за недоимку, такъ какъ въ югозападныхъ губерніяхъ отъ крестьянскихъ недоимокъ уже отвыкли. По закону же отъ воли сельскихъ обществъ зависитъ установить ту или другую форму взносовъ въ продовольственный капиталъ. Вообще на этихъ окраинахъ дѣйствуютъ не законы, а циркуляры начальства.

быть отнесено лишь отчасти къ первоначальной стадіи уравнительнаго процесса и находится, разумѣется, въ тѣсной связи съ отбываніемъ повинностей и разложеніемъ податей. Напрасно, однако, г. Качоровскій причислилъ сюда же землепользованіе нѣмецкихъ колонистовъ съ подворно-наслѣдственной формой владѣнія. Gross- и Kleinwirthschaft и проч. были установлены законодательнымъ порядкомъ по примѣру западно-европейской марки; средневѣковые порядки германской деревни были цѣликомъ перенесены на русскую почву, и земля колонистовъ признана неприкосновенной собственностью колоніи (Bauerland). Между тѣмъ г. Качоровскій придаетъ „громадное“ значеніе тому факту, что уравнительный процессъ не начался сразу съ душевого ревизскаго распределенія надѣловъ.

Мы видѣли, что послѣднее вводилось государствомъ при сильномъ сопротивленіи крестьянъ и требовало со стороны правительства много чиновной энергіи; подворное же распределеніе повинностей было обычнымъ до Петра I-го, а потому населеніе къ нему уже приспособилось. Г. Качоровскій не можетъ себѣ объяснить причины или основаній „нелѣпой“, по его словамъ, пореформенной разверстки по живымъ ревизскимъ душамъ, но разъясненіе этой причины имѣется въ его матеріалахъ. Государство распредѣлило, при освобожденіи, землю по ревизскимъ душамъ; по выкупнымъ договорамъ и даннымъ надѣлы домохозяевъ тоже распредѣлены по душамъ X ревизіи. Крестьяне и вывели изъ этого факта заключеніе, что владѣть землею могутъ только эти души, и лишь сама жизнь могла ихъ разубѣдить въ невозможности далѣе поддерживать принципъ живой ревизской души, почему большинство крестьянъ перешло къ подворно-наслѣдственному землепользованію. „Нелѣпымъ“ этотъ взглядъ крестьянъ признать нельзя, а лишь невѣрнымъ вслѣдствіе ихъ незнакомства съ своими правами. Затѣмъ всѣ остальные виды разверстокъ, кромѣ тяговой и наличной, являются компромиссами борьбы интересовъ и не поддаются никакой схемѣ. Г. Качоровскій только напрасно утруждалъ себя, разъясняя принципы этихъ разверстокъ—все это въ его книгѣ лишній балластъ.

Наличной разверстки быв. государственные крестьяне придерживаются по традиции, а тягольной—изъ платежныхъ соображеній. Вообще переходъ отъ одной системы разверстки къ другой зависитъ отъ разнообразныхъ условій крестьянской жизни и преимущественно отъ фискальныхъ соображеній. Г. Качоровскій напрасно видитъ въ этой эволюціи общины, „совершенствованіе“ общиннаго уравнительнаго механизма. Какъ г. В. В. и статистики, г. Качоровскій смотритъ на землю какъ на съѣдобный пирогъ, который можно равномерно дѣлить между нуждающимися въ кормленіи. Крестьяне, какъ практическіе хозяева, лучше понимаютъ значеніе земельного фонда и, по возможности, руководствуются хозяйственными и фискальными соображеніями, какъ скоро встрѣчаютъ непреодолимые препятствія къ осуществленію правомѣрныхъ основаній въ своихъ отношеніяхъ къ землѣ. Высшую форму уравненія г. Качоровскій видитъ тамъ, гдѣ крестьяне принимаютъ въ соображеніе нужды и платежныя силы cadaго крестьянскаго двора. Это—иллюзія, и въ подтвержденіе приведемъ то соображеніе, что г. Качоровскій ссылается на примѣры подобной разверстки изъ разныхъ мѣстъ Россіи: изъ Сибири, гдѣ уравнительный процессъ только начался, изъ Малороссіи, гдѣ онъ почти прекратился, и изъ центра Россіи, гдѣ онъ былъ развитъ еще въ дореформенное время. По обыкновенію г. Качоровскій самъ себѣ противорѣчитъ ¹⁾).

Большинство нашего пореформеннаго крестьянства вовсе не производитъ передѣловъ, перейдя фактически къ формѣ подворно - наслѣдственнаго землепользованія. Разумѣется, г. Качоровскій видитъ въ этомъ слѣдствіе выкупа (справедливо!), но онъ полагаетъ, что уравнительный процессъ можетъ

¹⁾ Для полноты изложенія и вящаго освященія мірскаго „альтруизма“ г. Качоровскому слѣдовало бы сослаться и на приговоръ Уринскаго сельскаго общества Баргузинскаго округа, въ которомъ міръ тоже перечисляетъ имена надѣляемыхъ, и въ концѣ приговора постановляетъ: «крестьянъ Ивана Михайлова Красноярова и Григорія Шабурскаго совсѣмъ лишить земли, такъ какъ они сдаютъ ее въ аренду, родственники же ихъ не держатъ на своемъ содержаніи, и они питаются мірскимъ подавнѣемъ». Такимъ образомъ міръ лишилъ земли бѣднѣйшихъ своихъ членовъ и притомъ вовсе не изъ фискальныхъ соображеній (Матер. Куломз. Комис., вып. 10, стр. 99).

вновь возникнуть, ссылаясь на то, что крестьяне не разверстали свои угодья въ подворныя единицы; однако четвертые крестьяне сохранили свою вѣковую наслѣдственную форму владѣнія тамъ, гдѣ правительству не удалось разрушить ихъ вѣковое наслѣдіе; сохраняютъ наслѣдственное землепользованіе и наши юго-западныя губерніи. Все здѣсь зависитъ отъ аграрной политики правительства; пусть правительство признаетъ права ревизскихъ (наслѣдственныхъ), и передѣлы прекратятся по всей Руси Великой. Стоитъ только предоставить крестьянамъ право судебной защиты, и общинное землепользованіе останется лишь достояніемъ исторіи. Г. Качоровскій, конечно, умалчиваетъ объ этомъ важномъ фактѣ, онъ умалчиваетъ о томъ, что домохозяинъ лишень права защищать свое достояніе судомъ, что по отношенію къ крестьянскому населенію до сихъ поръ практикуется у насъ совершенно невозможный для культурныхъ націй режимъ, который называется отказомъ въ правосудіи; всѣ вопросы о надѣльной землѣ разрѣшаются административнымъ порядкомъ, при господствѣ полнѣйшаго произвола со стороны властей, опекающихъ наше крестьянство.—Уравнительное общинное землепользованіе противорѣчитъ основнымъ началамъ права и Положеніямъ 19 февраля 1861 года съ послѣдующими узаконеніями освободительной эпохи. Положенія признали и право наслѣдованія, и право выкупа, и право распоряженія надѣлами крестьянъ; передѣлы являются прямымъ противорѣчіемъ правъ собственности крестьянъ на надѣльную землю, а такъ какъ подобное положеніе возможно лишь при наличности безправія крестьянъ, то имъ и закрыли доступъ въ суды Имперіи. Освобожденное крестьянство остается до сихъ поръ крѣпостнымъ и будетъ оставаться таковымъ, пока не появится новое поколѣніе, свободное отъ всѣхъ традицій „божковъ“ шестидесятыхъ годовъ, и не восстановитъ великія традиціи дѣятелей и сподвижниковъ реформъ царствованія Александра II.

Намъ остается отвѣтить на вопросъ о возможности земельныхъ отношеній между людьми, лишенныхъ правомѣрности. Возможно-ли допустить, чтобы люди опредѣляли свои вещныя отношенія къ землѣ, руководствуясь неправомѣрными

представленіями, не имѣя представленія о правѣ? Исторія человѣчества показываетъ, что подобныя отношенія возможны. Таковы прекаріи. Римскіе юристы относили прекаріи по ту сторону права ¹⁾. Основою подобныхъ отношеній къ землѣ служили начала нравственныя, этическія, которыя и нынѣ выставляются на первый планъ нашими уравниателями. Что же оказалось? Прекаріи повели къ полному уничтоженію крестьянства въ Римѣ, къ кліэнтэлѣ и патронатству, къ самой возмутительной эксплуатаціи сильными слабыхъ, къ ростовщичеству и кулачеству; ту же роль сыграли прекаріи и въ началѣ среднихъ вѣковъ въ эпоху Каролингскую. Даже церковь злоупотребляла прекаріями, и Карлъ Великій справедливо обвинялъ ее въ томъ, что она обезземеливаетъ свободныхъ людей и превращать ихъ въ воровъ и разбойниковъ. Такъ мститъ право за поправіе его основныхъ началъ! Не подлежитъ сомнѣнію, что то же будетъ и у насъ; наша современная деревня съ общиннымъ уравниательнымъ землепользованіемъ уже во многомъ напоминаетъ грустныя явленія прекарныхъ отношеній прежнихъ эпохъ. И чѣмъ больше будетъ охраняться неправомѣрный общинно-уравниательный процессъ, тѣмъ больше будетъ развращаться русское крестьянство.

Въ нашемъ трудѣ „Уравнительное землепользованіе и крестьянское хозяйство въ Забайкальскомъ краѣ“, стр. 38, слѣдуя за официальными источниками, мы указали на тотъ фактъ, что **В ы с о ч а й ш а я** воля, выразившаяся въ Положеніи

¹⁾ Такъ Павелъ въ Дигестахъ (43, 26, 14): «Interdictum de precariis merito introductum est, quia nulla eo nomine juris civilis actio esset». Интердиктъ, конечно, былъ допущенъ въ интересахъ собственника, ибо противъ собственника прекаріистъ не могъ получить интердикта: «Qui precario fundum possidet, is interdicto Uti possidetis adversus omnes, praeter eum quem rogavit, uti potest» (Dig 43, 26, 17). Поэтому прекарное владѣніе становилось на одну доску съ незаконнымъ захватомъ чужой собственности: «Quod neque vi, neque clam, neque precario possederit» (Lex vulgo dicta Thoria въ «Corpus inscriptionum latinarum», t. I, 80, 18). Vinculum juris между собственникомъ и прекаріистомъ не было, а потому неудивительно, если прекаріи создали связь «подданнаго» съ господиномъ. Таковы и отношенія нашихъ крестьянъ, при общинномъ землепользованіи, къ государству и вотчиннику.

Главнаго Комитета 12 марта 1868 года, не получила своего осуществленія. Оказалось, что мы допустили крупную неточность, введенные въ заблужденіе официальными изслѣдователями. Правила объ „окончательномъ поземельномъ устройствѣ горнозаводскаго населенія“ (въ Сибири и Европейской Россіи) были изданы еще въ царствованіе Государя Александра II и получили свое завершеніе въ царствованіе Государя Александра III, войдя въ видѣ Приложенія къ I Примѣчанію (по прод. 1886 г.) къ 18 ст. Положенія о горнозаводскомъ населеніи казенныхъ горныхъ заводовъ.

На основаніи этихъ правилъ, населеніе казенныхъ горныхъ заводовъ, „сохраняетъ всѣ, какъ предоставленныя оному въ собственность, на основаніи Положенія о горнозаводскомъ населеніи казенныхъ горныхъ заводовъ и дополнительныхъ къ оному постановленій, такъ и состоящія въ его пользованіи земли и угодья; для довольствія же лѣснымъ матеріаломъ населенію сему отводится лѣсной надѣль“ (ст. 1 правилъ). На владѣніе указанными землями и угодьями населенію выдаются владѣнные записи порядкомъ, указаннымъ въ Приложеніи къ ст. 17 Положенія о государственныхъ крестьянахъ (ст. 2), и за эти земли крестьяне платятъ государственную оброчную подать и лѣсной налогъ (ст. 3).

„Горнозаводскимъ людямъ предоставляется право пользоваться и распоряжаться, по своему усмотрѣнію, данными имъ во владѣніе по записямъ и обложенными оброчною податю и лѣснымъ налогомъ землями и лѣсами, а равно освободить сіи земли и лѣса отъ платежа оброчной подати и лѣсного налога, съ соблюденіемъ правилъ, въ семъ отношеніи установленныхъ для крестьянъ-собственниковъ изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, къ разряду коихъ означенные люди причисляются“ (ст. 5). Затѣмъ приложенная къ правиламъ инструкція надѣляла горнозаводское населеніе землями и угодьями такъ же широко и великодушно, какъ таковая же инструкція, изданная для надѣленія землей б. государственныхъ крестьянъ. Наконецъ, въ силу примѣчанія 2 къ ст. 18 (по продолж. 1887 г.) оброчная подать и лѣсной налогъ преобразованы съ 1 янв. 1877 г. въ выкупные платежи на общемъ основаніи.

Спрашивается: чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что официальные и неофициальные изслѣдователи (напр., г. Тернеръ въ своей книгѣ „Государство и землевладѣніе“ т. II) ни словомъ не упомянули о такомъ устройствѣ земельныхъ отношеній горнозаводскаго населенія? Этотъ странный фактъ отчасти объясняется особою инструкціею, утвержд. 28 мая 1888 года Министромъ Государственныхъ Имуществъ, уполномоченнымъ заводовъ и чинамъ поземельно-устроительныхъ работъ въ горнозаводскихъ дачахъ, изъ которой слѣдуетъ предположить, что законы 1877 и 1886 годовъ не были введены въ дѣйствіе въ полномъ объемѣ, потерпѣвъ существенныя измѣненія. Чтобы разъяснить читателю сущность дѣла, мы сопоставимъ съ одной стороны велѣнія закона, а съ другой — предписанія инструкціи министра.

Слова закона:

„Находящіяся въ составѣ земель, предоставленныхъ горнозаводскимъ людямъ, пространства, воздѣланныя ихъ собственными трудами и извѣстныя подъ названіемъ росчистей, признаются таковыми, если владѣльцы ихъ уже заявили или заявятъ свои права по владѣнію до окончательнаго на основаніи сего приложенія отграниченія слѣдующаго сельскому обществу надѣла“ (ст. 21).

Слова инструкціи:

„Въ отношеніи росчистей слѣдуетъ имѣть въ виду, что одна заявка угодій росчистями, производимая согласно § 17 инструкціи 1877 г., не даетъ еще права признать ихъ таковыми. Такъ какъ со времени освобожденія отъ обязательныхъ отношеній къ заводамъ, никакихъ росчистей вновь производить не дозволялось, то для признанія угодья росчистью слѣдуетъ требовать отъ заявщика таковой предъявленія документальныхъ данныхъ, т.-е. выписки изъ уставной грамоты, или особаго разрѣшенія, плана и акта, выданнаго въ свое время заводоуправленіемъ на право производства росчисти, а при отсутствіи этихъ данныхъ — представленія безспорныхъ сви-

дѣтельствъ показаній стороннихъ лицъ, совершенно непричастныхъ обществу, о давности (до 1861 г.) образованія угодья... Затѣмъ, по соглашенію съ производителемъ работъ, въ спискахъ дѣлаются все необходимыя исправленія относительно какъ неправильнаго присвоенія права пользованія угодьемъ, такъ исключенія такихъ расчистей позднѣйшаго образованія, которыя представляютъ явно самовольные земельные захваты, а равно и тѣхъ, право пользованія которыми въ силу дѣйствующихъ законовъ, какъ-то неотмѣненнаго Положенія 8-го марта 1861 года и др., должно перейти къ заводамъ за смертью пользователей, имѣвшихъ только личное право пользованія ими“ (§ 34 инструкціи).

Для разъясненія значенія приведеннаго нами сопоставленія отмѣтимъ, что, согласно разъясненіямъ Правительствующаго Сената (2 департ. №№ 2744/88 и 1269/86), по смыслу ст. 17 и 21 приведеннаго нами закона, заявленныя расчистки признаются наслѣдственной собственностью владѣльца, какъ равно и переданныя въ силу Положенія 8 марта 1861 г. въ пожизненное пользованіе горнозаводскаго населенія или, какъ выразился Сенатъ, расчистки изъ участковъ пожизненнаго владѣнія превращены закономъ въ участки постояннаго владѣнія на правѣ собственности; по циркуляру же министра эти расчистки должны быть отобраны у владѣльцевъ и возвращены заводамъ. Отмѣтимъ также тотъ странный фактъ, что § 17 инструкціи 1877 года, на которую ссылается циркуляръ министра, ничего не говоритъ о заявкѣ угодіи (расчистей). Статья 17 инструкціи гласитъ такъ: „проектъ отгра-

ниченія земельного и лѣсного надѣла горнозаводскихъ людей отъ заводскихъ земель и лѣсовъ составляется по каждому селенію. Проектъ этотъ первоначально дѣлается на планѣ межевыми чинами подѣ руководствомъ производителя работъ по соглашенію съ уполномоченными отъ заводууправленій и по примѣненію къ желаніямъ горнозаводскаго населенія, которое избираетъ для сего особыхъ довѣренныхъ въ числѣ отъ трехъ до шести человекъ отъ каждаго селенія“.

Въ силу 3 ст. Правиль объ устройствѣ быта горнозаводскаго населенія нерчинскихъ заводовъ (Прилож. къ примѣч. 1 ст. 13 Полож. о горноз. насел.) горнозаводскимъ людямъ отводится земля за оброкъ, на основ. 20—24, 30 и 31 ст. Полож. 8 марта 1861 года, а затѣмъ отводъ людямъ участковъ сверхъ того количества земли, которое имъ слѣдуетъ въ надѣлъ на основаніи означенныхъ Положеній, зависѣль отъ непосредственныхъ и добровольныхъ соглашеній между желающимъ получить участокъ и горнымъ вѣдомствомъ. Вотъ это-то добровольное соглашеніе и послужило основаніемъ для начертанія правилъ и инструкціи (12 марта 1877 года). Мы рѣшительно недоумѣваемъ, какъ могъ циркуляръ министра признавать самовольнымъ захватомъ тѣ земли, которыя были расчищены горнозаводскимъ населеніемъ съ согласія горнозаводскаго начальства. Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ. Высочайшая власть усмотрѣла, что предоставленныя Положеніемъ 8 марта 1861 года въ даръ и пожизненное пользованіе угодія не обезпечиваютъ быта горнозаводскаго населенія и предписала Главному Комитету войти въ обсужденіе этого предмета. По доставленіи кабинетомъ необходимыхъ свѣдѣній, изданы были правила объ окончательномъ поземельномъ устройствѣ населенія казенныхъ горныхъ заводовъ, въ силу которыхъ горнозаводскіе люди получили въ надѣлъ всѣ тѣ земли, которыми владѣли, и всѣ тѣ расчистки, о которыхъ они заявили *до окончательнаго отграниченія слѣдующаго сельскому обществу надѣла* (ст. 21 Высочайше утвержденной инструкціи). Циркуляръ же Министра Государственныхъ Имуществъ лишилъ горнозаводское населеніе всѣхъ расчистокъ и даже угодій, предоставленныхъ въ пожизненное пользованіе домохозяевъ (бесплатно), такъ

какъ расчистки, произведенныя нѣкоторыми изъ нихъ до 8 марта 1861 года составляли исключеніе и послѣ смерти владѣльцевъ были отобраны заводскимъ управленіемъ (или оставлены наслѣдникамъ за оброкъ).

Какъ въ дѣйствительности произведено было надѣленіе горнозаводскаго населенія, на основаніи закона или въ силу циркуляра Министерства Государственныхъ Имуществъ, — намъ неизвѣстно.

Интересно, что циркуляръ Министерства требуетъ отъ заимщиковъ домохозяевъ плановъ и актовъ на право производства расчистокъ, тогда какъ правила 1877 г. были установлены именно съ цѣлью разграниченія территоріи крестьянскихъ надѣловъ, т.-е. циркуляръ требуетъ отъ домохозяевъ того, что составляло цѣль и предметъ самого закона.

Какъ бы-то ни было, но читатель можетъ убѣдиться, что аграрная политика Государя Александра III ничѣмъ не отличалась отъ такой же политики Царя-Освободителя; напротивъ, превращеніемъ оброчной подати въ выкупъ (въ 1886--87 г.г.), она являлась завершеніемъ грандіознаго акта освобожденія всего крѣпостного населенія Россіи. Только съ 1888 года появились новыя вѣянія, совершенно измѣнившія прежнюю аграрную политику правительства и тѣ начала, на которыхъ она зиждилась. Новые люди постепенно замѣнили старыхъ испытанныхъ слугъ Преобразователя Россіи; съ новыми людьми выплыли и новыя тенденціи, господствовавшія въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ.

Г Л А В А III.

Сибирское крестьянское заимочное землевладѣніе явилось камнем преткновенія для нашихъ уравнителей, чрезъ который перескочить они рѣшились, придумавъ своеобразную теорію „утѣсненія“. Эта теорія не оправдывается фактами изслѣдованія и съ апріорной точки зрѣнія представляетъ явную безсмыслицу. Заимочное землепользованіе слагается въ видѣ собственности, по мнѣнію нашихъ уравнителей, потому, что владѣніе землей ничѣмъ не регулировано; при наличности полнаго простора въ тайгѣ и степяхъ всякій владѣть чѣмъ и гдѣ хочетъ, безгранично, и, какъ только является необходимость регулировать земельныя отношенія заимщиковъ, устанавливается уравнительное землепользованіе въ той или другой формѣ. Но право собственности, какъ и всякое право, есть норма и притомъ одна изъ самыхъ ясныхъ и точныхъ нормъ, регулирующихъ земельныя отношенія между людьми.

Правда, уравнители отрицаютъ заимочное землевладѣніе какъ право и утверждаютъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ фактомъ.

Такое утвержденіе, однако, показываетъ, что наши теоретики-уравнители не имѣютъ ни малѣйшаго понятія объ основахъ права. Владѣніе, какъ фактъ, не можетъ быть „безграничнымъ“; оно также „регулируется“ границами, какъ и право собственности и отличается отъ послѣдняго лишь отсутствіемъ правомѣрнаго титула. Нельзя владѣть „безгранично“; такихъ отношеній къ вещамъ не можетъ быть, ибо всякая вещь ограничена пространствомъ. Фактическая связь человѣка съ вещью тѣмъ и опредѣляется, что воля его

установила „границы“ владѣнія, при отсутствіи которыхъ нѣтъ ни факта, ни права.

Притомъ совершенно непонятно, почему фактъ владѣнія долженъ быть регулированъ неправомѣрнымъ институтомъ общиннаго уравнительнаго землепользованія, а не правомъ собственности, т.-е. тѣмъ исконнымъ институтомъ вещнаго права, который созданъ человѣкомъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ разумнымъ существомъ. Ссылаться на „духъ“ русскаго народа значитъ вводить „мистику“, лишенную всякой логики, ибо инородцы Сибири тоже переходятъ къ „уравнительному землепользованію“, какъ и русскіе крестьяне.

Но и факты противорѣчатъ пресловутой теоріи „утѣсненія“. Сибирская тайга и сейчасъ слабо населена; инородцы и сейчасъ продолжаютъ кочевать на своихъ громадныхъ территорияхъ. Въ сущности ссылка на „утѣсненіе“ сводится къ тому, что ссыльно-поселенцы и переселенцы изъ европейскихъ губерній не могутъ внѣдряться въ тайгу, разрабатывать „чертежи“ и „сыросѣки“ и потому нуждаются въ гладкой пашнѣ, которую отрѣзываютъ отъ заимочниковъ. Что подобный процессъ совершенно неправомѣренъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію ¹⁾, а потому объясненіе его слѣдуетъ искать, какъ мы уже показали, въ томъ вотчино-крѣпостномъ режимѣ, который до сихъ поръ господствуетъ въ аграрной политикѣ нашего правительства. Въ самомъ дѣлѣ и ссыльно-поселенцы и переселенцы европейскихъ губерній облагаются государственнымъ тягломъ, и для своего прокормленія и несенія тягла требуютъ гладкой пашни, которую можно получить лишь изъ фонда, созданнаго заимочниками, обрѣ-

¹⁾ Полагаемъ, что и профессиональные жрецы юридической науки согласятся съ нами въ этомъ отношеніи. Правительство, отбирая земли у заимщиковъ, дѣйствуетъ какъ политическая власть—начальство, а не какъ владѣлецъ заимочныхъ земель. Ради «приличія», оно, конечно, требуетъ отъ заимщиковъ «согласія» на отрѣзку, но и эти приговоры лишены всякой правомѣрности, такъ какъ между заимщиками никакого договорнаго акта о совмѣстномъ владѣніи не было и нѣтъ. Или профессиональные жрецы того мнѣнія, что правительственная власть имѣетъ право *принуждать* субъектовъ права владѣть имуществомъ въ той или другой формѣ? Не думаемъ. Во всякомъ случаѣ, подобнаго «принудительнаго» владѣнія гражданское право не знаетъ и не признаетъ.

завъ ихъ владѣнія; государство такъ и поступаетъ, зачисляя какъ заимщиковъ, такъ и переселенцевъ въ волости или сельскія общины и надѣляя тѣхъ и другихъ узаконенной 15 десятинной душевой пропорціей земли. Такимъ образомъ о правомѣрномъ институтѣ здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Остается разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ подобная аграрная политика соотвѣтствуетъ интересамъ края, развитію крестьянства, какъ особой экономической категоріи, и интересамъ государства.

Кто не сыхаль о богатомъ сибирскомъ крестьянствѣ, существовавшемъ еще въ эпоху дореформенную? Сибирскій крестьянинъ являлся какимъ-то особымъ типомъ русскаго народа. Энергія, чувство собственного достоинства соединялись у него съ послушаніемъ установленнымъ властямъ и съ полной готовностью нести возлагаемыя на него государствомъ и обществомъ обязанности. Сибирскій крестьянинъ гордился своимъ крестьянствомъ. По истинѣ утѣшительно было видѣть въ эпоху полного униженія русскаго народа этотъ типъ почти свободнаго русскаго земледѣльца съ его желѣзной энергіею и выносливостью. Здѣсь воочію могли мы наблюдать, какъ въ дѣйствительности опредѣляетъ свои отношенія къ землѣ русскій крестьянинъ, какую форму поселеній онъ предпочитаетъ: подворную (Hofsystem) или поселенную (Dorfsystem); опредѣляетъ ли онъ, пока чувствуетъ себя свободнымъ, свои отношенія къ землѣ на правѣ личной собственности, какъ всѣ свободные люди, или, въ силу своей особой природы, стремится къ общинно-крѣпостному порядку. Но и нашъ сибирякъ стоитъ не одинокимъ среди русскаго крестьянства. Буквально то же самое происходило въ нашихъ селеніяхъ юга, приволжья, дальняго сѣвера и даже самого черноземнаго центра Россіи; вездѣ нашъ крестьянинъ-колонизаторъ строитъ хутора, обособленные семейные очаги — „печища“ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Эти старинныя, исконныя печищныя земли сохранились, какъ мы видѣли, на дальнемъ сѣверѣ европейской Россіи, куда крѣпостное право проникло только въ XVIII столѣтіи, до самаго XIX вѣка нашей эры.

Правда, нѣкоторые изъ этихъ „богатырей“ попали въ да-

лекую Сибирь не своей волей, а были сосланы правительствомъ. Таковы „семеіскіе“, т.-е. старообрядцы изъ Смоленской, Черниговской и другихъ губерній, но и эти русскіе люди не потерялись въ ссылкѣ. Сильные духомъ, энергичные, хорошо знавшіе толкъ въ землѣ, они быстро принялись за очистку и обработку дѣвственныхъ земель, пролагая, такимъ образомъ, путь и другимъ переселенцамъ.

На сибирскомъ крестьянинѣ-заимщикѣ мы видимъ, что можетъ создать русскій „мужикъ“—свободный отъ крѣпостного и иного гнета. На заимщикѣ-колонизаторѣ мы можемъ усмотрѣть, въ какой мѣрѣ оправдываются обычныя утверждения, будто русскій крестьянинъ лишень той личной энергіи, присущей индивидуализму, которымъ одарена пресловутая германская раса...

Какъ же отнеслись къ нашимъ богатырямъ-заимщикамъ теоретики уравнительнаго землепользованія? Вотъ что пишетъ г. А. А. Кауфманъ объ этихъ „богатыряхъ“: „Всякій, кто бывалъ въ средней и восточной Сибири, знаетъ, что крупныя заимщики ведутъ свое хозяйство лучше, нежели представители недостаточной и бѣдной массы населенія; на крупныхъ заимкахъ пашня вспахана глубже и ровнѣе, сорныя травы искоренены, посѣвъ произведенъ своевременно и хорошими сѣменами; мало того — богачъ подвергаетъ земли паровой обработкѣ черезъ болѣе короткіе промежутки времени и не доводитъ ее до слишкомъ сильной степени истощенія. Ничего удивительнаго, при такихъ условіяхъ, если пашня, принадлежащая богатому заимщику, и служитъ дольше, нежели пашня бѣдняка, и даетъ лучшіе урожаи; бѣдняки, посѣявшіе поздно, и плохія сѣмена, нерѣдко остаются совершенно безъ хлѣба въ то время, какъ богачи, благодаря лучшей обработкѣ и лучшимъ сѣменамъ, успѣваютъ собрать болѣе или менѣе удовлетворительный урожай. Все это несомнѣнно; несомнѣнно также, что благодаря, съ одной стороны, большей урожайности своихъ полей, а съ другой, благодаря возможности дорого продавать свой хлѣбъ и пользоваться дешевымъ трудомъ своихъ должниковъ (?) ¹⁾, богачи заимщики могутъ

1) Фраза—совершенно голословная и въ высшей степени не коррект-

вести хозяйство съ выгодною для себя при такихъ условіяхъ, при которыхъ хозяйство бѣдняковъ, въ сущности, не окупаетъ затрачиваемаго труда. Но другой вопросъ, въ какой мѣрѣ богачи-заимочники, хозяйствуя съ выгодною для самого себя, являются проводниками улучшенныхъ способовъ полеводства (эту фразу г. Кауфманъ обозначилъ курсивомъ), усовершенствованныхъ орудій, разныхъ специальныхъ культуръ и т. п.? Излѣдованія хозяйственнаго быта крестьянъ сибирскихъ губерній позволяютъ, не обинуясь, отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Система полеводства, которой держатся богачи-заимочники, — это та же комбинація переложнаго хозяйства съ паромъ, которой держится въ многоземельныхъ мѣстностяхъ Сибири вся масса населенія; о переходѣ къ хозяйству съ удобреніемъ заимочники думаютъ такъ же мало, какъ и бѣднѣйшіе изъ ихъ сосѣдей; какъ и эти послѣдніе, богачи-заимочники сосредоточиваютъ культуру исключительно на зерновыхъ хлѣбахъ, не думая ни о какомъ плодосмѣнѣ; не замѣчается никакихъ различій въ орудіяхъ и приемахъ обработки земли, и, если пашни крупнаго заимочника обработаны лучше пашень бѣдняковъ, то только потому, что первый имѣетъ больше лошадей и больше свободныхъ рабочихъ рукъ. Единственное нововведеніе, которое можно мѣстами встрѣтить у отдѣльныхъ богатѣйшихъ заимочниковъ — это конныя, частью выписныя (!), частью самодѣльныя молотилки. Но едва-ли, съ одной стороны, это нововведеніе можно признать имѣющимъ особенно большое значеніе въ общей экономіи края, а съ другой — такія же нововведенія встрѣчаются у зажиточныхъ крестьянъ и въ мѣстностяхъ, гдѣ земля передѣлена по душамъ¹⁾.

Таковъ обвинительный актъ ученаго бюрократа, составленный противъ заимочниковъ Сибири. Г. Кауфманъ обвиняетъ заимочниковъ въ томъ, что они богаты, но при этомъ не объясняетъ, откуда у нихъ явилось это богатство и въ чемъ оно заключается. Это богатство — результатъ ихъ рукъ,

ная. Заимочники сильны своими семейными рабочими, а не наемными; см. нашъ анализъ крестьянскаго хозяйства въ Забайкальскомъ краѣ, стр. 76.

¹⁾ Крестьянская община въ Сибири, стр. 261—262.

ихъ энергіи; ни отъ правительства, ни отъ земства заимочники-трудолюбцы не получали ни сѣмянъ, ни лошадей, ни иныхъ пособій; богатство ихъ заключается почти исключительно въ пашняхъ, превращенныхъ великими ихъ трудами въ таковыя изъ непролазной тайги, въ скотѣ, выращенномъ ихъ попеченіями, въ орудіяхъ, купленныхъ или самодѣльныхъ и, главнымъ образомъ, въ многочисленной и трудолюбивой семьѣ. Обвинять заимочниковъ въ богатствѣ, при такихъ условіяхъ, — явное пристрастіе и несправедливость. Но г. Кауфманъ винитъ заимочниковъ и въ томъ, что „они хозяйствуютъ лишь съ выгодой для себя“, а не заводятъ спеціальныхъ культуръ, производятъ лишь хлѣбъ и продаютъ его по высокой цѣнѣ. Болѣе неосновательное обвиненіе трудно себѣ и представить! Да для кого же эти трудолюбцы будутъ разводить „спеціальныя культуры“? Они простые русскіе мужики-производители, а не чиновники, присланные изъ департаментовъ; вѣдомостей не составляютъ, отчетовъ о „культурахъ“ не пишутъ. Они производятъ хлѣбъ, т.-е. продуктъ, нужный всѣмъ и прежде всего тѣмъ бѣднякамъ, у которыхъ его не хватаетъ въ Сибири. Было время, когда правительство было серьезно озабочено продовольствіемъ сибирскаго населенія, остроговъ и проч. Благодаря заимочникамъ-трудолюбцамъ Сибирь теперь обезпечена хлѣбомъ съ избыткомъ; если же заимочники продаютъ свой хлѣбъ по дорогой цѣнѣ, то, значитъ, сибирскій рынокъ еще нуждается въ немъ. Какой же смыслъ имъ заводить „спеціальныя культуры“, для которыхъ въ Сибири, повидимому, нѣтъ и рынковъ? Еще менѣе основательно обвинять заимочниковъ въ томъ, что они не вводятъ плодосмѣна, не удобряютъ даже своихъ пашень, а придерживаются своеобразной системы залежно-паровой. Если, при такой системѣ, заимочники *„хозяйствуютъ съ выгодой для самихъ себя“*, то это показываетъ, что они ведутъ свое дѣло правильно, какъ добрые хозяева. А вотъ еслибы они завели плодосмѣны съ убыткомъ для своего хозяйства, какъ это случалось съ дворянами-помѣщиками и казенными учрежденіями у б. государственныхъ крестьянъ въ дореформенную эпоху, то подобное „хозяйствованіе“ слѣдуетъ признать вреднымъ не только для самихъ хозяевъ, но и для

общей экономіи края. Несправедливой слѣдуетъ признать и ссылку г. Кауфмана на то, что у богатыхъ заимочниковъ „не замѣчается никакихъ различій въ орудіяхъ“ противъ бѣдняковъ. Кромѣ сабановъ, заимочники работаютъ плугами, тогда какъ бѣдняки довольствуются сохами ¹⁾, имѣютъ вѣялки, сортировки, сѣялки, кузницы, мельницы и проч.; о молотилкахъ же, и при томъ заграничныхъ, свидѣтельствуешь и самъ г. Кауфманъ. Разводятъ заимочники на своихъ огородахъ и разныя овощи, только для себя, а не для продажи, потому что хозяйство ихъ крестьянское, а не капиталистическое; разводятъ на этихъ огородахъ и разныя цвѣты, что, конечно, прихоть, но вполне извинительная, принимая въ соображеніе особую страсть сибиряковъ къ цвѣтоводству вслѣдствіе ихъ суроваго климата.

„Превосходство хозяйства крупныхъ заимочниковъ надъ хозяйствомъ бѣдняковъ“, продолжаетъ г. Кауфманъ, „основывается не на большемъ знаніи, опытности, инициативѣ и т. п. качествахъ, а исключительно на ихъ большемъ богатствѣ. Превосходство это, весьма выгодное для самихъ богатей, представляется однако совершенно безразличнымъ для массы населенія, въ которую богачи не вносятъ рѣшительно никакихъ прогрессивныхъ началъ“. Но и „безразличными эти преимущества являются только тамъ, гдѣ еще великъ земельный просторъ; въ такихъ мѣстностяхъ богачь-заимочникъ можетъ пользоваться преимуществами, которыя ему доставляетъ богатство, никого не стѣняя и никому не причиняя вреда; гдѣ земельный просторъ не такъ великъ, тамъ нѣсколько заимочниковъ нерѣдко захватываютъ въ свои руки чуть не всѣ пригодныя для хозяйства угодыя и такимъ образомъ являются положительно вредными для массы населенія“ (!).

Итакъ, вотъ въ чемъ дѣло! Русскій крестьянинъ не долженъ быть богатымъ — это непорядокъ съ бюрократической точки зрѣнія. Русскій крестьянинъ — тяглецъ, а потому обязанъ покорно ложиться на то Прокрустово ложе, которое ему приготовляетъ бюрократія въ формѣ уравнительнаго земле-

¹⁾ См. нашу книгу «Уравн. землеп. и проч.» въ Забайкальскомъ краѣ, стр. 180.

пользованія. Нѣтъ ничего удивительнаго, если видъ богатаго заимочника такъ раздражилъ бюрократическіе сердце и взоръ г. Кауфмана. Въ видѣ снисхожденія дозволяется заимочнику оставаться при своемъ богатствѣ и пользоваться преимуществами онаго, пока строгое „начальство“ признаетъ, что это богатство никого не стѣсняетъ; но какъ только начальство найдетъ, что богатство заимочника полезно раздѣлить между поселенцами, оно кладетъ заимочника на уравнительное ложе и подвергаетъ его обрѣзанію въ той или другой формѣ. Почему же „захваты“ угодій въ тайгѣ заимочниками „положительно вредны для массы населенія“? Кто мѣшаетъ начальству надѣлять этими угодіями поселенцевъ? Необходимая для этого тайга и сейчасъ стоитъ въ цѣлости. Въ дѣйствительности же захваты и расчистки богатыхъ заимщиковъ оказались весьма полезными правительству и переселяемому имъ населенію, ибо изъ нихъ и нарѣзаны переселенческіе участки. Можно ли такъ извращать истину, какъ это сдѣлалъ г. Кауфманъ въ приведенныхъ нами выше его словахъ?

Въ лучшемъ случаѣ дѣятельность богатыхъ заимочниковъ г. Кауфманъ признаетъ безразличной съ соціально-экономической точки зрѣнія; ихъ великіе труды онъ не цѣнитъ и въ грошъ. Но не такъ свидѣтельствуютъ матеріалы, которыми онъ пользовался, составляя свою книгу. Болѣе безпристрастные изслѣдователи удостовѣряютъ, что „расчистка тайги подь культуру хлѣбовъ требуетъ единовременныхъ значительныхъ затратъ труда и денегъ и цѣнится иногда свыше 100 рублей съ расчищенной десятины“. При расчисткахъ принимаются во вниманіе разныя условія: толщина почвеннаго слоя, составъ его, географическое положеніе участка и многія другія. „Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ земледѣлецъ долженъ считаться съ массой разнообразныхъ и подчасъ мельчайшихъ подробностей, знаніе которыхъ подсказываютъ ему долготѣтній опытъ и близкое знакомство съ естественными условіями своей мѣстности“ ¹⁾. А г. Кауфманъ признаетъ дѣятельность этихъ трудолюбцевъ или „безразличной“ въ интересахъ экономіи края, или даже „вредной“! Таково бюро-

¹⁾ Матеріалы Куломзин. Коммис., вып. 11, стр. 133.

кратическое отношеніе у насъ въ Россіи къ крестьянину-колонизатору: его же трудами воспользовались и его же, сверхъ того, корятъ и порочатъ! Такого отношенія къ производителю-земледѣльцу мы не найдемъ даже у ученыхъ социалистовъ каѳедры.

Отвѣчая отрицательно на вопросъ о „прогрессивности“ хозяйства заимочниковъ, г. Каумфанъ объясняетъ отсутствіе прогресса въ земледѣліи заимочниковъ тѣмъ, что область заимочнаго землевладѣнія есть въ то же самое время и область господства экстенсивныхъ видовъ залежно-пароваго хозяйства, и, слѣдовательно, формы общиннаго землепользованія и приемы земледѣльческой культуры опредѣляются одной и той же основной причиной—населенностью каждой данной мѣстности въ сравненіи съ количествомъ удобныхъ для сельско-хозяйственной культуры земель. Но почему при уменьшеніи емкости территоріи наши крестьяне должны переходить къ уравнительному землепользованію, г. Кауфманъ не объясняетъ. Необходимой тутъ связи нѣтъ. Западъ Европы, несмотря на уменьшеніе емкости своей земледѣльческой территоріи, никогда не зналъ уравнительнаго землепользованія; не извѣстенъ этотъ институтъ и у культурныхъ народовъ Новаго Свѣта, хотя мы тамъ встрѣчаемся съ заимочнымъ владѣніемъ и съ постояннымъ, иногда весьма рѣзкимъ, уменьшеніемъ территоріи землевладѣнія. Вся аргументація г. Кауфмана основана на „post hoc—ergo propter hoc!

Совершенно несправедливо и утвержденіе г. Кауфмана объ отсутствіи прогресса въ системѣ хозяйствъ заимочниковъ. Сначала у нихъ господствуетъ подсѣчная система, затѣмъ залежная, и, наконецъ, залежно-паровая. Не ихъ вина, если ихъ начинаютъ „обрѣзать“ прежде, чѣмъ естественный ходъ развитія ихъ хозяйства потребуетъ высшихъ формъ культуръ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что заимочники, если бы ихъ не обрѣзали и не подчинили уравнительному процессу, постепенно перешли бы къ паровой культурѣ съ удобреніемъ и затѣмъ къ улучшенной зерновой и плодосмѣну. ¹⁾ Уравнительное же землепользованіе, разру-

¹⁾ Отмѣтимъ здѣсь отношеніе заимочниковъ къ лѣсу. Извѣстно, что

шивъ крѣпкое сибирское крестьянство, приведетъ его къ великороссійскому душевому трехпольному землепользованію безъ удобренія или съ плохимъ удобреніемъ ближайшихъ полосъ, съ принудительной обработкою и пастьбой скота по пашнямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной Сибири это уже совершившійся фактъ.

Разгромивъ заимочниковъ, г. Кауфманъ не пощадилъ и добрыхъ пахарей при установившемся уравнительномъ землепользованіи. Главу десятую своей книги о сибирской общинѣ онъ начинаетъ опроверженіемъ упрековъ, которые дѣлаются общинному землевладѣнію его противниками, а именно: дробленіе полей на смѣны и полосы, принудительная обработка, передѣлы съ переходомъ полосъ къ другимъ хозяевамъ и т. п. Ни одинъ изъ этихъ упрековъ, говоритъ г. Кауфманъ, не можетъ быть сдѣланъ тѣмъ формамъ душевого пользования землею, которыя выработались въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи. „Характернѣйшей чертой ихъ является

русскій мужикъ считается «врагомъ» лѣса, якобы признавая его ничьимъ. По словамъ нашей городской интеллигенціи, русскій крестьянинъ вообще не признаетъ права собственности на растущія въ лѣсу деревья, почему и воруютъ ихъ. Но вотъ въ Сибири заимочники, т.-е. тѣ же русскіе мужики, иного мнѣнія. Тамъ они рѣшительно признаютъ участки (захваченные) лѣса своею собственностью, берегутъ ихъ и тщательно заботятся о нихъ: окапываютъ канавами, огораживаютъ, очищаютъ и пр. Эти лѣсные участки носятъ въ Сибири названіе «садовъ» или «рощъ». Очевидно, наша интеллигенція знала и знаетъ только крѣпостного мужика, но совершенно незнакома съ психикой *свободнаго* русскаго крестьянина.—Впрочемъ наша интеллигенція съ такимъ же основаніемъ могла бы признать, что русскій мужикъ не признаетъ плодовыхъ садовъ, такъ какъ сплошное воровство яблоковъ, грушъ и пр. въ чужихъ садахъ крестьянами составляетъ обычное явленіе въ нашей деревни. Почему, наконецъ не итти далѣе: въ нашемъ черноземномъ центрѣ крестьяне немилосердно воруютъ связанный въ полѣ хлѣбъ, тоже, вѣроятно, признавая его «ничьей» собственностью. Нашъ общинникъ мужикъ не признаетъ и обязательствъ, въ которыя вступаетъ. По толкованію уравнителей это происходитъ только тогда, когда обязательства невыгодны мужику; когда же они ему выгодны, онъ исполняетъ ихъ. Въ этомъ никто и не сомнѣвается. Но причина подобнаго страннаго отношенія мужика къ своимъ обязательствамъ заключается именно въ томъ, что онъ сознаетъ всю неправомѣрность тѣхъ порядковъ, которые господствуютъ въ нашей деревнѣ. Сила же и значеніе обязательствъ ему прекрасно, извѣстны, и самъ онъ выражаетъ ихъ такъ: обязался—и тяни.

именно полная свобода отдѣльныхъ хозяевъ въ пользованіи отводимой имъ при передѣлѣ землю. Каждый можетъ засѣвать свои пашни сколько угодно лѣтъ подрядъ, можетъ забросить ихъ въ залежь и эксплуатировать какъ сѣнокосъ или заращивать лѣсомъ; можетъ, по усмотрѣнію, сѣять яровой или озимый хлѣбъ и даже огородить любую часть своей душевой пашни, лишь бы только оставался свободный прогонъ для общественнаго скота. Словомъ каждый крестьянинъ на *все время отъ передѣла до передѣла* (!) является полнымъ хозяиномъ отведенной пашни, и это обстоятельство проявляется въ безконечномъ разнообразіи сѣвооборотовъ, какое нерѣдко можно наблюдать у отдѣльныхъ хозяевъ на земляхъ одной и той же общины“.

„Другой характерною чертою для южныхъ округовъ Тобольской губерніи является крайнее отвращеніе общины къ дробленію пашень на мелкія полосы“, такъ что полосы менѣе полудесятины или цѣлой десятины на югѣ Тобольской губ. встрѣчаются очень рѣдко. Сроки передѣловъ вообще длинные, 10 — 15 лѣтъ; ежегодныхъ переверстокъ никогда здѣсь не бываетъ.

Что сказать о подобной аргументаціи автора „Крестьянской общины въ Сибири“, если бы даже факты, на которые онъ ссылается, были справедливы?

Всѣ изслѣдователи удостовѣряютъ, что общинные порядки и уравнительное землепользованіе создаются въ Сибири постепенно и не достигли еще формы великороссійской общины. Въ той мѣрѣ, въ какой они еще не развили обычныхъ порядковъ уравнительнаго землепользованія, отсутствуютъ и тѣ недостатки, въ которыхъ упрекаютъ общинный крѣпостной институтъ противники общины. А г. Кауфманъ этими отступленіями земельныхъ порядковъ сибирскихъ крестьянъ отъ уравнительнаго землепользованія опровергаетъ доводы его противниковъ! Но человекъ судятъ не по ребенку, данное явленіе—не по первымъ его признакамъ, а тѣмъ болѣе не по тѣмъ признакамъ, которые противорѣчатъ самому явленію. Впрочемъ, подобные приемы постоянно практикуются защитниками общиннаго землепользованія.

Такъ, когда имъ указываютъ на вредъ передѣловъ, они

приводятъ примѣры общинъ, въ которыхъ передѣлы прекратились и фактически водворилась форма подворно-наслѣдственного землевладѣнія и т. д. Въ аргументаціи г. Кауфмана кромѣ того нельзя не замѣтить и другого явнаго противорѣчія. Въ началѣ онъ утверждаетъ, что сибирскій крестьянинъ на югѣ Тобольской губ. можетъ на своихъ пашняхъ даже выращивать лѣсъ, а затѣмъ свидѣтельствуемъ, что сроки передѣловъ назначаются отъ 10 до 15 лѣтъ; въ подобные сроки лѣса не выростить.

Затѣмъ г. Кауфманъ самъ признаетъ, что даже пахарю южныхъ округовъ Тобольской губ. не соглашаются уступить свои пашни плохимъ пахарямъ и черезъ 15 лѣтъ, что борьба зажиточныхъ хозяевъ, „требующихъ во имя права затраченнаго труда, чтобы ихъ не трогали съ насиженныхъ мѣстъ“, съ элементами, требующими „уравненія“ — предшествуетъ передѣлу рѣшительно во всякой общинѣ; что переходы полюсъ отъ старательныхъ къ нерадивымъ при аукціонныхъ способахъ передѣла (наиболѣе здѣсь употребительныхъ) нарушаютъ интересы добрыхъ пахарей, и законныя права первыхъ (!) несомнѣнно при этомъ страдаютъ“. „Но, по мнѣнію г. Кауфмана, все это не имѣетъ значенія, такъ какъ не можетъ вредно отражаться на прогрессѣ хозяйства. „Исслѣдованія выяснили, что хозяйство ведется здѣсь по залежно-паровой системѣ“; уваживаніе не примѣняется, спеціальныхъ многолѣтнихъ сѣвооборотовъ или улучшеній съ значительными затратами капитала не встрѣчается. Преимущество старательнаго хозяина передъ нерадивымъ хозяиномъ заключается лишь въ лучшей обработкѣ полей, въ текущихъ работахъ, а не въ единовременныхъ крупныхъ.

Излишекъ затраченнаго труда старательнымъ хозяиномъ съ избыткомъ окупается излишкомъ перваго же урожая. „Конечно, даящаяся хорошая обработка земли ведетъ къ еще болѣе даящемуся повышенію его производительности. Если потому хорошо обработанная земля переходитъ къ нерадивому хозяину, то этотъ послѣдній, конечно, въ извѣстной мѣрѣ воспользуется плодами чужого труда; хозяинъ, отъ котораго отходитъ такая земля, лишится части избыточнаго продукта; но *убытка* (!) онъ не потерпитъ, такъ какъ излишне затра-

ченный трудъ уже оплаченъ полученными урожаями; выражаясь языкомъ римскаго права, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ „lucrum cessans“, а не съ „damnum emergens“ (стр. 232 l. c).

Мы уже имѣли случай замѣтить, что г. Кауфманъ напрасно становится на почву права для оправданія уравнительнаго землепользованія. Это для него очень скользкая почва. Интересно, что, „выражаясь языкомъ римскаго права“, г. Кауфманъ сослался не на пандектное право и не на римскихъ юристовъ, а на ученаго социалиста кафедры, профессора А. Вагнера, но и эта ссылка не оправдываетъ его мнѣнія. У Вагнера идетъ рѣчь о вознагражденіи собственника при отчужденіи его собственности, причемъ подъ „lucrum cessans“ Вагнеръ преимущественно разумѣетъ благоприятныя собственнику конъюнктуры, выгоды отъ которыхъ Вагнеръ вообще признаетъ „незаслуженными“ прибылями собственниковъ. Напротивъ, Вагнеръ безусловно требуетъ вознагражденія тамъ, гдѣ выгода является результатомъ труда.

При уравнительномъ землепользованіи у добраго пахаря отнимаютъ хорошо обработанную пашню и даютъ, безъ всякаго вознагражденія, плохую, приносящую худшіе урожаи, а г. Кауфманъ видитъ *въ этой потерѣ* владѣльца *lucrum cessans!* Но *lucrum* означаетъ прибыль, а не убытокъ; убытокъ же называется „damnum“. Притомъ убытокъ владѣлецъ несетъ не потому, что у него отняли участокъ болѣе плодородный вслѣдствіе его натуральныхъ свойствъ; у него, напротивъ, отняли участокъ, который сталъ плодороднѣе въ силу положеннаго на него владѣльцемъ труда.

Но г. Кауфманъ не правъ и съ экономической точки зрѣнія. Хорошая, глубокая обработка улучшаетъ землю не на одинъ, два, три года и т. д., а на неопредѣленное число лѣтъ. Французскіе экономисты, хорошо знакомые съ положеніемъ сельскаго хозяйства, утверждаютъ, что площади посѣвовъ низшихъ сортовъ хлѣбовъ сокращаются въ пользу высшихъ, такъ какъ земли настолько улучшаются путемъ тщательной обработки, что теперь поступаютъ подъ болѣе высшія культуры ¹⁾. Вотъ каково значеніе лучшей обработки

¹⁾ Левитскій, Сельско-хозяйственный кризисъ во Франціи, стр. 48.

земли для экономики страны, если она продолжается послѣдовательно многіе годы.

Съ мнѣніемъ г. Кауфмана, конечно, не согласится ни одинъ хозяинъ земледѣлецъ, но съ нимъ несогласны и наши земледѣльцы - крестьяне. Въ другомъ мѣстѣ своего труда г. Кауфманъ самъ приводитъ совершенно справедливыя возраженія добрыхъ пахарей, обращенныя къ нерадивымъ: „Вы свои пашни застрамили, а теперь насъ съ полось сживаете; вы нашими трудами хлѣбъ ѣсть будете, а мы вамъ опять готовъ пашню къ будущему передѣлу!“ (стр. 156). Видно и русскій мужикъ, хотя не обучался пандектному праву, понимаетъ, что здѣсь не „*lucrum cessans*“, а настоящее „*damnum*“. Но и самый аукціонный способъ передѣловъ, столь распространенный въ Сибири, далеко не безвреденъ для экономическихъ интересовъ какъ отдѣльныхъ хозяевъ, такъ и всего края. Защитниками аукціоннаго способа являются обыкновенно приписанные къ обществамъ ссыльные, и въ Ишимскомъ округѣ отмѣчено нѣсколько случаевъ, когда аукціонные способы были пущены въ ходъ главнымъ образомъ по ихъ настояніямъ; напротивъ, значительная часть мѣстнаго крестьянства относилась къ нимъ всегда неодобрительно, считая ихъ направленными исключительно къ выгодѣ лѣнтяевъ, въ нарушеніе интересовъ „хорошихъ“ „старательныхъ“ крестьянъ.

Ссыльные вообще прежде играли видную роль при разгромѣ заимочниковъ и переходѣ къ душевому управленію. Дѣло въ томъ, поясняетъ самъ г. Кауфманъ (стр. 68), что „возможность пользованія на захватномъ правѣ, наравнѣ съ другими, пашнею и покосомъ и право свободно рубить лѣсъ, конечно, не могутъ удовлетворить „шатающагося“ (атакихъ большинство) ссыльно-поселенца, который самъ не пашетъ, сѣна не коситъ, нуждается въ ничтожномъ количествѣ топлива или даже вовсе въ немъ не нуждается, — и который могъ бы фактически извлекать выгоду изъ владѣнія землею лишь путемъ сдачи ея въ аренду (Sic!) или продажи лѣса на срубъ; такой ссыльный не удовлетворяется поэтому своимъ правомъ участія въ захватномъ пользованіи, а требуетъ отвода опредѣленнаго душевого надѣла; — такія требо-

ванія, иногда поддерживаемыя администраціею, нерѣдко могли явиться существеннымъ дополнительнымъ стимуломъ къ введенію уравнильно-душевого пользованія“. Итакъ, вотъ какіе „элементы“ играли значеніе „стимула“ къ переходу въ уравнильное землепользованіе, а не пресловутое „утѣсненіе“.

Вообще же аукціонная форма передѣловъ—азартная игра и притомъ крайне безнравственная; не даромъ же инициаторами ея явились ссыльные и вообще безхозяйные элементы. Желаящіе „сжить“ старожильца съ полосы должны „возвысить“ цѣну земли противъ владѣльца. Разъ начавшійся „перебой“ или торгъ продолжается до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ конкурентовъ не объявитъ столь высокой цѣны, что всѣ остальные откажутся отъ дальнѣйшаго торга. Сущность дѣла заключается въ томъ, что торгующіеся на землю побуждаются желаніемъ „рыться“ въ землѣ и всучить кому-нибудь его собственную землю по дорогой цѣнѣ. Разумѣется, нерѣдко эти игроки и прогадываютъ: вынужденный высокой оцѣнкой „перебоя“ добрый пахарь отказывается отъ торга, а плохіе, набившіе цѣну или попавшіеся, благодаря манипуляціямъ ссыльныхъ, получаютъ участокъ, который давалъ прекрасные урожаи въ рукахъ хорошихъ хозяевъ, но, перейдя къ плохимъ пахарямъ, начинаетъ плохо родить хлѣбъ.

Мы видѣли, какъ расписываетъ г. Кауфманъ достоинства и преимущества принятыхъ на югѣ Тобольской губерніи формъ уравненія. Исслѣдователь Курганскаго Округа, г. Осиповъ ¹⁾, тоже находитъ, что общинные земельные порядки южныхъ округовъ Тобольской губерніи не имѣютъ коренныхъ недостатковъ великороссійскихъ передѣловъ, и выводитъ отсюда заключеніе, что „вышеуказанные недостатки великороссійской общины вовсе не присущи самой идеѣ общиннаго землевладѣнія и происходятъ лишь отъ неумѣлаго ея примѣненія.“ Сибирская община „съ достаточной убѣдительностью показываетъ, что существуютъ такія формы общиннаго землепользованія, при которыхъ оно можетъ допускать какія угодно улучшенія.“

¹⁾ Матеріалы по Западной Сибири, XXI, стр. 127 и слѣд.

Лучшимъ опроверженіемъ всѣхъ этихъ сужденій могутъ служить порядки, установившіеся на сѣверѣ Тобольской губерніи (округа: Ширинскій и Тобольскій). Пашни раздѣлены на смѣны съ принудительной обработкой по системѣ двухпольнаго и трехпольнаго хозяйства съ выпасомъ скота на парахъ и жнивья; поля разбиты на узкія полосы—шириною 5—3 саженой и даже ниже—однимъ словомъ, общинные порядки этой мѣстности повторяютъ всѣ существенные недостатки и черты уравнительнаго землепользованія великороссійскихъ губерній. Рано или поздно, къ тому же придутъ и прочія мѣстности западной Сибири. Г. Кауфманъ, повидимому, соглашается съ этимъ и видитъ въ этомъ послѣдовательномъ ходѣ уравнительнаго процесса прогрессъ (къ чему же было возражать на упреки „противниковъ“ общины?). „Упроченіе и развитіе душевой формы пользованія,“ утверждаетъ авторъ „Сибирской общины,“ „и распространеніе хозяйства съ удобреніемъ являются, при существующихъ въ Сибири условіяхъ, процессами необходимо другъ другу сопутствующими.“ Посмотримъ, насколько это смѣлое утвержденіе оправдывается фактами. Ближайшія къ селеніямъ пашни удобряются во многихъ мѣстностяхъ даже восточной Сибири, гдѣ, „душевой формы пользованія“ вовсе не существуетъ. Въ западной Сибири удобряются тоже только ближайшія къ селеніямъ поля на сѣверѣ Тобольской губерніи въ округахъ, о которыхъ мы говорили выше, но дальнѣйшее развитіе удобренія въ другихъ мѣстностяхъ западной Сибири встрѣчаетъ, по признанію самого г. Кауфмана, *непреодолимое препятствіе въ общинномъ землевладѣніи и расселеніи деревень* (стр. 252), ибо нельзя возить навозъ за нѣсколько верстъ отъ хатъ. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Туринскаго округа сибирскіе крестьяне выселяются изъ деревень и образуютъ особые выселки. Г. Кауфманъ видитъ въ этомъ разрѣшеніе вопроса, но выселеніе крестьянъ изъ деревень и сель означаетъ полное разложеніе общинныхъ порядковъ и переходъ къ подворному владѣнію, о чемъ мы будемъ говорить подробнѣе ниже.

Итакъ, приведенное нами выше утвержденіе г. Кауфмана—пустая фраза, ни на чемъ не основанная и имъ же са-

мимъ опровергнутая. Подобныя противорѣчія защитниковъ общиннаго землепользованія представляютъ обычное явленіе въ нашей литературѣ и нисколько ихъ не смущаютъ...

Сѣверо-западная окраина Ишимскаго округа и прилегающія къ ней мѣстности округовъ Тобольскаго и Ялуторовскаго, представляя тощія подзолистыя почвы, необходимо требуютъ удобренія. Ближе къ югу попытки удобренія дѣлаются отдѣльными хозяевами; дальше къ сѣверу число такихъ домохозяевъ растетъ. Изслѣдованіе удостовѣрило, что права домохозяевъ практикующихъ удобреніе до сихъ поръ никогда не нарушались, и случаевъ „сживанія“ съ удобренныхъ пашень совершенно не бывало. Изслѣдователи, по словамъ г. Кауфмана, объясняютъ это „странное явленіе тѣмъ соображеніемъ, „что полезность удобренія еще не окончательно выяснилась для крестьянъ,“ а потому „худшіе элементы (sic!) въ общинѣ еще не успѣли понять выгоды, которую они могли бы извлечь, садясь на чужія удобренные пашни.“ Не правда-ли, любезный читатель, какое милое объясненіе, какъ оно прекрасно характеризуетъ нашу общину и какъ оно согласуется съ взглядомъ г. Кауфмана на „*lucrum cessans*.“ —

Вообще земледѣліе въ Сибири представляетъ еще много особенностей, благодаря отсутствію душевого уравнительнаго землепользованія. Къ такимъ особенностямъ принадлежитъ, напримѣръ, орошеніе полей и сѣнокосовъ, которое въ Забайкальскомъ краѣ примѣняется во многихъ мѣстностяхъ у инородцевъ и у русскихъ крестьянъ. Условія этихъ орошеній и тѣхъ формъ, которыя они принимаютъ, мы изложили въ нашемъ трудѣ „Уравнительное землепользованіе и крестьянское хозяйство въ Забайкальскомъ краѣ.“ Не подлежитъ сомнѣнію, что орошеніе полей прекратится, какъ только Забайкалье перейдетъ къ уравнительному душевому землепользованію. Въ западной Сибири изслѣдованіями отмѣчены весьма рѣдкіе случаи осушки и обращенія въ пашню небольшихъ участковъ болотной земли ¹⁾ (въ Туринскомъ округѣ). Во всѣхъ этихъ случаяхъ инициатива и вся работа принадлежали отдѣльнымъ домохозяевамъ, община же поспѣшила взять

¹⁾ Матеріалы, вып. IX, стр. 388 и слѣд.

съ этихъ трудолюбцевъ обычную дань. Между тѣмъ г. Кауфманъ и другіе изслѣдователи Сибири эту-то дань называютъ „содѣйствіемъ“ со стороны общины (!), инициаторомъ осушительныхъ работъ. Такъ, въ д. Ленской отдѣльными лицами и небольшими артелями, безъ всякаго содѣйствія общины, осушено и обращено въ пашни пять небольшихъ болотцевъ, пространствомъ до 7 десятинъ; за „позволеніе“ (!) произвести осушку, общество потребовало отъ трудолюбцевъ особую плату, которая и была ими внесена. Въ д. Даньковой одинъ крестьянинъ „арендовалъ“ (!) у общества на 30-лѣтній срокъ участокъ топкаго болота въ 10 десятинъ съ платою 50 рублей, причемъ Даньковская община отвела ему въ составъ душевого надѣла всѣ тѣ полосы, черезъ которыя, по его расчетамъ, предстояло вести осушительныя каналы. Въ д. Неймышевой одинъ хозяинъ взялся осушить поросшее мелкимъ березнякомъ болотце; общество предоставило ему право пользованія этимъ участкомъ за 35 рублей. Въ д. Урусовой одинъ крестьянинъ снялъ у общества на 15 лѣтъ десятину болота съ платою 35 р. за все время. Таково „содѣйствіе“ русской общины трудолюбцамъ - инициаторамъ и производителямъ меліоративныхъ работъ, — „содѣйствіе,“ отъ котораго наши уравнители приходятъ въ умиленіе. Можемъ ихъ увѣрить, что въ Англіи даже ландлорды оказываютъ своимъ фермерамъ „содѣйствіе“ въ иной формѣ и во всякомъ случаѣ не берутъ никакой платы съ нихъ за меліоративныя работы или за „позволеніе“ ихъ произвести.

Изслѣдователи отмѣчаютъ и рѣдкіе случаи *артельныхъ* работъ по осушенію въ западной Сибири, которыя они относятъ, разумѣется, на счетъ общины—совершенно неправильно и напрасно.

Насколько пресловутая теорія „утѣсненія“ не оправдывается дѣйствительностью, можно судить на примѣрѣ землепользованія въ Забайкальскомъ краѣ. У крестьянъ восточнаго Забайкалья средняя цифра мягкой пашни на хозяйство колеблется между 5,0 дес. и 5,9 дес., а у крестьянъ западнаго Забайкалья 5,1—8,0 дес.; между тѣмъ на востокѣ Забайкалья господствуетъ захватная форма землепользованія, а на западѣ—уравнительная. Изслѣдователь объясняетъ этотъ фактъ

тѣмъ, что „утѣсненіе“ въ пашняхъ Забайкальской области „относительное“ и заключается въ томъ, что все большее и большее число хозяевъ обращается къ земледѣлію ¹⁾. Такъ, но при чемъ же тутъ „утѣсненіе“? Если въ западномъ Забайкальѣ въ среднемъ у крестьянъ пашни больше, чѣмъ въ восточномъ, то „утѣсненія“ на западѣ нѣтъ, а существуетъ оно на востокѣ; уравниенія же практикуются на западѣ и отсутствуютъ на востокѣ—фактъ, явно противорѣчащій теоріи „утѣсненія“. На самомъ же дѣлѣ происходитъ слѣдующій процессъ. Въ западномъ Забайкальѣ богатые, лишенные своей земли уравниеніемъ, обращаются къ арендѣ, которую и практикуютъ въ широкомъ размѣрѣ, бѣдняки же и малоземельные арендуютъ земли въ значительно меньшемъ размѣрѣ и, напротивъ, сдаютъ свои надѣлы богатымъ. Въ восточномъ же Забайкальѣ, наоборотъ, арендуютъ преимущественно безземельные и малоземельные у богатей (или покупаютъ землю), т. е. постепенно садятся на землю и заводятъ свои хозяйства. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ господствуютъ „уравниенія“, община обезземеливаетъ крестьянъ и лучшихъ пахарей заставляя обращаться къ арендѣ земли; тамъ, же, гдѣ господствуетъ подворное заимочное владѣніе, малоземельные и безземельные надѣляются пашнями, садятся на землю и постепенно заводятъ самостоятельныя хозяйства ²⁾. Но вредное вліяніе уравниительнаго процесса этимъ не ограничивается. При подворномъ владѣніи срѣди залежности вообще значительные (свыше 12 лѣтъ). Община постепенно сокращаетъ ихъ, и крестьянинъ, чтобы не лишиться земли, начинаетъ ее выпаживать до полного безплодія. Это обстоятельство и приводитъ общину къ системѣ разбивки полей на сорта (1—4-хъ и болѣе); постепенно развиваются дробность и черезполосица, свойственныя

¹⁾ Матеріалы, вып. X, стр. 256.

²⁾ Иначе говоря, въ восточномъ Забайкальѣ заимочники готовятъ изъ дикой земли культурный фондъ для малоземельныхъ и безземельныхъ, а на западѣ община эксплуатируетъ этотъ фондъ въ пользу „шалтаевъ“, слабосильныхъ и „негодныхъ“, вытѣсняя и уничтожая добрыхъ пахарей, и, въ концѣ-концовъ, обезземеливая и слабыхъ въ пользу кулаковъ. См. нашу книгу „Уравниительное землепользованіе въ Забайкальскомъ краѣ“, стр. 113 и слѣд.

уравнительному землепользованию, начатое же удобрение или прекращается, или ограничивается присельными пашнями, и сибирская община переходит, какъ мы видѣли, къ формамъ нашего великороссійскаго черноземнаго центра. Однимъ словомъ, сначала община расхищаетъ богатство залежнаго хозяйства и энергію заимочника—пахаря, потомъ расхищаетъ богатство интенсивной культурной обработки добрыхъ пахарей и ихъ энергію, превращая „богатыря“—крестьянина въ апатичнаго и негоднаго общинника—тяглеца. Что это именно такъ, мы можемъ убѣдиться, наблюдая крестьянскую деревню въ нашихъ черноземныхъ губерніяхъ во время голодовокъ ¹⁾.

Описывая формы землепользования въ Сибири и подводя фактической матеріалъ подъ излюбленную идею, изслѣдователи невольно путались въ своихъ опредѣленіяхъ и въ самыхъ фактахъ. Одни видѣли три, другіе—пять прогрессирующихъ формъ въ развитіи землепользования сибирскихъ земледѣльцевъ; одни начинали съ формы „вольнаго“ пользования, другіе—съ заимочнаго, давая ему разныя названія, и т. д. Болѣе ясное и точное изложеніе предмета мы находимъ у г. Кауфмана. Онъ же первый изъ изслѣдователей далъ правильное опредѣленіе титула заимочнаго права, назвавъ его оккупаціею—этимъ естественнымъ и первоначальнымъ титуломъ права собственности. Но, давъ правильное юридическое опредѣленіе заимочному праву, г. Кауфманъ сейчасъ же и отказался отъ него, какъ будто испугался тѣхъ выводовъ, которые логи-

¹⁾ Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, будучи за границей, мы прочли брошюру одного лица, имя котораго на устахъ у всѣхъ образованныхъ людей нашего вѣка. Въ этой брошюрѣ описывается состояніе и настроеніе нашихъ черноземныхъ крестьянъ во время постигшей ихъ голодовки. Авторъ брошюры утверждаетъ, что нашему голодающему крестьянину нельзя помочь ни кормленіемъ, ни подачками, ни доставляя ему лошадей, сѣмена и проч., а необходимо поднять его энергію. Крестьянинъ опустился, говоритъ авторъ, сталъ апатиченъ ко всему и къ своему благосостоянію. Поднять же энергію крестьянина можно только однимъ способомъ,—перемѣнивъ наше обращеніе съ нимъ, возстановивъ въ немъ достоинство чело-вѣка, со всѣми, разумѣется, правами, свойственными чело-вѣку какъ разумному существу. — Авторъ брошюры, конечно, не касался юридической стороны вопроса, да едва-ли онъ и признаетъ юриспруденцію какъ науку, но онъ сердце-вѣдъ и вѣрно опредѣлилъ сущность дѣла.

чески слѣдовали изъ этого опредѣленія. Въ другомъ мѣстѣ, указавъ на сходство земельныхъ отношеній Сибири съ германской маркой, г. Кауфманъ ограничился ссылкой на извѣстный трудъ экономиста Рошера, а между тѣмъ указаніе г. Кауфмана не только не лишено основательности, но давало поводъ ко многимъ интереснымъ сопоставленіямъ, и очень жаль, что изслѣдователь ими не воспользовался. Такъ, на примѣръ, огораживаніе участковъ инородцами и крестьянами въ степяхъ и тайгѣ несомнѣнно соотвѣтствуетъ тому институту средневѣковой марки, который въ памятникахъ носилъ названіе „Bifang“. Германисты видятъ въ маркѣ территорію общиннаго землепользованія союза марки (Markgenossenschaft); но такъ было въ вотчинно-крѣпостную эпоху среднихъ вѣковъ. Первоначально же марка представляла дикую, ничью землю, окружавшую подворныя поселенія германцевъ и славянъ; овладѣть участками этой дикой земли могъ всякій, огородивъ ее или вспахавъ, или даже объѣхавъ (Eschreiten). Впослѣдствіи марка подпала вотчинной власти и, при разложеніи вотчинно-крѣпостныхъ порядковъ, небольшой своей частью обратилась въ universitas, а вся остальная территорія марки сдѣлалась личной собственностью крестьянъ (за исключеніемъ Англіи). Тотъ же процессъ мы наблюдаемъ и у насъ; государственныя земли б. казенныхъ крестьянъ составляютъ нынѣ частную собственность крестьянъ; очередь теперь за Сибирью.

Мы не станемъ разбирать путаницу изслѣдователей при опредѣленіи формъ землепользованія крестьянъ и другихъ поселенцевъ въ Сибири и присоединимся къ описательной схемѣ г. Кауфмана; изъ этой схемы слѣдуетъ только выкинуть „вольное“ пользованіе. Вольное пользованіе не имѣетъ никакого отношенія къ заимочному праву; это не пользованіе землею, а лишь ея продуктами (временное); такъ пользуются землею, пожалуй, и скотоводы-инородцы. Вообще же опредѣленія изслѣдователей основаны частію на невѣрномъ изложеніи фактовъ, которые они наблюдать не могли, частію на невѣрныхъ юридическихъ опредѣленіяхъ, на примѣръ, куріозное утвержденіе г. Осипова, — что „въ заимкахъ не содержится никакой особой формы землевладѣнія (!), потому что понятіе объ нихъ не содержитъ въ себѣ никакой правовой

идеи“. Очевидно, г. Осиповъ не знакомъ даже съ азбучными опредѣленіями права. Не менѣе куріозно опредѣленіе г. Кроля, который находитъ, что владѣлецъ-заимочникъ не имѣетъ права собственности на свою землю потому, „что это право приобрѣтается по *законномъ* (курсивъ г. Кроля) упрѣпленіи его за извѣстнымъ лицомъ“. Съ подобнымъ канцелярскимъ опредѣленіемъ не согласится ни одинъ юристъ, даже русскій. Кромѣ того мы видѣли, что Положенія 19-го февраля признали заимочное право нашихъ крестьянъ. Не странно ли, что изслѣдователи ссылаются на легальное право тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о бытовомъ народномъ институтѣ, хотя умалчиваютъ о легальномъ правѣ, когда оно не согласуется съ ихъ воззрѣніями?

Вольное землепользованіе относится къ сѣнокосамъ и выпускамъ (у инородцевъ). Тутъ нѣтъ ни права землевладѣнія, ни даже факта. Пока крестьянинъ коситъ намѣченный имъ участокъ въ тайгѣ или степи, онъ, конечно, никого не допустить косить „затыпанное“ имъ мѣсто, но, скосивъ и убравъ сѣно, онъ теряетъ всякую связь съ этой землей (фактическую); слѣдовательно, никакого владѣнія землею тутъ нѣтъ.

Формы земельныхъ отношеній у кочующихъ инородцевъ представляютъ много оригинальнаго и интереснаго для юриста-историка. Земля тутъ разсматривается какъ *res extra commercium* и даже какъ *res communis omnium*. Но правительство установило территоріи инородцевъ и внесло тѣмъ новый элементъ въ земельныя ихъ отношенія. Поэтому инородцы начинаютъ препятствовать русскимъ поселенцамъ селиться на ихъ территоріяхъ, что въ сущности не согласуется съ ихъ исконными воззрѣніями. Правительство установило и общественное управленіе инородцевъ, создавая такимъ образомъ тягловыя общественныя единицы: булуки и степныя думы. „Булуки“, съ разложеніемъ родовыхъ отношеній у инородцевъ, носятъ неопредѣленный характеръ, но изслѣдователи неправильно характеризуютъ ихъ какъ „географическіе пункты“. Булукъ—платежная общинная единица, такая же какъ и сельская община; часто булуки составляются искусственно для разверстыванія между инородцами между дворной гоньбы. Степныя же думы у инородцевъ имѣютъ значеніе нашихъ волостныхъ правленій и исполняютъ ту же функцію, какъ и волости.

Какъ же опредѣляютъ кочующіе инородцы, при осѣданіи, свои отношенія къ землѣ? Оказывается, что первоначальныя, примитивныя отношенія людей къ землѣ всюду одинаковы. Основнымъ титуломъ землевладѣнія у инородцевъ служитъ тотъ же захватъ—оккупация какъ и у крестьянъ-колонизаторовъ. Захватъ устанавливается огораживаніемъ участка, который признается собственностью загородившаго его домохозяина, но прежде не требовалось и загородки, достаточно было закосить въ опредѣленномъ мѣстѣ, если только это мѣсто обыкновенно предназначалось для косьбы (на вершинахъ падей и пр.); участки переходили по наслѣдству. Преимущественно захватъ практиковался для телятниковъ, причемъ бѣдные инородцы всегда городятъ вмѣстѣ и пользуются сѣнокосомъ пропорціонально количеству принятой каждаго на себя городьбы. Расчищенные сѣнокосы всегда составляютъ собственность владѣльцевъ. Пока у инородцевъ не было „поскотинъ“, каждый косилъ около своего зимника; если же косилъ вдаль отъ своего стойбища, то ставилъ столбъ для коновязи, и этотъ столбъ обозначалъ, что данный участокъ уже занятъ. Удобряемые покосы на стойбищахъ всегда составляютъ собственность владѣльцевъ. Захватъ и право собственности по отношенію къ пашнямъ признается рѣшительно всѣми кочующими инородцами. По обычному праву кочущаго населенія, дикая земля, обращенная въ культурную, составляетъ собственность владѣльца до тѣхъ поръ, пока она вновь не обратится въ дикую землю, поэтому время залежности опредѣляется различно; при огораживаніи, право собственности владѣльца неприкосновенно, пока владѣлецъ поддерживаетъ загородку.

Итакъ, мы видимъ, что первоначально человѣкъ никакой „коллективной“ земельной собственности не зналъ. Вмѣшательство булучныхъ, родовыхъ и иныхъ управленій возникаетъ въ силу податныхъ требованій, при чемъ эти управленія часто выказываютъ полный произволъ, закрѣпляя его общественными приговорами. Съ развитіемъ у инородцевъ общинныхъ уравнивательныхъ началъ, начинаютъ господствовать кулаки, все болѣе и болѣе подчиняя себѣ бѣдныхъ инородцевъ, дифференціация у инородцевъ развивается все силь-

нѣе и сильнѣе. Въ настоящее время, когда вводится новое Положеніе у инородцевъ, богатые протестуютъ; но вѣроятно все, что новое Положеніе не уменьшитъ, а усилитъ неравенство, хотя, конечно, на богатыхъ инородцахъ въ первое время оно отразится разореніемъ. И если мы примемъ въ соображеніе, что широкое скотоводство въ Сибири исключительно обязано хозяйственной дѣятельности инородцевъ и казаковъ, то въ ближайшемъ будущемъ мы должны ожидать полнаго экономическаго упадка сибирскаго скотоводства даже тамъ, гдѣ (напр., въ Забайкальской области) оно могло постоянно развиваться благодаря особымъ условіямъ (нагорное положеніе и великолѣпные нагорные луга). Казаки въ Сибири придерживаются тѣхъ же земельныхъ порядковъ, какъ и крестьяне и инородцы. Права забайкальскаго казачьяго войска установлены Высочайше утвержденными особыми Положеніями. На основаніи 7 ст. Положенія „земли, отведенныя станицамъ, состоятъ въ общинномъ владѣніи общества каждой станицы. Никакая часть земли и никакое угодіе, въ чертѣ станичнаго юрта заключающіяся, не могутъ выходить изъ владѣнія станичнаго общества въ чью-либо личную собственность“. Статьи 10 и 11 Положенія гласятъ даже такъ: „Земля, отведенная станичнымъ обществамъ для надѣленія оною лицъ войскаго сословія, распредѣляется на участки, равные по достоинству. Такіе участки называются паями. Мужскаго пола жители станицъ, принадлежащія къ войсковому сословію, по достиженіи 17-лѣтняго возраста, имѣютъ право каждый на одинъ пай во всѣхъ общихъ станичныхъ угодіяхъ и довольствіяхъ“. На основаніи статьи 18 Положенія „раздѣленіе станичныхъ угодій на пай и распредѣленіе послѣднихъ между жителями станицъ зависитъ отъ усмотрѣнія станичныхъ обществъ“.

Таковъ законъ. Онъ ясенъ и категориченъ, но жизнь иногда превращаетъ законъ въ пустой звукъ. Общинное уравнительное землепользованіе казаками вовсе не практикуется. И самъ законодатель долженъ былъ склониться передъ неумолимыми требованіями жизни. Статья 17 Высочайше утвержденаго мнѣнія Государственнаго Совѣта отъ 21 апрѣля 1869 г. предоставляетъ жителямъ станицъ „не только

лично пользоваться полагающимися имъ паями, но и передавать ихъ другимъ лицамъ, хотя бы не принадлежащимъ къ войсковому сословію“, а въ примѣчаніи къ ст. 7 значится: „земли, расчищенныя трудами казаковъ отъ лѣсовъ или осушенныя изъ подъ болотъ, остаются въ ихъ владѣніи, независимо отъ отведеннаго надѣла“ ¹⁾.

Не подлежитъ сомнѣнію, что казаки Забайкалья владѣютъ громадными надѣлами и, разумѣется, этимъ обстоятельствомъ изслѣдователи объясняютъ господство у нихъ захватныхъ формъ землепользованія. Но, съ другой стороны, на большихъ надѣлахъ казаки ведутъ скотоводное хозяйство, количество же пашень у нихъ мизерно. Громадные надѣлы несколько не препятствуютъ дифференціаціи казацкихъ домохозяйствъ. Существуетъ въ станицахъ и хуторахъ много богатыхъ казаковъ скотоводовъ, но не мало и безземельныхъ батраковъ. Уравнительный процессъ у казаковъ является естественнымъ результатомъ ихъ своеобразнаго быта, но какъ это ни странно, онъ никогда не достигаетъ той интенсивной формы, какъ у крестьянъ, вѣроятно потому, что казаки пользуются большей хозяйственной свободой. Тѣмъ не менѣе со временемъ, когда наступитъ необходимость интенсификаціи земледѣлія, и наше казачество опустится въ экономическомъ отношеніи очень низко; уравнительный процессъ и здѣсь приведетъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и въ крестьянской деревнѣ. Близорукое начальство поощряетъ передѣлы, думая равномернымъ распредѣленіемъ угодій повысить матеріальное благосостояніе бѣднѣйшихъ казаковъ и дать имъ возможность

¹⁾ Такимъ образомъ законодатель къ казакамъ отнесся либеральнѣе чѣмъ къ крестьянамъ. Интересно сравнить эти постановленія относительно правъ казаковъ на надѣлы съ требованіями нашихъ уравнителей и съ практикою Сената относительно крестьянской надѣльной земли. Умудренный опытомъ военный законодатель стремится дать казакамъ хозяйственную свободу, насколько это возможно при условіяхъ своеобразнаго казачьяго быта, наши же уравнители лишаютъ крестьянъ всякой хозяйственной свободы и все крѣпче и крѣпче связываютъ ихъ въ общинно-крѣпостной узелъ. Почему же правительство не вводитъ обобществленнаго хозяйства въ станицахъ? При условіяхъ военной дисциплины и необходимаго, съ точки зрѣнія казачества, равенства домохозяевъ, подобное „обобществленіе“, повидимому, здѣсь вполне уместно.

неправно нести казачью службу, по хозяйственные казаки осуждают передѣлы, такъ какъ, благодаря передѣламъ, прекращаются расчистки, на которыхъ хлѣбъ, по ихъ выраженю, родится „безъ урона“. Непреодолимымъ же препятствіемъ къ удобренію служитъ удаленность пашенъ отъ дворовъ. Такимъ образомъ, рано или поздно, и войсковому начальству придется убѣдиться въ томъ, что уравнильное землепользованіе вредно и для казачьихъ хозяйствъ. И сейчасъ богатые казаки поддерживаютъ высокій уровень своихъ хозяйствъ арендою земли у инородцевъ, монголовъ и въ Манджуріи. Какъ только этотъ источникъ изсякнетъ, опустится и благосостояніе богатыхъ домохозяйствъ казачьихъ станицъ. Съ этимъ, кажется, согласны и изслѣдователи, когда удостовѣряютъ, что если общество не имѣетъ запасной неразработанной земли, то неизбежно начинается дробленіе паевъ и общее малоземелье, ведущее населеніе, при неимѣніи другихъ занятій, кромѣ хлѣбопашества, къ серьезному экономическому упадку и обѣднѣнію. Но при наличности неразработанной земли нѣтъ надобности и въ уравниніи. Такимъ образомъ уравнильное землепользованіе не оказываетъ видимаго вреда на сельское населеніе, пока послѣднее пользуется плодами трудовъ тѣхъ, которыхъ обрѣзали; когда же плоды эти будутъ использованы, наступаетъ болѣе или менѣе медленный или скорый упадокъ селенія; истощенная энергія уже не въ состояніи дѣйствовать, земледѣлецъ опускается, впадаетъ въ апатію, изъ которой его уже трудно вывести. Подачки же со стороны, какъ бы онѣ ни были велики, дѣлу не помогутъ, а только ухудшатъ состояніе обездоленнаго.

Главная функція нашей сельской общины, какъ европейской, такъ и сибирской, заключается въ распредѣленіи платежей и повинностей крестьянъ. Съ этой цѣлью она создавалась, и въ этой цѣли заключается весь историческій ея смыслъ. Крестьянская „душа“—платежная „душа“ для русскаго народа въ Россійской Имперіи до сихъ поръ. Само собою разумѣется, что своеобразныя формы земельныхъ отношеній сибирскихъ крестьянъ должны были отразиться и на формахъ и системахъ распредѣленія ихъ платежей и повинностей. Конечно, наши изслѣдователи—уравнители въ этомъ своеобраз-

разномъ процессѣ податного или тягловаго обложенія крестьянъ ничего не поняли, такъ какъ отправляются отъ ложной точки зрѣнія на весь эволюціонный процессъ уравнительнаго землепользованія. Они къ сибирскому крестьянству примѣняютъ свое излюбленное измышленіе о „взаимномъ отношеніи между размѣрами лежащихъ на крестьянахъ платежей и доходностью состоящихъ въ ихъ пользованіи земельныхъ и иныхъ угодій ¹⁾, и не понимаютъ, что такого „соотвѣтствія“ при уравнительномъ землепользованіи не можетъ быть, ибо уравнительное землепользованіе есть „душевое“ тягло, при которомъ повинность налагается на личность крестьянина, а земля служитъ лишь придаткомъ для несенія тягла; доходность же ея зависитъ исключительно отъ „доходности“ главнаго объекта обложенія — живой души или ея представителя — домохозяина. Отъ этой-то неправильной точки зрѣнія и зависятъ всѣ недоразумѣнія нашихъ уравнителей и, къ сожалѣнію, правительственной власти.

Крѣпостной тягольною единицею при крѣпостномъ правѣ была ревизская душа; въ Сибири она играла ту же самую роль, какъ и въ Европейской Россіи. Но невозможность ея сохраненія въ Сибири стала ясной и для правительства. Въ Европейской Россіи приснопамятная ревизская душа превратилась въ „выкупную“ душу, а потому сохранила весь свой авторитетъ до сихъ поръ. Какъ бы ни распредѣляли крестьяне Европейской Россіи свои платежи по дворамъ (по наличнымъ, по ртамъ и т. п.), они всегда распредѣляютъ въ сущности выкупную ревизскую душу. Разница между дореформеннымъ и нынѣшнимъ порядкомъ въ Европейской Россіи та, что при крѣпостномъ правѣ ревизская душа, посредствомъ помѣщиковъ и казны — государства, владѣла крестьянами, а теперь эти крестьяне сами владѣютъ этой душой; изъ объектовъ владѣнія они обратились въ субъектовъ владѣнія, и подобное вполне законное и справедливое съ исторической точки зрѣнія превращеніе произвелъ *выкупъ*.

Ничего подобнаго нѣтъ въ Сибири. Здѣсь, наоборотъ, владѣльцы душъ постепенно превращаются въ крѣпостныхъ

¹⁾ См. у г. Кауфмана, стр. 97.

дореформенныя души, но такъ какъ подобный процессъ нынѣ совершенно невозможенъ, то правительству, рано или поздно, придется считаться съ этимъ аномальнымъ возвращеніемъ къ крѣпостному праву.

Подушная подать долго господствовала въ Сибири; нынѣ она замѣнена такъ называемой „оброчной“. Но мы уже видѣли, что при уравнительномъ землепользованіи это только самообманъ; оброчная подать преспокойно превращается, при уравненіяхъ, въ подушную, такъ какъ оба института тѣсно связаны между собой и въ сущности—синонимы. Разъ земля распредѣляется между плательщиками, то не она, а эти плательщики *лично* являются податными объектами. Какой же имѣетъ смыслъ говорить о „соотвѣтствіи“ платежей съ доходами земли? Налагайте какой хотите налогъ на землю, но если вы будете ее распредѣлять между плательщиками, то податнымъ объектомъ будетъ личность плательщика, а никакъ не земля. Если вы уничтожите всякій налогъ и будете распредѣлять землю по „потребностямъ“ пользователей, то мѣриломъ распредѣленія земли все-таки будетъ личность потребителя—его личныя потребности, а вовсе не доходность земли, т.-е. дѣятельность производителя. Ясно, что производителю отъ этого не будетъ ничуть не легче; онъ такъ же будетъ угѣсненъ и угнетенъ платежами, какъ угнетенъ и нынѣ. Въ этомъ-то и заключается смертный грѣхъ социализма, который не желаетъ понять, что въ экономическихъ явленіяхъ человѣчества потреблять значитъ производить и наоборотъ, а потому распредѣленіе „благъ“ земныхъ должно принадлежать самимъ производителямъ — хозяевамъ, ибо въ сущности всегда распредѣляется ихъ хозяйственная энергія, о силѣ и значеніи которой могутъ судить только они сами. Наши же уравнители полагаютъ, что блага земныя падаютъ потребителямъ прямо въ ротъ съ неба, и что вся задача общества заключается лишь въ равномерномъ распредѣленіи этихъ благъ; неудивительно, если, при такой системѣ распредѣленія „благъ“, они довели наше крестьянство до полной пролетаризаціи.

Подати и повинности крестьянъ, при уравнительномъ землепользованіи, являются своего рода коррективомъ. Наши уравни-

нителі, конечно, совершенно обратнаго мнѣнія вслѣдствіе неправильной концепціи экономическихъ явленій. Многіе даже увѣрены, что стоитъ только отмѣнить выкупъ, и крестьяне, при уравнительномъ землепользованіи, процвѣтутъ, тогда какъ въ дѣйствительности выкупъ и спасаетъ русское крестьянство отъ полной гибели, ибо, благодаря выкупу, земля переходитъ къ хозяевамъ и уходитъ отъ „шалтаевъ“, обуздываетъ эгоистическіе инстинкты „сживателей“ добрыхъ пахарей съ ихъ трудовой земли и сохраняетъ послѣднюю за этими пахарями, упрочиваетъ крестьянскую семью, т.-е. хозяйство семейнаго очага и даетъ государству добрыхъ пахарей и состоятельныхъ плательщиковъ для государственныхъ и общественныхъ нуждъ.

Сибирскіе крестьяне не получили права выкупа; земля нарѣзается по числу наличныхъ душъ и такъ же опредѣляется оброчная подать. Нелѣпость подобной податной системы очевидна. Имѣя дѣло съ „обществами“, государство и не знаетъ, кто изъ плательщиковъ обремененъ чрезмѣрно, а кто пользуется несправедливыми льготами. Рано или поздно добрые пахари, обремененные несправедливыми налогами, начнутъ уходить отъ земли, по крайней мѣрѣ, отъ „мірской“ земли. Чѣмъ ихъ удержать правительство отъ подобнаго бѣгства, которое со временемъ можетъ сдѣлаться повальнымъ? Европейскихъ крестьянъ удержалъ выкупъ; какъ только эти крестьяне перешли на выкупъ—они почти все возвратились къ землѣ; мы утверждаемъ этотъ фактъ категорично.—И какое мѣрило для переоброчекъ будетъ имѣть правительство, когда „мірская“ земля потеряетъ всякую цѣнность? Разрѣзанная на узкія полосы, разбросанная по всей территоріи надѣла, связанная принудительной обработкой и истощенная плохой обработкою и отсутствіемъ удобренія, крестьянская земля не будетъ представлять для добраго пахаря ни малѣйшей привлекательности, и вотъ тогда наши уравнители узнаютъ, кто и что составляетъ цѣнность главнаго „орудія производства“ человѣчества—земли; только это „знаніе“ отразится на русскомъ народѣ слишкомъ поздно.

Ревизская разверстка не могла сохраниться въ сибирской деревнѣ съ тѣхъ поръ, какъ правительство стало нарѣзать

землю по наличнымъ душамъ. Но она сдѣлалась невозможною и раньше вслѣдствіе отсутствія ревизіи ¹⁾. Поэтому сибирская деревня уже давно приняла „бойцовую“ разверстку, „по богатырямъ“, т.-е. въ сущности тягольную Европейской Россіи. Но у европейскихъ крестьянъ, благодаря выкупу, тягольная разверстка имѣетъ совсѣмъ иное значеніе; ею крестьяне спасали себя отъ разоренія (у великорусскихъ общинниковъ) и свою землю отъ продажи (у наследственно-подворныхъ владѣльцевъ). Такихъ побужденій у сибиряковъ не можетъ быть, такъ какъ землю они не получили на выкупъ, и отнимать ее отъ „общества“ правительство не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія. Сибирская община распредѣляетъ по богатырямъ подати потому, что наличность рабочей силы составляетъ главный признакъ благосостоянія крестьянскаго двора, о чемъ мы будемъ подробно говорить въ послѣдней главѣ нашего труда. Но для заимочниковъ этого признака недостаточно; тутъ играетъ великую роль личный элементъ хозяина-производителя. Поэтому сибирскіе крестьяне приняли старинную систему распредѣленія древней Руси по „занятіямъ“ или „животамъ и промысламъ“ тамъ, гдѣ господствуетъ заимочное землевладѣніе; примѣры этой разверстки приведены въ нашемъ трудѣ по Забайкальской области.

Но, конечно, въ нашей деревнѣ, благодаря явно неправомѣрному порядку земельныхъ отношеній, установленныхъ правительствомъ, нерѣдко господствуетъ чистѣйшій произволъ въ податныхъ разверсткахъ, на примѣръ, при системѣ „накладокъ“, когда на дворы накладываются дополнительные платежи по усмотрѣнію „общества“, т.-е. безконтрольнаго, иногда мнимаго, большинства. Исслѣдователи-уравнители восхищаются этимъ произволомъ міра, но уже то обстоятельство, что они не могли сами найти и опредѣлить руководящіе принципы этихъ „накладокъ“, ясно свидѣтельствуетъ о полной ихъ неправильности и несправедливости.

Всѣ изложенные виды распредѣленія податей не имѣютъ связи съ землей, такъ какъ господствуютъ тамъ, гдѣ душевое

¹⁾ Этого факта наши уравнители не сообразили, а, кажется, онъ очень характеренъ.

уравнительное землепользование еще не установилось. При душевомъ владѣніи тоже сначала господствовала ревизская раскладка, какъ законная, и затѣмъ перешла въ тягольную съ тѣмъ же характеромъ, какъ у европейскихъ крестьянъ (свалкой - навалкой душъ). Переходъ къ разверсткѣ на наличныя души былъ совершенно необходимъ въ виду указанной нами аграрной политики правительства; въ сущности эта „наличная душа“ та же ревизская, потому что значится въ окладахъ казенныхъ палатъ, но, само собою разумѣется, и тутъ допускаются компромиссы (между прочимъ и разверстка по ртамъ), какъ и у крестьянъ Европейской Россіи.

Мы уже говорили о разверсткахъ земли при душевомъ владѣніи съ торговъ, аукціона, и проч. Въ дѣйствительности всѣ эти передѣлы — разверстаніе податей, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они принимаютъ прямо формы торга „душами“. При „надорожкѣ“ каждому домохозяину предоставляется повишать общественную оцѣнку каждаго участка земли; если, напримѣръ, общество положило, что въ данномъ душевомъ 4-хъ десятинномъ участкѣ перваго сорта 1 дес., второго—1,5 и третьяго тоже—1,3 десятины, то хозяева могутъ „торговаться“ или „надороживать“, и участокъ остается, напримѣръ, за тѣмъ, кто его приметъ за 1,3 дес. перваго, 1,7 дес. второго и 1 дес. третьяго сорта, т.-е. приметъ на себя платежи на участокъ больше, чѣмъ слѣдовало по оцѣнкѣ. Та же цѣль преслѣдуется и при передѣлѣ на „сбавокъ“¹⁾.

Характерную черту сибирскаго уравнительнаго землеполь-

1) Г. Кауфманъ описываетъ въ своей книгѣ передѣлы съ «торговъ» и проч. (стр. 144 и слѣд.) очень сбивчиво, желая вѣроятно скрыть сущность дѣла, такъ что едва ли читатель пойметъ, о чемъ идетъ рѣчь. Сущность же заключается въ томъ, что общество фиктивно опредѣляетъ размѣръ «душевого» надѣла (напр., въ 7 дес.), а домохозяева затѣмъ торгуются на размѣры душевого надѣла, и получаютъ участокъ тотъ, кто приметъ «душу» въ меньшемъ размѣрѣ (напр., въ 5 дес.). Это, конечно, очень характерно, такъ какъ оказывается, что и въ Сибири душа есть платежная душа, а земля къ ней придатокъ. Сбавляютъ ли размѣръ участка на душу или наоборотъ, увеличиваютъ количество душъ на данный участокъ—безразлично. Сущность заключается въ платежахъ на душу, которые неизмѣнны. Описание г. Качоровскаго «торговъ» (стр. 184) тоже не отличается ясностью.

зованія составляетъ принципъ „старшинства“, т.-е. преимущество „старожильцевъ“ остаться у „своихъ привычекъ“, на „становьѣ“, что, конечно, весьма важно съ хозяйственной точки зрѣнія. Это преимущество нерѣдко признается и при „торгахъ“. Но сибирякъ-крестьянинъ постепенно теряетъ все свои преимущества и превращается въ простого „тяглеца“ великороссійской общины.

Вопросъ о сибирскомъ крестьянствѣ у насъ связываютъ съ переселенческимъ вопросомъ — съ колонизаціею Сибири. Эта колонизація была вызвана правительствомъ искусственно съ постройкою Сибирской желѣзной дороги. Государственного значенія этой колонизаціи мы не будемъ касаться, такъ какъ признаемъ себя совершенно не компетентными при его обсужденіи. Но въ экономическомъ отношеніи эта искусственная колонизація, произведенная въ грандіозныхъ размѣрахъ, несомнѣнно принесла вредъ какъ европейской деревнѣ, такъ и сибирской. Наши уравниатели (и, къ сожалѣнію, не они одни) рѣшили, что русскому мужику стало тѣсно въ Европѣ; земля отказывается кормить пореформеннаго крестьянина. Но пресловутое „утѣсненіе“ вовсе не зависитъ въ данномъ случаѣ отъ малоземелья. Два факта противорѣчатъ ходячему воззрѣнію о малоземеліи: разгромъ частновладѣльческихъ хозяйствъ за полнымъ почти отсутствіемъ рабочихъ рукъ (батрацкихъ) и экстенсивныя формы крестьянскаго хозяйства, которое тоже, какъ увидимъ ниже, страдаетъ отъ недостатка рабочихъ рукъ. Разжижать народонаселеніе при подобныхъ условіяхъ — значитъ впадать въ прямое противорѣчіе съ здравой аграрной политикой ¹⁾.

Интенсификація земледѣлія только и возможна при сравнительномъ переполненіи сельско-хозяйственной территоріи рабочими руками. Примемъ также въ соображеніе нашу мизерную городскую индустрію (особенно мелкую), которая тоже ждетъ къ себѣ хозяевъ и рабочихъ рукъ. Всюду у насъ чувствуется недостатокъ тѣхъ и другихъ, но нигдѣ не чувствуется ихъ избытка. Если же нашъ крестьянинъ голодаетъ,

¹⁾ Этотъ безспорный фактъ мы докажемъ въ нашемъ трудѣ «Наша деревня» II вып. (частно-владѣльческая деревня).

то это совершенно въ порядкѣ вещей: въ крѣпостной общинѣ онъ всегда голодалъ, не только у насъ, но и на западѣ Европы; въ случаѣ надобности мы приведемъ примѣры изъ памятниковъ и хроникъ. Со времени реформъ графа Киселева государственные крестьяне голодали рѣдко, но это объясняется тѣмъ, что казна-государство была очень добрымъ вотчинникомъ и по времени пользовалась необъятными средствами и весьма дѣйствительными мѣрами „воздѣйствія“ по отношенію къ нерадивымъ крестьянамъ.

Теперь времена измѣнились: не государство должно кормить крестьянъ, а крестьяне должны кормить государство, что безъ полной экономической свободы и правомѣрнаго порядка невозможно, а ихъ-то и нѣтъ въ нашей уравнительной деревнѣ. Да и голодаютъ-то у насъ почти исключительно наши крестьяне-общинники; о голодовкахъ же нашихъ селеній съ подводно-наслѣдственнымъ землепользованіемъ что-то не слышать, хотя мнимые подворники нашихъ окраинъ тѣ же общинники, только землепользованіе ихъ основано на правомѣрномъ порядкѣ, а не на прекарныхъ земельныхъ отношеніяхъ нашихъ великороссійскихъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что наша колонизаціонная политика быстро приведетъ къ полному крушенію наше сибирское крестьянство, еще недавно богатое и цвѣтущее. Единственное средство спасти русскаго мужика въ Сибири отъ крушенія — ввести въ Сибири во всемъ объемѣ Положенія 19 февраля 1861 года съ прочими освободительными актами и непременно съ установленіемъ правила *обязательнаго выкупа* крестьянскихъ надѣловъ. Въ Сибири нѣтъ дворянъ-помѣщиковъ, но существуетъ казна-вотчинникъ. Земли государственныя должны служить фондомъ для будущихъ поколѣній и сдаваться крестьянамъ, по возможности, въ долгосрочную аренду, но ни въ какомъ случаѣ не въ уравнительное землепользованіе ¹⁾.

¹⁾ Сибирская желѣзная дорога, какъ грандіозная конъюнктура, конечно, должна была сильно отразиться на земледѣліи сибирскаго крестьянства. Къ сожалѣнію, система колонизаціи Сибири русскими поселенцами, по-

Г Л А В А IV.

Освободительные акты (Положенія 19 февраля 1861 г. и др.) подвергались и подвергаются до сихъ поръ въ нашей печати разнымъ нареканіямъ. Иные обвиняютъ ихъ въ томъ, что они порадили дворянамъ-помѣщикамъ, другіе—обратнаго мнѣнія. Обвиняютъ славныхъ дѣятелей освободительной эпохи и въ томъ, что они, какъ теоретики, не понимали народной жизни, интересовъ нашей крестьянской деревни и проч. На самомъ же дѣлѣ тотъ, кто знакомъ близко со всѣми узаконеніями о крестьянахъ реформенной эпохи, невольно поражается близкимъ знакомствомъ составителей Положеній со всѣми бытовыми условіями жизни крестьянской деревни.

Объясняется это тѣмъ, что въ составленіи Положеній о

влекшая за собой разгромъ прочныхъ и богатыхъ заимочныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, создала и создаетъ печальныя явленія, прямо противоположныя тому, чего слѣдовало ожидать какъ результата великаго правительственнаго предпріятія. вмѣсто упроченія крестьянства, мы видимъ разложіе его; эфемерное же благосостояніе поселенцевъ, которымъ даруютъ и землю и разныя пособія, мало успокоительно; ожидать разцвѣта хозяйства этихъ поселенцевъ, при уравнительномъ землепользованіи, значитъ обманывать себя иллюзіями. Напротивъ, то, что привело къ пролетаризаціи крестьянъ въ Европейской Россіи, мы искусственно внѣдряемъ и въ дикой тайгѣ въ Сибири. Временный эфемерный подъемъ тѣхъ или другихъ отраслей сибирскихъ земледѣльческихъ хозяйствъ не долженъ насъ обманывать. Къ таковымъ обманчивымъ явленіямъ мы причисляемъ и прогрѣвшее сибирское маслодѣліе. Вывозъ и производство сибирскаго масла—результатъ не крестьянскаго богатства, а крестьянской бѣдности. Количество скота у крестьянъ не увеличивается, а уменьшается; крестьяне лишаютъ своихъ дѣтей молока и выращиваютъ плохой скотъ, теряя вмѣстѣ съ тѣмъ массу телятъ, которымъ тоже отказываютъ въ молокѣ матери. Все это не утѣшительно. Быстро развилось маслодѣліе въ Сибири, также быстро

крестьянахъ принимали участіе выдающіеся бюрократы, обладавшіе замѣчательнымъ государственнымъ умомъ, трудолюбіемъ и знакомствомъ со всѣми узаконеніями дореформеннаго порядка, касавшимися крестьянъ, и просвѣщеннѣйшіе дворяне - помѣщики, близко знакомые съ бытомъ крестьянской деревни.

Напротивъ, наша печать и современная интеллигенція въ сужденіяхъ своихъ о крестьянскихъ Положеніяхъ, отличается замѣчательною беззаботностью по отношенію къ ихъ дѣйствительному содержанию. Отъ этого упрека не свободны и очень видные публицисты и даже ученые.

Такъ г. Ходскій въ своемъ трудѣ „Земля и земледѣлецъ“ утверждаетъ, что законодатель (Полож. 19 февр. 1861 г.) предоставилъ временно - обязаннымъ крестьянамъ въ переходный періодъ до выкупа *право* постояннаго пользованія усадьбою и отведенными надѣлами. То же утверждаетъ и г. Θ. Самаринъ къ своей брошюрѣ „О мірской надѣльной землѣ“¹⁾. Это мнѣніе совершенно ошибочно и не имѣетъ въ Положеніяхъ о крестьянахъ ни малѣйшаго подтвержденія. Приведемъ статьи закона.

„Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе крестьянъ, усадебную

оно и упадетъ, принеся государству только одни убытки. А между тѣмъ громадная Забайкальская область какъ бы создана природою для широкаго развитія скотоводства инородцевъ, казаковъ и крестьянъ. Отличаясь сухимъ климатомъ зимою, она получаетъ массу влаги дождями въ лѣтній сезонъ. По условіямъ почвы, качество травъ этой области превосходное, и система орошенія луговъ, давно практикуемая инородцами и крестьянами, даетъ блестящіе результаты; слѣдуетъ только оберегать лѣса, вырубка которыхъ имѣетъ фатальное значеніе для рѣкъ и луговъ. Введеніе уравнительнаго землепользованія въ этой области по истинѣ должно быть признано государственнымъ бѣдствіемъ. И сейчасъ уже система уравниній повела къ беспощадной вырубкѣ лѣсовъ, гибели пастбищъ и луговъ и къ хищническому истощенію пашень. Направляя наше исключительное вниманіе на систему распределенія «благъ», мы уничтожаемъ и подавляемъ тѣхъ, кто производитъ эти блага. Чтоже мы будемъ дѣлать, когда у насъ останутся неспособные къ производству потребители и сгинутъ окончательно энергичскіе производители? А что именно подобный процессъ идетъ у насъ въ Сибири,—не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

осѣдлость, и сверхъ того, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, то количество полевой земли и другихъ угодій, которое опредѣляется на основаніяхъ, указанныхъ въ мѣстныхъ положеніяхъ“. (Ст. 3 Общ. Полож. 19 февр. 1861 г.).

„Крестьяне, за отведенный, на основаніи предшедшей статьи, надѣль, обязаны отбывать, въ пользу помѣщиковъ, опредѣленные въ мѣстныхъ Положеніяхъ повинности работою и деньгами“ (ст. 4 *ibid.*).

„Возникающія изъ сего *обязательныя поземельныя отношенія* (курсивъ закона) между помѣщиками и крестьянами опредѣляются правилами, изложенными какъ въ семъ общемъ, такъ и въ особыхъ мѣстныхъ Положеніяхъ“ (ст. 5 *ibid.*).

„Для обезпеченія быта крестьянъ и для выполненія обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ предоставляется въ постоянное пользованіе cadaго сельскаго общества на основаніяхъ, въ семъ Положеніи изложенныхъ, надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, количество земли, за которое крестьяне платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику“. (Ст. 5 Мѣстнаго Полож. въ губ. великоросс. и проч. и Мѣст. Полож. въ губ. малоросс.).

„Мірская земля *В с о ч а й ш е* утвержденными правилами 26 мая 1847 и 29 декабря 1848 годовъ, признанная неизмѣнною и неприкосновенною, остается, въ прежнемъ ея размѣрѣ, въ постоянномъ пользованіи временно-обязанныхъ крестьянъ cadaго сельскаго общества, за опредѣленные въ семъ Положеніи повинности“. (Ст. 3 мѣстнаго Полож. юго-западныхъ губ.).

Спрашиваемъ: гдѣ же тутъ *право* крестьянъ на землю, поступившую имъ въ надѣль? О правѣ крестьянъ не говорится ни слова въ Положеніяхъ. Напротивъ, закономъ прямо установлено право собственности помѣщиковъ на надѣльную крестьянскую землю.

Въ своей брошюрѣ г. Самаринъ говоритъ: „Надѣль отводился крестьянамъ въ постоянное ихъ пользованіе, т.-е. на-

1) Впрочемъ таково вообще распространенное мнѣніе нашей интеллигенціи.

всегда“. Мы видимъ, что выраженія „навсегда“ нѣтъ въ законѣ.

Такимъ образомъ никакихъ *правъ* на землю помѣщика крестьяне на основаніи изложенныхъ нами статей закона не получили, но они получили, какъ увидимъ ниже, весьма цѣнное *право выкупа* своихъ надѣловъ, и въ этомъ-то правѣ и заключается вся сущность освободительной реформы. Ошибка гг. Ходскаго, Самарина и другихъ заключается въ неправильной юридической концепціи отношеній временно-обязанныхъ крестьянъ.

Временно-обязанные крестьяне оставались крѣпостными, обязанными передъ помѣщикомъ барщиною и оброкомъ. Но въ силу великор. и малор. Положеній, крестьяне этихъ областей получили нѣчто новое: впервые введенъ у насъ для великорусскихъ крестьянъ вотчинно-крѣпостной институтъ Bauerland'a (мірской земли). На западѣ Европы крѣпостное право не достигало той интенсивности какъ въ великой Россіи; крестьянская земля признавалась неприкосновенною и неизмѣнною, какъ и въ нашихъ юго-западныхъ губерніяхъ до реформы освобожденія.

Правда, фактически власть помѣщика надъ крестьянской землею у насъ никогда не была безусловною, но подобныя отношенія и характеризуютъ вотчинно-крѣпостной порядокъ, иначе онъ обратился бы въ безусловно рабскій. Однако только наканунѣ реформы было запрещено законодательнымъ порядкомъ сводить крестьянъ съ земли — обезземеливать ихъ. Поэтому напрасно г. Самаринъ ссылается на историческое *право* пользованія крестьянъ землею помѣщика. Такого права въ эпоху вотчинно-крѣпостную они не имѣли. Простое же пользованіе вещью еще не есть право: пользуются вещами и рабы.

Тѣмъ менѣе примѣнимъ къ субъектамъ права принципъ надѣла: надѣляютъ вещами рабовъ и крѣпостныхъ. Римское право признавало у раба „rescilium“, но правъ имущественныхъ за нимъ никакихъ не признавало. Отсюда слѣдуетъ, что регулированіе законодателемъ землепользованія крестьянъ отнюдь еще не создавало для нихъ вещнаго права на землю, что мы и видимъ на нашихъ окраинахъ, гдѣ землепользова-

ніе было регулировано властью еще раньше освобожденія (инвентарями) и тѣмъ не менѣе не создало крестьянамъ никакихъ правъ на землю, къ которой они были прикрѣплены.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости установлено выкупомъ. Выкупъ—вѣнецъ освобожденія. Выкупая землю, крестьянинъ освобождалъ ее отъ крѣпостной зависимости вотчинной власти и вмѣстѣ съ тѣмъ и себя освобождалъ отъ этой власти и обращался въ субъекта правъ—свободнаго. Барщина, оброкъ—все это Reallasten (по германскому или вообще средневѣковому праву ¹⁾), освобождая отъ нихъ землю, крестьянинъ освобождалъ и себя отъ этихъ вещныхъ тягостей и становился собственникомъ свободной земли. Вотъ почему не только регулированіе землепользованія крестьянъ, но и самый способъ выкупа подлежалъ опредѣленію государственной власти. Напрасно г. Самаринъ придаетъ этому факту какое-то особое значеніе. Это вытекало изъ самаго существа дѣла. Крѣпостной, временно-обязанный не можетъ безъ содѣйствія власти совершить никакого юридическаго дѣйствія. Правительство обязано было принять освобожденныхъ крестьянъ подъ свою опеку и все дѣло выкупа подъ свой контроль. Оно могло предоставить выкупъ добровольнымъ соглашеніямъ между крестьянами и помѣщиками, но могло установить и обязательный выкупъ, ибо крѣпостное право было не только институтомъ частнаго права, но и общественнаго—публичнаго.

Приступая къ выкупу, къ выкупному договору, крестьянинъ еще былъ временно-обязаннымъ—крѣпостнымъ, но съ

¹⁾ Обыкновенно въ этомъ фактѣ націоналисты видятъ что-то «оскорбительное» для русскаго народа, у котораго, по ихъ мнѣнію, такимъ образомъ отрицается всякая самобытность. Но развѣ русскіе не люди? Вотчинно-крѣпостной порядокъ не національный, а общечеловѣческой институтъ. Все народы, болѣе или менѣе, проходили этотъ историческій періодъ своего соціального развитія. Наконецъ, славяне и германцы одного корня и явились на арену исторіи почти одновременно, но славяне были культурнѣе германцевъ. Въ то время, когда германцы кочевали, многія славянскія племена были уже осѣдлыми земледѣльцами. Славянская кровь постоянно смѣшивалась съ германской; многія славянскія племена подчинялись дикимъ германскимъ воителямъ и ославянивали ихъ. Самое выраженіе «Last» по своему смыслу равносильно нашему «тяглу»

заключеніемъ выкупной сдѣлки онъ освобождался отъ всякой крѣпостной зависимости и становился свободнымъ гражданиномъ—субъектомъ правъ; законъ опредѣляетъ это съ буквальною точностью, недопускающею ни малѣйшаго сомнѣнія. „Съ... пріобрѣтеніемъ крестьянами въ собственность ихъ надѣла... прекращаются всѣ обязательныя поземельныя отношенія (курсивъ закона) между помѣщиками и означенными крестьянами (ст. 12 общ. Полож.). „Крестьяне... пріобрѣвшіе въ собственность поземельныя угодья... именуется *крестьянами-собственниками*“ (ст. 16 *ibid.*). Статья 156 Положенія о выкупѣ повторяетъ тѣ же самыя положенія.

Конечно, общія Положенія, сверхъ того, установили личныя права, семейственныя и др. для освобождаемыхъ крестьянъ независимо отъ ихъ отношеній къ землѣ помѣщика, но все-таки временно-обязанное положеніе крестьянина до выкупа было еще продолженіемъ крѣпостного права помѣщика, что прямо признавали и всѣ члены редакціонныхъ комиссій.

Гг. Ходскій и Самаринъ утверждаютъ, что выкупная сумма вовсе не опредѣлялась стоимостью надѣльной земли. Этотъ вопросъ мы разберемъ подробно ниже, но въ данномъ случаѣ это безразлично. Выкупъ былъ выкупомъ повинностей по землѣ *и за землю*, не по формѣ только операции, а именно по существу дѣла. „Reallast“ крѣпостного права заключалась въ крѣпостной зависимости лица къ землѣ и въ крѣпостной зависимости самой земли; были связаны то и другая; освобождая землю выкупомъ, крестьянинъ освобождалъ и себя, сдѣлавшись уже собственникомъ той земли, къ которой онъ былъ прикрѣпленъ. Такъ оно и есть на дѣлѣ: крестьянинъ считался крѣпостной „душой“ и продавался съ землей какъ „душа“, теперь онъ владѣетъ душою самъ, только это душа земляная (ревизская). Она нынѣ его собственность. Съ окончаніемъ выкупа, не будетъ больше „душъ“ ни крестьянскихъ, ни земляныхъ, а будутъ крестьяне-собственники въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

То, что было установлено для помѣщичьихъ крестьянъ,—распространено и на быв. государственныхъ. Г. Самаринъ справедливо на это указываетъ, но выводитъ изъ этого факта неправильное заключеніе. Г.-же Ходскій уже совсѣмъ несо-

гласно съ закономъ опредѣляетъ значеніе выкупа оброчной подати.

По отношенію къ казеннымъ крестьянамъ государство само было вотчинникомъ, а потому не обязано было стѣсняться интересами третьихъ лицъ. Этимъ объясняются нѣкоторыя особенности Положенія о бывшихъ (такъ ихъ называетъ самъ законъ) государственныхъ крестьянахъ. На основ. 16 ст. этого Положенія б. государственные крестьяне прямо зачислены въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ. Объясняется это тѣмъ, что вотчиникъ—государство вовсе не нуждалось въ совершеніи договорныхъ актовъ по выкупу и установило таковой силою закона на основаніи 24 статьи Положенія. Объ этомъ г. Самаринъ умалчиваетъ. Но, конечно, право собственности на землю могло осуществиться лишь съ выкупомъ оброчной подати, т.-е. взносомъ всей выкупной суммы (процентными бумагами). Въ этомъ отношеніи государственные крестьяне ничѣмъ не отличались отъ помѣщичьихъ; къ нимъ была примѣнена та же норма, тотъ же законъ, какъ и для крестьянъ помѣщичьихъ. Статья 25 Положеній о государственныхъ крестьянахъ узаконяетъ: „земли, которыя посредствомъ взноса въ казну соответствующаго капитала... будутъ освобождены отъ всей причитавшейся на нихъ оброчной подати..., составляя полную собственность ихъ владѣльцевъ, исключаются изъ числа земель, подлежащихъ платежу государственной оброчной подати“.

Кажется, статья гласитъ совершенно ясно и категорично. Г. Самаринъ можетъ убѣдиться, что оброчная подать не была „по существу своему безсрочная“.

Г. Ходскій предпочитаетъ пускаться въ разныя побочныя и произвольныя разсужденія, когда на лицо имѣется прямой и ясный законъ! Мало того: онъ видитъ неоспоримое (!!)-доказательство того, что, въ силу Положенія 1866 г., крестьяне государственные получили землю не въ собственность, въ томъ обстоятельстве, что въ VIII п. владѣнной записи значится слѣдующее: за предоставленный въ постоянное пользованіе крестьянъ земельный надѣлъ они обязаны вносить государственной оброчной подати столько-то рублей.

Мы всегда замѣчали, что лица, не получившія серьезнаго

юридическаго образованія, отличаются въ толкованіи законовъ замѣчательнымъ буквоѣдствомъ. Интересно знать, какъ желалъ бы г. Ходскій редактировать этотъ пунктъ, если неизвѣстно, пожелаютъ ли крестьяне выкупать оброкъ или нѣтъ? Но дѣло въ томъ, что г. Ходскій ошибается: этотъ пунктъ владѣнной, по переводѣ государственныхъ крестьянъ на обязательный выкупъ, измѣненъ такъ: „ежегодная сумма выкупныхъ платежей за предоставленный селенію надѣль составляетъ 00 р. 00 к., въ томъ числѣ за земельный надѣль 00 р. 00 к. и лѣсной надѣль 00 р. 00 к.“.

Итакъ, „неоспоримое“ доказательство г. Ходскаго оказалось и въ этомъ случаѣ мнимымъ доказательствомъ. Вообще же въ Положеніи о государственныхъ крестьянахъ нѣтъ ни одной статьи, которая, касаясь земельного надѣла, не подтверждала бы правъ собственности крестьянъ (36, 37 и въ особенности 46 и т. д.) на землю.

Но, возражаетъ г. Самаринъ, землю выкупаютъ не отдѣльные крестьяне, а общества. Относительно подворныхъ владѣльцевъ законъ говоритъ совершенно опредѣленно, что выкупаетъ землю въ свою собственность то лицо, которое вноситъ выкупъ. Но и выкупъ земли обществомъ отнюдь не измѣняетъ существа дѣла. Г. Самаринъ совершенно неправильно признаетъ сельское общество юридическимъ лицомъ, а не обществомъ, каковымъ оно на самомъ дѣлѣ есть ¹⁾. Если бы сельское общество было юридическимъ лицомъ, то домохозяева не могли бы быть обязаны вносить выкупъ за землю, а тѣмъ болѣе отвѣчать лично за недоимки; не могли бы и отвѣчать круговою порукою за платежи. Для юриста въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Жители города или земской территоріи по долгамъ и платежамъ города и земства не отвѣчаютъ личнымъ своимъ имуществомъ, потому что не имѣютъ вещныхъ правъ на имущества города или земства; наши же крестьяне, въ силу выкупа, несомнѣнно имѣютъ вещное право на свои надѣлы. Вообще не слѣдуетъ, относительно имущественныхъ правъ крестьянъ на землю,

1) См. объ этомъ нашу брошюру «Крестьянская надѣльная земля въ проектѣ гражданскаго уложенія».

дѣлать разницы между крестьянами съ общиннымъ землепользованиемъ и крестьянами съ подворно-наслѣдственнымъ владѣніемъ.

По закону разница между ними только та, что въ первомъ случаѣ обществу (т. е. сходу совладѣльцевъ) до окончанія выкупа принадлежитъ право распоряженія надѣлами, а во второмъ—этого права обществу не предоставлено, хотя фактически всегда возможно (и иногда бываетъ). Но въ томъ и другомъ случаѣ земля признается собственностью домохозяевъ и выкупается ими. Конечно, и послѣ выкупа крестьяне могутъ остаться въ общемъ владѣніи и передѣлать свою землю, но едва ли подобные передѣлы допустимы при отсутствіи единогласія между домохозяевами.

Г. Самаринъ полагаетъ, что при увольненіи изъ общества крестьянинъ обязанъ сдать свой надѣлъ обществу на основ. 1 прим. 130 ст. общ. Полож. и 175 ст. Полож. о выкупѣ. Статьи закона, на которыя г. Самаринъ ссылается, этого не подтверждаютъ; но я приведу, разъясняющій этотъ вопросъ, законъ, который, вѣроятно, остался неизвѣстнымъ г. Самарину. На основ. Высочайше утвержденнаго 16 января 1869 г. Положенія Главнаго Комитета объ устр. сельск. сост. крестьянинъ, выкупившій свой надѣлъ по 165 ст. Полож. о выкупѣ, остается собственникомъ надѣла и въ томъ случаѣ, если выйдетъ изъ общества, ибо выкупленный надѣлъ, составляя отдѣльную собственность выкупившаго оный крестьянина, не можетъ уже числиться въ составѣ мірскаго надѣла, о коемъ упоминается въ ст. 130 общ. Полож.; точно также и по ст. 175 Полож. о выкупѣ крестьянинъ, пріобрѣтшій свой надѣлъ, съ содѣйствіемъ правительства, прямо въ личную собственность и уплатившій всю слѣдующую съ него выкупную сумму, имѣетъ право, и по переходѣ въ другое общество, сохранить въ своемъ владѣніи выкупленную землю, подлежа лишь въ распоряженіи оною установленному въ ст. 37 общ. Полож. ограниченію. Затѣмъ Главный Комитетъ разъяснилъ, что уволившіеся изъ общества (выкупившіе свои надѣлы) обязаны отбывать мірскія денежныя и натуральныя повинности, отбываемыя прочими членами того же общества, владѣющими землями.

Итакъ, вотъ какъ понималъ вопросъ законодатель, начертанной Положеніе для освобождаемыхъ крестьянъ. Здѣсь съ замѣчательною точностью разъяснена сущность великой реформы. Мѣрская земля—временный институтъ, существующій пока крестьяне выкупаютъ свою землю. Съ окончаніемъ выкупа мѣрской земли нѣтъ, а существуетъ земля собственниковъ-домохозяевъ, т.-е. крестьянская, состоящая въ личной собственности крестьянъ. Но сельское общество не уничтожается, и каждый крестьянинъ, выкупившій надѣлъ, остается членомъ этого общества, неся всѣ мѣрскія повинности наравнѣ съ прочими членами. Мы думаемъ, однако, что съ окончаніемъ выкупа этимъ обществомъ будетъ не сельское, а старинный русскій мѣръ—волося.

Статья 7 Полож. о быв. государственныхъ крестьянахъ ссылается на соответствующія статьи Общаго Положенія, слѣдовательно, и къ ней примѣнимо Высочайше утвержденное Положеніе Главнаго Комитета.—Статьи 36 общаго Положенія и 165 Полож. о выкупѣ имѣютъ многихъ враговъ. Возбужденная нашей интеллигенціей агитація объ отмѣнѣ 165 ст. Полож. о выкупѣ достигла цѣли и принесла, по нашему глубочайшему убѣжденію, величайшій вредъ русскому крестьянству. Г. Самаринъ находитъ въ содержаніи 165 ст. прямое нарушеніе права собственности мѣра на землю, но мы уже объяснили, что сельское общество не юридическое лицо. Не имѣя никакихъ вещныхъ правъ на землю крестьянъ, мѣръ не можетъ быть и лишенъ права собственности на эту землю. Но дѣло въ томъ, что 165 статья нисколько не затрагиваетъ интересовъ сельскаго общества (совладѣльцевъ), такъ какъ эти интересы вполнѣ ограждались постановленіями 36 ст. Общаго Положенія, противъ которой возстаетъ г. Самаринъ. На основаніи этой статьи, общество можетъ отказать въ выдѣлѣ домохозяину, если находитъ для себя неудобнымъ этотъ выдѣлъ, но обязывается удовлетворить владѣльца деньгами по оцѣнкѣ. Мы недоумѣваемъ, какъ можетъ г. Самаринъ возставать противъ такого справедливаго и естественнаго правила. Неужели обществу должно быть предоставлено право выкинуть изъ своей среды выкупившаго свой надѣлъ крестьянина, не заплативъ ему ни копѣйки и присвоивъ себѣ его

землю? Г. Самарину слѣдовало бы при этомъ вспомнить нашихъ переселенцевъ: съ чѣмъ же они отправятся въ дальній путь? И какія затрудненія могутъ быть у общества, если оно будетъ обязано исполнить требованія 36 ст. общ. Полож.? Выходятъ изъ общества отдѣльные домохозяева очень рѣдко, и заплатить имъ продажную цѣну надѣла не можетъ стѣснить общество. Если сразу выкупаютъ свои надѣлы многіе домохозяева, то они остаются въ обществѣ. Если они будутъ выкупать надѣлы для перепродажи, то общество можетъ примѣнить къ нимъ 548 и 555 ст. X. Т. зак. Гражд. и оставить надѣлы за собою ¹⁾. Конечно, если большинство, или даже $\frac{1}{3}$ домохозяевъ, выкупаютъ свои надѣлы, то передѣлы прекратятся, но передѣлы невозможны и въ томъ случаѣ, если ненаберется $\frac{2}{3}$ домохозяевъ, согласныхъ на передѣлъ. Мы не видимъ здѣсь никакой разницы. Статья 160 Полож. о выкупѣ, за существованіе которой почему-то боится г. Самаринъ, можетъ остаться во всей своей силѣ; примѣненіе правилъ 165 и 36 статей нисколько ей не мѣшаетъ. Совершенно напротивъ: отмѣна 165 статьи Полож. о выкупѣ, а тѣмъ болѣе 36 статьи общаго Положенія представляетъ собою прямое искаженіе Положеній 19 февраля, т.-е. всего освободительнаго акта. Эти статьи — основныя, безъ нихъ нѣтъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, ибо нѣтъ выкупа, а мы видѣли, что выкупъ есть вѣнецъ освобожденія. Громадное значеніе 165 ст. Полож. о выкупѣ въ экономическомъ отношеніи для организациі прочныхъ крестьянскихъ хозяйствъ мы выяснимъ ниже. И составители Положеній о крестьянахъ прекрасно сознавали важность этихъ статей. Горячо возражали противъ нихъ Ю. О. Самаринъ и Н. П. Семеновъ, но все-таки Ю. О. Самаринъ не желалъ захлопнуть единственную дверь для выхода живыхъ силъ русскаго народа. Извѣстно, что 165 ст. Полож. о выкупѣ прошла въ редакціонныхъ комиссіяхъ безъ голосованія. Если, слѣдовательно, Ю. О. Самаринъ не настаивалъ на голосованіи, то нужно признать, что онъ допускалъ пра-

¹⁾ Въ этихъ случаяхъ полезно допустить содѣйствіе обществу со стороны крестьянскаго банка.

вомѣрность установленнаго этой статьею правила. Правда, Н. П. Семеновъ въ своей книгѣ „Освобожденіе крестьянъ“ объясняетъ, что Н. А. Милютинъ „замялъ“ вопросъ, но описываемый имъ эпизодъ относится къ третьему (последнему) періоду работъ редакціонныхъ комиссій, да и невозможно было бы „замять“ столь важный вопросъ, если бы громадное большинство членовъ комиссій не раздѣляло мнѣнія въ справедливости закона, дававшего возможность всякому крестьянину сохранить своей семьѣ достояніе, пріобрѣтенное тяжкими пожертвованіями. Впослѣдствіи Ю. Ө. Самаринъ самъ признавалъ противорѣчіе уравнительнаго землепользованія съ требованіями интенсификаціи земледѣлія и, слѣдовательно, съ правильнымъ и прочнымъ развитіемъ русскаго крестьянства, но онъ полагалъ, что этотъ вопросъ долженъ рѣшить самъ народъ. И мы того же мнѣнія. Намъ даже кажется, что народъ уже давно его рѣшилъ. Само собою разумѣется, что менѣе всего мы поймемъ смыслъ рѣшенія крестьянскаго народа, если свяжемъ его по рукамъ и по ногамъ, какъ это мы дѣлаемъ, установивъ законъ 14 декабря 1893 г., правила для семейныхъ раздѣловъ и отмѣняя права (!) домохозяевъ требовать выдѣла себѣ семейныхъ участковъ, послѣ погашенія выкупной ссуды, что нынѣ предлагаетъ г. Самаринъ. Требуя установленія подобныхъ принудительныхъ узаконеній законодательнымъ путемъ, г. Самаринъ тѣмъ не менѣе заканчиваетъ свою брошюру совѣтомъ—отказаться безусловно отъ всякой регламентаціи общиннаго владѣнія!

Г. Самаринъ на страницѣ 25 своей брошюры говоритъ, что нужно доказать, что крестьянская община, какъ юридическое лицо, по самому существу дѣла не можетъ пріобрѣтать землю, что землю покупать можетъ только совокупность лицъ, образующихъ товарищество. Очевидно, г. Самаринъ полагаетъ, что всякое „общество“ есть юридическое лицо, но юриспруденція учитъ иначе. „Universitas“ (юридическое лицо)—учрежденіе, корпорація, и всегда представляется особымъ органомъ, ибо „universi consentire non possunt!“ Такого органа наши сельскія общества не имѣютъ; мірской сходъ не органъ, а само общество. Общество можетъ уполномочить кого-либо приговоромъ для представительства себя, но упол-

номоченный не органъ общества, а повѣренный. Общество пріобрѣтаетъ имущество и проч. для своихъ членовъ, „universitas“ пріобрѣтаетъ ихъ для себя; члены „universitas“ могутъ имѣть только обязательственныя права къ имуществу, а не вещныя; они составляютъ лишь субстратъ корпораціи.

Если наши сельскія общества — юридическія лица, то крестьяне никакихъ вещныхъ правъ на землю общества не имѣютъ, что явно противорѣчитъ всѣмъ законодательствамъ о нихъ и объ ихъ безспорныхъ правахъ на надѣлы. Едва ли подобное безправіе крестьянъ можетъ допустить и самъ г. Самаринъ. Какъ разъ примѣры, которые приводитъ авторъ брошюры, и должны были его убѣдить въ неправильности его юридической концепціи. Городская земля, несомнѣнно, принадлежитъ городскому обществу какъ юридическому лицу, составляетъ собственность города и находится въ распоряженіи его органа—управы. Жители города не могутъ требовать себѣ выдѣла городскихъ участковъ въ собственность. Но развѣ жители города, (напримѣръ, нашихъ столицъ) *надѣляются* городскими участками въ пользованіе и выкупаютъ эти участки?

Городское общество, какъ всякій собственникъ, можетъ сдавать свои земли въ аренду жителямъ города какъ и постороннимъ лицамъ, но распредѣлять ее на извѣстныхъ условіяхъ между жителями не имѣетъ права. Подобное распредѣленіе допустимо лишь для той собственности коммуны, владѣніе которой предназначается для извѣстной общественной цѣли посредствомъ передачи городскихъ участковъ въ пользованіе бѣднѣйшихъ членовъ коммуны. Городскіе выгоны нашихъ уѣздныхъ городовъ, о которыхъ упоминаетъ г. Самаринъ, не принадлежатъ городу, какъ юридическому лицу, а принадлежатъ „старожильцамъ“ города, какъ физическимъ лицамъ. Здѣсь мы встрѣчаемся со старыми осколками средне-вѣковой Руси: черными городскими сотнями, которыя были такими же мірскими обществами, какъ и сельскія (волости); старожильцы владѣютъ „городской“ землей на правѣ общей собственности, и хотя города въ послѣднее время начинаютъ присвоивать себѣ земли „старожильцевъ“, но это не спра-

ведливо ¹⁾. Г. Самаринъ ссылается на выраженіе св. зак. X. Т. 1 ч. зак. гражд. ст. 414, но подобная казуистика совершенно неосновательна. Наши законы употребляют термины „общественная“, „общая“ и даже „общинная“ (въ Положеніяхъ 19 февраля 1861 г.) собственность, не дѣлая между ними никакого различія. Въ примѣчаніи же къ 555 ст. X. Т. зак. гражд. къ общей собственности совладѣльцевъ (физическихъ лицъ) отнесены и надѣлы крестьянъ. Да и редакція 414 ст. относится къ дореформенному времени, когда сельскія общества никакими землями не „владѣли“, по крайней мѣрѣ какъ собственники: земля бывш. государственныхъ крестьянъ принадлежала казнѣ, а земля помѣщичьихъ—дворянамъ-помѣщикамъ. На сенатскія же рѣшенія г. Самарину и вовсе не слѣдовало ссылаться, такъ такъ Сенатъ (особенно администр. департ.) постоянно путался въ этомъ вопросѣ и давалъ противорѣчивыя толкованія. Рѣшенія Сената имѣютъ въ этомъ отношеніи авторитетъ, на сколько они согласны съ юридическою логикою; легальный же ихъ авторитетъ имѣетъ значеніе лишь для тѣхъ конкретныхъ случаевъ, которые были предметомъ сенатскаго разъясненія. Противъ 165 статьи Положенія о выкупѣ защитниками общиннаго землепользованія были составлены обвинительные акты, на основаніи которыхъ ее судили и осудили къ уничтоженію. Но въ этомъ процессѣ судоговоренія были нарушены основныя правила справедливости и судебной процедуры: обвиняемую статью толкомъ не выслушали, ея оправданій не обсуждали и ея защитниковъ къ судоговоренію не допустили. Обвиняли 165 ст. въ томъ, что она допускаетъ кулаковъ скупать надѣлы бѣдныхъ крестьянъ, но обвиняемая 165 ст. отвѣчаетъ на это ложное обвиненіе тѣмъ, что сельское общество, на основаніе 36 ст. общ. Полож. и 555 ст. X. Т. 1 ч. зак. гражд., имѣетъ право скупаемые надѣлы оставить за собою, заплативъ продавцамъ или кулакамъ ту сумму, которая дѣйствительно заплачена при скупкѣ надѣловъ, и передавъ затѣмъ отъ себя землю тѣмъ безземельнымъ или малоземельнымъ своимъ членамъ, которые

¹⁾ Если интересы города требуютъ подобнаго «присвоенія», то слѣдуетъ примѣнить къ старожильцамъ законъ объ экспроприаціи.

нуждаются въ землѣ; обществу же рѣшительно все равно, кто владѣетъ надѣломъ: Иванъ или Петръ.

Обвиняли 165 ст. въ томъ, что экономическія силы общества ослабляются, если лучшіе пахари и богатые крестьяне выкупаютъ свои надѣлы, но мы видѣли, что по закону выкупившіе свои надѣлы обязаны нести всѣ мірскія повинности наравнѣ съ прочими членами общества; если же они не будутъ платить выкупныхъ за выкупленные участки, то и общество, благодаря выкупу ихъ, тоже не обязано платить за нихъ ни копѣйки. На самомъ же дѣлѣ обвиненіе въ этомъ случаѣ сводится къ претензіи волка-хищника, желающаго пользоваться чужимъ добромъ. Въ сущности обвиненіе сводится къ тому, что выкупившіе свои надѣлы освобождаются отъ обязанности платить свои деньги за выкупъ чужихъ надѣловъ, т.-е. освобождаются отъ круговой поруки. Но принудительная круговая порука — крѣпостной институтъ, неправомѣрный и явно несправедливый, а для самого общества, какъ показалъ опытъ, вредный во всѣхъ отношеніяхъ. Тамъ, гдѣ общины освобождены отъ круговой поруки (у подворныхъ владѣльцевъ) недоимокъ нѣтъ, общества благополучно существуютъ, крестьяне отнюдь не обезземеливаются и вовсе не бѣднѣютъ, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ бѣднѣютъ общинники съ круговою порукою. Итакъ, и это обвиненіе 165 ст. Положенія о выкупѣ совершенно не справедливо.

А какъ произведено самое слѣдствіе противъ 165 статьи, какіе приведены достовѣрные факты, на основаніе коихъ обвинили бѣдную статью?

Указали на цифры, свидѣтельствующія, что съ каждымъ годомъ примѣненіе 165 ст. Положенія о выкупѣ учащается, и что суммы, вносимыя по досрочному выкупу, стали возрастать. Если бы 165 статья могла говорить, — она отвѣтила бы такъ: это — понятно и естественно — крестьяне постепенно знакомятся со своими правами. Да тутъ нѣтъ никакого преступленія: вѣдь выкупъ — конечный результатъ всей выкупной операціи.

Г. Ходскій (стр. 76 и слѣд.) сгруппировалъ всѣ случаи сенатской практики, относящейся къ примѣненію 165 статьи положенія о выкупѣ, и убѣдился, что крестьяне, при вы-

купѣ, руководились двумя основными цѣлями: или желаніемъ оградить себя отъ накладки душъ при новой разверсткѣ и избавиться отъ круговой поруки, или они стараются этимъ путемъ закрѣпить за собою то количество земли, какимъ владѣютъ въ данное время, и обезпечить себя отъ потери своей земли при будущихъ передѣлахъ. Если общество, по словамъ г. Ходскаго, не можетъ равнодушно смотрѣть на примѣненіе 165 ст. полож. о выкупѣ въ силу приведенныхъ резонновъ, то оно — волкъ-хищникъ, который тоже не можетъ равнодушно смотрѣть на овцу и обвиняетъ ее въ нарушеніи своего благосостоянія, хотя овца и пила свою воду изъ рѣки ниже волка. Нѣтъ ничего удивительнаго, если г. Ходскій находилъ внутреннюю справедливость и законность (!) въ поступкахъ міра, когда послѣдній отбиралъ у выкупившихъ надѣлы или наваливалъ на нихъ чужіе, потому что „сознавалъ невыгоду для себя 165 статьи“. Чисто волчій резонъ, который заключался въ томъ, что овца неправа, потому что волку хочется кушать!

Г. Ходскій находитъ, что, благодаря выкупу по 165 статьѣ, остальные члены общины несутъ большую тягость, чѣмъ прежде. Мы видѣли, что это обвиненіе совершенно несправедливо. Г. Ходскій находитъ, что выкупающій получаетъ большій надѣлъ, чѣмъ ему слѣдовало бы по мірской разверсткѣ. И это несправедливо: напротивъ, онъ получаетъ именно тотъ надѣлъ, который ему достался по мірской разверсткѣ; при новой же разверсткѣ послѣ выкупа прочіе члены могутъ распорядиться его землею и воспользоваться ею лишь съ его согласія. По крайней мѣрѣ такъ рѣшаютъ этотъ вопросъ право и справедливость. Право требуетъ, чтобы владѣлецъ земли имѣлъ титулъ для оправданія своего владѣнія. Такого титула прочіе члены общества въ данномъ случаѣ предъявить не могутъ, но выкупившій свой надѣлъ крестьянинъ имѣетъ, несомнѣнно, правомѣрный титулъ — внесенную имъ согласно закону полную выкупную ссуду.

А между тѣмъ въ сгруппированной г. Ходскимъ сенатской практикѣ относительно 165 ст. Полож. о выкупѣ имѣются случаи, которые придаютъ этой статьѣ и глубокое нравственное основаніе, о чемъ, разумѣется, г. Ходскій, какъ

односторонній обвинитель, умолчалъ. Такъ бѣдная вдова Архангельской губерніи, Шенкурскаго у., крестьянка Тифонова жаловалась, что сельское общество отняло у нея 2 надѣла, оставшихся ей послѣ смерти мужа и сына, за которые она внесла въ казначейство выкупныя ссуды и которыми владѣла болѣе 10 лѣтъ. Общество пустило выкупленные надѣлы въ общій раздѣлъ, а бѣдной вдовѣ выкинули часть выкупной суммы, причитавшейся на ея надѣлы по новому раздѣлу, т. е. лишили бѣдную вдову всей земли, ею выкупленной, и части уплаченныхъ за надѣлъ денегъ. И мировой съѣздъ и губернское присутствіе утвердили подобное беззаконіе общества! Сенатъ отмѣнилъ его. Изъ дѣла не видно, были ли у вдовы дочери, но если даже она осталась одна на бѣломъ свѣтѣ, то, кажется, общество могло подождать ея смерти, послѣ которой по закону оно получило бы надѣлы вдовы даромъ (уже выкупленные). Безсердечіе міра поразительно, но г. Ходскій вѣроятно находитъ, что и тутъ общество право, такъ какъ „не могло равнодушно смотрѣть“ на бѣдную вдову, потерявшую своихъ кормильцевъ — мужа и сына. Бѣдная крестьянка Михайлова, Ярославской губерніи, выкупила одинъ душевой надѣлъ. Общество составило приговоръ о снятіи выкупленнаго надѣла съ Михайловой, и губернское присутствіе утвердило подобный приговоръ общества. Сенатъ его отмѣнилъ. Крестьянка Мологскаго у. Иванова выкупила два надѣла, внеся за нихъ въ казначейство деньги. Общество отняло одинъ надѣлъ подъ тѣмъ предлогомъ, что за ея племянникомъ записанъ только одинъ надѣлъ (слѣдовательно надѣлъ выкупала бездѣтная вдова), и губернское присутствіе и тутъ утвердило незаконный приговоръ общества, такъ какъ по его расчету на 36 наличныхъ работниковъ приходилось 44 надѣла, т. е. менѣе $1\frac{1}{2}$ на каждыяго (вдовѣ, слѣдовательно, присутствіе не полагало и вершка земли: по „обычному праву“ нашихъ крѣпостныхъ общинъ участь вдовы „жить на міру,“ т. е. нищенствовать). Сенатъ отмѣнилъ и это беззаконіе. Крестьянка-вдова внесла деньги въ казначейство за два надѣла. Общество, по своему обыкновенію, отняло надѣлы, но губернское присутствіе зачло ихъ за вдовой. Сенатъ отмѣнилъ опредѣленіе присутствія

потому только, что вдова внесла деньги прежде, чѣмъ общество утвердило (!) надѣлы за вдовой послѣ смерти мужа. По смерти крестьянина (Владимірской губ.) въ его усадьбѣ остались жена и дочь; дочь ушла на жительство въ другую деревню, а усадьбу съ постройками продала однообщественнику-крестьянину, но сходъ распорядился усадьбою по своему, какъ выморочной. Сенатъ отмѣнилъ и это беззаконіе ¹⁾).

Лично для насъ эти факты имѣютъ значеніе потому, что подтверждаютъ наши многочисленныя наблюденія надъ невѣроятнымъ безстыдствомъ нашихъ сельскихъ обществъ по отношенію къ вдовамъ и сиротамъ. И въ тѣхъ случаяхъ, которые мы наблюдали, власть (губернскія присутствія, земскіе начальники и проч.) всегда утверждали самые незаконныя приговоры общества, ссылаясь на то, что вдовы и дѣвочки будто бы не имѣютъ правъ на надѣлы и не могутъ наследовать своимъ кормильцамъ, которыхъ онѣ лишились. Что подобная „практика“ прямо противорѣчитъ Положеніямъ 19 февраля 1861 года, не подлежитъ сомнѣнію. Законъ разрѣшилъ крестьянамъ руководиться при наследованіи мѣстными обычаями, и если таковыхъ не оказывается, то должны быть примѣнены общіе законы гражданскіе о наследованіи. На самомъ же дѣлѣ, насколько мы могли замѣтить, по обычному возрѣнію крестьянъ, вдовы и дочери всегда наследуютъ въ имуществѣ наследодателя, не оставившаго сыновей. То обстоятельство, что при общинномъ землепользованіи земля передѣляется между дворами, ничего не доказываетъ противъ правъ вдовъ и дочерей. Вотчинно-крѣпостной взглядъ крестьянъ на платящую „душу“ нынѣ потерялъ свой смыслъ, и этимъ взглядомъ отчасти объясняются беззаконія міра при отнятіи у вдовы и сиротъ надѣловъ.— Не слѣдуетъ забывать, что дочери при жизни отца, какъ главныя работницы, выкупали надѣлы вмѣстѣ съ нимъ.

Наконецъ во многихъ обществахъ, при переходѣ отъ ревизской разверстки къ наличной, въ видѣ компромисса, земля распредѣляется по наличнымъ обою пола. Что же это за

¹⁾ Въ сгруппированныхъ г. Ходскимъ дѣлахъ Сената не оказалось случаевъ скупокъ кулаками надѣловъ. Что нибудь одно: или ихъ нѣтъ, или общество прикрываетъ ихъ.

институтъ, при которомъ въ одномъ случаѣ правомѣрнымъ признается то, что отрицается въ другомъ? Сенатъ призналъ права вдовы и дочерей сиротъ, если общество допустило ихъ къ владѣнію надѣломъ послѣ смерти домохозяина (по крайней мѣрѣ такъ толкуютъ сельскія власти сенатское рѣшеніе); слѣдовало признать права вдовы и дочерей на надѣль безусловно, если онѣ вносятъ выкупные безнедоимочно: въ Положеніяхъ 19 февраля 1861 г. нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы вдовы и сироты лишались своихъ надѣловъ. — Обратимся теперь къ свидѣтельствамъ, будто бы удостоверяющимъ, что 165 ст. способствуетъ перепродажѣ надѣловъ въ руки кулаковъ. Г. Ходскій приводитъ показанія земскаго статистика г. Пругавина, одного изъ самыхъ тенденціозныхъ земскихъ изслѣдователей крестьянской деревни. Но г. Пругавинъ валитъ въ одну кучу и простой торгъ душами (до срока выкупа) и дѣйствительную продажу надѣловъ въ собственность членамъ общины или постороннимъ, при чемъ даже въ послѣднихъ случаяхъ не отмѣчается, насколько продажа оформлена и получила законную силу. Въ большинствѣ случаевъ всѣ эти продажи совершаются между крестьянами, такъ что непонятно, чѣмъ пострадало отъ подобныхъ продажъ общество. Въ нашей общинной деревнѣ крестьяне постоянно „торгуютъ душами,“ 165 ст. Полож. о выкупѣ тутъ ни при чемъ. Если сравнить все количество выкупленныхъ надѣловъ по этой статьѣ съ количествомъ продаваемыхъ крестьянами ежегодно надѣловъ, то первая сумма будетъ каплею въ морѣ въ сравненіи со второй. Въ общинной деревнѣ кулаки практикуютъ куплю въ видѣ аренды на года, какъ наиболѣе для нихъ выгодную, и этимъ способомъ достигаютъ скопленія въ своихъ рукахъ массы надѣловъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ взносомъ выкупныхъ по 165 ст. за бѣдняковъ, который вовсе не сходится съ ихъ расчетами. Во всякомъ случаѣ, мы выше указали, что отъ самого общества зависитъ совершенно парализовать скупку надѣловъ именно примѣненіемъ 36 ст. общаго Положенія, и если оно этого не дѣлаетъ, то потому, во-первыхъ, что не знаетъ своихъ „правъ,“ благо мы ихъ скрываемъ отъ темныхъ крестьянъ, и, во-вторыхъ, потому, что оно находится въ рукахъ кулаковъ, благодаря тому-же уравни-

тельному землепользованию. Фактическое обезземеление крестьян кулаками идетъ широко именно въ общинной великороссійской деревнѣ; уравнительное землепользование только помогаетъ этому процессу. При всякомъ новомъ передѣлѣ часть земли бѣдняковъ подѣтъ или другими предложениями переходитъ къ кулакамъ. Оно и понятно; нѣтъ того задерживающаго элемента, который прикрѣпляетъ крестьянина къ землѣ лучше всякой общины и тягла — правомѣрнаго титула владѣнія. Г. Самаринъ приводитъ въ своей брошюрѣ совершенно голословныя, ничѣмъ не подтверждаемыя свидѣтельства изъ свода заключеній губернскихъ совѣщаній о вредномъ вліяніи 165 ст. Положенія о выкупѣ, будто бы обезземеливающей крестьянъ. Интересно, что досрочный выкупъ примѣнялся только въ общинной деревнѣ и вовсе не примѣнялся въ селеніяхъ съ подворно-наслѣдственнымъ землепользованіемъ. О чемъ свидѣтельствуется этотъ фактъ? Не ясно ли, что общинно-крѣпостной гнетъ заставляетъ крестьянина прибѣгать къ этому единственному выходу, допущенному законодателемъ, и не служитъ ли это слѣдствіемъ яснымъ и прямымъ доказательствомъ справедливости и цѣлесообразности столь несправедливо опороченной 165 статьи выкупного Положенія?

Г. Самаринъ приводитъ изъ одной газетной статьи цифры безземельныхъ и малоземельныхъ въ царствѣ Польскомъ. Оставляя въ сторонѣ всю недостовѣрность газетныхъ цифръ, мы укажемъ прежде всего на то, что число безземельныхъ г. Самаринымъ показано для 1859 г., т.-е. для крѣпостной дореформенной эпохи. Чѣмъ виновато бѣдное крѣпостное польское крестьянство, что его обезземеливали паны? Въ то время у крестьянъ не было ни права земельной собственности, ни даже института мірской земли, отмѣненнаго Наполеономъ. А вотъ когда Русскій Царь имъ далъ право собственности на землю¹⁾, они стали довольно быстро прибирать ее къ рукамъ. Г. Самаринъ утверждаетъ, что количество безземельныхъ послѣ 1864 г. увеличилось. Очень естественно: безземельные тоже рожаютъ дѣтей; но количество владѣльцевъ

¹⁾ Посредствомъ очиншеванія при введеніи Положенія для царства Польскаго.

земли увеличилось еще значительно; все количество мало-земельных, показанное г. Самаринимъ, образовалось изъ безземельных¹⁾. Польскій крестьянинъ завоевываетъ свою землю, несмотря на массу препятствій. Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Ниже мы увидимъ, что въ Западной Европѣ подворное владѣніе образовало крѣпкое и сильное крестьянство, которое и не думаетъ себя обезземелить. Постоянное киваніе нашихъ уравнивателей на сельскій пролетаріатъ въ западной Европѣ ни на чемъ не основано; эти голословныя ссылки очень удобны, но вовсе не корректны.

Отмѣна 165 статьи Положенія о выкупѣ не имѣла рѣшительно никакихъ основаній за собою, уже не говоря о томъ, что она была чистѣйшимъ насиліемъ и, пожалуй, произволомъ со стороны государства — казны, такъ какъ казна не

1) Г. Самаринъ сообщаетъ, что въ ц. Польскомъ 1859 г. крестьянъ-собственниковъ было всего 22.000. Реформа 1864 г. создала 267.000 новыхъ усадебъ; сколько было усадебъ раньше, неизвѣстно, но, по заявленію г. Самарина, поземельной собственностью въ 1859 году вообще пользовалось 218½ тыс. изъ 3½ милліоновъ сельскаго населенія (6%). По свѣдѣніямъ центрального статистическаго комитета за 1886 г., крестьянскихъ домохозяйствъ въ привислинскихъ губерніяхъ значится 611.028, что составитъ едва ли менѣе 3 милліоновъ сельскаго населенія. Общее пространство крестьянскаго землевладѣнія составляетъ 4.391.829 десят. (41,6% всей площади), распредѣленныхъ такъ: до 10 морг. (2,75 д.) 681,570 д., т.-е. 15,5%; 10—20 м. (7,51 дес.) 1.732,111 дес., т.-е. 39,5%; 20—30 м. (12,81 дес.) 1.198,129 дес., т.-е. 27,3%; 30—40 м. (17,23 дес.) 445,442 дес., т.-е. 10,2% и болѣе 40 морговъ (24,58) 334,077., т. е. 7,5%. Подобное распредѣленіе крестьянскаго землевладѣнія слѣдуетъ признать удовлетворительнымъ, и если принять въ соображеніе интенсивность земледѣлія въ царствѣ Польскомъ, то малоземельныхъ крестьянъ въ привислинскихъ губерніяхъ не болѣе, чѣмъ въ великорусскихъ губерніяхъ.

Въ печати сообщалось недавно, что много панскихъ имѣній въ ц. Польскомъ переходить къ „жидамъ“. Это очень печально. Въ печати же высказывалось требованіе, чтобы эти имѣнія были предоставлены русскимъ крестьянамъ-поселенцамъ, съ чѣмъ никакъ согласиться нельзя. Польская земля принадлежит польскому народу, а потому эти имѣнія должны перейти къ польскимъ крестьянамъ. Россія имѣетъ обязательства къ польскому народу и должна ихъ выполнить. Въ смыслѣ государственномъ, польскій народъ принадлежит Имперіи и, слѣдовательно, такой же русской, какъ и наши великорусскіе крестьяне; въ преданности же польскихъ крестьянъ Имперіи, кажется, не можетъ быть сомнѣнія.

имѣла никакого права, какъ третье лицо, измѣнять условія выкупа; этой отмѣной нарушено достоинство государственной власти ¹⁾).

Конечно, въ чрезвычайныхъ случаяхъ государство должно принимать и чрезвычайныя мѣры. Но тутъ ничего подобнаго не было. Правительство, отмѣняя 165 статью Положенія о выкупѣ, даже не позаботилось справиться, какъ воспользовались крестьяне этой статьей. Сама по себѣ цифра досрочнаго выкупа ничтожна; всего выкуплено надѣловъ по 1892 г. (въ 1893 г. 165 статья была отмѣнена) 492.184 десятинъ, т.-е. — капля въ морѣ. Но и эта цифра таетъ въ сравненіи съ количествомъ прибрѣтенныхъ крестьянами покупкою земель. Нужно замѣтить, что указанные полмилліона десятинъ относятся не къ одной 165 статьѣ, но и къ 115 (неполный выкупъ), 161 (экспроприація подъ желѣзныя дороги и проч.), 162 (продажа земли обществами) и 173 (увольненіе членовъ общины, при чемъ выкупленная земля остается обществу). Необходимо опредѣлить, сколько и по какимъ мотивамъ было выкуплено земли крестьянами на основаніи 165 статьи Положенія о выкупѣ.

Точныхъ цифръ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ, но приблизительно на долю 165 статьи можно отнести 75% всѣхъ внесенныхъ досрочныхъ выкупныхъ платежей, и изъ этой ничтожной суммы къ постороннимъ лицамъ перешло ничтожнѣйшее количество крестьянскихъ надѣловъ. Спрашивается: можно-ли признать отмѣну 165 ст. Положенія о выкупѣ при подобныхъ обстоятельствахъ правильной аграрной политикой? Нарушено основное начало Положеній 19 февраля 1861 года, нарушены имущественныя права крестьянъ и самые существенные ихъ интересы изъ-за фантазій, не имѣющихъ въ

¹⁾ Г. Качоровскій называетъ примѣненіе 165 статьи „растаскиваніемъ“ общинной земли. У кого же „растаскивали“ крестьяне землю: у самихъ себя? Изъ мірскихъ суммъ въ выкупъ не поступило ни копѣйки; всѣ выкупныя суммы внесены изъ *личныхъ* средствъ выкупившихъ надѣлы. И подобное явное извращеніе понятій права и справедливости и здраваго смысла юридическій факультетъ могъ признать научнымъ?! Впрочемъ „развращающее“ вліяніе 165 ст. Полож. о выкупѣ г. Качоровскій видитъ и въ томъ, если все общество вносило досрочный выкупъ (стр. 413). Для чего же существуетъ выкупъ?

свое оправданіе ни малѣйшей законной почвы. По собран-нымъ земской статистикою даннымъ, большинство выкупив-шихъ по 165 статьѣ Положенія о выкупѣ землю ведутъ на ней свое хозяйство, такъ что выкупъ для перепродажи надѣловъ сводится въ сущности къ самой минимальной цифрѣ ¹⁾.

Отмѣтимъ еще одну черту по вопросу о выкупѣ надѣ-ловъ. По 173 ст. крестьянами вносилась половина всей вы-купной суммы, когда увольнявшееся лицо оставляло свой выкупленный надѣлъ даромъ обществу, хотя бы цѣнность надѣла была значительно выше банковской оцѣнки за десятину (болѣе чѣмъ вдвое). Ясно, что выходъ изъ общества былъ вынужденъ положеніемъ крестьянина, получившаго новое званіе или связаннаго новымъ занятіемъ, т.-е., иначе говоря, общество беретъ или получаетъ взятку за выходъ крестья-нина изъ общества.

Изъ всего изложеннаго мы должны сдѣлать слѣдующій

¹⁾ Напримѣръ:

въ Гжатскомъ у.:	184 двора или 82 ⁰ / ₀ ,	владѣющіе 86 ⁰ / ₀ выкуп. земли ведутъ хозяйство;
„ „ „	40 дворовъ или 18 ⁰ / ₀ ,	владѣющіе 14 ⁰ / ₀ выкуп. земли, сдаютъ землю;
въ Сычевскомъ у.:	151 дворъ или 86 ⁰ / ₀ ,	влад. 90 ⁰ / ₀ выкуп. земли, ве- дутъ хозяйство;
„ „ „	23 двора или 14 ⁰ / ₀ ,	влад. 10 ⁰ / ₀ выкуп. земли, сда- ютъ землю;
въ Калязинскомъ у.:	изъ 222 хозяевъ, выкупившихъ 499 ¹ / ₂ надѣла:	
„ „ „	79,3 ⁰ / ₀ ,	владѣющихъ 83,2 ⁰ / ₀ надѣловъ, сами поль- зуются ими;
„ „ „	6,9 ⁰ / ₀ ,	владѣющихъ 4,2 ⁰ / ₀ надѣловъ, сдаютъ ихъ міру;
„ „ „	8,9 ⁰ / ₀ ,	владѣющихъ 8,8 ⁰ / ₀ надѣловъ, сдаютъ ихъ въ аренду;
„ „ „	0,4 ⁰ / ₀ ,	владѣющихъ 0,4 ⁰ / ₀ надѣловъ, запускаютъ ихъ п
„ „ „	4,3 ⁰ / ₀ ,	владѣющихъ 3,4 ⁰ / ₀ надѣловъ, продали на- дѣлы.

Въ Юхновскомъ уѣздѣ изъ 265 дворовъ, выкупившихъ свои надѣлы, 215 дворовъ ведутъ свое хозяйство, а 50 дворовъ или продали, или отдали родственникамъ, или передали обществу, или сдаютъ въ аренду свои надѣлы.

выводъ: великое дѣло освобожденія крестьянъ, превдеходно задуманное и исполненное дѣятелями эпохи реформы, перейдя въ руки такъ называемыхъ шестидесятниковъ и ихъ питомцевъ, не было осуществлено въ жизни нашей деревни и получило искаженіе вслѣдствіе отмѣны нѣкоторыхъ существенныхъ законоположеній освободительныхъ актовъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи предмета мы постараемся разяснить причины этого печальнаго факта и его послѣдствія для нашей крестьянской деревни ¹⁾.

¹⁾ До какой степени наши уравнители не церемонятся съ правдою, прибѣгаютъ къ софизмамъ и не стѣсняются противорѣчіями, можно видѣть изъ книги г. Ходскаго „Земля и земледѣлецъ“. Ссылаясь на г. Пругавина, г. Ходскій приводитъ свѣдѣнія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія о взносахъ крестьянъ по 165 ст. выкупной ссуды съ 1877—1881 г. въ Симбирской губерніи и дѣлаетъ такой выводъ, что земля „выкупалась“ по 18 р. 77 к. за дес., когда ея стоимость въ Симбирской губ. 50—150 р. Что этотъ фактъ прямо противорѣчитъ утвержденію г. Ходскаго о тяжести выкупныхъ платежей, разумѣется, нисколько его не смущаетъ, но сама справка г. Пругавина о выкупныхъ взносахъ въ настоящемъ случаѣ куріозна. Понятно, что крестьяне вносили по 165 ст. ту часть выкупной суммы, которая числилась на надѣлѣ, т.-е. еще не была погашена, но справка присутствія вовсе еще не доказываетъ, что надѣлы были перепроданы по этой цѣнѣ. Напротивъ, дальше говорится, что, при покупкѣ надѣла, собственнику платится 80—90 руб. сверхъ выкупной суммы за каждую душу. Самъ же г. Пругавинъ указываетъ, что главный мотивъ „скупки“ надѣловъ—желаніе спасти свое достояніе отъ передѣловъ и себя отъ круговой отвѣтственности, т.-е. отъ общинныхъ порядковъ. Отмѣните эти порядки, и прекратятся эти „скупки“ надѣловъ, какъ ихъ нѣтъ при подворно-наслѣдственномъ пользованіи. Объ этомъ гг. Пругавины, разумѣется, умалчиваютъ.

Г. Ходскій въ своей книгѣ допустилъ еще одну крупную неточность (которую, къ сожалѣнію, повторилъ и г. Самаринъ въ своей брошюрѣ). Онъ утверждаетъ, что обращеніе оброчной подати въ выкупъ у быв. государственныхъ крестьянъ въ сущности было переоброчкой для покрытія дефицита казны, образовавшагося съ отмѣною подушной подати. „Русскія Вѣдомости“ недавно проводили ту же ложную мысль и представляли дѣло такъ, что быв. государственные крестьяне потому и опустили нынѣ въ своемъ экономическомъ благосостояніи, что оброкъ переведенъ на выкупъ. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ явной беззаботностью нашей печати къ содержанію узаконеній освободительной эпохи. 5 ст. правилъ о преобра-

Г Л А В А V.

Въ настоящее время, когда Высочайше утвержденное особое совѣщаніе вскорѣ будетъ разсматривать громадный матеріаль, собираемый мѣстными комитетами о причинахъ упадка крестьянскихъ хозяйствъ, не лишнимъ будетъ обсудить тѣ, по крайней мѣрѣ, главныя причины этого упадка, на которыя уже давно указываетъ печать. Къ этимъ причинамъ относятся прежде всего малоземеліе и тяжесть податей и повинностей крестьянъ. Вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ очень старый; его возбудили чуть ли не въ первое десятилѣтіе послѣ реформы. Но научную обстановку этотъ вопросъ получилъ въ извѣстномъ изслѣдованіи г. Янсона

зованіи оброчной подати и др. сборовъ въ выкупные платежи гласить такъ: „выкупные *по каждому отдѣльному селенію* не должны превышать: во-первыхъ, окладовъ оброчной подати и лѣсного налога, увеличенныхъ на двѣ третьихъ части; во-вторыхъ, суммы взимаемыхъ до 12 іюня 1886 года съ тѣхъ селеній окладовъ оброчной и подушной податей, и въ-третьихъ, *окладовъ выкупныхъ платежей быв. помѣщичьихъ крестьянъ въ ближайшихъ селеніяхъ*, находящихся въ одинаковыхъ поземельныхъ условіяхъ“. Читатель видитъ, что выкупъ оброчной подати б. государственныхъ крестьянъ не могъ увеличить платежей этихъ крестьянъ. Но наши уравнители всегда примѣняютъ къ освободительнымъ актамъ извѣстную французскую поговорку: „Calomniez, calomniez, il en reste toujours quelque chose!“—Цѣль настоящихъ строкъ та, чтобы возбудить въ читателѣ чувства уваженія и признательности къ славнымъ актамъ освободительной эпохи, которыя они несомнѣнно заслуживаютъ, и пригласить его, при ихъ оцѣнкѣ, обращаться къ ихъ содержанию, а не къ легкомысленнымъ толкованіямъ нашей большой печати. По Рязанской губерніи мы можемъ указать и самую цифру уменьшенія государственныхъ платежей вслѣдствіе отмены подушной подати; она равняется 988,468 р., а именно: для помѣщичьихъ крестьянъ 447,705 р., а для государственныхъ 540,763 р.

„О крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“. Если не ошибаемся, то это изслѣдованіе имѣло значительное вліяніе и на послѣдующую аграрную политику правительства, а потому критическій разборъ изслѣдованія г. Янсона умѣстенъ и теперь.

Г. Янсонъ утверждаетъ, что при началѣ работъ по освобожденію, когда все дѣло находилось „еще въ идеѣ“, мысль о значеніи земельного надѣла выражалась гораздо шире и опредѣленнѣе, чѣмъ оказалось возможнымъ осуществить ее въ связи съ другою мыслью — чтобы реформа потребовала наименѣе жертвъ со стороны помѣщиковъ. Главная цѣль реформы, по мнѣнію г. Янсона, заключалась въ надѣленіи крестьянъ землей для обезпеченія имъ надежныхъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей по отношенію къ помѣщикамъ и къ государству. Эта цѣль не была достигнута, такъ какъ редакціонныя комиссіи отступили отъ первоначально принятаго ими основанія — сохраненія существовавшихъ при крѣпостномъ правѣ крестьянскихъ надѣловъ.

Это мнѣніе г. Янсона получило нынѣ въ нашей ученой литературѣ широкое распространеніе, а между тѣмъ оно совершенно несправедливо. Вопросъ объ опредѣленіи размѣра крестьянскихъ надѣловъ представлялъ для своего рѣшенія неимовѣрныя трудности. Редакціонными комиссіями дѣйствительно было принято въ основаніе руководствоваться существующими надѣлами и отъ этого основанія редакціонныя комиссіи не отступали. Это извѣстно всякому, кто знакомъ съ ходомъ редакціонныхъ работъ. И именно примѣненіе этого основанія и заставило редакціонныя комиссіи выработать систему высшихъ и низшихъ надѣловъ, которая вошла въ Положенія 19 февраля. Не слѣдуетъ забывать, что у насъ въ великорусскихъ губерніяхъ не существовало вотчинно-крѣпостного института Bauerland'a. Вся вотчинная земля принадлежала помѣщикамъ на правѣ собственности. Вотчинныя же хозяйства представляли значительное разнообразіе. Ихъ можно подвести подъ слѣдующія категоріи: 1) барщинныя хозяйства, когда сравнительно меньшая часть вотчинной территоріи предоставлялась въ пользованіе крестьянъ, осталь-

ная же обрабатывалась ими въ пользу помѣщиковъ; 2) смѣшанныя, когда крестьяне частью платили помѣщику оброкъ, частью состояли на барщинѣ; въ этихъ хозяйствахъ надѣлы крестьянъ были больше, чѣмъ въ чисто барщинныхъ; 3) оброчныя, когда почти все имѣніе помѣщика находилось въ пользованіи крестьянъ, обложенныхъ оброкомъ и 4) хозяйства съ мѣсячниками, въ которыхъ крестьяне были совершенно обезземелены и обрабатывали землю какъ батраки принудительнымъ трудомъ. Ясно какъ день, что при разрѣшеніи вопроса о размѣрѣ крестьянскаго надѣла редакціонныя комиссіи могли принять въ соображеніе только существующіе надѣлы въ барщинныхъ хозяйствахъ по той простой причинѣ, что именно эти надѣлы соотвѣтствовали ихъ главной мысли — обезпечить существованіе крестьянъ. Если крестьяне могли существовать, пользуясь надѣлами, отведенными имъ въ барщинныхъ хозяйствахъ, то не было никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что размѣръ этихъ надѣловъ окажется достаточнымъ при свободѣ. Однако и тутъ редакціонныя комиссіи приняли прежде всего въ соображеніе интересы крестьянъ, такъ какъ условія барщинныхъ хозяйствъ были не одинаковы. Желая лучше использовать рабочую силу своихъ крѣпостныхъ, помѣщики придерживались не ревизской, а тягольной разверстки, при чемъ соединяли въ одномъ дворѣ нѣсколько тяголь. Понятно что при такомъ искусственномъ соединеніи тяголь крестьянскій дворъ могъ быть обезпеченъ сравнительно малымъ надѣломъ. Редакціонныя комиссіи приняли въ интересахъ крестьянъ, въ интересахъ правомѣрности и правильной организаціи крестьянства въ будущемъ, на началахъ свободы, ревизскую разверстку, а не крѣпостную-тягольную. Уже это одно создавало ту систему высшихъ и низшихъ надѣловъ, которая вошла въ Положенія 19 февраля 1861 года. Обо всемъ этомъ г. Янсонъ умалчиваетъ, бросая тѣнь на славныхъ дѣятелей редакціонныхъ комиссій и на память самого Царя-Освободителя, а позднѣйшіе ученые изслѣдователи и почти вся наша интеллигенція, не разобравъ дѣла, вторятъ совершенно невѣрнымъ и явно тенденціознымъ заключеніямъ г. Янсона.

Принятая редакціонными комиссіями система въ первомъ

же періодъ ихъ засѣданій естественно вела къ такъ называемымъ отрѣзкамъ въ оброчныхъ и смѣшанныхъ хозяйствахъ, и иначе быть не могло. Не допустить этихъ „отрѣзковъ“ редакціонныя комиссіи не могли уже потому, что это привело бы къ полному крушенію ихъ главной задачи: нельзя было отнять у помѣщиковъ всю землю ихъ оброчныхъ имѣній и выбросить ихъ вонъ изъ вотчинъ, бесспорно принадлежавшихъ имъ на правѣ собственности, уже не говоря о томъ, что надѣленіе однихъ крестьянъ громадными надѣлами, а другихъ ничтожными представляло бы явную нелѣпость въ смыслѣ здоровой аграрной политики. Поэтому редакціонныя комиссіи рѣшили назначить такіе высшіе размѣры надѣловъ, чтобы отрѣзка излишнихъ крестьянскихъ угодій не могла сдѣлаться общимъ правиломъ, но являлась бы исключеніемъ. Само собою разумѣется, что опредѣленіе цифры этихъ высшихъ размѣровъ на практикѣ представляло величайшія затрудненія, а потому неудивительно, если редакціоннымъ комиссіямъ пришлось измѣнить первоначально проектированные размѣры по указаніямъ депутатовъ, когда правильность указаній была очевидна. Тѣмъ не менѣе окончательно принятые редакціонными комиссіями размѣры были отчасти измѣнены главнымъ комитетомъ, и нельзя не признать, что система проекта комиссій страдала искусственностью и въ нѣкоторыхъ случаяхъ не соотвѣтствовала дѣйствительности.

Между тѣмъ г. Янсонъ, а за нимъ и другіе ученые исследователи утверждаютъ, что вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ измѣненій, внесенныхъ въ Положеніе 19 февраля, „отрѣзки“, предположенныя какъ исключеніе, обратились въ правило. Самъ г. Янсонъ, въ подтвержденіе своего положенія не привелъ никакого фактическаго доказательства. Это было сдѣлано гг. Милюковымъ и Бажаевымъ ¹⁾ воспользовавшимися свѣдѣніями, сообщенными въ книгѣ Н. П. Семенова „Освобожденіе крестьянъ“. Но дѣло въ томъ, что гг. Милюковъ и Бажаевъ не потрудились выяснить, въ какихъ именно имѣніяхъ произведены были отрѣзки: въ оброчныхъ, смѣшан-

¹⁾ Г. Милюковымъ—въ извѣстной статьѣ въ словарь Эфрона, а г. Бажаевымъ—въ его диссертациі «Крестьянское травопольное хозяйство».

ныхъ или барщинныхъ. Въ барщинныхъ безъ согласія крестьянъ никакихъ отрѣзокъ не было и не могло быть, но ихъ не было въ большинствѣ случаевъ и въ смѣшанныхъ. Такъ въ принадлежавшемъ намъ имѣніи Звенигородскаго уѣзда, гдѣ крестьяне состояли на смѣшанной повинности, пришлось не отрѣзать, а прирѣзать къ надѣлу значительную лѣсную пустошь, которая никогда не была въ пользованіи крестьянъ. Уже это одно показываетъ, что принятые Положеніемъ максимальные размѣры для надѣловъ крестьянъ проектированы были въ ихъ интересахъ и не были низки.

Еще менѣе основательно распространенное мнѣніе о тяжести возложенныхъ на крестьянъ Положеніемъ 19 февраля платежей и выкупа.

Не подлежитъ сомнѣнію, что редакціонныя комиссіи уменьшили существовавшіе при крѣпостномъ правѣ платежи и повинности крестьянъ. Съ уменьшеніемъ величины душевого надѣла уменьшались оброкъ и барщина, при чемъ для оцѣнки платежей была принята система градацій: первыя десятины облагались выше прочихъ. Г. Янсонъ сильно нападаетъ на эту систему, но и она была вызвана не только въ интересахъ справедливости, но и въ интересахъ самихъ крестьянъ. Всякому жителю деревни извѣстно, что и сейчасъ ближайшія десятины цѣнятся крестьянами несравненно выше, чѣмъ отдаленныя, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ пашни удобряются, уже не говоря объ усадьбахъ и конопляникахъ. Г. Янсонъ находитъ всю систему градацій произвольной и утверждаетъ, что, при уменьшеніи надѣловъ, крестьяне болѣе теряли на землѣ, чѣмъ выигрывали на уменьшеніи повинностей. Напримѣръ, въ полосѣ черноземной, если крестьянинъ, при 4 дес. высшаго надѣла, получалъ 2 десятины, онъ терялъ 50% на землѣ и выигрывалъ 34% на оброкѣ. Въ системѣ градацій г. Янсонъ видитъ одинъ изъ главныхъ источниковъ развитія сельскаго пролетаріата, надѣленного землею (стр. 160).

Утвержденіе г. Янсона совершенно несправедливо, и можно только удивляться, что ученый профессоръ могъ его поддерживать. Представимъ себѣ дощечку изъ $\frac{1}{3}$ золота, $\frac{1}{3}$ серебра и $\frac{1}{3}$ мѣди. Понятно, что цѣнность каждой трети не

одинакова. Если покупатель пожелает приобрести одну золотую треть дощечки, то, конечно, он потеряет в % на величину всей дощечки гораздо больше, чем „выиграет“ в % на всю сумму платежа за цѣлую дощечку, по той простой причинѣ, что золото цѣнится дороже серебра и мѣди.

Основанія, принятыя редакціонными комиссіями для опредѣленія размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ и платежей, совершенно просты, ясны и вѣрны. Комиссіи разсуждали такъ: если крѣпостной крестьянинъ могъ существовать при существующихъ крѣпостныхъ надѣлахъ, нести государственныя повинности, содержать своихъ господъ и составлять имъ богатство,—то нѣтъ основаній опасаться того, что, при свободѣ, его благосостояніе ухудшится, а, напротивъ, существуетъ полное основаніе ожидать, что благосостояніе крестьянъ неизмѣримо улучшится. Барщинный надѣлъ несомнѣнно составлялъ minimum, необходимый для существованія крестьянской семьи, но освобожденный крестьянинъ получалъ для покрытія прочихъ своихъ потребностей неоцѣнимый даръ свободы труда—широкое поле для развитія своей экономической энергіи. Не вина славныхъ дѣятелей реформы, если всѣ эти предположенія не оправдались въ дѣйствительности. На послѣдующихъ поколѣніяхъ лежала обязанность осуществить великую реформу на дѣлѣ, а не на бумагѣ. Вся суть освобожденія крестьянъ заключалась въ основныхъ положеніяхъ акта 19 февраля, и вотъ эти-то основныя положенія не только не были проведены въ жизнь крестьянской деревни, но получили явное искаженіе въ горькой дѣйствительности.

Г. Янсонъ въ своемъ изслѣдованіи совершенно игнорируетъ извѣстный всѣмъ экономистамъ законъ о емкости территоріи. Малоземеліе у крестьянъ онъ пытается вывести изъ того, что всюду земледѣльческое хозяйство нашихъ крестьянъ находится въ плачевномъ состояніи—фактъ на столько извѣстный всѣмъ интересующимся нашей крестьянской деревней, что его нечего было и доказывать. Почти въ такомъ же плачевномъ состояніи находилось и находится и хозяйство бывшихъ помѣщиковъ, которые никакъ ужъ не могутъ жало-

ваться на недостатокъ территоріи для своихъ хозяйствъ, т. е. на малоземеліе.

Проходя послѣдовательно всѣ губерніи европейской Россіи, г. Янсонъ, на основаніи данныхъ трудовъ податной комиссіи, докладовъ комиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства, сообщеній земскихъ управъ и пр., доказываетъ, что урожаи крестьянскихъ полей ничтожны, всѣ остальные отрасли сельскаго хозяйства находятся въ полномъ упадкѣ, а потому существовать своими надѣлами крестьяне не могутъ, а тѣмъ болѣе платить тяжелыя повинности по выкупу и проч. Но дѣло въ томъ, что всѣ матеріалы, которыми пользовался г. Янсонъ для рѣшенія вопроса, давали только среднія поуѣздныя и въ рѣдкихъ случаяхъ поволостныя цифры, которыя въ данномъ случаѣ для изслѣдованія г. Янсона совершенно непригодны.

По удостовѣренію, напримѣръ, Псковской губернской управы¹⁾, всѣхъ дворовъ крестьянскихъ насчитано было 120.078; на каждый дворъ приходится, по расчету управы, 2,7 души м. п. и 2,8 д. ж. п., всего 5¹/₂ д.; земли удобной на дворъ 12,03 десятинъ. По расчету управы, при урожаѣ самъ 3, на семью нужно для прокормленія 91 четв. ржи,—дефицитъ оказывается въ 64 четв. ржи. Въ Новгородской губерніи средній типъ крестьянской семьи опредѣленъ въ 5 душъ, надѣлъ двора—13 дес., урожай—самъ 3,—семья принуждена прикупать хлѣба на ¹/₃ года. Въ Тверской губерніи семья изъ 4 душъ, при надѣлѣ въ 8 десятинъ, покупаетъ хлѣбъ съ Рождества. Въ Московской губерніи, при надѣлѣ на одного домохозяина 7,7 десятинъ, наличныхъ душъ 5,3—земля, кромѣ убытка, ничего не даетъ и т. д.—Что слѣдуетъ вывести изъ приведенныхъ примѣровъ?

Несомнѣнно, что крестьянскіе дворы, имѣющіе 5 душевой составъ, владѣющіе 13 десятинами, при урожаѣ самъ 3, не могутъ существовать въ Псковской губерніи земледѣліемъ, и если бы такіе дворы существовали въ дѣйствительности, то ихъ хозяйства должны быть очень плохи. Но г. Янсонъ ничѣмъ не доказалъ, что такіе дворы дѣйствительно суще-

¹⁾ 19 стр. изслѣдованія г. Янсона.

ствують, и что они страдают отъ малоземелія. Г. Янсонъ принялъ среднія статистическія, т. е. фикцію, вымыселъ, за конкретный фактъ. Насколько данныя, съ которыми оперировалъ г. Янсонъ, фиктивны, мы пояснимъ примѣромъ Московской губерніи. Въ изслѣдованіи г. Янсона средніе надѣлы показаны для этой губерніи 2,9, по изслѣдованіямъ земскаго сборника 3,1, для помѣщичьихъ крестьянъ. Въ 1894 году Бронницкій экономическій совѣтъ произвелъ изслѣдованіе 4-хъ волостей Бронницкаго уѣзда, при чемъ оказалось, что величина надѣловъ въ этихъ волостяхъ такъ значительна, что на каждаго рабочаго приходится 5—6 десятинъ, а въ двухъ селеніяхъ, Лаптево и Ярцево Троице-Лобановской волости, по 12¹/₂ десятинъ на каждаго пахаря, при чемъ обнаружили еще слѣдующіе факты: въ Салтыковской волости дѣйствительно обсеянной пашни оказалось 3.250 дес., а по уставнымъ грамотамъ всей пашни значится 4.751 дес., въ Троице-Лобановской волости обсеянной пашни—6020 дес., а по уставн. грамот.—8.715 дес., въ Рождественской волости обсеянной пашни 2.712 десятинъ, а по уставн. грамот.—3844, въ Жирошкинской волости обсеянной пашни 3.759 дес., а по уставн. грамот.—6.839 десятинъ. Такимъ образомъ крестьяне обрабатываютъ лишь ²/₃ прежней пашни или почти половину своего надѣла; запущенная пашня представляетъ одичавшую землю, потерявшую всякую цѣнность. Спрашивается: какую роль для этихъ волостей могло бы сыграть увеличеніе надѣловъ селеній? Положеніе Бронницкаго уѣзда вовсе не исключительное для нечерноземной полосы Россіи. Изслѣдованіе г. Янсона доказало только тотъ фактъ, что наши крестьянскія хозяйства вообще плохо организованы, но причины подобной организаціи этихъ хозяйствъ г. Янсономъ не раскрыты; онъ обошелъ ихъ полнымъ молчаніемъ.

Въ черноземной полосѣ г. Янсонъ прежде всего останавливается на сравненіи платежей между б. государственными и б. помѣщичьими крестьянами.

И здѣсь г. Янсонъ приводитъ среднія цифры, которыя опять ровно ничего не доказываютъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что государственные крестьяне вообще получили болѣе значительные надѣлы, чѣмъ помѣщичьи и обременены мень-

шими платежами, чѣмъ послѣдніе, но ничѣмъ не доказано, что экономическое ихъ положеніе лучше, чѣмъ положеніе б. помѣщичьихъ. Кромѣ того тяжесть платежей для двора обусловливается всегда отношеніемъ числа душъ семьи къ количеству работниковъ. И это правило можно примѣнить ко всему крестьянскому населенію: чѣмъ менѣе въ общинѣ работниковъ, сравнительно съ общей цифрой населенія, тѣмъ большая цифра платежей ложится на нихъ и тѣмъ тяжелѣе для общины, и безъ того обездоленной недостаткомъ рабочей силы. Поэтому цифра платежей на каждаго работника даже въ таблицахъ земскихъ сборниковъ всегда невѣрна и обыкновенно ниже дѣйствительной ея величины, такъ какъ количество плательщиковъ въ обществахъ слѣдуетъ уменьшить вычитаніемъ изъ нихъ всѣхъ безнадѣльныхъ и безхозяйныхъ и пр. Ничего подобнаго въ изслѣдованіи г. Янсона не было сдѣлано, а потому всѣ его расчеты совершенно фиктивны.

Къ черноземной полосѣ г. Янсонъ примѣнилъ тѣ же разсужденія, какъ и къ нечерноземной, относительно вопроса объ обеспеченіи быта крестьянъ и ихъ обязанностей къ государству и помѣщику. „Среднею“ крестьянскую семью въ этомъ районѣ онъ считаетъ въ 5,94 при 1,62 работникѣ м. п., урожай озимаго—самъ 4,86, а ярового—самъ 4,11, и отсюда опредѣляетъ средній необходимый только для прокормленія семьи надѣлъ не менѣе 10 десятинъ. Но подобная игра средними цифрами такъ же мало что-либо доказываетъ какъ, на примѣръ, средняя цифра имущественнаго состоянія жителей Англіи, если бы мы всю сумму капиталовъ въ этой странѣ раздѣлили на общее число ея жителей; мы несомнѣнно получили бы такую сумму, которая намъ доказала бы ясно какъ день, что жители Англіи такъ бѣдны, что доходы ихъ недостаточны даже для ихъ прокормленія.

По Борисоглѣбскому уѣзду Тамбовской губерніи, согласно показаніямъ земскаго статистическаго сборника средняя крестьянская семья изъ 6,9 душъ, при 1,6 работникѣ м. п. и 1,7 ж. п., имѣетъ надѣлъ въ 12,2 десятинъ. Подобная семья, по показаніямъ того же сборника, расходуетъ на продовольствіе, одежду, обувь, уплату податей и проч. 267 р. 75 к., а зарабатываетъ съ земли, скота и проч. 242 р. 10 к., т.-е.

не добираетъ 25 р. 65 к. По мнѣнію г. Янсона изложенный фактъ свидѣтельствуеъ о недостаточности земельного обезпеченія крестьянской семьи, а по нашему мнѣнію плохую организацію ея хозяйства. 12,2 дес. на 1,6 работника не только вполнѣ достаточно, но даже слишкомъ много, ибо превышаетъ его работоспособность, и всякое увеличеніе надѣла для подобной семьи не только не улучшить ея положеніе, а непременно ухудшить. Еслибы г. Янсонъ былъ самъ земледѣльцемъ-хозяиномъ, то онъ понялъ бы, что надѣлъ въ 12,2 дес., при наличности 1,6 м. п. рабочей силы, болѣе чѣмъ достаточенъ; по общему же правилу *Arbeitsminimum* для земельной единицы всегда выше *Unterhaltsminimum'a* въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Въ доказательство я приведу среднія цифры, характеризующія *богатыхъ* крестьянскія хозяйства Забайкальскаго края.

Семейный составъ.				Количество скота.				Земля въ дес.	
Душъ обоюго пола.	Годныхъ работн.	На одного раб. душъ обоюго пола.	0/0 душъ муж. пола.	Раб. лошадей.	Всего лошадей.	Всего раб. скота.	Овецъ и козь.	Усадьба.	Посѣвъ.
9,0	2,4	3,9	50,0	8,5	12,08	15,6	18,5	0,5	9,0

Въ этой табличкѣ необозначено количество луговъ и выгона. По недостатку своихъ луговъ и выгоновъ, богатыхъ хозяйства обыкновенно ихъ арендуютъ у казны и сосѣднихъ селеній. Во всякомъ случаѣ богатыхъ семьи при 2,4 рабочихъ эксплуатируютъ не болѣе 9 десятинъ посѣва. Бюджетъ ихъ по приходу достигаетъ 1.631 р. 4 к., а по расходу 1.508 р. 9 к. (включая сюда и всѣ платежи); чистый же остатокъ (безъ займовъ) равняется 113 р. 3 к. Доходъ отъ земледѣлія и скотоводства составляетъ у этихъ хозяйствъ 76,5%, и отъ промысловъ только 21,8% по отношенію ко всей суммѣ доходовъ хозяйства¹⁾. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что количество запашки и вообще величина надѣловъ далеко не играютъ той первенствующей роли въ благосостоя-

¹⁾ См. Матеріалы Куломв. Коммисіи вып. 13.

ніи крестьянскихъ хозяйствъ, которое имъ приписалъ г. Янсонъ.

И всякій хозяинъ, знакомый съ бытомъ нашей деревни и условіями крестьянскихъ хозяйствъ, подтвердитъ наши слова.

Къ сожалѣнію для доказательства своего тенденціознаго положенія г. Янсонъ прибѣгаетъ къ пріемамъ, которые произвели на насъ грустное впечатлѣніе и еще болѣе утвердили нашу точку зрѣнія на его трудъ. При оцѣнкѣ доходности крестьянскихъ надѣловъ, съ цѣлью доказать несоотвѣтствіе ея съ платежами въ черноземныхъ губерніяхъ, г. Янсонъ опредѣляетъ арендныя цѣны такъ: для Лебедянскаго, Моршанскаго и Тамбовскаго уѣздовъ 5—6 р., для Крапивенскаго, Веневскаго и Новосильскаго уѣздовъ Тульской губерніи—6—7 р., а для другихъ черноземныхъ уѣздовъ—2—4 р. (стр. 84), для Курской губерніи 7 р. 40 к., при чемъ находитъ почему-то и эти цифры высокими и непримѣнными къ опредѣленію доходности надѣловъ. На страницѣ же 91 ¹⁾ своего труда, когда г. Янсонъ желаетъ доказать непосильную будто-бы для крестьянъ дороговизну арендныхъ цѣнъ за землю, для Тамбовской губерніи арендныя цѣны показываются 10—20 руб. за озимъ и 7—20 р. за ярь, въ Тульской губерніи 7—18 за озимъ и 6—14 за ярь, въ Курской губерніи 11—20 за озимъ и 6—12 за ярь и т. д., т. е. цифры понижаются и повышаются у г. Янсона, смотря по тому, что онъ желаетъ ими доказывать,—своеобразная метода, которую научной назвать никакъ нельзя.

Тяжесть податей и повинностей не могла быть причиною обѣднѣнія крестьянъ. Опредѣленные Положеніями оброки были значительно ниже тѣхъ, которые платили крестьяне своимъ господамъ до реформы. Такъ даже въ бѣдной Новгородской губерніи, по показанію г. Носовича (вполнѣ достовѣрному), крестьяне платили 30 р. оброка съ тягла, а по Положенію имъ пришлось платить съ тягла только 17—18 р. (9 р. съ ревизск. души), выкупъ же значительно уменьшилъ и эту сумму.

Въ Московской губерніи крестьяне (въ Звенигородскомъ у.) платили съ тягла 45 рублей, а по Положенію имъ при-

¹⁾ Также стр. 92.

шло съ платити 24 р., съ переходомъ же на выкупъ уменьшился и этотъ платежъ. Въ Рязанскомъ уѣздѣ крестьяне платили оброка 30 руб. и болѣе, а по Положенію имъ пришлось платити только 18 рублей (9 р. съ рев. д.), выкупъ же значительно уменьшилъ и эту сумму (7 р. 20 к. съ д.). Въ Кузнецкомъ уѣздѣ крестьяне платили оброку 18 р. 40 к., а по Положенію имъ пришлось платити не болѣе 12 р., съ переходомъ же на выкупъ значительно меньше и т. д. Вообще члены Редакціонныхъ Коммиссій старались, на сколько возможно, уменьшить оброкъ, вызывая противъ себя отчасти справедливыя нареканія, а потому можно съ увѣренностью утверждать, что всюду платежи крестьянъ по Положеніямъ оказались значительно ниже оброковъ крѣпостной до-реформенной эпохи.

Размѣръ недоимочности крестьянъ тоже подтверждаетъ наше утвержденіе. Во второй половинѣ 1893 года наиболѣе недоимокъ скопилось въ губерніяхъ черноземнаго центра, за нимъ слѣдуетъ восточный, промышленный и южный районы ¹⁾. Ростъ недоимокъ виденъ изъ слѣдующей таблицы:

Процентное отношеніе недоимокъ къ окладу.

Р а й о н ы:	1871—75	1876—80	1881—85	1886—90	1891—95
Сѣверный.....	57,7	46,5	43,2	21,7	24,8
Восточный.....	25,2	36,0	58,0	98,5	236,0
Средне-черноземный...	10,4	15,9	28,4	38,5	125,3
Средне-промышленный.	26,7	20,5	27,8	37,8	66,4
Южный.....	21,0	33,2	31,4	36,6	20,6
Малороссійскій.....	12,8	8,9	18,3	31,8	32,4
Юго-западный.....	13,1	8,7	7,2	3,5	4,9
Сѣверо-западный.....	41,5	22,2	12,0	5,8	4,1

Цифры таблицы весьма характерны!

Громадныя недоимки накопили исключительно губерніи съ общиннымъ землепользованіемъ. Бѣдный сѣверо-западный край, гдѣ въ крѣпостную эпоху крестьянство чуть ли не нищенствовало, въ настоящее время стоитъ во главѣ наиболѣе благополучныхъ районовъ вмѣстѣ съ юго-западными губер-

¹⁾ Бржескій, „Недоимочность и круговая порука“, стр. 393.

ніями съ ихъ богатою почвою и прекраснымъ климатомъ. Нашъ же востокъ и черноземный центръ стоятъ на послѣднемъ мѣстѣ ¹⁾.

Наконецъ, арендные и покупные цѣны земель въ Европейской Россіи на столько повысились, что выкупные платежи по крайней мѣрѣ вдвое ниже арендныхъ и банковскихъ, такъ что къ концу выкупа крестьяне получаютъ свои надѣльные земли даромъ. Всю тяжесть выкупа вынесли на своихъ плечахъ современники освобожденія—владѣльцы ревизскихъ душъ, а потому лишать нынѣ ихъ потомковъ выкупленной земли—величайшая несправедливость. Ссылаются на то, что многіе крестьянскіе дворы въ настоящее время владѣютъ землею, которую частію не они выкупили, но это лишь показываетъ, что они платятъ и платили не только за себя, но и за своихъ небрежныхъ совладѣльцевъ и платятъ какъ выкупъ, такъ и недоимки за своихъ односельцевъ. Не слѣдуетъ забывать, что съ увеличеніемъ недоимщиковъ окладъ души увеличивается, хотя земельный размѣръ души остается прежній. Если поэтому за дворами будетъ закрѣплены надѣлы, которыми они владѣютъ болѣе 10 лѣтъ, то это будетъ только простой справедливостью.

Бѣдственное состояніе крестьянъ иногда связываютъ съ дарственнымъ надѣломъ, при чемъ не разясняютъ причинъ этого дѣйствительно прискорбнаго факта. Г. Ходскій приписываетъ согласіе крестьянъ получить дарственную десятину высокимъ платежамъ и дешевизнѣ аренды помѣщичьихъ земель при освобожденіи. Однако даже приведенныя имъ цифры этого не подтверждаютъ. Если въ черноземной полужалежной полосѣ выкупные были опредѣлены 2—2 р. 40 к. (что несправедливо), и аренда была не выше 1—2 р., то разница тутъ такъ не велика, что не могла вліять на отказъ крестьянъ получить полный надѣлъ. Крестьяне—не идіоты и прекрасно понимали, что выгоднѣе платить 2—2 р. 40 к. и получить землю въ собственность, чѣмъ ежегодно платить за чужую землю 1—2 р. аренды. Причина, почему крестьяне

¹⁾ Въ сущности въ губерніяхъ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ недоимокъ вовсе нѣтъ; официальные показанія о недоимкахъ зависятъ отъ особыхъ способовъ зачисленія платежей по времени взноса.

пошли на дарственный надѣль—стадное вліяніе общины; крестьяне никакъ не могли спѣться между собою; не довѣряли помѣщикамъ и мѣстнымъ властямъ и вели себя какъ стадо глупыхъ овецъ. Менѣе всего въ этомъ виноваты помѣщики (за нѣкоторыми исключеніями). Едва ли, на примѣръ, К. Д. Кавелинъ желалъ посадить своихъ крестьянъ на дарственный надѣль, но всѣ его усилія убѣдить крестьянъ не имѣли успѣха потому, что, по словамъ крестьянъ, у нихъ между собою „шла война“ и безтолковщина несравненно сильнѣе, чѣмъ въ спорахъ и преніяхъ съ помѣщикомъ. Такъ было и у другихъ помѣщиковъ. Многіе крестьяне потомъ съ горечью обвиняли помѣщика въ томъ, что онъ не упребилъ при этомъ прежняго средства вразумленія, т.-е. по-просту сказать, не выпоролъ упорствующихъ.

Желая доказать несоразмѣрность выкупныхъ платежей съ доходностью и цѣнностью надѣловъ, г. Ходскій приводитъ въ своей книгѣ табличку, въ которой по губерніямъ въ процентахъ показаны степени бѣльшаго или меньшаго несоотвѣтствія выкупныхъ платежей съ тѣми платежами, какіе пришлось бы платить крестьянамъ, если бы выкупная стоимость совпадала съ банковской оцѣнкой. Укажемъ прежде всего на ошибку въ таблицѣ: Волынская губернія помѣщена въ число тѣхъ, въ которыхъ платежи выкупные выше банковской оцѣнки, на самъ же дѣлѣ они ниже (на 81,0%), Затѣмъ таблица составлена и приведена г. Ходскимъ не безъ лукавства. Банковья оцѣнки относятся къ помѣщичьимъ землямъ губерній лѣсныхъ, гдѣ земля банкомъ цѣнится въ грошъ; крестьяне же получили пашни—культурныя земли, цѣна которыхъ несравненно выше болотъ и лѣсной площади (лѣсъ не входилъ въ оцѣнку банка). Что это именно такъ, легко усмотрѣть изъ тѣхъ цѣнъ, по которымъ покупали крестьяне въ тѣхъ же губерніяхъ земли, и изъ оцѣнокъ вообще земель крестьянскимъ банкомъ при продажѣ ихъ крестьянскимъ обществамъ. Такъ, въ Калужской губерніи банковая оцѣнка десятины—26 р. 91 к., а крестьянскаго банка при выдачѣ ссуды 37 рублей, въ Костромской губерніи банковая оцѣнка десятины—14 руб. 10 к., а крестьянскаго банка—30 руб., въ Могилевской губ. банковая оцѣнка десятины—13 руб. 10 коп., а крестьянскаго банка—18 руб.

Въ Новгородской банк. оцѣнка	6 р.	70 к.	, а крест. бан.	9 р.
„ Оренбургской	4	85	„	10
„ Псковской	16	66	„	19
„ Смоленской	16	97	„	22
„ Самарской	16	45	„	35
„ Тверской	18	59	„	21
„ Уфимской	11	29	„	26

Все это ссуды обществамъ, отдѣльные же крестьяне и товарищества платили значительно выше. Между тѣмъ черноземныя центральныя губерніи и другія, въ которыхъ платежи крестьянъ по Положенію наиболѣе высокіе, оказались съ выкупными платежами по таблицѣ г. Ходскаго значительно низшими, чѣмъ банковскія оцѣнки (въ Черниговской губ. на 3,9%, въ области В. Донского на 11,1%, въ Симбирской губ. на 11,9%, въ Екатеринославской губ. на 18,0%, въ Казанской губ. на 20,6%, въ Пензенской губ. на 30,1%, въ Саратовской губ. на 32,9%, въ Воронежской губ. на 76,1%, въ Волынской губ. на 81,1%, въ Орловской губ. на 89,6%, въ Рязанской губ. на 92,7%, въ Тамбовской губ. на 99,0%, въ Подольской губ. на 100%, въ Кіевской губ. на 96,5%, въ Бессарабской губ. на 92,5%, въ Курской губ. на 96,1%, въ Тульской губ. на 83,2%, въ Полтавской губ. на 35,0%, и въ Харьковской губ. на 23,2%, и т. д.).

Читатель видитъ, что всѣ старанія нашихъ уравнителей очернить Положеніе 19 февраля 1861 года и доказать чрезмѣрность выкупныхъ платежей оказываются тщетными. Составители Положеній прекрасно знали доходность земель помѣщиковъ, назначили платежи не чрезмѣрные и нисколько не ошиблись въ своихъ оцѣнкахъ, насколько возможно порадили крестьянамъ, но не обидѣли и помѣщиковъ, честно исполнили свой долгъ передъ народомъ и исторіею.

Тяжесть выкупныхъ—миѣ, и пора, давно пора, нашей интеллигенціи прекратить свои lamentaціи по этому вопросу. Въ настоящее время крестьяне, покупая землю, платятъ 20—100% выше за десятину, чѣмъ выкупные платежи. Тяжесть крестьянскихъ платежей зависитъ отъ того, что одинъ домохозяинъ платитъ за многихъ, но главнымъ образомъ—отъ плохой организаціи крестьянскихъ хозяйствъ.

Примѣчаніе.

Г. Янсонъ на стр. 74 своего труда приводитъ слѣдующую таблицу среднихъ надѣловъ и оброковъ для центральныхъ черноземныхъ губерній въ дореформенную эпоху (по вѣдомостямъ Редакціонныхъ Комиссій):

Въ Тамбовской губ.	2,77 дес.	и 2 р.	83 к.	съ десят.
„ Рязанской „	2,83 „	„ 3 „	47 „	„ „ „
„ Пензенской „	3,15 „	„ 2 „	57 „	„ „ „
„ Воронежской „	2,90 „	„ 2 „	81 „	„ „ „
„ Симбирской „	3,79 „	„ 2 „	93 „	„ „ „
„ Тульской „	2,35 „	„ 3 „	35 „	„ „ „
„ Орловской „	3,38 „	„ 2 „	42 „	„ „ „
„ Харьковской „	2,76 „	„ 3 „	30 „	„ „ „
„ Курской „	2,33 „	„ 3 „	86 „	„ „ „

Средніе надѣлы, продолжаетъ г. Янсонъ, остались тѣ же ¹⁾

1) Это утвержденіе г. Янсона не совсѣмъ справедливо. Вотъ нормы высшихъ надѣловъ по Положенію:

Тамбовская губернія нечерноземн. — 3 десятины, черноземная же—3 до $3\frac{1}{2}$ десятинъ; Рязанская губ. нечерноземн. (по лѣвую сторону Оки) 3 дес.—4 дес., черноземн. и по правую сторону Оки 2 дес. 1880 кв. с.—3 дес.; Пензенская 3— $3\frac{1}{2}$ дес.; Воронежская—3— $3\frac{1}{2}$ дес.; Симбирская 3 дес. 600 кв. с.—4 дес.; Тульская нечерноземн. 3 дес. 600 кв. с., черноземная 3 дес.; Орловская нечерноземн. $3\frac{1}{2}$ —4 дес., черноз. 3 дес.; Харьковская 3— $4\frac{1}{2}$ дес.; Курская 2 дес. 1800 кв. с.— $3\frac{1}{2}$ дес.—Такимъ образомъ читатель видитъ, что всюду въ означенныхъ губерніяхъ средніе дореформенные надѣлы *ниже* надѣловъ Положенія 19 февраля; ясно, что «отрѣзки» могли быть только исключеніемъ, а не правиломъ, какъ несправедливо утверждаютъ наши «ученые» изслѣдователи (отрѣзки допускались лишь тогда, когда надѣлы оказывались выше установленныхъ Положеніемъ высшихъ нормъ). Что же касается до правила 20 ст. Великор. Положенія, то примѣненія его въ барщинныхъ хозяйствахъ не могло быть; справедливость же этого правила для оброчныхъ и смѣшанныхъ не подлежитъ сомнѣнію. Представимъ себѣ имѣніе въ 600 дес., въ которомъ въ пользованіи крестьянъ состоятъ 500 дес. На основаніи 20 ст. Великор. Положенія помѣщикъ имѣлъ право оставить въ своемъ владѣніи 200 дес., но лишь въ томъ случаѣ, если надѣлы крестьянъ не уменьшались противъ установленнаго Положеніями *нижшаго* размѣра. О какихъ «среднихъ» (по Положенію) надѣлахъ говоритъ г. Янсонъ? Никакихъ «среднихъ» надѣловъ въ Положеніяхъ 19 февраля не значится;

(по Положеніямъ) въ губерніяхъ Тамбовской, Рязанской, Курской, уменьшились въ Тульской на 5%, въ Харьковской — на 6%, въ Орловской — на 7%, въ Воронежской — на 8%, въ Пензенской — на 10% и въ Симбирской — на 24%. Платежи (оброчные и выкупные) уменьшились такъ:

Въ Орловской на 14%	Въ Курской на 32%
„ Пензенской „ 19 „	„ Тульской „ 35 „
„ Воронежской „ 20 „	„ Симбирск. „ 45 „
„ Харьковской „ 21 „	„ Рязанской „ 48 „
„ Тамбовской „ 25 „	

Такимъ образомъ г. Янсонъ самъ себя побиваетъ. Сравнивая затѣмъ *всѣ* платежи крестьянъ центральныхъ губерній съ прежними оброками (по выше приведенной табличкѣ), г. Янсонъ находитъ, что для губерній Тамбовской, Рязанской, Курской

крестьяне надѣлялись «существующими» надѣлами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда таковыя не превышали «высшихъ» нормъ. Такимъ образомъ утверждение г. Янсона, что «средніе» (?) надѣлы въ губерніяхъ Тульской, Харьковской, Орловской, Воронежской и Пензенской уменьшились, лишено всякаго основанія: высшія нормы надѣловъ Положенія въ этихъ губерніяхъ выше «среднихъ» дореформенныхъ, слѣдовательно, «средніе» надѣлы не могли понизиться; иначе говоря, высшіе надѣлы «Положеній» ничто иное какъ средніе дореформенные надѣлы крестьянъ (т. е. существующіе въ дѣйствительности) въ тѣхъ лучшихъ хозяйствахъ помѣщиковъ, гдѣ крестьяне были надѣлены съ избыткомъ. Приведенныя г. Янсономъ въ табличкѣ средніе дореформенные оброки тоже подтверждаютъ правильность и умѣренность установленныхъ Положеніемъ платежей. По табличкѣ средней душевой надѣль въ Тамбовской губ. оплачивался 2 р. 83 к. съ десятины, по Положенію же крестьянамъ приходилось платить за высшій надѣль съ десятины 2 р. 56 к. и т. д. Въ дѣйствительности же платежи и повинности крестьянъ при крѣпостномъ правѣ были вдвое и втрое тяжелѣе пореформенныхъ. Владѣлецъ 1000 душъ въ черноземномъ центрѣ (на оброкѣ) считался человекомъ богатымъ съ чистымъ доходомъ не менѣе 20,000 р.; послѣ освобожденія едва ли онъ получалъ съ своего имѣнія болѣе 10,000 р. Общее разореніе дворянъ-помѣщиковъ съ первыхъ же дней реформы можетъ служить прямымъ подтвержденіемъ того, какъ низко упали платежи бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ своимъ господамъ. Если бы платежи крестьянъ послѣ реформы были выше дореформенныхъ, то дворяне-помѣщики, освобожденные отъ массы заботъ и хлопотъ по надзору за своими крѣпостными работниками, не разорились бы; напротивъ, всѣ ожидали, что свободный трудъ земледѣльца увеличитъ благосостояніе его самого и землевладѣльцевъ, съ которыми онъ былъ связанъ, какъ временно-обязанный, оброкомъ.

и Симбирской платежи остались тѣ же, что и при крѣпостномъ правѣ, а для прочихъ (кромѣ Тульской, гдѣ платежи ниже) они выше отъ 1,4% до 33%.

На это мы сдѣлаемъ слѣдующія возраженія: 1) данныя Редакціонныхъ Комиссій были значительно ниже дѣйствительности, почему имъ и пришлось внести поправки (см. книгу Н. П. Семенова „Освобожденіе крестьянъ“), 2) по общему правилу помѣщики сажали крестьянъ на оброкъ, когда барщинное хозяйство было невыгодно, т.-е. когда „земля не окупала платежей“ (расходовъ помѣщика), слѣдовательно, для черноземныхъ губерній цифра оброка была несомнѣнно ниже „доходности“ надѣла, такъ какъ оброчныхъ крестьянъ въ черноземномъ центрѣ было ничтожное количество, и 3) пореформенные оброки были значительно выше выкупныхъ, а между тѣмъ крестьяне съ трудомъ выходили на выкупъ, боясь *недоимокъ*. На послѣднее обстоятельство г. Янсонъ вовсе не обратилъ вниманія, хотя оно очень характерно и знаменательно.

По расчету г. Янсона (стр. 70), крестьянскій надѣлъ въ черноземномъ центрѣ не можетъ быть менѣе 5 десятинъ на душу, но и при такомъ надѣлѣ на необходимые расходы для покупки соли, дегтя, ремонта одежды, орудій, на покупку лѣсного матеріала и проч. ничего не останется, а тѣмъ болѣе на уплату податей. Какъ великъ долженъ быть надѣлъ въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ для покрытія всѣхъ расходовъ двора, г. Янсонъ не опредѣляетъ. Почему же эти крестьяне безбѣдно существовали при господствѣ крѣпостного права съ средними надѣлами отъ 2,33 десятинъ до 3,79 дес.? Современное положеніе этихъ крестьянъ, говоритъ г. Янсонъ (стр. 73), хуже чѣмъ было при крѣпостномъ правѣ, когда они были по крайности сыты, и когда помѣщикъ платилъ за нихъ подати(?): въ среднемъ выводѣ матеріальная обеспеченность крестьянъ въ черноземномъ трехпольномъ центрѣ была лучше, чѣмъ послѣ освобожденія(!). Такимъ образомъ, заключаетъ г. Янсонъ, собственность на землю сама по себѣ еще не избавляетъ отъ нищеты или пролетаріата (стр. 75).

Можно ли согласиться съ подобнымъ заключеніемъ ученаго экономиста? Конечно, нѣтъ, ибо оно все основано на ложныхъ данныхъ. Собственники ли своихъ надѣловъ кре-

стьяне? Мы знаемъ, что ихъ такъ называетъ законъ, но въ дѣйствительности это далеко не такъ. Хозяева ли наши крестьяне по крайней мѣрѣ на землѣ, которой пользуются? И на этотъ вопросъ мы должны отвѣтить отрицательно. При крѣпостномъ правѣ собственниками и хозяевами въ селеніяхъ были помѣщики; нынѣ эту власть замѣнила безпутная и безхозяйная община, а гдѣ нѣтъ хозяина, — тамъ не можетъ быть и хозяйства.

Г. Янсонъ утверждаетъ, что при крѣпостномъ правѣ подати платилъ за крестьянъ помѣщикъ: откуда же онъ ихъ бралъ? Конечно, крестьяне обрабатывали всю культурную площадь помѣщичьихъ имѣній, но въ этомъ отношеніи ничего не измѣнилось. Разница только та, что при крѣпостномъ правѣ львиная доля барыша отъ эксплуатаціи помѣщичьихъ земель шла дворянамъ-помѣщикамъ, а теперь идетъ въ карманъ крестьянъ, а между тѣмъ, по освобожденіи, и тѣ и другіе разорялись и разоряются. Ясно, что причина обѣднѣнія тѣхъ и другихъ заключается не въ недостаточности крестьянскихъ надѣловъ и не въ тяжести податей, а въ плохой организаціи ихъ хозяйства, о чемъ, разумѣется, ученый экономистъ благо-разумно умалчиваетъ.

Въ настоящее время тяжесть крестьянскихъ платежей доведена до *minimum*'а. По приведенной выше табличкѣ, крестьяне Рязанской губерніи платили одного оброка при крѣпостномъ правѣ 3 руб. 47 коп. (въ дѣйствительности значительно больше); въ 1886 г. *всѣхъ* платежей съ крестьянъ падало на десятину только 2 руб. 9 коп. ¹⁾.

Остается лишь одно: освободить крестьянъ отъ всякихъ платежей, перенеся ихъ на индустрію; къ этому нынѣ и сводится агитація нашихъ уравнителей ²⁾.

1) Земскій Сборникъ, XI т., стр. 283. Передаемъ эту цифру съ оговоркой: земскій сборникъ изданъ съ явными неточностями и ошибками. Такъ для помѣщичьихъ крестьянъ *всѣхъ* платежей показано 1 р. 2 коп. на десятину, чего не можетъ быть (должно быть 3 р. 50 коп.). Въ настоящее время выкупные платежи б. помѣщичьихъ крестьянъ понижены значительно.

2) Интересно, что дарственные платятъ съ десятины 2 р. 50 к., что легко объясняется слѣдующимъ сопоставленіемъ: на 100 р. *всѣхъ* платежей приходится въ Рязанской губ.:

Слѣдуетъ отмѣтить, что г. Янсонъ былъ введенъ въ заблужденіе преимущественно Трудами Податной Комиссіи, тенденціозность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Достаточно сравнить дѣйствительное положеніе крестьянъ сѣверо-западныхъ губерній съ тѣмъ, что значится въ „Трудахъ“, чтобы убѣдиться въ этомъ. Конечно, крайне прискорбно, что, напримеръ, одна треть крестьянскаго населенія Ковенской губерніи не получила, при освобожденіи, ни клочка земли, даже усадебной, и принуждена жить на чужой землѣ, платя въ пользу хозяевъ большія повинности. Грустно, что по отношенію къ этимъ обездоленнымъ былъ нарушенъ основной принципъ Положеній 19 февраля 1861 года. И тѣмъ не менѣе нынѣ и эти обездоленные постепенно дѣлаются собственниками земли.

Впрочемъ, замѣтимъ, что въ $\%$ отношеніи ко всей площади земельной собственности крестьянское землевладѣніе въ Ковенской губерніи нисколько не ниже, чѣмъ въ великорусскихъ губерніяхъ (въ Ковенской губ. 46,₁ $\%$, а въ Тульской губ. 37,₆ $\%$). Если мы сравнимъ крестьянское землевладѣніе въ Ковенской губерніи съ таковымъ же въ Псковской, то получимъ слѣдующее сопоставленіе:

у б. помѣщичьихъ съ полнымъ надѣл.: обр. и вык. госуд. сб. земскіе, мірскіе	56,6	15,7	6,9	20,8
у дарственныхъ:	—	14,8	13,6	71,6

т. е. государство щадитъ обездоленныхъ, а земство, и въ особенности міръ, увеличиваютъ ихъ тягости. Такъ же поступаетъ земство почему-то съ четвертными. У государственныхъ душевыхъ на 100 р. всѣхъ платежей приходится:

Оброчн.	41,7,	гос. сб.	30,2,	земскихъ сб.	9,9,	мірскихъ	18,2.
у четвертныхъ:	„	55,6,	„	„	16,6,	„	„
						13,7,	„
							14,1.

Мірскіе сборы у четвертныхъ въ $\%$ отношеніи меньше, чѣмъ у всѣхъ другихъ разрядовъ крестьянъ. Это тоже очень характерно. Разницу земскихъ сборовъ нельзя приписать большимъ или лучшимъ надѣламъ у четвертныхъ, такъ какъ на десятину надѣла всѣхъ платежей у государственныхъ душевыхъ приходится въ рубл. 2,₇, а у четвертныхъ 2,₂. Душево-четвертные, обладающіе вообще бѣльшими надѣлами, чѣмъ чисто-четвертные, платятъ земскихъ сборовъ на 100 р. всѣхъ платежей—12,₃. Очевидно, наша интеллигенція относится и въ этомъ случаѣ либеральнѣе къ «общинникамъ», чѣмъ къ нелюбезнымъ ей «подворникамъ».

	Кол. надѣл. зем.	Число дво- ровъ.	Среднее на дворъ.	Среднее на налич. душу.
Въ Псковской губерніи:	1,415200 дес.	114,600	12,3 дес.	4,1 дес.
Въ Ковенской губерніи:	1,468200 дес.	73,600	19,9 дес.	4,0 дес.

Всѣхъ наличныхъ душъ (м. п.) въ Псковской губ. 351,200, а въ Ковенской губ. 360,100. Итакъ мы видимъ, что на той же, по пространству, территоріи въ Ковенской губерніи живетъ и пользуется землею количество крестьянъ-собственниковъ не меньшее, чѣмъ въ Псковской губерніи (если не большее!), но эти крестьяне обеспечены значительно лучше крестьянъ псковскихъ, такъ какъ средній размѣръ земельной обеспеченности двора у ковенскихъ крестьянъ значительно выше, чѣмъ у псковскихъ. Если, при подворно-наслѣдственномъ землепользованіи, то же самое количество крестьянскаго народонаселенія обеспечивается земельнымъ довольствомъ значительно лучше, чѣмъ при общинномъ, то, спрашиваемъ нашихъ уравниателей, во имя чего же защищаютъ они эту форму крестьянскаго землепользованія?

Отвѣта на этотъ вопросъ мы, конечно, не получимъ, ибо наши уравниатели всегда тщательно избѣгали отвѣчать на прямые вопросы.

Г. Фортунатовъ ¹⁾ изъ земскихъ данныхъ о числѣ безземельныхъ крестьянъ въ Европейской Россіи дѣлаетъ такое заключеніе: „Очевидно, что въ подворной Россіи обезземеленіе(!) развито сильнѣе, чѣмъ въ общинной“. Между тѣмъ „очевидность“ доказываетъ какъ разъ обратное. Такъ въ первой приведенной г. Фортунатовымъ группѣ—свыше 10% безземельныхъ—нѣтъ ни одного уѣзда съ подворнымъ землевладѣніемъ, и всѣ 19 уѣздовъ, имѣющихъ наибольшее количество безземельныхъ крестьянъ, относятся къ уѣздамъ съ общиннымъ землепользованіемъ; во второй и третьей группахъ 5—10% безземельныхъ значатся только два малороссійскихъ уѣзда (Суражскій и Полтавскій) и въ четвертой группѣ менѣе 5% безземельныхъ—находятся всѣ остальные уѣзды малороссій-

¹⁾ „Распределеніе поземельной собственности въ Европейской Россіи“, Русская Мысль, 1886 г. стр., 219 и слѣд.

скихъ губерній, подвергавшіеся изслѣдованію земской статистици. Такимъ образомъ г. Фортунатовъ тоже придерживается системы г. В. В.—выводитъ заключенія, прямо противорѣчащія фактамъ своего изслѣдованія. Правда, г. Фортунатовъ дѣлаетъ оговорку относительно малороссійскихъ губерній въ такомъ смыслѣ, что въ Черниговской губерніи къ безземельнымъ причислены и огородники, а въ Полтавской этого не сдѣлано, хотя въ послѣдней много дворовъ безъ пахотной земли. Такъ, но это только свидѣтельствуегь, что въ малороссійскихъ губерніяхъ безземельныхъ еще менѣе, чѣмъ значится въ приведенныхъ г. Фортунатовымъ данныхъ. Г. Фортунатовъ относитъ къ безземельнымъ(!?) всѣхъ огородниковъ малороссійскихъ губерній, но въ такомъ случаѣ слѣдовало причислить къ безземельнымъ и огородниковъ въ великороссійскихъ губерніяхъ и, въ особенности, тѣхъ крестьянъ, которые сдаютъ свои надѣлы и сами не пахутъ; о скрытомъ пролетаріатѣ нашихъ общинниковъ г. Фортунатовъ умалчиваетъ. Главная же ошибка вывода г. Фортунатова заключается въ слѣдующемъ: въ великорусскихъ губерніяхъ *всѣ* крестьяне получили надѣлы, въ малороссійскихъ только *часть ихъ* была надѣлена землею, остальные или вовсе ничего не получили, или получили однѣ усадьбы безъ клочка пахотной земли. И тѣмъ не менѣе въ великорусскихъ губерніяхъ безземельныхъ крестьянъ оказывается нынѣ значительно больше, чѣмъ въ малороссійскихъ. Гдѣ же развивается „обезземеленіе“ сильнѣе: въ общинной или подворной Россіи? Въ дѣйствительности же статистическія данныя свидѣлствуютъ, что въ подворной Россіи „обезземеленія“ крестьянъ нѣтъ; напротивъ, безземельные садятся на землю. Въ общинной же — мы видимъ обратный процессъ: появляется безземельный пролетаріатъ, котораго, при освобожденіи крестьянъ, не было вовсе (если не считать „восьмистаточныхъ“).

Отмѣтимъ здѣсь, что и въ царствѣ Польскомъ (привислинскихъ губерніяхъ) крестьянское землевладѣніе находится далеко не въ такомъ печальномъ положеніи, какъ его желалъ представить г. Самаринъ. Всего крестьянамъ принадлежитъ 4,391800 десятинъ земли (8,570100 морговъ), т. е. 41,⁰/₆ всей территоріи владѣнія. Конечно, это значительно меньше, чѣмъ

въ другихъ губерніяхъ, особенно въ великорусскихъ вообще, но больше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, на примѣръ, какъ мы видѣли, въ Тульской (37,6⁰/₀). Во всякомъ случаѣ признаковъ обезземеленія польскихъ крестьянъ нѣтъ ни малѣйшихъ.

Г Л А В А VI.

Тѣсная связь между общиннымъ землепользованиѣмъ и экономическимъ упадкомъ нашей крестьянской деревни не подлежитъ сомнѣнію. Эта связь, обусловленная виѣшней формой землепользованія общинной деревни, объясняется длинноземеліемъ и мелкой дробимостью и черезполосицею крестьянскихъ полей.

Вотчино-крѣпостной порядокъ дореформенной Россіи стремился создать крупныя селенія. Крѣпостная община, основанная на принципѣ личнаго тягла, сложилась подъ вліяніемъ требованій натурального хозяйства. Вотчинно-крѣпостное государство удовлетворяло большую часть своихъ потребностей системою натуральныхъ повинностей. Но и сборъ денежныхъ платежей требовалъ порядка, установленіе котораго вело къ средоточенію крестьянскихъ дворовъ въ большія селенія. Большія селенія быв. государственныхъ крестьянъ—нынѣ наиболѣе старыя поселенія данной мѣстности. Ломка и уничтоженіе хуторовъ были почти повсемѣстнымъ явленіемъ въ Россіи въ эпоху крѣпостную и иногда принимали весьма интенсивныя формы воздѣйствія вотчинной власти ¹⁾. Крупность быв. военныхъ поселеній создавалась совершенно искусственно, не соображаясь ни съ какими требованіями природы, естественныхъ и хозяйственныхъ условій. Администрація быв. военныхъ поселеній, на примѣръ, переселяла жителей въ Ели-

¹⁾ См. объ этомъ Зем. Стат. Сборн. Лично намъ, много лѣтъ тому назадъ, одинъ старый полицейскій чиновникъ Николаевскаго времени рассказывалъ потрясающія сцены при ломкѣ хуторовъ. По его словамъ, на югѣ было сломано нѣсколько тысячъ хуторовъ. То же подтверждаетъ г. Столыпинъ въ Матеріалахъ Имп. Вольно-экономическаго Общества.

заветградскій уѣздъ и сосредоточивала ихъ въ существующихъ уже поселеніяхъ для большой легкости наблюденія за ихъ сельскохозяйственными работами ¹⁾. Помѣщики тоже сосредоточивали своихъ крестьянъ въ болѣе или менѣе крупныя селенія. Вообще такъ называемая система сплошныхъ поселеній (Dorfsystem) всюду у культурныхъ народовъ явилась результатомъ вотчинно-крѣпостной эпохи ²⁾, постепенно замѣняя собой обычную первобытную подворную форму одинокихъ дворовъ (Hofsystem). Чѣмъ интенсивнѣе развивалось крѣпостное право, тѣмъ болѣе увеличивалось число крупныхъ селеній.

Но крупныя селенія несовмѣстимы съ земледѣліемъ и вообще съ сельскимъ хозяйствомъ. Еще менѣе они совмѣстимы съ свободнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ, которое по самому своему существу есть семейно-подворное хозяйство. Поэтому, рано или поздно, крупныя селенія теряютъ свой земледѣльческій характеръ и превращаются въ торговыя села, посады и, наконецъ, города. Въ средніе вѣка вотчинная власть создавала и владѣла посадами и городами. Эти остатки вотчинно-крѣпостныхъ отношеній сохранились и у насъ въ Царствѣ Польскомъ, Литвѣ и югозападныхъ окраинахъ. Уничтоженіе хуторскихъ хозяйствъ посредствомъ переселеній хуторянъ и приселеній къ нимъ происходило и нынѣ на нашихъ глазахъ происходитъ въ Сибири и Амурскомъ краѣ. Еще недавно, при постройкѣ сибирской дороги, оно тоже выразилось въ весьма интенсивной формѣ „избїенія заимщиковъ-старожиловъ“, уничтоженіемъ ихъ заимокъ и сплошнымъ разореніемъ зажиточныхъ сибирскихъ крестьянъ ³⁾!

Вводя въ Сибири уравнительное общинное землепользованіе, правительственная власть руководилась тѣми же при-

1) Мат. для оц. зем. Херсонской губ. Т. II, стр. 70 и слѣд.

2) Мейценъ въ своемъ почтенномъ трудѣ „Siedelung u. Agrarwesen der Ostgermanen, Westgermanen, Kelten, Slaven et cet.“ иного мнѣнія, признавая Dorfsystem обычаемъ германцевъ, соответствующемъ „духу“ германскаго народа, подворное же разселеніе (Hofsystem) обычаемъ кельтовъ, но памятники противорѣчатъ теоріи Мейцена.

3) См. П. Соколовъ-Костромской, „Записки колонизатора Сибири“ стр. 62 и слѣд. и нашу книгу „Уравнительное землепользованіе и крестьянское хозяйство въ Забайкальскомъ краѣ“, стр. 60 и слѣд.

емами, какими она руководилась и въ дореформенное время и, конечно, создасть тѣ же явленія, которыя характеризуютъ нашу крестьянскую деревню въ Европейской Россіи.

По указанію земской статистики крупныя селенія отъ 500 до 1000 дворовъ и болѣе составляютъ: въ уѣздѣ Херсонскомъ 40%, въ Александрійскомъ—49%, въ Елизаветградскомъ—45%, въ Днѣпровскомъ—41%, въ Мелитопольскомъ—55% и въ Бердянскомъ—46%. Въ самыхъ большихъ селеніяхъ число дворовъ простирается до 2000 и болѣе съ населеніемъ до 15,000 душъ!

Но нашъ югъ не представляетъ въ этомъ случаѣ исключенія. Въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губ., въ 12 селеніяхъ, имѣющихъ каждое свыше 745 домовъ, проживаетъ $\frac{1}{5}$ часть населенія этого обширнаго уѣзда. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ въ 19 селеніяхъ (болѣе 500 дворовъ) проживаетъ 29% общаго населенія уѣзда. Въ Острогожскомъ (Воронежской губ.) въ 11 селеніяхъ (болѣе 500 дв.) живетъ $\frac{1}{4}$ часть населенія уѣзда, въ Богучарскомъ въ 19 селеніяхъ, имѣющихъ болѣе 500 дворовъ каждое, находится 18.751 дв., или 45% всѣхъ крестьянскихъ дворовъ уѣзда ¹⁾. Вообще же длинноземелье и отдаленность полей господствуютъ во всей черноземной полосѣ и даже въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи. Вотчинно-крѣпостной порядокъ создалъ всюду одно и то же явленіе. И это зло длинноземелья все растетъ, а не уменьшается. По списку населенныхъ мѣстъ 1859 г. въ трехъ восточныхъ уѣздахъ Херсонской губерніи значилось только 35 селеній, имѣвшихъ болѣе 500 дворовъ, а по земско-статистическимъ даннымъ ихъ нынѣ уже 97.

Крупныя населенія юга у насъ объясняютъ недостаткомъ воды и необходимостью селиться по рѣкамъ и балкамъ. Но подобное объясненіе не имѣетъ за собой ни малѣйшихъ основаній. Древняя Русь не знала вообще крупныхъ селеній; писцовыя книги и друг. ²⁾ могутъ служить тому прямымъ доказательствомъ. Вся исторія колонизаціи Россіи крестьян-

¹⁾ Постниковъ, «Южно-русское крестьянское хозяйство», стр. 69.

²⁾ Напримѣръ, «дозорныя книги», см. «Акты, относ. до юрид. быта» изд. Калачевымъ, Т. II, стр. 52 и слѣд.

ствомъ служить тоже прямымъ опроверженіемъ этихъ измышленій; заимочное право развивалось по системѣ хуторскаго, подворнаго, а не сплошнаго (деревнями) заселенія, слѣдовательно хуторяне и заимщики находили воду не только въ лѣсахъ нашего сѣвера и Сибири, но и въ степяхъ юга и востока. Таковы левады нашего юга. Устройство казенныхъ крестьянъ даже въ 60—70 гг., съ отмежеваніемъ излишнихъ земель въ оброчныя статьи, застало хуторянъ съ хорошимъ водоснабженіемъ; эти усадебныя мѣста съ огородами и садами государство, какъ добрый вотчинникъ, оставило за крестьянами и включило ихъ во владѣнныя записи. Лишила крестьянъ этихъ земель не государство—казна, а община, получившая на нихъ право распоряженія (впрочемъ далеко не вездѣ: во многихъ селеніяхъ крестьяне бывшихъ хуторовъ сохранили за собою левады, хотя нынѣ живутъ въ селеніяхъ). Тамъ же, гдѣ казна отрѣзала левады, онѣ находятся фактически во владѣніи крестьянъ за опредѣленную плату¹⁾, и крестьяне оспариваютъ нынѣ права казны на эти старозаимочныя земли. Зло длинноземелья не отрицается и защитниками общиннаго землепользованія, но для нихъ это зло заключается въ той общинной неурядицѣ, которую засвидѣтельствовали даже земскіе статистики. Г. Постниковъ въ своемъ изслѣдованіи о южно-русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ свидѣтельствуетъ, что „большая, многодворная община—не нормальная община“. Самый актъ передѣла, довольно сложный въ такихъ общинахъ, совершается при отсутствіи домохозяевъ съ явными нарушеніями правды. Обыкновенно крестьяне на сходѣ выбираютъ раздѣльщиковъ, обязуясь подчиниться приговору при раздѣлѣ земли „безъ всякихъ возраженій“, но и „раздѣльщики“ не оправдываютъ довѣрія общества, а потому крестьянскія присутствія постоянно заняты разборомъ жалобъ крестьянъ на рѣшеніе сходовъ и сельскаго начальства.

1) Этотъ вопросъ недавно рѣшенъ правительствомъ въ пользу крестьянъ; имъ дозволено отыскивать судебнымъ порядкомъ старозаимочныя земли въ силу давности. Начала свободы и права въ Европейской Россіи, разумѣется, благодаря сохранившимъ *de jure* свою силу Положеніямъ 19 февраля, побудили правительство рѣшить этотъ вопросъ на точномъ основаніи законовъ гражданскихъ.

Большинство же крестьянъ все-таки подчиняются произведенному раздѣлу, уповая въ близкомъ будущемъ на новый передѣлъ, что для защитниковъ уравнительнаго землепользованія должно, конечно, считаться признакомъ утѣшительнымъ.

Въ крупныхъ селеніяхъ растраты общественныхъ суммъ очень часты; волости крупныхъ селеній поражаютъ своей задолженностью. По спискамъ казенныхъ палатъ бѣдныя и мелкія крестьянскія общества помѣщичьихъ крестьянъ являются всегда болѣе исправными плательщиками, чѣмъ крупныя и богатыя селенія быв. государственныхъ крестьянъ. Экономическій прогрессъ также замѣчается въ первомъ разрядѣ, и, напротивъ, у государственныхъ крестьянъ вообще замѣчается значительный регрессъ въ благосостояніи. По удостовѣренію г. И. Вернера, крупныя селенія болѣе мелкихъ подвергаются вліянію городскихъ рабочихъ, кабатчиковъ, эпидеміямъ, пожарамъ и скотскимъ падежамъ. По свидѣтельству г. Щербины, правильное распредѣленіе всѣхъ натуральныхъ повинностей и хозяйственныхъ дѣлъ легче и проще разрѣшается на мелкихъ сходахъ, чѣмъ на большихъ. Кулачество—это своеобразное растеніе нашихъ общинъ—развивается успѣшнѣе въ крупныхъ селахъ; по мѣткому и справедливому замѣчанію казанскаго земскаго статистика,—чѣмъ больше деревня, тѣмъ сильнѣе и замѣтнѣе въ ней господство кулаковъ, потому что въ маленькихъ обществахъ кулакамъ „не къ чему руку приложить“. О мѣрахъ, которыя предлагаются для упорядоченія общиннаго неустройства большихъ селеній, мы скажемъ ниже. Г. В. В. и нѣкоторые земскіе статистики находятъ, что въ крупныхъ селеніяхъ общинный принципъ болѣе устойчивъ, такъ какъ мелкія общества обыкновенно фактически переходятъ къ подворному землевладѣнію. И дѣйствительно, мелкія общины всюду въ Россіи фактически перешли къ формѣ общаго подворно-наслѣдственнаго владѣнія и вѣроятно сохранятъ ее до конца выкупа.

Зло длинноземелья заключается не въ тѣхъ недостаткахъ общинныхъ порядковъ, на которые указываютъ изслѣдователи, а въ невозможности вести толковое полеводство въ виду отдаленности полей отъ крестьянскихъ усадебъ. Объ унава-

живаніи полей тутъ и рѣчи не можетъ быть, но самая обработка ихъ и свозъ урожая представляютъ иногда непреодолимыя препятствія даже тамъ, гдѣ господствуетъ до сихъ поръ экстенсивная форма хозяйства. Пашни крестьянъ растянуты на 10, 12, 15 верстъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 30—40 верстъ. Напримѣръ, въ Таврической губ. селеніи, гдѣ можара съ хлѣбомъ можетъ обернуться одинъ разъ и даже менѣе (поля отстоятъ далѣе 15 верстъ), имѣется: въ Днѣпровскомъ у. 17 съ 7.642 дворами, въ Мелитопольскомъ—9 съ 9.923 дворами, въ Бердянскомъ—4 съ 4.401 дворами; селеній же, гдѣ можара обрачивается два раза въ сутки (!), при разстояніи полей отъ усадебъ 10—15 верстъ: въ Днѣпровскомъ у. 12 съ 5.830 дворами, въ Мелитопольскомъ 21 съ 11.995 дворами, въ Бердянскомъ 20 съ 10.628 дворами. Всего же число дворовъ въ обѣихъ категоріяхъ оказывается: въ Днѣпровскомъ 13.472 при общемъ числѣ дворовъ въ уѣздѣ 19.473, въ Мелитопольскомъ—21.918 дворовъ при общемъ числѣ 32.819 дворовъ, въ Бердянскомъ—15,029 дворовъ изъ 21.570 дворовъ всего уѣзда. Такимъ образомъ въ Таврической губерніи въ трехъ уѣздахъ у $\frac{2}{3}$ русскаго поселенія господствуетъ длинноземелье. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи земская статистика отмѣтила 196 селеній съ расположеніемъ полей:

въ	3	селеніяхъ	на	50—70	верстъ,
„	4	„	„	40—50	„
„	15	„	„	20—30	„
„	44	„	„	15—20	„
„	38	„	„	10—15	„
„	38	„	„	5—10	„

Въ Николаевскомъ уѣздѣ въ 52 обществахъ быв. государственныхъ крестьянъ поля растянуты на 10—30 верстъ.

Въ Курской губерніи 776 обществъ имѣютъ дальнія поля на разстояніи 5—10 верстъ, 322 общества—болѣе 10 верстъ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ поля отстоятъ отъ усадебъ на 40 верстъ. Въ Краснуфимскомъ уѣздѣ 101 селеніе имѣетъ поля, удаленныя на 10—20—30 верстъ, въ Шадринскомъ уѣздѣ надѣлы разбросаны клочками на 20—45 верстъ.

Впрочемъ, отдаленность полей отъ усадебъ—явленіе всеобщее для крестьянскихъ селеній Россіи. Населеніе сельскихъ обществъ въ 46 губерніяхъ группируется въ 107,8 тысячъ общинъ съ 282,9 тыс. селеніями. Имъ принадлежитъ 129 милліоновъ десятинъ удобной земли, т. е. 1200 десятинъ на общество, что на одно селеніе составляетъ около 430 десятинъ, въ среднемъ около 4 квадратныхъ верстъ на одно селеніе и 12 кв. верстъ на сельское общество. Присоединивъ сюда неудобную землю и принявъ во вниманіе расположеніе селеній, сельскихъ и полевыхъ дорогъ, мы получимъ такой выводъ: въ среднемъ для всей Россіи крестьяне должны проѣзжать при сельско-хозяйственныхъ работахъ 6—10 верстъ; а для отдѣльныхъ губерній (центральныхъ, на примѣръ), средняя величина принадлежащей ихъ селеніямъ удобной земли получается слѣдующая:

5 губерній. . .	3,2—5,8	квадр. верстъ.
7 " . . .	7,3—9,9	" "
2 " . . .	16	" "
1 " . . .	19	" "
1 " . . .	21	" "
1 " . . .	41	" "

т. е. крестьянину для одной поѣздки съ возомъ навоза на поля приходится проѣхать отъ 3 до 20 верстъ ¹⁾).

Въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ еще хуже, такъ какъ главная масса земли у насъ принадлежитъ крупнымъ обществамъ. Въ 46 губерніяхъ изъ 107.773 обществъ 60% имѣютъ до 400 душъ, но имъ принадлежитъ лишь 17% территоріи всей крестьянской земли, остальнымъ же 40%, имѣющимъ 400—15.000 душъ, принадлежитъ 83% всей удобной земли ²⁾).

Какъ отражается подобное аномальное явленіе на сельскохозяйственной дѣятельности крестьянъ видно изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ изслѣдователей—земскихъ статистиковъ и другихъ. На югѣ въ степяхъ, гдѣ ведется самое экстенсивное хозяйство, крестьяне принуждены производить

¹⁾ П. Лохтинъ „Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи“, стр. 209.

²⁾ П. Лохтинъ „Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи“, стр. 210.

посѣвы „наволокомъ“, слѣдовательно придерживать первобытныхъ приемовъ номадовъ—скотоводовъ, занимающихся земледѣліемъ спорадически. Но такъ какъ наши крестьяне принадлежатъ все-таки къ осѣдлому населенію, т.-е. имѣютъ осѣдлыя жилища въ селеніяхъ, то получается слѣдующее противорѣчіе: посѣянный примитивнымъ способомъ хлѣбъ нужно свезти къ жилищамъ и обмолотить или сложить въ скирды, что удается съ трудомъ даже при плохомъ урожаѣ, а при обильномъ совершенно невозможно при указанной выше отдаленности полей отъ хатъ. Въ 1888 году въ Днѣпровскомъ уѣздѣ населеніе осенью выбивалось изъ силъ при уборкѣ хлѣба и все-таки потеряло большую часть своего урожая. И какъ разъ наиболѣе бѣдному крестьянину урожай не пошелъ въ прокъ. Нанятые имъ батраки, безъ участія которыхъ уборка хлѣба была немыслима, отказывались отъ работы, называя ее каторжной, а своихъ хозяевъ—крестьянъ—каторжниками, такъ какъ они работали днемъ и ночью; днемъ молотили и вѣяли, а ночью возили и клали зерно въ амбаръ; подростки и молодыя женщины падали во время работы къ вечеру и тутъ же засыпали, такъ что въ хату ихъ относили спящими ¹⁾. Крестьяне принуждены были производить молотьбу зимой съ большими потерями зерна и реализовать свой урожай съ убыткомъ, такъ что большинство крестьянскаго населенія уѣзда, по ихъ собственному выраженію, „перевели“ богатый урожай,—зерно продали за безцѣнокъ, а полученныя деньги израсходовали на покрытіе расходовъ по уборкѣ. По выраженію Днѣпровскаго земскаго собранія, отъ обильнаго урожая для крестьянъ „остались лишь одни воспоминанія“.

Таврическій губернаторъ въ своей рѣчи къ губернскому земскому собранію удостовѣрилъ, что на поляхъ (у частныхъ землевладѣльцевъ) остался хлѣбъ нескошеннымъ во многихъ мѣстахъ по недостатку рукъ, а громадный урожай не оправдалъ общихъ ожиданій, и населеніе, „по невыясненнымъ причинамъ“ (!!), не менѣе прежняго чувствуетъ недостатокъ въ денежныхъ средствахъ, а потому требовалъ отъ собранія выяс-

¹⁾ Земск. Сборникъ по текущей статистикѣ Таврич. губ. 1888. стр. 13.

ненія причинъ упадка экономическаго положенія губерніи въ то самое время, когда давно желанный урожай предвѣщалъ совершенно иное положеніе, удовлетворительное и обеспеченное. Земское собраніе приняло предложеніе губернатора къ свѣдѣнію и занялось преніями о министерствѣ земледѣлія, боевыхъ пошлинахъ, конкуренціи Америки съ Индіей и т. д., чѣмъ и покончило выясненіе причинъ прискорбнаго результата богатаго урожая ¹⁾. Получился эпизодъ, весьма характерный для нашей бюрократической и земской интеллигенціи.

Удаленность полей замедляетъ всѣ полевые работы, но для унаваживанія это препятствіе совершенно непреодолимо. Наши кабинетные бюрократы порѣшили (напр. г. А. А. Кауфманъ), что для крестьянъ затруднительно вывозить навозъ, когда поля удалены отъ хатъ свыше 4-хъ верстъ. Мы утверждаемъ, что крестьянамъ невозможно навозить свои поля даже за три версты отъ скотнаго двора. Простой расчетъ времени можетъ убѣдить въ этомъ всякаго сельскаго хозяина, а нежелающаго въ этомъ убѣдиться убѣждаетъ горькая практика. Вотъ почему и наши частные владѣльцы не удобряютъ полей своихъ латифундій: имъ не хватаетъ для этого прежде всего скотской и людской рабочей силы. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ лучшихъ землевладѣльческихъ хозяйствахъ (батрацкихъ) помогаетъ дѣлу наша длинная зима, въ продолженіе которой батраки экономіи только и занимаются вывозкою навоза въ поле (въ большія кучи). Этотъ приѣмъ для нашего крестьянина совершенно непримѣнимъ. Вывозка навоза зимою охладить его хлѣвъ, а развозка по отдаленнымъ полосамъ надѣльныхъ полей физически невозможна при нашихъ вьюгахъ и сугробахъ и сопряжена съ опасностью для лошадей (ихъ легко искалѣчить); большихъ кучъ на узкихъ полосахъ закладывать нельзя, а раскладка навоза на маленькія кучки по рыхлому снѣгу немислима и во всякомъ случаѣ

¹⁾ Просимъ нашего читателя отмѣтить сообщаемый здѣсь по книгѣ г. Постникова фактъ (стр. 90) для правильной оцѣнки послѣдующаго изложенія вопроса, составляющаго предметъ нашего труда. Думаемъ, что для нѣкоторыхъ нашихъ читателей голая правда лучше всякой раскрашенной лжи.

крайне нераціональна, о разброскѣ же навоза по рыхлому снѣгу нечего и думать. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если наши крестьяне и въ нечерноземной полосѣ нигдѣ не вывозятъ своего навоза зимой (даже тамъ, гдѣ принудительная обработка отсутствуетъ). Такимъ образомъ нашъ крестьянинъ не можетъ уваживать своихъ полей, по крайней мѣрѣ на половинѣ территоріи крестьянскихъ надѣльных пахотныхъ полей. Какъ извѣстно, онъ и не уваживаетъ ихъ и возитъ до сихъ поръ свой навозъ на конопляники, частью на ближайшія полосы, частью же въ овраги и рѣки, или потребляетъ навозъ на топливо и даже продаетъ его. Результатомъ подобной „агрономіи“ явилась „выпаханность“ крестьянскихъ полей, естественный упадокъ плодородія въ самыхъ богатыхъ черноземомъ губерніяхъ Россіи и, какъ слѣдствіе, голодовки. По справедливому замѣчанію г. П. Лохтина, все наше крестьянское хозяйство—лотерея или своего рода тотализаторъ, а извѣстно, что оба эти способа наживы всегда ведутъ играющаго въ концѣ-концовъ къ полному разоренію.

Зло длинноземелья еще болѣе увеличивается отъ присутствующихъ общинному землевладѣнію мелкой дробимости и черезполосицы крестьянскихъ полей. Мелкая дробимость и черезполосица въ средніе вѣка господствовали всюду и въ Западной Европѣ, такъ какъ средневѣковое общее землепользованіе сельскихъ общинъ съ принудительной обработкой прямо вело къ ней. Это явленіе вытекало изъ тягловаго характера средневѣкового правопорядка и сохранилось и нынѣ какъ архаизмъ тамъ, гдѣ не было принято особыхъ мѣръ къ разверстанію крестьянскихъ угодій. Ссылка на то, что мелкая дробимость и черезполосица могутъ возникнуть и при подворно-наслѣдственномъ землевладѣніи на правѣ собственности (колониальномъ), лишена всякаго основанія и никакими фактическими данными не была еще подтверждена. У насъ въ Россіи это голословное утвержденіе опровергается отсутствіемъ подобной дробимости и черезполосицы въ нашихъ дворянскихъ имѣніяхъ даже мелкопомѣстныхъ. Если случайно общее владѣніе сонаслѣдниковъ и создаетъ дробимость и черезполосицу, то неумолимая жизнь, при свободномъ режимѣ, уничтожаетъ это вредное экономическое явленіе: мелкіе участки,

узкія полосы переходять въ руки одного наслѣдника или отчуждаются сосѣду-владѣльцу, или увеличиваются покупкою смежной полосы. Всякій крестьянинъ стремится увеличить свой участокъ, пріобрѣсти побольше земли, особенно сосѣдской, но вовсе не расположенъ поступиться своей землею, если не принуждается къ тому крайней необходимостью ¹⁾. Нужно замѣтить, что при разнообразіи культуръ дробимость и черезполосица мало вредятъ крестьянскому хозяйству. Вотъ почему Франція мирится съ этимъ наслѣдіемъ средневѣкового землепользованія. Владѣлецъ разныхъ участковъ, расположенныхъ черезполосно въ предѣлахъ одной сельской коммуны, строитъ временныя помѣщенія и для скота и для орудій и, въ случаѣ надобности, для себя. Такъ поступали и наши крестьяне - хуторяне: забирали орудія, скоть, семейныхъ и удалялись въ степь или лѣса на свои заимки. Ничего подобнаго нѣтъ въ нашихъ тягловыхъ коммунахъ съ уравни- тельнымъ землепользованіемъ, ибо члены нашей коммуны связаны принудительной обработкой, которая, какъ увидимъ ниже, и составляетъ корень всѣхъ невзгодъ нашей тягловой деревни.

Западная наука не могла не обратить вниманія на вредъ мелкой дробимости и черезполосицы крестьянской пашни. Расходы сельскохозяйственнаго производства увеличиваются по мѣрѣ дробленія и отдаленности черезполосно расположенныхъ пашень, что отражается на всемъ: на трудѣ хозяина и рабочихъ, скота и на порчѣ и потребленіи мертваго инвентаря. Самый размѣръ территоріи участка владѣльца умень-

1) Нѣмецкіе экономисты очень часто приводятъ примѣры невозможной дробимости и черезполосицы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи (напр., *Bäuerliche Zustände in D. I, S. 10, 30, 123, 153, 198.* Для Рейнскихъ провинцій, кромѣ того, I, S. 13, для округа *Unterfranken* и *Aschaffenburg* III, S. 183 и т. д.), но они обыкновенно умалчиваютъ объ историческомъ происхожденіи подобной дробимости, хотя господствующая въ этихъ округахъ принудительная обработка и проч. ясно указываютъ на источникъ и причины подобнаго землепользованія. Буквально то же самое было и въ Англии и притомъ даже для господскихъ полей, которыя были включены въ территорію общиннаго землепользованія (См. *Nasse, S. 39*). Процессъ этотъ, конечно, будетъ продолжаться на территоріи общиннаго и отчасти общаго владѣнія и у насъ.

шается межниками (даже бороздками). А. Кремеръ въ руководствѣ по сельскому хозяйству ф. д. Гольца (I, стр. 198 и слѣд.) вычислили отношеніе длины борозды къ размѣрамъ участка такъ: для участка въ 5 гектаровъ длина борозды (считая на одинъ аръ) будетъ 2.40; для участка въ 25 аръ—10,76, для участка же въ 10 аръ—16,97 метровъ (ширина борозды принята въ 20 сантиметровъ прямоугольника съ отношеніемъ 5 : 1, при чемъ подъ бороздой оказалось, если участокъ 5 гектаровъ—0,48%, а если въ 25 аръ, (то 2.15% всей площади участка). Излишніе же расходы по обработкѣ (по времени) оказались слѣдующіе:

При	длинѣ	участка	въ	50	метровъ	и	ширинѣ	въ	50	метровъ	на	21,81	м.
„	„	„	„	„	„	„	„	„	30	„	„	27,47	„
„	„	„	„	30	„	„	„	„	30	„	„	45,91	„

Въ томъ же руководствѣ на стр. 204 приводится вычисленіе, по которому каждые 376 метровъ при удаленіи поля отъ усадьбы, увеличиваютъ расходы на 7.66%, такъ что весь чистый доходъ поглощается при удаленіи поля отъ усадьбы на 4876 метровъ, а при удаленіи на 7532 метра земледѣліе даже на хорошей почвѣ не покрываетъ процентовъ съ капитальной стоимости строеній и инвентаря. Если эти расчеты вѣрны, то оказывается, что нашъ крестьянинъ ведетъ всюду въ Россіи свое хозяйство съ убыткомъ. Въ лучшемъ случаѣ онъ пользуется только рентой съ земли—онъ рентьеръ, а не хозяинъ-земледѣлецъ. Но такъ какъ уравнительное землепользованіе отнимаетъ у крестьянина и эту ренту чрезъ общину въ пользу государства и отчасти кабака (а нынѣ государственной монополіи), то нашъ крестьянинъ, кромѣ скуднаго корма, при которомъ онъ вырождается, въ сущности ничего не получаетъ, изображая собою того крѣпостного холопа, какимъ онъ былъ *de jure* до знаменательнаго дня 19 февраля 1861 года.

Разумѣется, положеніе нашего крестьянина не во всей Россіи такъ печально. Однако не слѣдуетъ забывать, что и тамъ, гдѣ крестьянинъ, какъ временной владѣлецъ земли, получаетъ ренту, онъ пользуется ею за счетъ будущихъ поколѣній, истощая плодородіе земли; прекарное положеніе крестьянина, какъ землевладѣльца, дѣлаетъ и самый вопросъ

о рентѣ неразрѣшимымъ; во всякомъ случаѣ изъ этого „дохода“ не много достается нашему крестьянину. Не будучи непосредственнымъ собственникомъ, крестьянинъ и не заботится о поддержаніи плодородія земли, а тѣмъ болѣе его увеличенія, такъ что въ концѣ-концовъ и государству ничего не останется, а полученныя имъ выкупныя ссуды пойдутъ на прокормленіе того населенія, которое государство обезземелитъ, присвоивъ себѣ выкупленную крестьянами землю. Таковъ будетъ конечный результатъ „уравнительнаго землепользованія“ нашихъ крестьянъ.

Средневѣковое общинное хозяйство, создавшее дробимость и черезполосицу крестьянскихъ полей, было бы невозможно безъ принудительной обработки (Flurzwang). Для обработки, уборки и проч. домохозяевамъ, при общинномъ землепользованіи, приходится ѣздить чрезъ чужія полосы членовъ общины и, слѣдовательно, ихъ затаптывать; ясно, что всѣ полевые работы должны производиться одновременно, должны быть регулированы. Поэтому особыхъ полевыхъ дорогъ для въѣзда на полосы домохозяева обыкновенно не проводили. Г. Посниковъ въ своемъ сочиненіи „Общинное землевладѣніе“ доказывалъ, что эти неудобства отсутствуютъ въ нашей крестьянской деревнѣ, такъ какъ у насъ всегда существуютъ дороги у того или другого конца холмовъ или коновъ и полосы упираются въ эти дороги. Г. Посниковъ писалъ свой трудъ въ кабинетѣ, по планамъ, но не обходилъ поля крестьянъ въ натурѣ, иначе онъ легко убѣдился бы, что и наши крестьяне проводятъ дороги чрезъ свои полосы и, такимъ образомъ, затаптываютъ свои посѣвы. Вообще же нашъ крестьянинъ такъ мало дорожитъ своей землей, благодаря многоземелью, что всюду проводитъ дороги; нѣмецкій же крестьянинъ стремится, напротивъ, засѣять всякій клочекъ земли, а потому, пользуясь принудительной обработкой, вовсе не проводитъ дорогъ между конами. Когда нашъ крестьянинъ будетъ лучше уваживать свои поля и прекратитъ передѣлы, онъ станетъ поступать такъ же, какъ и нѣмецкій крестьянинъ, дорожа каждымъ клочкомъ своей земли. Пастьба скота по пашнямъ вовсе не составляетъ единственной или даже главной причины принудительной обработки, господствующей въ

нашей крестьянской деревнѣ, и доказательствомъ тому можетъ служить то обстоятельство, что, какъ исключеніе, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ принудительная обработка отсутствуетъ, хотя пастьба скота по пашнямъ сохранилась. Въ Сибири, при отсутствіи принудительной обработки, все-таки иногда практикуется пастьба скота по пашнямъ бѣдными домохозяевами. Нѣкоторые наши помѣщики разрѣшаютъ крестьянамъ пасти скотъ на пашняхъ, послѣ уборки хлѣбовъ, хотя, конечно, не связаны общиной принудительной обработкой своихъ полей. Принудительная обработка—вообще результатъ общиннаго режима и безправія крестьянина по отношенію къ главному своему имуществу—землѣ. Она, несомнѣнно, поддерживается системою передѣловъ, жеребьевокъ и пр., но преимущественно зависитъ отъ расположенія коновъ, холмовъ—вообще полей, при условіи дробимости и черезполосицы крестьянскихъ надѣловъ. Вотъ почему агрономія Московскаго земства, вводя клеверосѣяніе на поляхъ крестьянъ, принуждена была сохранить принудительную обработку, и если бы крестьяне пасли свой скотъ весь сезонъ на отдѣльномъ пастбищѣ, все-таки принудительная обработка при земскомъ травопольномъ полеводствѣ осталась бы въ силѣ. Иначе пришлось бы земству разбивать крестьянскія поля въ отдѣльные отрубы для каждаго двора и свести полосы, т. е. уничтожить черезполосицу и дробимость крестьянскихъ полей, чего какъ разъ и не желало сдѣлать Московское земство,—поддерживая общинно-крѣпостной строй нашей деревни.

Измѣненіе формы или системы полеводства не можетъ само по себѣ поднять упавшее хозяйство нашихъ крестьянъ. Благосостояніе хозяина вовсе не зависитъ отъ той или другой системы хозяйства. Заимочники Сибири, придерживаясь подсѣчнаго хозяйства и затѣмъ залежнаго, богатѣли, образуя прочное сильное сибирское крестьянство, пока правительство не ввело уравнительной системы землепользованія и не нарушило исконнаго заимочнаго права крестьянъ; процвѣтали и наши европейскіе хуторяне степного юга и приволжскаго бассейна. Нѣмецкіе колонисты нашего юга тоже представляютъ собою прочное зажиточное крестьянство ¹⁾, тогда какъ

¹⁾ О благосостояніи нѣм.-колонист. юга свидѣтельствуешь и г. Постниковъ.

тѣ же нѣмцы-колонисты на Волгѣ, допустившіе у себя уравнительное землепользованіе, опустили въ своемъ экономическомъ благосостояніи ниже нашихъ крестьянъ.

Общинные порядки, уравнительное землепользованіе, соединенное съ принудительной обработкой и безправіемъ крестьянъ, — вотъ причины упадка нашей крестьянской деревни. Никакое прочное улучшеніе крестьянскаго хозяйства при уравнительномъ землепользованіи невозможно, и агрономія Московскаго земства на поляхъ крестьянъ служить не опроверженіемъ, а лишь подтвержденіемъ этого безспорнаго положенія.

Прежде всего отмѣтимъ рекламный характеръ земскаго травосѣянія. Г. Бажаевъ ¹⁾ утверждаетъ, что къ 1899 г. въ Московской губерніи болѣе чѣмъ на 10% всей крестьянской земли введено было правильное травопольное хозяйство, а въ Волоколамскомъ у. — почти на половинѣ всей площади надѣльной земли. На самомъ же дѣлѣ площадь земли съ травопольнымъ хозяйствомъ въ 1898 г. равнялась 9.4% надѣльной земли, но не всей губерніи, а лишь 9 уѣздовъ, т. е. г. Бажаевъ преувеличилъ площадь травосѣянія на 50%. Въ докладѣ управы земскому собранію въ 1900 г. для 11 уѣздовъ площадь травосѣянія опредѣляется въ 11,7% отъ всей крестьянской земли; на самомъ же дѣлѣ посѣвными травами занято лишь около 1,5% площади надѣльной крестьянской земли. 11.7% въ докладѣ управы означаютъ всю площадь надѣльной земли селеній 11 уѣздовъ, и вотъ на этой-то площади небольшая часть земли засѣяна клеверомъ. Сколько въ дѣйствительности десятинъ засѣяно клеверомъ, управа не говоритъ и объ этой площади можно судить лишь приблизительно (около 24.200 десятинъ на 1.577.390 всей удобной крестьянской земли, по расчету г. П. Лохтина „Къ вопросу о реформѣ сельскаго быта крестьянъ“, стр. 79). Въ Волоколамскомъ у. г. Зубрилинъ ²⁾ опредѣляетъ площадь подъ клеверомъ двояко: 9500 и 9000 десятинъ; а такъ какъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ у крестьянъ 125.994 десятины надѣльной

¹⁾ „Крестьянское травопольное хозяйство въ нечерноземной полосѣ Россіи“, стр. 255.

²⁾ „Какъ улучшить крестьянское хозяйство въ Россіи“ стр. 35 и 39.

земли, то посѣвы клевера составляютъ 7.4% отъ всей земли и 13.4% отъ пахотной. Рекламный характеръ имѣютъ и тѣ итоги по травосѣянію, которые приводятъ земская управа и ея агрономы. На неточности, допущенныя г. Бажаевымъ, мы уже указывали въ нашихъ трудахъ о крестьянской деревнѣ ¹⁾. Ихъ повторяетъ въ своей книгѣ и г. Зубрилинъ. Въ приведенной нами книгѣ г. П. Лохтина почти съ буквальной точностью указаны тѣ же погрѣшности итоговъ земскаго травосѣянія, на которыя указывали и мы, хотя г. Лохтину неизвѣстны были наши возраженія.

Г. Зубрилинъ утверждаетъ, что сравнительно съ 1877 г. скотоводство въ Волоколамскомъ у. увеличилось на 27%, урожаи хлѣбовъ тоже, такъ что и хлѣба-то некуда дѣвать. На самомъ же дѣлѣ количество скота не увеличилось, а уменьшилось; безлошадныхъ въ 1900 г. въ Волоколамскомъ у. 32%, а безкоровныхъ 29%, хлѣба же волоколамскіе крестьяне и сейчасъ имѣютъ менѣе фізіологической нормы для прокормленія человѣка на 6—8 пудовъ.

Постоянныя неудачи клеверныхъ посѣвовъ у крестьянъ происходятъ отъ недостаточной подготовки почвы удобреніемъ и болѣе глубокимъ паханьемъ. Эти неудачи будутъ происходить въ будущемъ чаще, такъ какъ клеверъ сильно истощаетъ почву минеральными солями (кали и фосфорной кислотой). Для 300 п. клевера, 100 п. зерна ржи и 100 п. зерна овса (съ соломою) требуется кали и фосфора:

для клевера.....	8.64 п.
„ ржи.....	3.45 „
„ овса.....	4.06 „ ²⁾ .

Урожаи клевера достигаютъ до 600 п. съ десятины, т.-е. клеверъ въ 4—10 разъ извлекаетъ болѣе кали и фосфорной кислоты, чѣмъ крестьянскій зерновой хлѣбъ (при обычныхъ урожаяхъ на крестьянскихъ поляхъ). Между тѣмъ, какъ видно изъ докладовъ управы и изъ книги г. Зубрилина, крестьяне заваливаютъ городскіе рынки клевернымъ сѣномъ! Все это не утѣшительно и доказываетъ нецѣлесообразность

¹⁾ „Наша деревня“, I, стр. 378.

²⁾ См. у П. Лохтина, стр. 71.

земской травопольной системы хозяйства для крестьянъ. Если прежде крестьяне косили плохое сѣно на землевладѣльческихъ арендныхъ земляхъ (но косили для себя и клеверъ), то это сѣно они стравливали своимъ скотомъ зимой и клали навозъ на свои надѣлы, улучшая постепенно ихъ плодородіе; клеверъ же они теперь продаютъ на рынкахъ, продаютъ и свой скотъ, чтобы оставалось больше сѣна для продажи, т. е. ведутъ свое хозяйство еще хуже, чѣмъ прежде его вели. Вотъ что пишетъ самъ г. Зубрилинъ (стр. 33): „Клеверное сѣно, бывшее на волоколамскомъ рынкѣ въ продолженіе всего 1897/98 хозяйственного года преобладающимъ продажнымъ кормомъ, съ первой косы сбывалось по 25—30 коп. за пудъ, а къ веснѣ дошло до 40 коп. Г. П. Лохтинъ справедливо замѣчаетъ въ своей книгѣ, что главными поставщиками городовъ въ центральныхъ промышленныхъ губерніяхъ являются крестьяне. Земскіе же агрономы, жалующіеся на недостатокъ кормовъ у крестьянъ, совершенно упускаютъ изъ виду этотъ неоспоримый фактъ. Крестьяне потребляютъ въ своемъ хозяйствѣ только зерно и немного соломы, большую часть которой тоже продаютъ на сосѣднихъ рынкахъ. Увеличеніе площади посѣва льна по системѣ земской агрономіи еще болѣе истощаетъ крестьянскія пашни, такъ какъ продукты льна наши крестьяне Московской губерніи тоже продаютъ, а не потребляютъ ихъ дома, не кормятъ даже отбросами этихъ продуктовъ (жмыхами) своего скота. Такимъ образомъ земскіе агрономы организовали на крестьянскихъ поляхъ хищническую систему хозяйства. Радоваться тутъ нечему ¹⁾).

Главный же недостатокъ земской агрономіи заключается въ томъ, что она еще крѣпче завязала тотъ узелъ въ крестьянской деревнѣ, развязать который и безъ того представляетъ не мало затрудненій, по крайней мѣрѣ для самихъ крестьянъ безъ благосклоннаго содѣйствія со стороны правительства и общества. Земская агрономія не только не уничтожила дро-

¹⁾ Г. Зубрилинъ (стр. 33) самъ передаетъ слѣдующія слова крестьянъ: «отъ клевера жить стали; рѣдкій дворъ въ 1890—98 гг. не продалъ корма рублей на 30—50». Въ 1897 г. въ дер. Брюхановой всякій домохозяинъ продалъ корма рублей на 20—60. Восхищаться подобными фактами протитительно крестьянамъ, но не земскимъ агрономамъ.

бимости и черезполосицы крестьянскихъ полей, но увеличило ихъ: усилила и значеніе принудительной обработки, система же пастьбы скота осталась прежняя. Количество мертваго пара уменьшилось незначительно, а дробленію подвергаются теперь не 3 поля, а 4, 6, 8 полей и болѣе, увеличились и межи между полосами: болѣе или менѣе широкія полосы земли съ обѣихъ сторонъ раздѣльной борозды остаются или безъ всякой растительности, или являются мѣстомъ появленія щавеля и другихъ сорныхъ травъ (см. Зубрилинъ, стр. 67).

Не менѣе важны и другія неудобства. Безземельные, безлошадные и другіе слабые двory исключаются изъ травосѣянія и полеводства, хотя обязаны подчиняться приговорамъ схода, явно нарушающимъ ихъ права и интересы. Связанные въ общинный клубокъ, крестьяне нерѣдко отступаютъ отъ установленнаго порядка плодосѣянія, и вся система спутывается. Отдѣльные хозяева, на поляхъ которыхъ клеверъ пропалъ (что случается нерѣдко), лишаются возможности использовать пустующія полосы тѣмъ или инымъ путемъ. Обязывая круговой порукой домохозяевъ, земство неправомѣрно стѣсняетъ лучшихъ хозяевъ. Эти хозяева, хотя и подписываютъ приговоръ, но сѣмена покупаютъ за наличныя деньги на сторонѣ (въ магазинахъ и земскихъ складахъ за свой личный счетъ), не желая „путаться съ міромъ“; съ другой стороны, плохіе хозяева часть доставшихся на ихъ долю клеверныхъ сѣмянъ продаютъ, а оставшимся количествомъ засѣваютъ свои полосы „маленько“, порѣже.

Непріятнымъ сюрпризомъ для земства оказалось зараженіе клеверныхъ посѣвовъ повеликою. Въ земскихъ собраніяхъ свалили этотъ грѣхъ на московскихъ „толстосумовъ“, но намъ извѣстны случаи продажи зараженныхъ повеликою сѣмянъ изъ земскихъ складовъ, что уже совсѣмъ не дѣлаетъ чести земскимъ агрономамъ. Извѣстные сѣменные магазины въ Москвѣ не продаютъ зараженныхъ клеверныхъ сѣмянъ, въ чемъ мы убѣдились изъ долготѣной практики.

Нераціональная стадная пастьба по жнивью, парамъ, зеленымъ и проч. осталась безъ измѣненія, и земскіе агрономы удостовѣряютъ, что только этимъ они убѣдили крестьянъ

ввести клеверъ на своихъ поляхъ. Но такъ именно поступать и не слѣдовало. Указанная традиціонная система пастьбы — остатокъ отъ того первобытнаго времени, когда человекъ самъ кочевалъ вмѣстѣ съ своимъ скотомъ. Сохраненіе въ неприкосновенности этой системы пастьбы лишь указываетъ на неудачу вновь введеннаго травопольнаго сѣвооборота, такъ какъ главнымъ признакомъ прогресса въ крестьянскомъ хозяйствѣ всюду считался переходъ къ болѣе раціональной формѣ кормленія скота съ уничтоженіемъ принудительной обработки (Flurzwang). Обыкновенно отмѣна послѣдней влекла за собою и отмѣну стадной пастьбы по пашнямъ. Недостатки традиціонной пастьбы скота въ стадахъ слишкомъ важны, чтобы сохраненію ея при новомъ полеводствѣ не придавать существеннаго значенія. При этой системѣ теряется навозъ, продуктивность скота ничтожная, объ улучшеніи же его и разведеніи нечего и думать. Крестьянскій скотъ весною выгоняется на парь, когда на немъ нечего взять; въ началѣ лѣта онъ немного поправляется, а затѣмъ опять голодаетъ до окончанія сѣнокоса и снятія хлѣбовъ, къ зимѣ опять тощаетъ и въ такомъ видѣ становится на плохой зимній кормъ. Телки спариваются въ стадѣ преждевременно, и скотъ послѣдовательно вырождается.

Отмѣна подобной нераціональной системы кормленія продуктивнаго крестьянскаго скота положительно необходима, иначе нечего и мечтать объ улучшеніи крестьянскихъ хозяйствъ. Обыкновенно ссылаются на непреодолимые затрудненія въ этомъ случаѣ, но въ дѣйствительности ихъ нѣтъ; единственное дѣйствительно непреодолимое затрудненіе — общинная форма землепользованія ¹⁾.

¹⁾ Не входя въ подробности укажемъ на приемы болѣе раціональнаго кормленія скота тамъ, гдѣ не желаютъ примѣнить стойловаго кормленія: 1) каждый дворъ пасетъ свой скотъ на зеленомъ пару своего участка или въ особомъ луговомъ, засѣянномъ травами (клеверъ съ тимоееевкой или фестукой по 3-му году и т. д.); скотъ пасется подъ присмотромъ старика или подростка, или же участокъ огороженъ переносной загородкой; 2) скотъ пасется на привязи. Н. А. Энгельгардтъ смѣется надъ „веревочкой“ совершенно напрасно: наши лучшіе хозяева (члены клира и крестьяне) такъ именно выращиваютъ своихъ племенныхъ телокъ; мы лично вывели нашъ дорогой альгаузскій скотъ „на веревочкѣ“. Скотъ легко привыкаетъ къ

Сохраненіе принудительной обработки—еще большій грѣхъ земской агрономіи. Связанный по рукамъ и ногамъ хозяинъ принуждается вести рутинно-шаблонное хозяйство; никакой прогрессъ для отдѣльнаго хозяина тутъ не возможенъ. Вопреки очевидности и исторіи сельскаго хозяйства, защитники общиннаго землепользованія выдвигаютъ инициативу со стороны общины, замѣняя ею инициативу отдѣльнаго хозяина. Но въ этомъ предположеніи заключается непримиримое противорѣчіе. Инициатива не можетъ родиться въ средѣ общинниковъ, закрѣпощенныхъ общиннымъ порядкомъ и рутинно-шаблоннымъ хозяйствомъ; она должна притти извнѣ, т. е. со стороны „начальства“, которому неизвѣстны ни мѣстныя условія, ни тѣ средства, которыми располагаетъ каждый хозяинъ. Принудительное веденіе хозяйства личнымъ хозяиномъ вопіющая экономическая несообразность! Кромѣ того высшая продуктивность сельскаго хозяйства всегда выражается разнообразіемъ культуръ; ученые экономисты и спеціалисты - агрономы всегда указывали на этотъ безспорный фактъ. При общинномъ землепользованіи подобная разнообразная культура на поляхъ крестьянъ вообще невозможна. И обработка полей, и забота о произростаніи посѣвовъ посредствомъ промежуточныхъ полевыхъ работъ, и разница во времени посѣва и жатвы различныхъ культуръ (особенно торговыхъ заводо-фабричныхъ)—требуютъ обособленныхъ участковъ, а не сплошныхъ коновъ и холмовъ съ череполосно расположенными дѣлянками даже и въ томъ случаѣ, когда на эти дѣлянки существуетъ удобный проѣздъ; примененіе принудительной обработки тутъ немыслимо. Земледѣліе—не фабрика; оно не соединяетъ трудящихся при посредствѣ машины, а индивидуализируетъ ихъ трудовую дѣятельность. Крестьянство — не крупный владѣлецъ - вотчинникъ; крестьянское хозяйство—

подобной пастбищъ и не путается въ веревкѣ; 3) для скота устраиваются особыя покотины (какъ въ Сибири), нанимается особый участокъ для выгона или отводится общинный участокъ тамъ, гдѣ это возможно.

Лучшимъ приемомъ слѣдуетъ признать комбинацію стойловаго кормленія съ пастбищнымъ. Крестьяне степныхъ губерній такъ и поступаютъ, не имѣя особыхъ выгоновъ и паровъ. Вообще хозяинъ сумѣетъ приновиться: дайте ему только свободу.

не хозяйство на латифундіяхъ, не „grande culture“, а въ полномъ смыслѣ слова „petite culture“, наиболѣе склонная и способная къ интенсификаціи.

Такимъ образомъ принудительная и общественная (?) обработка крестьянскихъ полей поражаетъ крестьянство въ самомъ его корнѣ; ничего подобнаго въ культурныхъ странахъ, при высоко развитомъ земледѣліи, мы не встрѣчаемъ. Принудительная обработка исключительно продуктъ вотчинно - крѣпостного порядка, почему она прекратила свое существованіе на западѣ съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостныхъ средневѣковыхъ узъ, постепенно теряло свое значеніе и у нашихъ крестьянъ промышленной полосы, привыкшихъ строить свое благосостояніе не исключительно на земледѣліи, а на иныхъ промыслахъ. Поэтому возстановленіе принудительной обработки земской агрономіей шагъ назадъ, а не впередъ въ развитіи и организациіи крестьянскихъ хозяйствъ. Пропагандируя „общественное“ производство, земскіе агрономы дѣятельно распространяли ручныя клеверныя сѣялки системы Кроуна, но упустили при этомъ изъ виду борозды на полосахъ крестьянскихъ полей, черезъ которыя ѣздить съ сѣялкой сѣвцу неудобно. Нанятые особые посѣвщики тоже не помогутъ дѣлу, такъ какъ покровное растеніе сѣется каждымъ хозяиномъ отдѣльно, а потому пространство вдоль бороздъ остается непокрытымъ, уже не говоря о томъ, что покровнымъ растеніемъ должно быть для всѣхъ домохозяевъ селенія одно и то же растеніе. Противорѣчіе между индивидуальнымъ подворнымъ хозяйствомъ крестьянина и „общественнымъ“ земледѣліемъ остается во всей своей силѣ.

Коллективизмъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ возможенъ и плодотворенъ лишь на почвѣ самаго широкаго индивидуализма. Наши крестьянскія артели могутъ служить тому блестящимъ доказательствомъ. А. Н. Энгельгардтъ въ своихъ „Письмахъ изъ деревни“ превосходно характеризовалъ развитіе широкаго индивидуализма въ артеляхъ смоленскихъ граборовъ. Артель развиваетъ высшую свою продуктивность только тогда, когда работаетъ въ раздѣлъ; при чемъ каждый артельщикъ можетъ учитывать свою работу, руководясь при этомъ своими особыми индивидуальными цѣлями: кто же-

лаетъ и можетъ выработать рубль въ день, — производить и цѣнности (рабочей) на рубль, другой на 70 коп. и т. д., приберегая себя для другой работы дома. Коллективную, огульную работу на желѣзной дорогѣ граборы называютъ, „сибирскою“ работою, „сверхсильной“, на которую ставятъ людей „за непочтеніе къ родителямъ“, и на которой народъ убивается, потому что загонщики подобраны изъ наиболѣе сильныхъ, за ними слѣдятъ руководители работъ и „притѣшаютъ“ ихъ наградами. Иначе коллективная работа сдѣлается непроизводительною; всѣ будутъ работать какъ самый слабый въ артели.

Земскіе агрономы въ каждой мелочи, въ каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ видятъ „общинный“ духъ, „соціальныя“ чувства крестьянъ-домохозяевъ. Въ дѣйствительности же тутъ чувствуется совсѣмъ иной „духъ“. При предварительныхъ совѣщаніяхъ, устраиваемыхъ земскими агрономами, поднимается такой шумъ, крикъ, брань, что сами агрономы опасались драки между крестьянами. Иногда, послѣ „согласія“ и приговора о томъ, что „крестьяне желаютъ ввести правильное травосѣяніе и просятъ управу сдѣлать планъ на ихъ землю и указать, какъ нужно разбить для этого поля“, этотъ приговоръ не приводился въ исполненіе. Онъ передавался старостѣ для засвидѣтельствованія въ волостномъ правленіи, но это дѣлалось не всегда; земскіе агрономы предпочитали брать его съ собой для засвидѣтельствованія чрезъ уѣздную управу, такъ какъ иногда, даже послѣ утвержденія приговора, крестьяне отказывались отъ „даннаго согласія“, и начиналось опять урезониваніе и проч. ¹⁾.

При разбивкѣ полей въ натурѣ, въ началѣ собирается все общество, но какъ только агрономъ выйдетъ за околицу, — съ нимъ остается незначительная часть дѣйствительно интересующихся хозяевъ. Зато, по окончаніи работъ, опять собирается „міръ“, чтобы „облить“ новыя поля, „спрыснуть“, — чтобы „клеверъ родился лучше“, и тутъ же продается съ

¹⁾ Г. Зубрилинъ объ этомъ рассказываетъ (стр. 47) совершенно наивно, не подозревая, что агрономы совершали подлогъ, свидѣтельствуя приговоръ въ отсутствіи крестьянъ.

аукціона лужокъ, мочеженка, межники на полведра или ведерочку, а то и такъ „выжмутъ“ изъ старосты, а при учетѣ прикинуть на починку моста, пожарнаго сарая или магазина и т. д. Предлагаемъ читателю сравнить подобное выраженіе „соціальныхъ“ чувствъ великороссійскаго міра съ коллективной дѣятельностью подворныхъ владѣльцевъ - крестьянъ сѣверо - и югозападнаго края при разверстаніи деревни на подворныя, хуторскія хозяйства. Тамъ сами крестьяне вызываютъ землемѣровъ, сами оплачиваютъ ихъ и несутъ немаловажные расходы, сами собираютъ между собою значительныя суммы для вознагражденія тѣхъ, коимъ приходится переселяться или получить худшіе участки, сами производятъ оцѣнку этихъ участковъ, сами приводятъ въ исполненіе приговоръ о расселеніи и проч. — И здѣсь дѣйствуетъ міръ — старинный, русскій или литовскій (что безразлично), созданный свободнымъ творчествомъ свободнаго народа, а не вотчинною властью помѣщика или государства, какъ нашъ великорусскій міръ, что не мѣшаетъ литовско-русскому и малороссійскому подворному крестьянству развивать свои „соціальныя“ чувства.

Московскіе крестьяне получаютъ отъ земства сѣмена травъ безъ копѣйки денегъ на очень льготныхъ условіяхъ. 1899 и 1900 года были весьма урожайны для клевера и выяснили слѣдующіе факты земскаго травосѣянія: рѣшительное нежеланіе крестьянъ выращивать самимъ сѣмена клевера и рѣшительное ихъ желаніе пользоваться бесплатными земскими сѣменами, неуплату за клеверъ, непослушаніе крестьянъ земскимъ агрономамъ, отступленіе отъ заведеннаго земствомъ сѣвооборота и неясность вопроса о томъ, кто долженъ платить за сѣмена клевера въ случаѣ пропажи его въ первый же годъ. Со временемъ выяснятся и другіе дефекты земской крестьянской травопольной агрономіи. Урожайность крестьянскихъ полей не увеличилась, а скорѣй уменьшилась, всѣ остальные непорядки средневѣкового крестьянскаго хозяйства не измѣнились, и крестьянинъ, и по введеніи травопольнаго земскаго сѣвооборота, по мѣткому выраженію г. П. Лохтина, остался „манекеномъ“ крѣпостной общины, не сдѣлался хозяиномъ, не улучшилъ своего экономическаго положенія и пребываетъ тягольщикомъ крѣпостнаго вотчиннаго

порядка, вопреки Положеній 19-го февраля 1861 года и другихъ славной освободительной эпохи царствованія государя Александра II.

Многіе защитники общиннаго землепользованія признають необходимость разселенія дворовъ въ крупныхъ селеніяхъ нашего чернозема, но допускають подобное разселеніе при сохраненіи общаго уравнительнаго землепользованія, что представляетъ явную нелѣпость, такъ какъ отдаленность полей отъ хатъ въ этомъ случаѣ увеличится. Другіе предлагаютъ разселеніе не отдѣльными дворами, а селеніями—общинами, т. е. расщепленіе одного крупнаго общества на нѣсколько мелкихъ. Едва ли подобное разселеніе даже возможно при мѣстныхъ условіяхъ. Гдѣ легко и удобно поселить одинъ, два, три двора, окажется невозможнымъ поселить 50—100 дворовъ. Если крестьянское общество рѣшится на разселеніе, и правительство окажетъ свое мощное содѣйствіе къ такому разселенію, то создавать вновь порядокъ, который вскорѣ приведетъ къ прежнимъ неудобствамъ, не имѣетъ смысла. Напротивъ, при разселеніи дворами, съ увеличеніемъ количества дворовъ въ будущемъ, поля не будутъ „убѣгать“ вдаль, а будутъ располагаться ближе и тѣснѣе вокругъ новыхъ дворовъ. Кромѣ того при одиночномъ (или немногими комплексами дворовъ) разселеніи процессъ можетъ итти постепенно, мирно, по согласію желающихъ выселиться.

Это желаніе, мѣстами горячее стремленіе нашего крестьянина къ разселенію, рѣшительно засвидѣтельствовано изслѣдователями. Такъ и сейчасъ въ Бердянскомъ и Днѣпровскомъ уѣздахъ не мало выселковъ, которые тѣмъ не менѣе составляютъ одно общество съ метрополіями. Получая при передѣлахъ пашни во многихъ мѣстахъ, хуторяне обмѣниваютъ у односельчанъ свои дальніе участки, при чемъ обыкновенно приплачиваютъ. Но встрѣчаются и старыя заимки, одиночные хутора, имѣющіе около себя въ одномъ отрубѣ всю свою пахотную землю. Къ сожалѣнію хутора и выселки, при земельныхъ передѣлахъ, получаютъ толоку, пахотную землю и проч. не отдѣльно, а общія съ селомъ, что создаетъ поправы и гоненія крестьянъ села противъ хуторянъ. По словамъ одного изъ членовъ Бердянской земской управы, въ

Бердянскомъ уѣздѣ нѣтъ теперь ни одного большого села, гдѣ бы не отыскивались желающіе переселиться ¹⁾. На дополнительныхъ надѣлахъ многіе крестьяне селеній Днѣпровскаго у. имѣютъ усадьбы и эксплуатируютъ эти надѣлы хуторскимъ способомъ. Г. Постниковъ ²⁾ лично удостовѣрился въ стремленіи крестьянъ Бердянскаго уѣзда къ выселеніямъ. Такъ въ с. Чолбасы (Днѣпровскаго у.) многіе крестьяне говорили, что сейчасъ бы выселились на степокъ, на край надѣла, гдѣ и земля лучше, и вода близка, и есть всѣ условія для разведенія садовъ и баштановъ. „Одну десятину взяли бы за десять, да общество не даетъ, само хочетъ эту землю имѣть“ (?!). То же слышалъ авторъ изслѣдованія южно - русскаго крестьянскаго хозяйства и въ с. Каменецъ, Мелитопольскаго у. Лѣвую границу надѣла составляетъ рѣчка, по которой въ прежнее время существовали многочисленныя крестьянскіе хутора (разрушенныя крѣпостной общиной) и есть мѣста удобныя для разведенія садовъ и виноградниковъ. Въ селѣ имѣется много желающихъ сюда выселиться, но община не даетъ приговора. Изъ с. Малой Бѣлозерской (Мелитопольскаго у.), надѣлъ котораго растянуть на 20 верстъ, пишутъ на отвѣтномъ бланкѣ: желающихъ выселиться на дальніе участки было довольно, но остальные крестьяне не допустили такого выселенія. Въ с. Большомъ Токмакѣ тоже много желающихъ выселиться на участки, которые, по отдаленности, крестьяне принуждены сдавать въ аренду ближайшимъ къ нимъ сосѣднимъ жителямъ ³⁾. Въ с. Юзкуи на полосѣ казенной земли Министерство Государственныхъ Имуществъ въ началѣ 60-хъ годовъ образовало подворныя владѣнія, на которыхъ поселились нѣкоторые крестьяне того же села и живутъ зажиточно. Прочіе крестьяне признаютъ выгоды хуторскаго хозяйства, но зажиточные изъ нихъ рѣшительно противъ выселенія, ибо, по справедливому замѣчанію г. Постникова, арендуютъ много земли у бѣдняковъ, производя значительныя посѣвы. Конечно, насильно переселять этихъ богачей не имѣетъ смысла, но можно содѣйствовать расселенію менѣе

1) Постниковъ, стр. 85.

2) Ibid. стр. 91.

3) Слѣдовательно община обезземеливаетъ своихъ же членовъ!

богатыхъ и тѣхъ бѣдняковъ, которые способны вести свое хозяйство самостоятельно.

Случай разселенія селеній на хутора не рѣдки на нашей западной окраинѣ. Въ послѣднее время этотъ процессъ организациі крестьянскихъ хозяйствъ начался и въ Витебской губерніи и даже Смоленской. Обыкновенно бѣднѣйшіе домохозяева получаютъ лучшую землю и остаются на своихъ мѣстахъ; прекращается пастьба скота по пашнямъ, и крестьяне заводятъ 5—9-польное полеводство. Подобный процессъ мы и называемъ нормальнымъ процессомъ улучшенія крестьянскихъ хозяйствъ, но желательно, чтобы правительство и общество оказали ему свое содѣйствіе (землемѣрами, агрономами, кредитомъ и уменьшеніемъ повинностей).—Въ Германіи правительство относится иначе къ организациі прочнаго крестьянства, чѣмъ у насъ. Если насильственные консолидаціи крестьянскихъ дворовъ въ Пруссіи не были безупречны, то въ настоящее время этотъ вопросъ поставленъ въ Германіи на правильную почву. При разверстаніи угодьевъ, производятся меліоративныя работы, которыя, конечно, увеличиваютъ издержки разверстанія, но зато создаютъ необычайный подъемъ крестьянскаго благосостоянія, вполне оплачивающій всѣ произведенныя затраты ¹⁾.

Общинные порядки были предметомъ изслѣдованія земской статистики. Въ сущности всѣ работы земскихъ статистиковъ относятся къ изслѣдованію экономическаго положенія сельскихъ обществъ, а вовсе не крестьянскихъ домохозяйствъ, хотя они и носятъ названіе подворнаго изслѣдованія. Немногочисленныя бюджетныя изслѣдованія крестьянскихъ домохозяйствъ имѣютъ значеніе случайныхъ прибавленій и разработаны въ томъ же направленіи. Между тѣмъ, хозяйство ведутъ не общества, а домохозяева, а потому изслѣдованія земской статистики мало пригодны для разъясненія дѣйстви-

¹⁾ Мы не можемъ здѣсь входить въ подробности о способахъ разверстанія, отсылая читателя къ самымъ законодательствамъ Германіи по этому предмету. Вообще же различаютъ два способа разверстанія: хуторской (*Vereinödung*) и сведеніе полосъ въ отрубные участки по холмамъ или конамъ (*Consolidation, Verkoppelung*). Все здѣсь зависитъ отъ мѣстныхъ условій и величины селеній.

тельного положенія крестьянскаго хозяйства. Несмотря на довольно подробныя изслѣдованія функціи сельской общины, земская статистика вовсе не разъяснила вліянія этой функціи на экономическую дѣятельность крестьянъ. Она только разъяснила, какъ община распредѣляетъ блага и цѣнности, созданныя домохозяйствами, но вовсе не коснулась того, какъ эти цѣнности создаются. Отчасти это зависѣло отъ своеобразныхъ воззрѣній изслѣдователей, которые полагали, что благосостояніе населенія создается распредѣленіемъ „благъ“, а не производствомъ ихъ. По наивному воззрѣнію земскихъ статистиковъ, земля всегда кормитъ крестьянина, если дана ему въ надлежащей пропорціи. Земля—Божій даръ, и вся задача аграрной политики заключается въ томъ, чтобы равномѣрно распредѣлить ее между „душами“. Это воззрѣніе, поддержанное изслѣдователями, работавшими надъ матеріаломъ, собраннымъ земскою статистикою, принято русской интеллигенціею, воспитанной на традиціяхъ вотчинно-крѣпостного права, сочувственно, какъ аксіома, не требующая доказательствъ, тѣмъ болѣе, что модныя вѣянія въ экономической наукѣ давали этому воззрѣнію извѣстное теоретическое обоснованіе. А такъ какъ горькая дѣйствительность не согласовалась съ подобной точкой зрѣнія на землю и отношеніями къ ней человека, то упадокъ русскаго крестьянства приписали неблагоприятнымъ социальнымъ и общимъ экономическимъ конъюнктурамъ.

На разъясненіе общихъ вопросовъ по этому предмету и мечтанія о замѣнѣ существующаго порядка индивидуализма инымъ социальнымъ порядкомъ была у насъ потрачена масса интеллигентнаго труда безъ всякой пользы и послѣдствій. И подобное странное отношеніе къ данному вопросу нисколько не измѣнилось и нынѣ, какъ это видно, между прочимъ, изъ совѣщаній мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, отзывовъ нашей печати и докладовъ и обсужденій сельскохозяйственныхъ обществъ.

Въ виду изложеннаго мы должны разъяснить теоретическую сторону вопроса о значеніи земли и другихъ экономическихъ факторовъ для земледѣлія и сущности цѣнности съ нашей точки зрѣнія.

Г Л А В А VII.

Англійская экономическая школа „классиковъ“ не дала теоретическаго опредѣленія „цѣнности“. Англичане, какъ и французы, вообще мало склонны къ умозрѣнію; ихъ умъ болѣе склоненъ къ матеріализму и реализму. Подъ „трудомъ“ экономисты-классики разумѣли нѣчто неопредѣленное: иногда вообще хозяйственную дѣятельность человѣка, иногда только трудъ рабочаго. Марксъ положилъ въ основаніе своей трудовой теоріи послѣднее воззрѣніе; въ этомъ и заключалась вся фальшь его теоріи и противорѣчіе съ дѣйствительными явленіями экономики, что и оказалось въ III т. его знаменитой книги.

По справедливому замѣчанію ф. Бёмъ-Баверка, третій томъ „Капитала“ Маркса опровергаетъ I т.; цѣнности чудеснымъ образомъ превращаются въ цѣны производствъ; софизмами и оговорками разъяснить это противорѣчіе не удалось, что понятно, такъ какъ противорѣчіе лежитъ въ самой сущности дѣла. У Маркса капиталъ и хозяинъ-предприниматель играютъ роль статистовъ въ производствѣ, цѣнность же предмета создаетъ трудъ рабочаго; никакая „абстракція“ не можетъ спасти теорію при подобной чудовищной натяжкѣ. Но и самый „абстрактный“ кристаллизованный трудъ—софизмъ, ибо въ экономическомъ отношеніи понятіе „абстрактнаго“ (отвлеченнаго отъ полезности) труда—абсолютный нуль, слѣдовательно подобный трудъ не можетъ быть цѣнностью. Тѣмъ не менѣе умозрительная метода Маркса совершенно правильная, а австрійская школа пошла въ научномъ отношеніи назадъ, остановившись на полдорогѣ. Главная заслуга этой школы заключается въ томъ, что она выдвинула субъектив-

ную сторону въ понятіи цѣнности—перенесла это понятіе въ область психологіи человѣческой; по этой дорогѣ и слѣдовало итти дальше.

Экономика имѣетъ своимъ предметомъ хозяйственную дѣятельность человѣка. Она такая же наука о человѣкѣ какъ право (юриспруденція), исторія и проч. Человѣкъ — живой организмъ, о поддержаніи и развитіи котораго онъ долженъ заботиться.

Дѣятельность, направленная къ этой цѣли, и создала понятіе хозяйства. Экономика уже давно сдѣлала анализъ хозяйственной дѣятельности человѣка, расщепила и сгруппировала эту дѣятельность въ формѣ категорій: природы, труда, капитала и хозяина-предпринимателя. На низшихъ ступеняхъ культуры активная роль труда рабочаго бросается въ глаза, и человѣкъ невольно связываетъ понятіе фактора съ этой дѣятельностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаетъ и *служебную* роль труда.

Трудъ всегда служить въ производствѣ и этимъ принципиально отличается отъ прочихъ экономическихъ факторовъ. Потому-то на низшихъ ступеняхъ развитія человѣчества трудъ былъ рабскимъ и крѣпостнымъ. Трудъ прежде всего выражается въ физическихъ усиліяхъ организма. Однако производить физическія усилія могутъ и животныя, которыхъ мы лишь по аналогіи признаемъ рабочей силой. Дѣйствительнымъ же факторомъ производства мы признаемъ лишь трудъ человѣка какъ разумнаго существа, у котораго физическія напряженія организма всегда соединены съ мыслью, слѣдовательно всегда цѣлесообразны. Рабочій служить въ производствѣ, но служить разумно, т.-е. свободно, а не механически; этимъ и отличается трудъ отъ орудій производства, къ которымъ мы причисляемъ и скотскую силу.

Но такимъ же факторомъ производства является и капиталъ. Ф. Бёмъ-Баверкъ отрицаетъ значеніе фактора производства у капитала только потому, что остановился на поверхности явленія. Талантливый и блестящій въ анализѣ экономическихъ явленій, ф. Бёмъ-Баверкъ прекрасно разъяснилъ причину или источникъ дохода съ капитала — процентъ. Эта причина—время. Человѣкъ цѣнитъ будущія блага ниже тѣхъ,

которыми онъ можетъ пользоваться сейчасъ, а потому платить тому, кто доставляетъ ему возможность потреблять сегодня то, что добыть для своего потребления онъ могъ бы лишь по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени.

Итакъ, время создаетъ капиталисту его доходъ. Къ сожалѣнію, ученый экономистъ не опредѣлилъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ временемъ. Время—не вещь, не реальный фактъ самой природы. Время—умозрительная категорія. Какъ конечное существо, человѣкъ опредѣляетъ себя во времени. Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ, какъ хозяйственный субъектъ, цѣнитъ время потому, что всякое производство требуетъ времени, въ теченіе котораго человѣкъ долженъ жить и *потреблять*; иначе говоря, человѣкъ долженъ *сберегать*, чтобы произвести хозяйственную цѣнность. Онъ долженъ опредѣлить себя какъ сберегающій хозяйственный субъектъ—капиталистъ. Поэтому ф. Бёмъ-Баверкъ ошибается, отрицая капиталъ, какъ факторъ производства. Капиталъ, трудъ и, какъ увидимъ ниже, силы природы не фетиши, а разумныя дѣятельности хозяйственнаго субъекта, т.-е. факторы въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Какъ разъ приводимые ученымъ экономистомъ примѣры и опровергаютъ его. Сегодня я przygotowляю кирпичи для постройки зданія, завтра—известь, послѣ-завтра возвожу стѣну, — можно-ли отрицать, что я и силы природы произвели эту стѣну безъ всякаго участія иного фактора? Не только можно, но и должно.

И сегодня, и завтра, и послѣ-завтра я долженъ жить и потреблять, иначе мнѣ не выстроить стѣны. А чтобы жить и потреблять во время постройки, нужно сберечь необходимое для моего потребления или голодать. Пока дикарь собираетъ плоды земные и потребляетъ ихъ, онъ ничего не производитъ,—онъ только кормится, какъ кормятся животныя; но когда дикарь догадается собрать запасъ, удерживая себя отъ потребления, и затѣмъ употребить этотъ запасъ, сооружая себѣ лукъ и стрѣлы, то онъ произведетъ орудіе, которое впоследствии спасетъ его отъ голода или увеличитъ его благосостояніе: онъ начнетъ производить.

И животныя дѣлаютъ запасы, но у нихъ это только фи-

зіологическій актъ ¹⁾), у человѣка же—разумный, хозяйственный; человѣкъ опредѣляетъ свой актъ сбереженія, какъ разумное существо—хозяйственный субъектъ. Трудъ самъ по себѣ ничего произвести не можетъ, онъ только кормитъ человѣка. Заработанная плата есть содержаніе рабочаго, такъ именно она и расцѣпывается въ производствѣ. Соціалисты были правы, утверждая, что рабочіе не должны сберегать, какъ представители труда. Но они тысячу разъ неправы, утверждая, что рабочіе *не могутъ* сберегать; рабочіе прежде всего люди, а потому способны къ сбереженію какъ и всѣ разумныя существа. На нихъ нельзя смотрѣть какъ на ходячую экономическую категорію; ограничивая свое потребленіе, рабочій копить и дѣлается капиталистомъ. Жизнь неоднократно подтверждала эту безспорную истину. Капиталь производится *ни трудомъ, ни природою, ни соединеніемъ ихъ, но способностью* человѣка сберегать не потребляя. Капиталь можетъ явиться продуктомъ производства при условіи сбереженія, дѣйствуя какъ агентъ въ процессѣ производства орудія (машины и проч.). Дикарь собираетъ плоды, сохраняетъ ихъ и дѣлаетъ себѣ пращъ, потребляя плоды, убиваетъ этимъ орудіемъ дичь и насыщается, сытый или голодный изготовляетъ лукъ и стрѣлы и такимъ образомъ начинаетъ производить—становится хозяйственнымъ субъектомъ. Отрицая капиталъ какъ факторъ, мы впадаемъ въ логическій кругъ: производство немисливо безъ наличности капитала, а потому трудъ и природа не могутъ произвести капитала; необходима наличность еще одного хозяйственнаго акта—сбереженія. Въ сущности съ этимъ согласенъ и ф. Бёмъ-Баверкъ ²⁾), говоря о происхожденіи капитала.

1) Бѣлка, по наступленіи весны, разбрасываетъ свой запасъ, пчелы, муравьи размножаются, чѣмъ и заканчивается для нихъ весь процессъ.

2) Capital u. Capitalzins, II Abth., 2 Ausg. S. 110 u folg. Ф. Бёмъ-Баверкъ говоритъ такъ: «Es müssen, ehe Capital wirklich gebildet werden kann, die zu seiner Erzeugung nothwendigen Productivkräfte durch Abbruch am augenblicklichen Lebensgenusse erst *erspart werden*». Все это справедливо, но изложено слишкомъ наивно—материалистически. Капиталь такая же «Productivkraft», какъ и трудъ и природа. Самъ по себѣ трудъ тоже ничего не производитъ—никакого продукта. Кормиться еще не значитъ производить. Далѣе увидимъ, что и природа ничего сама по себѣ не производитъ:

Ошибается ф. Бёмъ-Баверкъ и въ своемъ взглядѣ на „продуктивность“ природы. Сама по себѣ природа никакихъ продуктовъ — цѣнностей не производитъ. Природа — условіе жизни организмовъ, слѣдовательно и человѣка, но необходимо, чтобы человѣкъ опредѣлилъ себя къ ней, чтобы она явилась хозяйственнымъ факторомъ въ производствѣ; необходимо, чтобы человѣкъ *овладѣлъ* силами природы. Поэтому-то тѣ силы природы или ея „блага“, которыми человѣкъ, какъ физическій индивидъ, овладѣть не можетъ, не признаются и цѣнностями. Это „*res communes omnium*“ Марціана ¹⁾, предназначенныя, по толкованію римскихъ юристовъ, для пользованія всѣми: и людьми, и животными. Эти силы природы — не факторы производства и не цѣнности, хотя прямо необходимы и человѣку, и животнымъ (воздухъ, вода какъ стихіи, земля какъ планета и т. п.). Экономисты ошибаются, полагая, что эти блага потому не принадлежатъ къ цѣностямъ, что пользованіе ими не требуетъ никакого труда, такъ какъ по своему количеству они неисчерпаемы. Вода, какъ стихія, не исчерпаема, но если я овладѣю ею, она получитъ значеніе цѣнности; ледъ зимою, на примѣръ, не имѣетъ никакой цѣнности, но ледъ на моей рѣчкѣ можетъ получить значеніе цѣнности. Воздухъ, какъ стихія, не имѣетъ цѣнности, но для санаторій, гостиницъ и проч. горный воздухъ можетъ получить значительную цѣнность; море и его берега тоже не признаются цѣнностями, но если кто-либо овладѣетъ частью моря или берега, то они несомнѣнно превращаются въ цѣнности ²⁾.

Итакъ силы природы являются факторами производства только потому, что человѣкъ овладѣваетъ ими, заставляя ихъ служить его хозяйственнымъ цѣлямъ. Силы природы въ

1) Fr. 2 de div. rer. 1,8: Quaedam naturali iure communia sunt omnium, quaedam universitatis, quaedam nullius, pleraque singulorum, quae variis ex causis cuique acquiruntur, et quidam naturali iure omnium communia sunt illa: aer, aqua profluens, et mare, et per hoc litora maris.

Отъ институцій Марціана сохранилось 142 отрывка довольно полныхъ. См. Pernice «Die sogenannten res communes omnium». 1900.

2) Такъ рѣшаетъ этотъ вопросъ и пандектное право, но какъ только владѣлецъ прекратитъ свою оккупацию, берегъ моря опять обращается въ *res communis omnium*.

производствѣ ни что иное какъ хозяйственная дѣятельность владѣльца, и за эту-то свою хозяйственную дѣятельность онъ и получаетъ ренту. Владѣніе не только юридическій актъ, но и экономическій.

Едва ли въ этомъ можетъ быть малѣйшее сомнѣніе. Исторія показываетъ намъ, какую громадную энергію долженъ былъ развить человѣкъ, чтобы изъ номада, кочующаго по землѣ, обратиться во владѣльца-собственника. Многіе народы такъ и вымираютъ, не будучи въ состояніи развить необходимую для овладѣнія землей энергію. Иногда эта энергія требуетъ громадныхъ лишеній отъ человѣка при овладѣніи дикой землей, но это не трудъ. Трудъ приводитъ въ послѣдствіи какъ служебный въ производствѣ факторъ. Владѣлецъ не рабочій; отыскивая удобное для поселенія мѣсто въ тайгѣ, отыскивая золотыя росыпи и проч., человѣкъ прежде всего имѣетъ въ виду овладѣть ими, и вся энергія его направлена только на этотъ актъ, а будетъ ли онъ трудиться при обращеніи тайги въ пашню, будетъ ли самъ промывать золото — еще вопросъ.

Владѣніе силами природы — первѣйшій и необходимѣйшій актъ хозяйственной дѣятельности человѣка. Безъ владѣнія силами природы невозможно никакое производство. Если я вспашу и посѣю пашню, а придетъ другой и займетъ ее, перекопаетъ мои посѣвы и т. д., то я ничего не получу отъ моего посѣва. Но тутъ экономика встрѣчается съ юриспруденціей. Владѣніе прежде всего — юридическій актъ, право, а потому экономика должна подчиниться требованіямъ юриспруденціи, ибо вообще всѣ экономическія дѣйствія не могутъ имѣть иныхъ нормъ кромѣ юридическихъ; по существу же своему экономическія дѣйствія человѣка совершенно свободны, ибо основою ихъ и цѣлью служить идея пользы. Цѣнностью экономисты прежде всего опредѣляютъ полезность вещи человѣку, и только тѣ дѣйствія человѣка получаютъ значеніе экономическихъ, которыя полезны экономическому субъекту. Но основою права служатъ долженствованіе и нормы господства, притомъ принудительныя, а потому экономическія дѣйствія человѣка обязательно должны подчиниться этимъ нормамъ, и никакихъ иныхъ нормъ для экономики не

должно быть. Если же человекъ подчинится нравственнымъ требованіямъ, то дѣйствія его потеряютъ всякое экономическое значеніе какъ для него самого, такъ и для общества и сдѣлаются не только бесполезными, но прямо вредными съ экономической точки зрѣнія, какъ бы они ни были уважительны съ точки зрѣнія нравственной. Экономика и нравственность двѣ области человѣческой дѣятельности, ничего не имѣющія между собою общаго, и социалисты каѳедры ошибаются, желая установить между ними связь. Напротивъ, между правомъ и экономикою существуетъ, какъ мы видѣли, необходимая связь: экономическія дѣйствія человека необходимо должны быть и правомѣрными. Всякое отступленіе отъ этого правила создастъ въ высшей степени вредную экономическую конъюнктуру (произволь и анархію) и въ результатѣ получатся не только бесполезныя дѣйствія въ экономическомъ отношеніи, но и вредныя, какъ для хозяйственнаго субъекта, такъ и для всего общества.

Владѣніе устанавливаетъ фактическую основу права, идеальная же выражается во всей своей полнотѣ въ правѣ собственности, какъ полномъ господствѣ человека надъ вещью. Но право собственности заключаетъ въ себѣ всѣ виды вещныхъ правъ и, слѣдовательно, можетъ расщепляться: человекъ можетъ пользоваться вещью, не имѣя на нее право собственности, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что государство или общество могутъ уничтожить институтъ собственности.

Съ уничтоженіемъ права собственности не только уничтожится основа всякаго правомѣрнаго порядка, но также и экономического.

Мы видѣли, что воля экономического субъекта опредѣляетъ себя различно: я могу быть рабочимъ, капиталистомъ, владѣльцемъ, смотря по обстоятельствамъ, моимъ способностямъ, энергіи и проч. Лишеніе меня права быть тѣмъ или другимъ, уничтожая мою энергію, уничтожитъ и самое значеніе экономического субъекта и создастъ въ обществѣ кастовое обособленіе, что и было въ средневѣковую эпоху. Экономическій уровень общества при подобныхъ условіяхъ всегда очень низкій.

Особое значеніе право земельной собственности приобрѣтаетъ въ крестьянствѣ. Здѣсь мы имѣемъ всѣ факторы производства, соединенные въ одну подворно-хозяйственную единицу. Крестьянство есть хозяйство семьи—двора въ лицѣ домохозяина-собственника. Крестьянинъ — мелкій земельный собственникъ, онъ же и работаетъ въ своемъ хозяйствѣ и распоряжается имъ какъ хозяинъ-предприниматель. Крѣпостное право, вѣками привязавшее крестьянство къ землѣ какъ на Западѣ (за исключеніемъ Англїи) такъ и въ Россіи, причиною его смотрѣть на земледѣліе какъ на главное средство своего существованія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что освобожденное крестьянство стремится нынѣ установить свою связь съ землей свободно, расширяя все болѣе и болѣе территорию своего владѣнія и требуя полной мобилизаціи земли. Къ сожалѣнію тенденціи социализма и весьма благосклоннаго къ послѣднему бюрократизма нашего времени являются весьма опаснымъ враждебнымъ элементомъ для дальнѣйшаго развитія крестьянства и его благосостоянія, особенно у насъ въ Россіи, гдѣ крестьянство находится еще въ періодѣ своей организаціи и еще подчинено общинно-крѣпостному строю съ уравнивательнымъ землепользованіемъ.

Противъ свободной мобилизаціи земли обыкновенно возражаютъ опасеніями создать пролетаріатъ. Со стороны социалистовъ подобныя возраженія, конечно, только лицемѣріе, ибо цѣль социализма и заключается въ полномъ обезземеленіи и уничтоженіи крестьянства. Но подобныя опасенія высказываются и со стороны высшихъ сановниковъ и представителей бюрократіи. Казалось бы, лучшимъ средствомъ провѣрить эти опасенія должна служить земельная статистика тѣхъ государствъ, гдѣ болѣе или менѣе давно господствуетъ свободный режимъ собственности. Но у насъ почему-то не любятъ ссылаться на статистику по данному вопросу.

Замѣтимъ, что въ Германіи социалисты каѳедры и бюрократы, требующіе вмѣшательства государства въ земельныя отношенія гражданъ, а также ученые экономисты, сочувствующіе активному участию правительства въ экономической жизни націи, допускаютъ лишь условную связанность земельной собственности, рѣшительно отвергая прежній средневѣковой принципъ ея неотчуждаемости.

Такъ профессоръ ф. д. Гольцъ, обсуждая вопросъ о переходѣ общиннаго землевладѣнія къ частному, говоритъ такъ: „Едва ли можетъ подлежать малѣйшему сомнѣнію, что именно установленію принципа частной собственности и свободнаго пользованія землею, безъ посторонняго вмѣшательства, въ значительной степени обязанъ тотъ необычайный успѣхъ, котораго достигла нѣмецкая сельскохозяйственная промышленность въ XIX столѣтіи и который внѣ указаннаго условія былъ бы вовсе невозможенъ“¹⁾ — „Чѣмъ больше свободы предоставлено отдѣльному лицу, тѣмъ большая открывается для него возможность выработки собственныхъ своихъ способностей и силъ, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, ручательствъ въ томъ, что качественный уровень сельскихъ хозяевъ будетъ въ общемъ постоянно улучшаться“²⁾.

„Въ настоящее время“, говоритъ А. Бухенбергеръ, „споръ (по вопросу о свободной мобилизаціи земли) потерялъ во многомъ свою силу, а также свое практическое значеніе, такъ какъ никто серьезно не предлагаетъ возстановить прежнюю строгую форму связанности (Gebundenheit) земли (посредствомъ установленія закономъ нераздробимости земли съ прямымъ ограниченіемъ права отчуждать и обременять землю долгами)“³⁾.

Вообще же къ сторонникамъ и защитникамъ свободной мобилизаціи земли принадлежатъ самые извѣстные и компетентные экономисты, агрономы и хозяева Германіи (Тэръ, Шварцъ, Коппе, Лотцъ, Филиппи, гр. Соденъ и др., Летте, Мейценъ, ф. Мясковскій, Моль, Ридель, Рошеръ, Шеффле, Шмоллеръ, Валькеръ и многіе другіе, и въ особенности учен-

1) Аграрный вопросъ и проч., стр. 95 (въ русскомъ переводѣ).

2) Ibid. стр. 102. Г. Слонимскій въ одной статьѣ, напечатанной ad majorem communaе gloriam, выписалъ изъ книгъ ф. д. Гольца и извѣстнаго ученаго бюрократа Д-ра Бухенбергера сочувственныя мнѣнія о сохраненіи въ небольшомъ размѣрѣ общинныхъ земель (противъ чего никто и не возражалъ), но умолчалъ объ ихъ дѣйствительныхъ взглядахъ на необходимость ликвидаціи общиннаго крѣпостного строя среднихъ вѣковъ. Но подобная мистификація читателей со стороны защитниковъ нашей общины не новость, и мы къ ней уже привыкли. Ниже мы приводимъ и мнѣніе Бухенбергера по этому вопросу.

3) D-r A. Buchenberger, Agrarwesen und Agrarpolitik, I, S. 431.

нѣйшій и серьезнѣйшій экономистъ Рау). Еще Гете въ своемъ Вильгельмѣ Мейстерѣ высказываетъ устами землевладѣльца Лотаріо, что государство имѣло бы больше и, можетъ быть, лучшихъ гражданъ, если бы допустило свободную мобилизацію земли. Рошеръ, относившійся нѣсколько презрительно къ французскому аграрному режиму въ 1 изданіи своего извѣстнаго руководства по политической экономіи, въ послѣдующимъ изданіяхъ (*Nationalökonomik des Ackerbaues*) совершенно измѣнилъ свой взглядъ и явился убѣжденнымъ сторонникомъ свободной мобилизаціи земли. По поводу извѣстной фразы, будто французская территорія превращается въ пыль („le territoire français semble tomber en poussière“), Рошеръ возражаетъ: „Именно Франція и можетъ служить доказательствомъ того факта, что при полномъ и сильномъ господствѣ свободы передвиженія земли въ теченіе болѣе двухъ человѣческихъ поколѣній правильное употребленіе этой свободы превысило злоупотребленіе ею („Dass der Gebrauch den Missbrauch zu überwiegen vermag“).

Извѣстно мнѣніе князя Бисмарка по данному вопросу. Вотъ что писалъ знаменитый канцлеръ Германской Имперіи прусскому министерству въ февралѣ 1882 г.:

„Фактъ, что земельная собственность привязываетъ владѣльца къ государству и его правопорядку крѣпче всякой иной связи,—имѣетъ одинаковое значеніе для всѣхъ классовъ земельныхъ владѣльцевъ; собственникъ маленькаго домика связанъ съ государственнымъ порядкомъ тѣми же интересами, какъ и владѣлецъ обширныхъ помѣстій. Поэтому государство имѣетъ полное основаніе содѣйствовать увеличенію числа собственниковъ. Оно поднимаетъ этимъ благосостояніе населенія, вызывая болѣе тщательную обработку земли, потому что всякій работаетъ трудолюбивѣе и успѣшнѣе на своей собственной землѣ и въ своихъ интересахъ, чѣмъ въ чужомъ владѣніи за вознагражденіе. Государство вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ число тѣхъ, въ сознаніи которыхъ наиболѣе жива неразрывная связь съ государствомъ и его судьбами. Владѣніе маленькимъ клочкомъ земли, даже въ томъ случаѣ, когда этотъ клочекъ недостаточенъ для пропитанія владѣльца, доставляетъ ему все-таки занятіе въ свободные часы и часть

того, что необходимо для его содержанія, а увѣренность владѣть вѣрнымъ неизмѣннымъ кровомъ, даетъ всей его дѣятельности крѣпкій оплотъ. Поэтому я признаю неосновательными опасенія, что содѣйствіе къ раздробленію земельной собственности ведетъ къ увеличенію пролетаріата. Владѣлецъ самой маленькой собственности поставленъ лучше и независимѣе, чѣмъ ничего неимѣющій пролетарій, который въ отношеніи крова и своего содержанія находится въ исключительной зависимости отъ результата работы своихъ рукъ. Но тотъ же самый интересъ, который имѣетъ государство въ увеличеніи числа собственниковъ, обязываетъ его заботиться объ ихъ охранѣ и объ охранѣ ихъ собственности“.

Еще категоричнѣе по вопросу о мобилизаціи земли высказывается Рау, котораго справедливо признаютъ наиболѣе ученымъ и осторожнымъ въ своихъ сужденіяхъ экономистомъ. Въ своихъ превосходныхъ изслѣдованіяхъ о сельскомъ хозяйствѣ южной Германіи¹⁾ онъ говоритъ такъ: „Мы можемъ съ увѣренностію утверждать, что раздробленіе собственности никакихъ дурныхъ послѣдствій не дало... Оно не произвело обѣднѣнія, а, *напротивъ, отъ бѣдности привело страну къ общему благосостоянію...* Раздробленіе земли не уменьшило производительности почвы, а увеличило эту производительность въ теченіе 60 лѣтъ вдвое и болѣе. Установленіе же minimum'a земельныхъ участковъ не только нарушило бы народное чувство правомѣрности (Rechtsgefühl), но совершенно излишне, такъ какъ сила вещей устанавливаетъ то, что слѣдуетъ (das Zweckmässige)“.

Мы приводимъ здѣсь мнѣнія лицъ безспорно компетентныхъ: ученыхъ и практиковъ; мы также привели мнѣніе самаго выдающагося государственнаго дѣятеля нашей эпохи. А между тѣмъ мы постоянно слышимъ и читаемъ самые рѣзкіе отзывы противъ мобилизаціи земли со стороны сотрудниковъ нашихъ популярныя журналовъ, газетъ и со стороны ихъ редакцій, со стороны бюрократовъ разныхъ вѣдомствъ, ученыхъ и неученыхъ социалистовъ, земскихъ интеллигентовъ и проч., проч.—все лицъ никогда хозяйствомъ не занимав-

¹⁾ Studien über Süddeutsche Landwirthschaft, S. 92.

шихся, знакомыхъ съ нашей деревней съ высоты птичьего полета и фанатиковъ-идеалистовъ, съ патріотической или безусловно антипатріотической окраской. И вотъ эти-то лица обвиняють защитниковъ мобилизаціи земли какъ теоретиковъ, не понимающихъ практическихъ потребностей жизни!!

Обратимся теперь къ фактическимъ даннымъ германской и французской статистики.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Пруссіи произошло не безъ значительныхъ жертвъ со стороны крестьянства. Въ четырехъ восточныхъ провинціяхъ въ началѣ XIX столѣтія упряжныхъ (spannfähige) крестьянъ было 221.586 и 300—400 тысячъ пѣшихъ, изъ коихъ въ дѣйствительности только 45.493 ласситскихъ хозяйствъ сдѣлались собственниками; къ этому числу въ теченіе 1848—1865 гг. прибавилось еще 13.000, обращенныхъ въ полныхъ собственниковъ своей земли. Всего за штатомъ осталось около 100.000 маленькихъ владѣльцевъ и огородниковъ (Kossäten), сидѣвшихъ на господской землѣ ¹⁾.

Въ южной Германіи французское право освободило всѣхъ крестьянъ, никто не былъ обезземеленъ.

Какъ же обстоитъ дѣло нынѣ? Увеличилось-ли крестьянское населеніе Германіи или уменьшилось?

Въ 1895 г. всѣхъ земледѣльческихъ хозяйствъ въ Германіи состояло 5.569.900 при населеніи, существовавшемъ отъ земледѣлія (и рыболовства) въ количествѣ 18.5 милліоновъ и при общемъ количествѣ народонаселенія въ 52.3 милліона жителей. На одно хозяйство (изъ 5.569.900) въ среднемъ приходилось 7.1 десятина, распределенныхъ такъ:

Размѣръ:		Владѣній:	% отъ общаго числа:	Сред- ній раз- мѣръ:
менѣе	1.82 десят.	3.235.169 т. е.	58.3	0.68
"	1.82—4.55	1.016.239 " "	18.3	3.72
"	4.55—18.2	998.701 " "	17.9	11.30
"	18.2—91	281.734 " "	5.1	42.70
"	болѣе 91	25.057 " "	0.4	401.4
		5.569.900	100	7.1

¹⁾ D-r. A. Buchenberger, I, S. 124.

Во Франціи крестьяне, воспользовавшись революціей, сами освободили себя отъ крѣпостной зависимости и частью даромъ присвоили себѣ свои земли (сжигая архивы въ замкахъ своихъ бывшихъ господъ).

Всѣхъ хозяйствъ во Франціи въ 1892 г. было 5.702.752 при земледѣльческомъ населеніи въ 17.4 милліоновъ и общемъ населеніи въ 38.3 милліоновъ всѣхъ жителей государства. Распределеніе хозяйствъ слѣдующее:

Размѣръ:		Число ихъ:	% отъ общаго числа:	Сред- ній раз- мѣръ:
До	0.91 десят.	2.235.405 т. е.	39.2	0.54
"	4.55 "	1.829.259 " "	32.1	1.73
"	9.1 "	788.299 " "	13.8	6.65
"	18.2 "	429.407 " "	7.5	18.3
"	27.3 "	189.664 " "	3.3	
"	36.4 "	92.047 " "	1.6	
"	91 "	52.048 " "	0.9	147.6
"	182 "	22.777 " "	0.4	
"	273 "	6.233 " "	0.2	
болѣе	273 "	4.280 " "	0.1	

По сравненію съ Германіей во Франціи очень мелкихъ раздробленныхъ владѣній оказывается меньше: въ 1882 г. (Enquête agric.) владѣній менѣе 1 гектара было 38.2% съ площадью 2.2% отъ всей сельскохозяйственной земли, а въ Германіи 44% съ площадью въ 2.4%. Такимъ образомъ факты статистики опровергаютъ установившееся предвзятое мнѣніе о томъ, что территорія Франціи „разсыпается въ пыль“.

Въ 50 губерніяхъ Россіи въ 1898 г. было всѣхъ жителей около 96 милліоновъ, а внѣгородскаго населенія около 84 милліоновъ. Крестьянъ къ январю 1897 г. — 71.890.000. — Вообще же сельское народонаселеніе (1892 г.) составляетъ въ Россіи 77.8% отъ всего народонаселенія для Европейской Россіи (50 губерній) противъ 35.5 Германіи и 46.0 Франціи. Удобной земли въ 50 губерніяхъ Россіи 179.483 тыс. дес., т. е. 2.01 дес. на человѣка (1892 г.), противъ 0.68 въ Германіи и 0,82 во Франціи.

Всего крестьянскихъ домохозяйствъ въ Россіи оказывается 10.589.967, распределенныхъ такъ:

Размѣръ:		Число дворовъ:	%:	Всей земли въ %:	Среднее:
До	5 десятинъ	891.378	10.6	2.9	3.6
"	10 "	2.219.444	26.4	15.8	9.8
"	15 "	3.282.358	39.2	36.2	12.1
"	20 "	1.024.953	12.2	16.2	17.4
болѣе	20 "	972.334	11.6	28.9	32.6 ¹⁾

Такимъ образомъ русское крестьянство отличается отъ германскаго и французскаго очень крупными размѣрами своихъ хозяйствъ и необычайнымъ обиліемъ земли. Недостаточность надѣловъ въ Россіи оказывается величайшей мистификаціей!

Но приведенныя нами для сравненія статистическія данныя важны еще въ другомъ отношеніи. Мы постоянно слышимъ о сельскомъ пролетаріатѣ на Западѣ, lamentаціи о необходимости охранить наше крестьянство отъ возможности появленія подобнаго пролетаріата и, при столкновеніи съ фактами, узнаемъ, что такого пролетаріата на континентѣ Запада вовсе не существуетъ, земля же распределена по величинѣ владѣній несравненно равномернѣе, чѣмъ у насъ при пресловутомъ уравнительномъ землепользованіи. Факты налицо, мы ихъ не сочиняли—они совершенно достовѣрны. На территоріяхъ Германіи и Франціи живетъ владѣльцевъ-собственникововъ несравненно больше чѣмъ на территоріи нашихъ общинниковъ 50 губерній пропорціонально всей величинѣ данныхъ территорій. Въ Германіи и Франціи отъ земли кормятся: въ первой на 39.383 тыс. десятинъ 5.569.900 хозяйствъ, во второй—на 31.595 тыс. десятинъ 5.702.752 хозяйства, а у насъ въ 50 губерніяхъ на 179 милліонахъ десятинъ кормятся всего 11 милліоновъ хозяйствъ (съ частными владѣльцами), на 132 милліонахъ десятинъ крестьянскихъ надѣловъ—10¹/₂ милліоновъ крестьянскихъ хозяйствъ, т. е. хозяйствъ у насъ

¹⁾ По словарю Брокгауза—Эфрона. Г. В. В. признаетъ эти свѣдѣнія недостовѣрными, но такъ какъ онъ другихъ не далъ, то мы пользуемся тѣми, какія есть.

лишь вдвое болѣе чѣмъ во Франціи и Германіи, а земли у нашихъ крестьянъ въ 5—6 разъ болѣе чѣмъ въ обоихъ государствахъ запада Европы. И тѣмъ не менѣе, наши крестьяне общинники уже страдаютъ отъ недостатка земли, бѣднѣютъ и періодически голодаютъ. Такъ вотъ какое сокровище мы бережемъ и охраняемъ якобы во спасеніе нашихъ крестьянъ отъ несуществующаго на западѣ земельного пролетаріата! Что же будетъ дальше съ русскимъ крестьянствомъ?

Наши ученые и неученые защитники общиннаго землепользованія ссылаются на упадокъ крестьянства въ Германіи и даже Франціи, на мнѣнія „компетентныхъ“ лицъ о необходимости вмѣшательства правительственной власти въ порядки земельныхъ отношеній гражданъ, о вредѣ свободы земли и проч., будто бы единогласно нынѣ признаваемыхъ тоже „компетентными“ знатоками германской и французской деревни и т. д.—Г. Ходскій ¹⁾, напримѣръ, характеризуетъ общія условія германскаго крестьянскаго землевладѣнія такъ: усиленіе поземельной задолженности, развитіе ростовщичества и исчезновеніе крестьянской поземельной собственности (!!). Всѣ эти факты, говоритъ онъ, можно считать неоспоримо (!) установленными отчетами центральныхъ сельскохозяйственныхъ учрежденій прусскому министерству, спеціальными изслѣдованіями „общества соціальной политики“, обширнымъ изслѣдованіемъ положенія сельскаго хозяйства въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ и другими многочисленными изслѣдованіями послѣдняго времени. „Вообще“, пишетъ г. Ходскій, „изъ отчетовъ получается несомнѣнный (!) фактъ, что въ большей части Германіи ипотечная и прочая задолженность поземельной собственности несоразмѣрна съ цѣнностью и доходностью земли и обнаруживаетъ постоянное возрастаніе, и притомъ въ большей пропорціи, чѣмъ увеличеніе цѣнности земли. Во многихъ же мѣстахъ цѣнность земли падаетъ, что еще болѣе усиливаетъ тягость задолженности“.

Во всемъ здѣсь изложенномъ нѣтъ почти и слова правды. А. А. Мейценъ, подвергнувшій анализу свѣдѣнія официальной статистики и другихъ изслѣдованій по данному вопросу,

¹⁾ «Земля и земледѣлецъ» I, стр. 216 и слѣд.

прямо и рѣшительно удостовѣряетъ, что опасенія о чрезмѣрной задолженности крестьянскаго землевладѣнія въ Пруссіи лишены основанія ¹⁾. То же подтвердилось и въ другихъ государствахъ Германіи. Въ 42 типическихъ округахъ Пруссіи въ крупныхъ владѣніяхъ задолженность равняется цифрѣ въ 28 разъ большей земельного налога съ чистой прибыли, тогда какъ для крестьянскаго землевладѣнія эта цифра только въ 18 разъ больше означеннаго налога.

Ссылаясь на нѣкоторые весьма почтенные источники (напр., на Конрада), г. Ходскій не приводитъ ихъ съ должною полнотою именно потому, что они прямо опровергаютъ его положенія, и предпочитаетъ выписывать ламентациі Егера, не имѣющія ни малѣйшихъ основаній и опровергнутыя дѣйствительностью. Съ особенной обстоятельностью г. Ходскій останавливается на отзывахъ и свѣдѣніяхъ трудовъ социалистическаго направленія. Ламентациі объ упадкѣ земледѣлія и сельскаго хозяйства въ Германіи объясняются агитаціею аграріевъ разныхъ оттѣнковъ въ пользу боевыхъ пошлинъ на хлѣбъ и другіе сельскохозяйственные продукты. Кто себѣ врагъ! Во Франціи, въ началѣ революціи, крестьянамъ предложили высказаться объ ихъ тягостяхъ; конечно, они постарались и, по пословицѣ, „охулки на руку не положили“. То же самое случилось и въ Германіи. Объективное изслѣдованіе знатоковъ дѣла опровергло всѣ опасенія. Крестьянство въ Германіи не падаетъ, а разрастается. Тѣмъ не менѣе, многія правительства поддались моднымъ вѣяніямъ. Рѣшено было поддержать средневѣковой институтъ „Anerbenrecht“. Однако просвѣщенное германское правительство не считало возможнымъ навязывать крестьянству принудительно отжившій институтъ, почему установленіе его было предоставлено на волю домохозяина ²⁾. Въ Ганноверѣ вскорѣ послѣ изда-

¹⁾ D-r. A. Buchenberger, II, S. 30 und I, S. 393.

²⁾ Но въ Брауншвейгѣ „Anerbenrecht“ былъ установленъ принудительно; тутъ сказалось вліяніе прусской бюрократіи, сильно склонной въ послѣднее время къ социализму (Микель). Большинство ученыхъ защитниковъ Anerbenrecht'a (напр., О. Гирке, Мясковскій) рѣшительно настаиваютъ на принципѣ свободы со стороны домохозяина при установленіи института (т. е. установленіи замкнутаго имѣнія запискою въ ипотечныя книги). Защитники принудительной системы (т. е. прямого назначенія одного наслед-

нія закона 80% всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ были внесены въ книги какъ закрытые не раздробляемые дворы—фактъ, объясняемый тѣмъ, что здѣсь еще недавно царствовала полная связанность земли средневѣкового порядка. Напротивъ, въ Вестфалии населеніе весьма мало воспользовалось закономъ, такъ что здѣсь его признаютъ потерпѣвшимъ „фіаско“. Вообще же до 1891 г. во всей Пруссіи Anerbenrecht введено лишь въ 68.158 владѣніяхъ, изъ коихъ 65.672 принадлежитъ Ганноверу; въ другихъ провинціяхъ примѣненіе Anerbenrecht'a болѣе или менѣе ничтожно (если только не считать добровольный во многихъ мѣстностяхъ Германіи обычай передачи отцомъ всего хозяйства одному сыну съ уплатой деньгами и проч. наслѣдства другимъ дѣтямъ). Въ силу закона Anerbenrecht существуетъ въ Ганноверѣ, Бранденбургѣ, Силезіи, Шлезвигъ-Гольштейнѣ (кромѣ Лауэнбурга), въ Касселѣ (тоже не вездѣ), Брауншвейгѣ, Ольденбургѣ и Шаумбургъ-Липпе.

Посмотримъ теперь, что намъ скажутъ статистич. цифры:

Провинціи и государства.	0—2 гект.		2—5 гект.		5—20 гект.		20—100 гект.		Болѣе 100 гект.	
	% хозяйствъ.	% ко всей площади.	% хозяйствъ.	% ко всей площади.	% хозяйствъ.	% ко всей площади.	% хозяйствъ.	% ко всей площади.	% хозяйствъ.	% ко всей площади.
Бранденбургъ	63,0	3,9	12,8	4,1	15,4	19,4	8,2	35,3	0,8	36,3
Силезія	51,6	4,9	13,2	11,0	19,5	26,9	4,9	22,7	0,8	34,9
Шлезвигъ-Гольштейнъ	55,8	2,0	12,0	3,8	15,9	16,4	15,6	61,4	0,7	16,4
Ганноверъ	59,4	7,3	18,4	11,0	15,4	30,3	6,7	44,5	0,16	6,9
Ольденбургъ	53,8	5,3	22,9	13,2	16,0	28,3	7,2	49,8	0,12	3,4
Брауншвейгъ	63,8	8,6	10,1	7,9	11,6	29,0	4,2	36,6	0,32	17,9

ника „directes Intestatenerbenrecht) ссылаются на то, что если отецъ и пожелаетъ внести въ ипотечную книгу условіе нераздробляемости хозяйства, то матери очень часто сильно противятся этой мѣрѣ, ибо не желаютъ допустить предпочтенія между своими дѣтьми. Итакъ, «принудителямъ»-бюрократамъ священная воля и желаніе матери семейства и супруги представляется чѣмъ-то вошюющимъ. Стоитъ-ли церемониться въ наше время съ семейнымъ правомъ!

Слѣдуетъ замѣтить, что *Anerbenrecht* въ указанныхъ провинціяхъ и государствахъ по обычаю существовало давно, законодательство же о немъ недавнее (начиная съ 1873 г.); только въ Брауншвейгѣ (принудительное) введено въ концѣ пятидесятихъ годовъ XIX столѣтія.

Приведемъ теперь статистическія данныя провинцій и государствъ съ свободной мобилизаціей земли:

Государства и провинціи.	0—2 гект.		2—5 гект.		5—20 гект.		20—100 гект.		Свыше 100 гект.	
	0/0 всѣхъ хозяйствъ.	0/0 отъ всей площади	0/0 всѣхъ хозяйствъ.	0/0 отъ всей площади.	0/0 всѣхъ хозяйствъ.	0/0 отъ всей площади.	0/0 всѣхъ хозяйствъ.	0/0 отъ всей площади.	0/0 всѣхъ хозяйствъ.	0/0 отъ всей площади.
Рейнская пров.	68,1	12,8	17,3	20,7	13,0	43,1	1,6	20,7	0,05	2,7
Эльзасъ-Лотарингія	60,9	13,3	23,8	23,2	13,4	35,5	1,7	20,7	0,21	7,3
Баденъ	54,4	13,7	28,6	28,7	15,7	42,3	1,3	13,5	0,04	1,8
Вюртембергъ	53,6	11,0	26,3	22,9	17,6	43,6	2,5	20,5	0,05	2,0
Саксонія	60,2	6,1	15,5	9,7	18,8	39,6	5,1	30,5	0,4	14,1
Баварія	38,5	4,6	24,3	12,7	30,5	48,1	6,6	32,3	0,11	2,3

За исключеніемъ Саксоніи всѣ провинціи и государства со свободной мобилизаціей земли имѣютъ распредѣленіе въ интересахъ крестьянъ несравненно болѣе благопріятное, чѣмъ въ провинціяхъ съ *Anerbenrecht*. Но и въ Саксоніи распредѣленіе земли благопріятнѣе, чѣмъ въ Прусскихъ провинціяхъ и Брауншвейгѣ. Государства и провинціи, въ которыхъ дѣйствоваль *Code Napoleon*, въ особенности рѣзко бросаются въ глаза въ благопріятномъ отношеніи въ пользу крестьянъ: крупная собственность въ Рейнскихъ провинціяхъ занимаетъ лишь 2,7% всей площади, въ Баденѣ—1,8, въ Баваріи 2,3; въ Прусскихъ провинціяхъ она достигаетъ 36,3%, въ Брауншвейгѣ 17,9; средняя крестьянская тоже несравненно благопріятнѣе распредѣлена въ провинціяхъ и государствахъ, бывшихъ подъ французскимъ правомъ съ полной мобилизаціей земли, чѣмъ въ Пруссіи и др. съ *Anerbenrecht* и прочими стѣсненіями средневѣкового строя.

Но дѣло обстоитъ еще хуже, какъ скоро мы коснемся

Прусскихъ провинцій сѣвера и востока, гдѣ господствуютъ феодальныя юнкерскія имѣнія. Вообще латифундіи (свыше 100 г.) въ Германіи занимаютъ 7.786.263 гект., что составляетъ 25% всей сельскохозяйственной площади, но изъ этого числа на долю сѣверныхъ и восточныхъ провинцій Пруссіи приходится 7.110.659 гект., или 42% всей площади, противъ 7.3% Эльзаса, 2.3% Баваріи, 2% Вюртемберга и 1.8% Бадена. Въ Баденскомъ герцогствѣ сельскохозяйственная площадь въ 836.362 гект. принадлежатъ 232000 хозяйствамъ въ восточной Пруссіи 629250 гект. находятся въ рукахъ только 158 лицъ (физическихъ и юридическихъ), и прусскому фиску въ этихъ же провинціяхъ принадлежатъ 772 владѣнія съ 282.625 гект. Даже Бухенбергеръ находитъ распределеніе земли въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи совершенно не нормальнымъ (abnorm). И вотъ подобный аномальный порядокъ вещей рекомендуется и нынѣ отчасти вводится въ нашемъ отечествѣ подъ предлогомъ защиты дворянства и крестьянства отъ обезземеленія. Г. Ходскій изложилъ аграрныя порядки Франціи безъ всякихъ комментарій. Очевидно, онъ не нашелъ матеріала для нихъ. И точно, для нашего отечества аграрныя порядки Франціи могли бы считаться идеаломъ. Здѣсь мы находимъ богатое и прочное крестьянство, дробимость и черезполосицу, которыя при полной мобилизаціи земли нисколько не мѣшаютъ крестьянамъ (хотя и не вездѣ). Такое прочное крестьянство господствуетъ и въ южной Германіи, при полной свободѣ, личной и имущественной; нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на обезземеленіе крестьянъ; всюду крестьянство растетъ, богатѣетъ и захватываетъ въ свои руки землю. Сохранились въ южной Германіи и общинныя владѣнія, но совсѣмъ иного типа и съ инымъ назначеніемъ; о нихъ мы скажемъ нѣсколько словъ ниже.

Защитники общиннаго землепользованія—безусловные противники мобилизаціи крестьянской земли и требуютъ самой строгой формы закрѣпленія ея въ лицѣ общины, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускаютъ внутри общины самую невѣроятную мобилизацію земли между домохозяевами. Подобная искусственная мобилизація кладется въ самое основаніе аграрнаго общиннаго строя. Посмотримъ, насколько она соотвѣтствуетъ

принципу распредѣленія земли и благопріятна крестьянству съ точки зрѣнія экономической. Размѣры земельныхъ надѣловъ дворовъ никогда не бываютъ одинаковы и при уравнительномъ землепользованіи. Въ общинахъ съ ревизской разверсткой мобилизація земли имѣетъ основаніемъ правомѣрный титулъ (право выкупа), и разница въ величинѣ надѣла дворовъ естественная (семейные раздѣлы, наслѣдованія, а иногда и купля-продажа); въ обществахъ съ наличной разверсткой мобилизація происходитъ безъ всякаго титула, по волѣ большинства домохозяевъ и ихъ эгоистическихъ интересовъ или по фискальнымъ причинамъ. Данныя для сравненія имѣются только въ I т. Сборника по Таврической губерніи (для Днѣпровскаго уѣзда);

Размѣръ сем. участковъ.		Общ. съ ревизской разверсткой.		Общ. съ налич. разверсткой.	
		Число дво- ровъ.	Дес. на душу об. пола.	Число дво- ровъ.	Дес. на душу об. пола.
Дворы не болѣе	5 дес.	772	0,6	1428	0,7
„ „ „	5—10 „	2346	1,3	1842	1,3
„ „ „	10—15 „	1307	1,9	1016	1,7
„ „ „	15—30 „	1344	2,9	1085	2,5
„ болѣе „	30 „	206	5,9	251	4,4

Оказывается, что распредѣленіе земли при естественной мобилизаціи весьма мало отличается отъ искусственной по отношенію къ „ртамъ“ (ѣдокамъ) двора съ нѣкоторымъ, однако, преимуществомъ въ пользу естественной мобилизаціи, такъ какъ количество слабо-надѣленныхъ дворовъ по ревизской разверсткѣ значительно менѣе, чѣмъ при наличной (772 двора при общемъ количествѣ 5975 дв., а при наличной: 1428 изъ 5622 дворовъ). Средніе размѣры надѣловъ дворовъ почти одинаковы; отношеніе между обѣими категоріями 3,2 : 3, но у ревизскихъ 3653 двора, а у наличныхъ 2858 дворовъ). Болѣе 30 десятинъ у ревизскихъ распредѣляются по 5,9 на ѣдока, а у наличныхъ 4,4 т.-е. на 1½ десят. менѣе на ѣдока, но зато крупныхъ дворовъ у ревизскихъ оказалось менѣе на 45, хотя

всѣхъ дворовъ болѣе на 353 двора, слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи распредѣленіе земли съ ревизской раскладкой слѣдуетъ признать болѣе благопріятнымъ, если смотрѣть на землю какъ на кормовую площадь. Само собою разумѣется, что рѣшающаго значенія это сравненіе не можетъ имѣть, такъ какъ взято ничтожное количество общинъ съ разными надѣлами и проч.

И тѣмъ не менѣе земскіе статистики приводятъ подобныя таблицы въ доказательство болѣе уравнительнаго землепользованія при наличной разверсткѣ! Малѣйшую, ничтожную разницу въ цифрахъ, если она въ пользу наличной разверстки, они раздуваютъ въ доказательство большей уравнительности искусственной мобилизаціи уравнительнаго землепользованія. Какъ будто земля кусокъ пирога или хлѣба, который нужно распредѣлить по „ртамъ“ на аптекарскихъ вѣсахъ!

Но земскіе статистики прибѣгаютъ еще къ другому приему сравненія распредѣленія земли между ревизской разверсткой и наличной, по нашему мнѣнію, уже совершенно никуда негодному. Семьи въ общинахъ распредѣляются на группы по числу ѣдоковъ на 1 надѣлъ, но величина надѣла остается неизвѣстною, а между тѣмъ берутся разныя общины для сравненія ¹⁾. Еще менѣе основательны подобныя сопоставленія между общинами, передѣлившими и не дѣлившими землю (оставшимися при ревизской разверсткѣ по выкупу). Къ подобному приему прибѣгаютъ статистики Рязанскаго земства по Рязанскому уѣзду. Чтобы разъяснить всю неосновательность приема, укажемъ на самыя селенія: общины, производившія передѣлы, раздѣлили земельныя души: Гавердово на 383 единицы разверстки, Пальное—на 560 и Мервино—на 464. Общества Льгова и Новоселки и Паново не дѣлили землю и остались при прежнихъ единицахъ разверстки. Распредѣливъ семьи по ѣдокамъ, статистикъ находитъ болѣе равномернымъ распредѣленіе у обществъ передѣлившихъ землю, но упустилъ изъ виду, что раскладочныя единицы у этихъ обществъ сдѣлались мельче, чѣмъ у ревизскихъ. Такъ у Гавердова до

¹⁾ Душевые надѣлы по своимъ размѣрамъ въ разныхъ общинахъ, конечно, различны.

передѣла было 278 земельных душъ, а послѣ передѣла стало ихъ 383, у Пального 360, а послѣ передѣла 560, у Мервина было 349, а послѣ передѣла 464. Слѣдовательно каждый ѣдокъ получилъ меньшій участокъ чѣмъ прежде, а потому понятно, что на болѣе мелкую единицу пришлось и меньше ѣдоковъ. Льгово же, Новоселки и Паново остались при прежней ревизской единицѣ (земельной) болѣе крупной, а потому и ѣдоковъ на единицу должно было приходиться болѣе. Бóльшая площадь можетъ прокормить и бóльшее количество ѣдоковъ; никакого преимущества отъ передѣла въ этомъ отношеніи семьи-дворы съ большимъ количествомъ ѣдоковъ не получили.

Читатель видитъ, къ какимъ хитростямъ прибѣгаютъ земскіе статистики для доказательства тенденціознаго положенія и какъ приемы ихъ некорректны¹⁾.

По Мелитопольскому уѣзду тоже имѣется табличка, въ которой 45 обществъ съ ревизской разверсткой сравниваются съ 49 съ наличной. Мы приведемъ слѣдующее разсужденіе земскаго статистика при анализѣ цифръ этой таблички: „При ревизской раскладкѣ 41.85% всего населенія обоого пола владѣютъ только 29.3% надѣльной земли, при чемъ на 1% населенія приходится менѣе 0.70% земли“. Наличная же обижаетъ не 41.85%, а только 34.7% населенія, при чемъ даетъ на 1% 0.76%, т.-е. больше чѣмъ ревизская.

Очень хитрый расчетъ, но и очень неосновательный: нельзя же распредѣлять землю по вершкамъ; мы здѣсь не видимъ существенной разницы въ смыслѣ уравнительности. Но далѣе оказывается, что пострадали отъ передѣла безнадежные (которые ничего не получили при наличной разверсткѣ) и однодушники, которые получили на 1% — 0.58% пашни, тогда какъ при ревизской они имѣли 0.78%. Такимъ образомъ передѣлъ нанесъ ущербъ какъ разъ наиболѣе нуждающимся, т.-е. оказался въ этомъ случаѣ прямо неуравнительнымъ въ

1) Г. В. В. тѣмъ не менѣе на основаніи такихъ табличекъ земскихъ статистиковъ пишетъ; „Мы видимъ, что повсюду наличная разверстка земли ведетъ къ сильному (!) сокращенію числа семей, плохо обеспеченныхъ землею“. (См. «Крестьянская Община», стр. 334). Г. В. В. видитъ, конечно, всегда то, что ему желательно видѣть, но нашъ взглядъ на игру цифрами со стороны земскихъ статистиковъ иной.

сравненіи съ распредѣленіемъ земли по ревизскимъ душамъ, что съ точки зрѣнія уравнительнаго землепользованія весьма неутѣшительно 1).

„Ревизская разверстка“, говоритъ статистикъ, „обижаетъ 49.4% всѣхъ дворовъ, давая имъ 30% и удѣляя остальнымъ дворамъ 70% земли. Наличная „обижаетъ“ 47.5%, давая имъ 26.2%, а остальнымъ дворамъ нѣсколько болѣе 70%“. По нашему мнѣнію разница тутъ ничтожная и притомъ въ пользу мнимо обижаемыхъ при ревизской раскладкѣ, такъ какъ она имъ зато даетъ по 0.59% земли на 1% дворовъ, а наличная обиженнымъ ею домохозяевамъ даетъ только 0.55% на 1% дворовъ. Собственныя выкладки цифръ земскаго статистика опровергаютъ его слова и выводы 2).

Мы уже указывали на тотъ фактъ, что земскіе статистики и другіе изслѣдователи имѣютъ въ виду, при обсужденіи экономическаго значенія передѣловъ, общины, а не дворы, т.-е. фикцію, а не дѣйствительную жизнь, такъ какъ въ дѣйствительности наши крестьяне ведутъ свое хозяйство дворами, а не общинами. Поэтому средніе поселенные никакъ не могутъ служить показателями экономическаго положенія нашего крестьянства. Напримѣръ: въ селеніи, имѣющемъ 1.000 дворовъ, 10 безземельныхъ дворовъ въ % отношеніи даютъ 1%, а въ селеніи, имѣющемъ 100 дворовъ, 10 дворовъ дадутъ

1) Самъ по себѣ подобный «пассажъ» ничего страннаго не представляетъ: награждены были мальчики, обижены были дѣвочки.

2) Г. В. В. тоже повторяетъ эти странные выводы земской статистики, но у него всегда часть равна цѣлому или даже болѣе его; итоги никогда не соотвѣтствуютъ фактамъ. Въ Таврической губ. гдѣ крестьяне передѣловъ не производятъ, размѣры посѣвовъ вездѣ сопровождаются увеличеніемъ состава семейнаго двора, напримѣръ;

			Бердичев- скій у.	Мелитополь- скій у.	Днѣпров- скій у.
Засѣвъ.	5	десять.	4.9 душъ	4.1 душъ	4.6 душъ.
»	5—10	»	5.6 »	5.3 »	5.4 »
»	10—25	»	7.1 »	6.8 »	6.3 »
»	25—50	»	8.2 »	8.6 »	8.2 »
»	болѣе 50	»	10.6 »	10.8 »	10.1 »

Разумѣется, здѣсь обозначены посѣвы какъ на надѣлѣ, такъ и на арендованной землѣ,

намъ 10⁰/₀, но подобная разница для крестьянства волости, уѣзда и т. д. ничего еще не показываетъ. То же самое разсужденіе примѣнимо и къ тому случаю, если мы возьмемъ территоріи волости, уѣздовъ и т. д. по отношенію къ территоріямъ большаго размѣра. Въ одной волости 10.000 дворовъ, а въ другой только тысяча; сто безземельныхъ дворовъ для первой волости дадутъ 1⁰/₀, а для другой 10⁰/₀: слѣдуетъ ли изъ этого, что крестьянство первой волости богаче, состоятельнѣе другой?

При повѣркѣ можетъ оказаться какъ разъ обратное. Во всякомъ случаѣ селенія, общины у насъ не хозяйственные субъекты, а фикціи, хозяйственнымъ субъектомъ всегда является дворъ. Для сужденія объ экономическомъ положеніи русскаго крестьянства нужно брать области, а не селенія, волости, уѣзды, созданные искусственно въ смыслѣ экономическомъ.

Но, конечно, наше разсужденіе требуетъ оговорки. Селенія нашихъ крестьянъ не имѣютъ значенія хозяйственныхъ субъектовъ, но они окружены китайскими стѣнами и получили право распредѣлять землю между домохозяйствами. Это вопіющее противорѣчіе имѣетъ фатальное значеніе для нашего крестьянства. Мы устроили для нашего крестьянства особыя крѣпости или тюрьмы, управляемыя общинами, которыя сами хозяйства не ведутъ, но распредѣляютъ главный объектъ хозяйства—землю между домохозяевами, живущими въ этой тюрьмѣ. Понятно, что подобная своеобразная система распредѣленія земли никакого значенія не можетъ имѣть для равномернаго распредѣленія ея по отношенію ко *всему* русскому крестьянству. Территоріи селеній не равны, а потому, несмотря на уравниеніе по ѣдокамъ, если бы оно и было возможно, уравнительности для крестьянства, т. - е. дворовъ, всей русской территоріи или даже отдѣльныхъ областей, никогда не можетъ быть: въ одномъ селеніи на ѣдока придется десятина великолѣпнаго чернозема, въ другомъ— $\frac{1}{10}$ десятины, можетъ быть, очень плохой земли. При отсутствіи мобилизаціи населенія между селеніями, русское крестьянство можетъ въ концѣ-концовъ задохнуться въ своихъ тюрьмахъ-общинахъ. Объ этомъ наши уравнители, конечно, не думаютъ.

При каждомъ передѣлѣ одна часть домохозяевъ теряетъ, другая выигрываетъ: „надѣлъ“ одного двора уменьшается, другого увеличивается. Въ какой же пропорціи происходятъ эти измѣненія размѣровъ надѣловъ дворовъ, во-первыхъ, по отношенію къ общему количеству домохозяевъ и, во-вторыхъ, по отношенію къ размѣрамъ отдѣльныхъ дворовъ?

Для рѣшенія этого важнаго вопроса земская статистика дала весьма мало матеріала. Въ статистическихъ сборникахъ имѣются данныя лишь для десятка общинъ государственныхъ крестьянъ, совершившихъ передѣлъ по наличнымъ душамъ. Взято 2.195 дворовъ 9-ти общинъ и результатъ (въ десятинахъ) получился слѣдующій: 1130 дворовъ (51.₄₇⁰/₁₀₀) *увеличили* размѣры своихъ надѣловъ, 1065 дворовъ (46.₅₃⁰/₁₀₀) *уменьшили* ихъ.

Въ ⁰/₁₀₀ отношенію къ прежней величинѣ участка получилось: у 1116 дворовъ (50.₈₄⁰/₁₀₀) участки увеличились 5⁰/₁₀₀—300⁰/₁₀₀ и выше, а у 1065 дворовъ (48.₃₂⁰/₁₀₀) уменьшились 5⁰/₁₀₀—90⁰/₁₀₀.

Этотъ результатъ подтверждаетъ то, о чемъ мы говорили выше: по числу домохозяевъ передѣлъ ничего не вноситъ въ смыслѣ уравнительности; почти половина количества дворовъ всего населенія теряетъ то, что получаетъ другая половина. Но какъ обстоитъ дѣло по отношенію къ отдѣльнымъ дворамъ? Потеря одного двора вознаграждается ли выигрышемъ другого въ экономическомъ и социальномъ отношеніи?

Прежде всего нужно себѣ разъяснить, насколько въ конкретныхъ случаяхъ одни дворы теряютъ, а другіе выигрываютъ. Вотъ какія измѣненія послѣдовали для отдѣльныхъ дворовъ: въ с. Озерки, Саратовскаго уѣзда, безземельный дворъ получилъ 23.₂ десятины, а владѣльцы 32 десятины — только 12 дес.; въ с. Ярославкѣ, Кузнецкаго у., дворъ, владѣвшій до передѣла 4 десятинами, получилъ 19.₆ дес., а имѣвшій 20 дес. — лишь 2.₂ дес.; въ с. Орлово, Воронежскаго у., дворъ, владѣвшій 5.₉ дес., получилъ 27 дес., а владѣвшій 35.₄ дес., только 4.₅ дес.; въ с. Никоново, того же уѣзда, дворъ, имѣвшій 4.₁ дес., получилъ 24.₂ дес., а владѣвшій 14 дес. только 4.₆ дес., и т. д.

На такую пертурбацию въ земельномъ имуществѣ семей-дворовъ можно смотрѣть съ разныхъ точекъ зрѣнія. Мы ви-

дѣли, что менѣе всего основательна точка зрѣнія аграрной политики, такъ какъ общины передѣляютъ землю на разныхъ основаніяхъ, и ни одно изъ нихъ не достигаетъ цѣли уравнительной, уже не говоря о томъ, что положенный въ основаніе уравнительнаго процесса принципъ можетъ измѣниться на слѣдующій же день послѣ передѣла вслѣдствіе естественныхъ для каждаго двора случайностей. Во всякомъ сручаѣ дворы, лишившіеся на 90% размѣра своихъ участковъ, т.-е. получившіе при передѣлѣ участокъ въ 100—200—300 и болѣе процентовъ менѣе прежняго размѣра, разорены совершенно. У домохозяина было 10—20 головъ скота, прекрасный инвентарь орудій, сараи, сушилки, амбары и проч.—все это сдѣлалось излишнимъ и должно быть распродано за безцѣнокъ, такъ какъ прежде онъ велъ свое хозяйство на 40—50 десятинахъ, а теперь получилъ 4—5 десятинъ, при наличности которыхъ инвентарь только бремя для хозяина.

Представьте себѣ, что кто-либо предложитъ соединить фабрики и заводы даннаго округа въ общину съ тѣмъ, чтобы община черезъ 10—20 лѣтъ перемѣщала хозяевъ съ одной фабрики на другую, съ одного завода на другой съ цѣлью равномерно распредѣлить между хозяевами доходы индустрій: что мы отвѣтимъ на подобный проектъ имущественнаго уравненія хозяевъ? Вѣроятно, скажемъ, что подобный проектъ можетъ придумать только сумасшедшій. А между тѣмъ подобный сумасшедшій процессъ мы поддерживаемъ въ нашей крестьянской деревнѣ.

Земледѣліе тоже промыселъ; крестьянскій дворъ—хозяйство; разницы между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ въ этомъ отношеніи мы не видимъ никакой.

Но, можетъ быть, читатель подумаетъ, что мы преувеличили, исказили слѣдствія уравнительнаго землепользованія, изобразили карриатуру, а не чистый и вѣрный образъ общиннаго землепользованія. Въ оправданіе я приведу свидѣтельство изслѣдователя, который относится къ общинѣ въ общемъ симпатично и раздѣляетъ обычныя воззрѣнія нашей интеллигенціи на этотъ крѣпостной институтъ. Г. Постниковъ, упомянувъ о томъ, что въ группѣ государственныхъ крестьянъ степного юга, перешедшихъ отъ ревизской раскладки къ

наличной, начинается (съ 1880 г.) попятное движеніе къ ревизской раскладкѣ, приводитъ примѣръ с. Ново-Полтавки, которое въ 1882 г. произвело передѣлъ по наличнымъ душамъ, въ 1884 г. — на ревизскія, а въ 1889 г. опять на наличныя и т. д., — и затѣмъ продолжаетъ такъ: „Если принять во вниманіе, что каждая такая раскладка, основанная на разныхъ принципахъ, *обогащаетъ однихъ и дѣлаетъ въ то же время бѣдными другихъ*, такъ какъ размѣръ земли, приходящійся на дворъ, во многихъ семьяхъ въ этомъ случаѣ весьма сильно измѣняется, то легко понять, сколько раздора и злобы (!) вносить въ крестьянскую среду борьба разныхъ принциповъ землевладѣнія“ ¹⁾.

Наши уравниатели упускаютъ изъ виду одно весьма важное экономическое обстоятельство, какъ слѣдствіе уравнительнаго процесса. Въ экономическомъ отношеніи лишеніе и потеря блага производитъ несравненно сильнѣйшій эффектъ, чѣмъ пріобрѣтеніе неожиданныхъ благъ; тѣ конъюнктуры, которыя наносятъ серьезный ущербъ производителю, фатальнѣе, по своимъ послѣдствіямъ, тѣхъ, которыя приносятъ ему неожиданную прибыль. Человѣкъ приспосабливается ко всякой конъюнктурѣ, даже неблагоприятной, при условіи ея неизмѣнности въ извѣстныхъ отношеніяхъ, но если конъюнктуры будутъ слѣдовать непрерывно, смѣняя другъ друга, то никакое хозяйство тутъ невозможно, и на долю хозяйственнаго субъекта остается лишь одна форма наживы — игра. Кулачество того же поля ягода, потому-то оно такъ и развилось въ нашей общинной деревнѣ.

Общинное уравнительное землепользованіе — самая неразумная форма человѣческихъ отношеній къ землѣ, самое неразумное экономическое распредѣленіе земли между земледѣльцами-хозяевами, какую только могъ придумать человѣкъ, и существованіе ея объясняется лишь тѣмъ, что она установилась для уравнительнаго распредѣленія тяглы, повинностей, а не владѣній или хозяйственныхъ объектовъ. При крѣпостномъ правѣ придавалось только первому значенію, а хозяйственное значеніе земли пренебрегалось. Это было воз-

¹⁾ Постниковъ, «Южнорусское крестьянское хозяйство», стр. 42.

можно потому, что крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ и обязанъ былъ трудиться надъ нею подъ воздѣйствіемъ вотчинной власти какъ рабъ или холопъ. Къ концу существованія крѣпостного права земля потребовала иного отношенія къ себѣ, и упадокъ вотчинныхъ хозяйствъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи обозначился довольно сильно. Вотъ почему „агрономія“ помѣщиковъ не имѣла успѣха. Холопъ способенъ пахать только первобытными орудіями, вести шаблонно-рутинное хозяйство, довольно низкаго уровня; интенсификація земледѣлія при такихъ условіяхъ невозможна.

И жизнь нашихъ крестьянъ протестуетъ противъ аномальныхъ порядковъ общиннаго строя, протестуетъ громко и неумолкаемо. Обращаться къ нашимъ крестьянамъ съ вопросами о томъ, желаютъ ли они сохранить уравнительное землепользованіе или перейти къ подворному владѣнію — наивность. Если даже наши интеллигентные изслѣдователи не могутъ уяснить себѣ сущность вопроса и спорять о формахъ уравнительнаго землепользованія, то требовать отвѣта на него отъ темнаго крестьянина значитъ забавлять себя иллюзіями. Нужно слѣдить за развитіемъ жизни крестьянства, стараться понять, чего желаетъ народъ, самоопредѣляя себя въ своихъ правомѣрныхъ и экономическихъ отношеніяхъ; ^{ещественно} стараться понять, какъ въ дѣйствительности организуетъ себя русское крестьянство. Народная жизнь должна рѣшить этотъ вопросъ, а не глупый отвѣтъ темнаго крестьянина, притомъ даже непонятый интеллигентнымъ вопрошателемъ. По нашему глубокому убѣжденію, народъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ уже давно, съ первыхъ же дней освобожденія.

Когда нашъ крестьянинъ находился на положеніи временно-обязаннаго, онъ убѣгалъ отъ земли, всюду шла свалка-навалка оставленныхъ надѣловъ. Съ переходомъ на выкупъ, почти всѣ ревизскіе возвратились и потребовали свои надѣлы обратно. Ясно, что народъ понялъ совершенно правильно значеніе выкупа. Онъ „покупаетъ“ свою землю — таково истинное представленіе нашего крестьянина по этому предмету, что признаетъ даже самъ г. В. В. ¹⁾.

1) В. В. „Крестьянская Община“, стр. 166.

Громадное большинство нашихъ крестьянъ осталось при ревизской разверсткѣ, несмотря на неудобство и иногда явную нелѣпость этой разверстки, такъ какъ, при семейныхъ раздѣлахъ (при жизни отца), вымираніи ревизскихъ, лишеніи дочерей надѣловъ, удержаніе ревизской разверстки сдѣлалось немислимымъ. Но правительство не пришло на помощь къ народу разъясненіемъ, что надѣль — собственность двора, его выкупающаго, а еще болѣе спутало народную психику круговой порукой, отмѣною 165 ст. о вык., разъясненіями Сената (1 и 2 департ.) и проч.—И тѣмъ не менѣе наша интеллигенція обвиняетъ нашъ народъ за поклоненіе фетишу (!) ревизской души. Но юристъ оправдываетъ крестьянъ за это поклоненіе и осудить нашу интеллигенцію; признавая права ревизскихъ, народъ оказался на высотѣ правосознанія, а наша интеллигенція утратила его. Правъ нашъ народъ и въ томъ, что упирается противъ разсрочки платежей, а интеллигенція опять не права, принуждая его къ этой разсрочкѣ или требуя отмѣны выкупа (!?).

„Изъ 67 общинъ быв. помѣщичьихъ крестьянъ въ трехъ таврическихъ уѣздахъ, по свидѣтельству статистиковъ, не только ни одна не производила у себя коренныхъ передѣловъ послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, но ни одна и не обнаруживаетъ какого-либо стремленія къ такимъ передѣламъ. Нѣкоторыя изъ нихъ по временамъ производятъ переверстку надѣловъ, напр., при обмѣнѣ толоки на пашню и въ рѣдкихъ случаяхъ для уравниенія качества участковъ въ надѣлахъ. Но при всѣхъ такихъ переверсткахъ не измѣняется величина первоначальнаго надѣла ревизской души и не отнимается у послѣдней права распоряжаться своимъ надѣломъ, напр., дѣлить его между наслѣдниками, отказывать по духовному завѣщанію, отдавать внаймы, или даже уступать „на вѣчность“, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ община, побуждаемая, впрочемъ, чисто-фискальными интересами круговой поруки въ уплатѣ податей, принимаетъ на себя контроль за такими дѣйствіями и требуетъ для подобныхъ актовъ общественнаго приговора. Это показываетъ, что такъ называемое общинное землевладѣніе у быв. помѣщичьихъ крестьянъ переходитъ уже здѣсь не въ подворно-общинное, а въ

участковое. Фактъ продажи пахотной земли, занесенный въ книгу сдѣлокъ и договоровъ, или путемъ утвержденія такого рода сдѣлки общественнымъ приговоромъ, имѣетъ мѣсто во многихъ общинахъ быв. помѣщичьихъ крестьянъ и совершается часто безъ всякаго разрѣшенія общества. Одной изъ причинъ распространенія такого взгляда на надѣльную землю въ средѣ быв. помѣщичьихъ крестьянъ являются выкупные платежи“ ¹⁾.

Усадебныя земли отчуждаются путемъ продажи въ средѣ общинъ крестьянъ не только помѣщичьихъ, но даже государственныхъ; усадьбы продаются своимъ односельчанамъ и постороннимъ лицамъ, и купля-продажа обыкновенно совершается занесеніемъ въ книгу сдѣлокъ и договоровъ мѣстнаго волостного правленія.

Въ Херсонской губерніи общины съ ревизской разверсткой составляютъ 95% общаго числа всѣхъ общинъ. Громада считаетъ себя не вправе посягать на величину личной собственности каждаго хозяина. У 160 общинъ (въ 80-хъ годахъ) участки расположены въ одномъ отрубѣ, а въ Ананьевскомъ у. у дарственниковъ прирѣзаны къ усадьбѣ.

Болѣе или менѣе подобный характеръ землевладѣнія во дворился на всемъ югѣ Россіи. Но въ нѣкоторыхъ обществахъ (напр., въ Бахмутскомъ у.) происходятъ передѣлы по наличнымъ ревизскимъ, при чемъ бѣдняки всегда обдѣлены: общества не даютъ имъ земли, несмотря на ихъ требованія, изъ опасенія недоимокъ.

Благодаря тяжести платежей въ началѣ реформы, по мнѣнію земскихъ статистиковъ, въ общество внѣдрилось немало „постороннихъ элементовъ“. Общество или само передало надѣлы или допустило „продажу“ ихъ бывшимъ дворовымъ и мѣщанамъ изъ „восьмистаточныхъ“ (не получившихъ надѣла въ силу 8 ст. великор. Пол.). Земскіе статистики и другіе изслѣдователи относятся какъ-то нетерпимо къ этимъ постороннимъ лицамъ, по нашему мнѣнію, совершенно несправедливо: они такіе же въ сущности крестьяне и ничѣмъ фактически не отличаются отъ другихъ односельчанъ. Тяжесть

¹⁾ Постниковъ, стр. 42.

же податей тутъ ни при чемъ, иначе придется допустить, что выкупные и проч. имѣютъ странную особенность быть тяжелыми для ревизскихъ крестьянъ и легкими или сносными для „восьмистаточныхъ“ и другихъ ¹⁾).

Во всей остальной Россіи болѣе или менѣе происходитъ то же самое, что мы изложили выше. Съ одной стороны ревизскій фетишъ уважается, а съ другой происходитъ постоянное броженіе въ виду необходимости удовлетворить требованіе „малолѣтовъ“ и неимѣнія никакихъ твердыхъ правилъ относительно пользованія убылыми душами, такъ что всюду примѣнимо выраженіе г. Харизоменова (статистика по Мелитопольскому у.), который, описавъ нѣсколько обычаевъ пользованія надѣлами убылыхъ душъ, кончаетъ такъ: „вотъ и всѣ установившіеся обычаи, за предѣлами которыхъ начинается вавилонское столпотвореніе“. Именно такъ. Сборникъ Херсонскаго земства за 1889 г. свидѣтельствуешь, что въ губернское присутствіе поступаетъ масса жалобъ самыхъ животрепещущихъ, связанныхъ съ матеріальнымъ положеніемъ громаднаго числа лицъ, родившихся послѣ ревизіи, которыхъ ревизскія души въ сельскихъ обществахъ не признаютъ равноправными своими членами и отказываютъ надѣлять землю, что установилось, по мнѣнію Сборника, при общинномъ владѣніи обычаемъ наследовать землю не на основ. 113 ст. мѣст. Полож., а по праву родства. Ссылка статистиковъ на 113 ст. ²⁾ мѣстн. Полож., конечно, сдѣлана некстати. Причина „столпотворенія вавилонскаго“ заключается въ томъ, что правительство отказывалось и отказывается разъяснить крестьянству его права, хотя и подчинило его своей опецѣ. Мы видѣли, что ревизская разверстка такъ же удовлетвори-

¹⁾ Кромѣ того „восьмистаточные“ имѣли право приписаться къ обществамъ госуд. крестьянъ въ силу закона (30 Ст. Пол. о дворов. людяхъ).

²⁾ Статья 113 мѣстн. Полож. гласить такъ: «Мірская полевая земля (пашня, покосы и др. угоды) остается въ общинномъ пользованіи крестьянъ, которымъ она отведена». При чемъ тутъ обычай законнаго наследованія у крестьянъ? Безъ мистификаціи наши уравниатели никакъ не могутъ обойтись. Притомъ 113 ст. относится къ періоду «временно-обязанныхъ» крестьянъ, а не перешедшихъ на выкупъ. И объ этомъ обстоятельстве уравниатели постоянно умалчиваютъ.

тельно разрѣшала вопросъ „уравнительнаго землепользованія“, какъ и наличная и всякая иная. Слѣдовало закрѣпить за дворами ихъ надѣлы, освободивъ общества отъ круговой поруки, и дозволить между селеніями мобилизацію земли съ соблюденіемъ правилъ 36 и 37 ст. общаго Положенія въ интересахъ самихъ общинъ. Разъясненіе крестьянамъ ихъ правъ сразу бы прекратило бы нелѣпыя семейныя раздѣлы при жизни отца, и такимъ образомъ не было бы и жалобъ „малолѣтновъ“; постепенно наше крестьянство стало бы организоваться въ прочныя подворныя хозяйства.

Къ одному изъ весьма серьезныхъ ошибочныхъ воззрѣній нашихъ изслѣдователей принадлежитъ предположеніе объ излишествѣ въ нашей крестьянской деревнѣ рабочихъ рукъ, не имѣющихъ такимъ образомъ возможности приложить къ сельскому хозяйству энергію своего труда. Земскіе статистики, плохо знакомые съ сельскимъ хозяйствомъ, полагаютъ, что „сельское населеніе Россіи не только въ состояніи обработать и убрать хлѣбъ со всѣхъ земель, принадлежащихъ всѣмъ землевладѣльцамъ, но у значительной его части останется громадная масса свободнаго времени, такъ какъ одинъ рабочій *при трехпольной системѣ хозяйства* въ состояніи обработать и убрать хлѣбъ съ 10—15 десятинъ“¹⁾.

Г. Южакъ въ „Русской Мысли“ (1885 г. № 9) вычисляетъ, что взрослый рабочій въ трехпольной полосѣ чернозема управится съ 13—15 десят. пашни. Многіе изслѣдователи придерживаются въ своихъ вычисленіяхъ приблизительно тѣхъ же размѣровъ²⁾.

Г. Постниковъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ, на который мы уже неоднократно ссылались, нормою *посѣва* для южныхъ губерній при трехпольѣ полагаетъ 15 десятинъ, а для средней Россіи—10 дес. Въ виду всѣхъ этихъ вычисленій, не трудно притти къ убѣжденію, что наша деревня переполнена рабочими руками, которыя необходимо удалить, давъ имъ то или другое направленіе. Это, господствующее въ

¹⁾ Стат.-экон. изслѣд. семи волостей Тульского уѣзда, изд. земства, стр. 46.

²⁾ У Трирогова для тягла полагается 20 десятинъ (35 стр.) въ Саратовской губ.

нашей интеллигенціи, воззрѣніе совершенно неосновательно; выводы изслѣдователей сдѣланы изъ ложныхъ посылокъ и объясняются плохимъ знакомствомъ изслѣдователей съ хозяйствомъ вообще, а съ сельскимъ въ особенности.

Профессоръ Костычевъ (въ своемъ отзывѣ о книгѣ кн. Васильчикова) дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе, что если извѣстныя рабочія силы могутъ въ надлежащій срокъ убрать хлѣбъ, то они навѣрное не только въ состояніи будутъ выполнить всѣ другія работы на соотвѣтственномъ пространствѣ полей, но у нихъ останется еще свободное время; по вычисленію профессора Костычева, крестьянская семья съ $3\frac{1}{2}$ рабочаго мужскаго и женскаго пола можетъ безъ особеннаго напряженія управиться съ 12 дес. полевой земли.

Мнѣніе такого компетентнаго и уважаемаго знатока дѣла, какимъ былъ проф. Костычевъ, не лишено, конечно, значительнаго авторитета. Мы только замѣтимъ, что проф. Костычевъ имѣетъ въ виду обычную форму хозяйства нашихъ крестьянъ, въ настоящее время, несомнѣнно, отжившую свой вѣкъ. Статистикъ В. И. Орловъ опредѣляетъ размѣръ трудовой площади для Тамбовской губ. (Борисоглѣбскаго у.) на одного рабочаго 15 десятинъ въ трехъ поляхъ.

А. Н. Энгельгардтъ въ своихъ „Письмахъ изъ деревни“, какъ ученый, хозяинъ и знатокъ крестьянскаго быта нашей деревни, не даетъ никакого цифрового размѣра, утверждая, что крестьянская пара (мужъ и жена) можетъ эксплуатировать столько посѣвной площади, сколько въ состояніи приготовить навоза, необходимаго для удобренія посѣвной площади. Замѣчаніе А. Н. Энгельгардта очень мѣтко, принимая въ соображеніе существующую форму крестьянскаго хозяйства въ Смоленской губерніи, хотя онъ при этомъ прибавляетъ, что въ страдное время пара должна работать *изо всѣхъ силъ*. Бѣда только въ томъ, что этотъ талантливый писатель не опредѣлилъ условія сѣнокоса. При плохомъ и отдаленномъ сѣнокосѣ (какъ это у насъ бываетъ въ нечерноземной полосѣ), пара не справится съ сѣнокосомъ безъ посторонней помощи, не соберетъ сѣна, необходимаго для посѣвной площади.

Вообще же всѣ эти попытки опредѣлить размѣръ средняго

нормальнаго крестьянскаго надѣла мы считаемъ пустой игрой цифръ. Размѣръ крестьянскаго хозяйства зависитъ отъ условій даннаго хозяйства, которыя такъ же разнообразны, какъ и сама хозяйственная жизнь крестьянина, а потому слѣдовало бы отказаться отъ всякихъ попытокъ подобнаго рода. Иначе мы будемъ постоянно впадать въ противорѣчія, что и случилось съ г. Постниковымъ.

Г. Постниковъ находитъ, что въ средней полосѣ Россіи существуетъ значительная „пресыщенность“ земледѣлія трудомъ рабочихъ и рабочаго скота, а между тѣмъ энергично рекомендуетъ введеніе машинной уборки на поляхъ крестьянъ, молотилки, сѣялки и проч., чтобы дать крестьянамъ большій досугъ (!) осенью и весною. Степной югъ переполненъ, по его мнѣнію, рабочею силой, а между тѣмъ самъ же г. Постниковъ свидѣтельствуетъ о необходимости слабосильнымъ дворамъ прибѣгать къ супряжной работѣ ¹⁾, несмотря на явную убыточность этой работы, неудобства и громадную потерю времени. Хозяинъ въ Таврической губерніи, имѣющій 6—7 лошадей, по словамъ г. Постникова, можетъ одновременно работать буккеромъ или плугомъ и бороною, но уже 4—5 и даже 6 штукъ рабочаго скота даютъ *неполное тягло* (!), которое работаетъ съ остановками, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгаетъ къ супрягѣ (sic!).

Вотъ какъ опредѣляется хозяйственная самостоятельность крестьянина степного юга:

1) Домохозяева, имѣющіе полное тягло (*spannfähige* у нѣмецкихъ крестьянъ и *Grossbauern* у нашихъ колонистовъ), т. е. полный плугъ, безъ найма скота и супряги. Эти домохозяева имѣютъ 2—3 пары и болѣе рабочаго скота и, соотвѣтственно этой упряжкѣ, 3 взрослыхъ рабочихъ во дворѣ.

2) Домохозяева полутягловые, супряжники. По неимѣнію достаточнаго скота и работниковъ, эти хозяева сопрягаются между собою для полевыхъ работъ. Во дворѣ они имѣютъ 1½—2 пары рабочаго скота и 1—2 взрослыхъ рабочихъ, и

3) Домохозяева безтягловые или пѣшіе, не имѣющіе рабо-

¹⁾ Г. Постниковъ отмѣчаетъ (стр. 234), что „супряжники“ работаютъ вдвое менѣе производительнo, чѣмъ полные хозяева.

чаго скота, или имѣющіе одну лошадь. Эти хозяева работаютъ наймомъ чужого скота, или сдаютъ свои земли въ аренду и не имѣютъ посѣвовъ.

Ясно, что избытка рабочей силы не имѣетъ и нашъ степной югъ. Этотъ избытокъ обманчивъ; онъ показался изслѣдователю только потому, что южно-степной крестьянинъ ведетъ крайне экстенсивное хозяйство: посѣвы производятся „наволокомъ“, удобреніе не примѣняется и проч. Въ подтвержденіе своихъ расчетовъ г. Постниковъ ссылается на извѣстную экономію г. Шатилова, с. Мохово, Тульской губерніи, но при этомъ не принимаетъ въ соображеніе нѣкоторыхъ подробностей организациі хозяйства экономіи, которыя совершенно непримѣнимы къ хозяйству крестьянскихъ дворовъ. Въ с. Моховомъ навозъ вывозится въ поле зимою, и этимъ заняты рабочіе въ теченіе всей зимы. Такая организациа этой важной работы принята г. Шатиловымъ потому, что иначе у него не хватить времени, т.-е. рабочихъ рукъ, весной и осенью. Этотъ способъ утилизаціи навоза, далеко несовершенный, для крестьянъ недоступенъ: крестьяне не могутъ развозить по своимъ полосамъ (и при томъ отдаленнымъ!) навозъ въ сугробы, въ метели и пр.— они искалѣчатъ только своихъ лошадей и охладятъ свои хлѣва, что очень важно; если же хлѣва холодные, то мерзлаго навоза не подымешь никакими вилами.

Поэтому лучшее время вывоза навоза для крестьянъ — весна и начало лѣта послѣ яровыхъ посѣвовъ, но время это сравнительно коротко.

На разброску навоза по пашнѣ г. Постниковъ не учелъ ни времени, ни рукъ; многолемешными плугами (какъ предлагаетъ г. Постниковъ) нельзя запахивать навозъ, и при запашкѣ нужна баба или полурабочій (мы ставили двухъ). На двухъ крестьянскихъ лошадяхъ многокорпуснымъ плугомъ тоже пахать нельзя — тяжело. Уборка хлѣба сноповязалкой для крестьянъ недоступна; сноповязалка очень сложная машина, подвержена частымъ поломкамъ, крестьяне съ нею не управятся (кто же будетъ имъ чинить машину: сельскій кузнецъ?). Все это не подходитъ для крестьянскаго хозяйства.

¹⁾ Стр. 122.

Всѣ расчеты г. Постникова по уборкѣ урожая и возкѣ и укладкѣ въ скирды тоже неправильны, при чемъ онъ постоянно упускаетъ изъ виду условія погоды.

Малосѣющіе крестьяне у насъ всегда принадлежатъ и къ малодушнымъ, преимущественно къ одиночнымъ семьямъ; не хватаетъ рабочей силы для веденія хозяйства, не хватаетъ рукъ для нелегкаго земледѣльческаго труда. Неудивительно, что такой слабосильный хозяинъ, получая при уравнительномъ землепользованіи „даромъ“¹⁾ землю, сдаетъ ее въ аренду. Неудивительно, если надѣльная земля всюду въ черноземной Россіи, гдѣ она цѣнится, служила и служитъ предметомъ торговли-спекуляціи.

Еще недавно въ волостяхъ, по воскресеніямъ и другимъ праздникамъ, въ волость собиралась цѣлая толпа народа, шло угощеніе и продажа надѣловъ, свидѣтельствуемая въ книгахъ „начальствомъ“. Иногда устраивался чистѣйшій аукціонъ и шелъ бойкій торгъ. По свидѣтельству г. Трирогова, въ Саратовской губерніи подобный аукціонъ устраивало само сельское „начальство“. Извѣстно, что однимъ изъ сильнѣйшихъ аргументовъ противъ „свободы“ земли наши уравнители выставляютъ возможность „торговли землей“. Мы видимъ, что при общинномъ землепользованіи эта торговля благополучно процвѣтаетъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Съ учрежденіемъ „попечительской“ власти, былъ наложенъ бюрократическій запретъ на подобную торговлю. Вышло то, что и слѣдовало ожидать: торговля перенесена въ села, производится тайно съ явнымъ ущербомъ тѣмъ, кого желали защитить отъ „кулаковъ“. Г. Трироговъ рассказываетъ, что сельское „начальство“ потому и устроило аукціонъ, чтобы прекратить злоупотребленія и обездоленіе бѣдняковъ. Благодаря вмѣшательству этого начальства, бѣдняки стали продавать свои земли съ выгодною даже на короткій срокъ; перекупка кулаками прекратилась. Но такъ поступало невѣжественное мужицкое волостное начальство, понимавшее интересы своихъ подчиненныхъ крестьянъ, къ которымъ само

¹⁾ Въ большинствѣ же случаевъ онъ получаетъ ее не даромъ, а силкомъ—навалкой.

принадлежало. Не такъ поступаетъ интеллигентное бюрократическое начальство, и бѣднякамъ больно и дорого обходится нынѣ попечительная власть нашей интеллигенціи. „Насъ очень стѣснили этимъ распоряженіемъ“ (запрещеніемъ сдавать землю безъ разрѣшенія схода и пр.), говорилъ волостной писарь одного большого с. Мелитопольскаго у. г. Постникову (стр. 140); договорныя книги о земляхъ исчезли изъ волости въ качествѣ официальныхъ книгъ, но г. Постниковъ дѣлаетъ предположеніе, что онѣ нынѣ фигурируютъ неофициально. Г. Постниковъ правъ въ своихъ предположеніяхъ: книги эти существуютъ, только не для глазъ „начальства“. Въ нечерноземной полосѣ торговля теперь идетъ на сходахъ селеній и приводитъ къ печальнымъ результатамъ: вся земля идетъ въ руки кулаковъ, которые и перепродаютъ ее, какъ и внѣнадѣльныя общинныя аренды, бѣднякамъ съ надбавкой.

Запрещеніе продажи (т.-е. аренды) земли и неправомѣрно и крайне убыточно для бѣдняковъ. Сдавая въ аренду свою землю, бѣдняки покрываютъ всѣ подати, получаютъ „верхи“, но не обездоливаются. У нихъ остается усадебная земля съ огородомъ, иногда садомъ, корова или двѣ, лошадь, овцы и т. д. Подобныя бѣдняки иногда прекрасно устриваются. Въ нѣмецкихъ колонистскихъ селеніяхъ нашего юга число безземельныхъ значительно. Объясняется этотъ фактъ принципомъ нераздробляемости надѣла „гросвирта“. Но эти безземельные далеко не пролетаріи. Многіе изъ нихъ, живя въ колоніяхъ, занимаются ремесломъ, необходимымъ для жителей колоніи. При раздѣлѣ наслѣдства, одинъ изъ наслѣдниковъ получаетъ землю гросвирта, а другіе—скопленные капиталы; на эти средства одни открываютъ ремесленныя заведенія въ колоніяхъ и городахъ, другіе сначала арендуютъ, а потомъ покупаютъ землю на сторонѣ и заводятъ хозяйство. Покупка земли колонистами все разрастается; многимъ безземельнымъ помогаетъ общество-колонія своими капиталами, но многіе безземельные соединяются просто товариществами и покупаютъ обширныя владѣльческія имѣнія, заводя новыя колоніи. Мы видимъ, что устройство благосостоянія безземельныхъ вовсе не представляетъ, при условіяхъ подворнаго крестьянскаго землевладѣнія, непреодолимыхъ затрудненій

даже при отсутствіи особой помощи со стороны государства. При правильной же постановкѣ дѣла съ помощью государственныхъ и иныхъ учреждений, устройство быта безземельныхъ крестьянъ въ Россіи принадлежитъ къ самымъ легкимъ задачамъ современной аграрной политики, но, разумѣется, при условіи прочной организаціи крѣпкого подворнаго крестьянства на полномъ правѣ личной собственности съ возстановленіемъ авторитета семейнаго очага.

Мы идемъ инымъ путемъ, по нашему глубокому убѣжденію, роковымъ для нашего крестьянства, а потому всѣ наши соображенія объ устройствѣ быта безземельныхъ не могутъ имѣть никакого практическаго значенія, и мы ихъ опустимъ. Цѣль нашего труда доказать, что во всякомъ случаѣ для добраго русскаго пахаря уравнительный процессъ, уравнительное землепользованіе имѣетъ фатальныя послѣдствія; нисколько не помогая бѣднякамъ, оно разоряетъ зажиточныхъ, создаетъ кулачество и въ концѣ концовъ погубить все русское крестьянство.

Г. Ходскій справедливо утверждаетъ въ своемъ трудѣ, что вопросъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ былъ выдвинутъ восьмидесятыми годами, но онъ долженъ прибавить: людьми 60-хъ и 70-хъ годовъ. Великую эпоху реформъ вынесли на своихъ плечахъ люди сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Но уже въ то время, когда происходили великія преобразованія политическаго, общественнаго и гражданскаго строя Россіи, выступали люди иного направленія. Воспитанная ими молодежь постепенно заняла мѣста прежнихъ дѣятелей, и съ конца 80-хъ годовъ постепенно вносились измѣненія какъ въ Положенія 19-го февраля, такъ и въ соотвѣтствующія имъ законодательства о государственныхъ крестьянахъ и другихъ. Новое поколѣніе, вмѣсто того, чтобы осуществить великую крестьянскую реформу на дѣлѣ, измѣнило нѣкоторыя существенныя правила освободительныхъ актовъ, установленныхъ законодателемъ въ видахъ постепенной организаціи прочнаго русскаго крестьянства. Мы совершенно согласны съ г. Ходскимъ, что г. Сазоновъ въ своей книгѣ „Неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ“ допускаетъ натяжку, видя заботу объ охранѣ крестьянскаго землевладѣнія

въ статьѣ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, угрожавшей за продажи земель „бити кнутомъ“ крестьянъ, „дабы бѣдняки и неимущіе крестьяне, оставя свои участки впустѣ, не разбрелись врознь“. Но все-таки ссылка г. Сазонова на Уложеніе очень характерна и подтверждаетъ нашъ отзывъ о „шестидесятникахъ“ и ихъ воспитанникахъ. Тѣмъ не менѣе г. Ходскій дѣлаетъ въ своихъ разсужденіяхъ двойную ошибку: во-первыхъ, угроза Уложенія Царя Алексѣя Михайловича не могла относиться къ заботамъ правительства о подушной подати, такъ какъ послѣдняя была введена его великимъ сыномъ Петромъ, а во-вторыхъ, въ настоящее время „дѣло“ не можетъ итти „о томъ, чтобы въ интересахъ крестьянъ не разбрелась врознь ихъ земля, несмотря на все ихъ желаніе сохранить ее“.

Сама земля не двигается, не мобилизуется, а мобилизуются ея владѣльцы; для государства же, общества и русскаго крестьянства, совершенно „безразлично, владѣть ли подворнымъ участкомъ крестьянинъ Иванъ или Пахомъ; переходя изъ рукъ одного крестьянина къ другому, земля остается крестьянскою. Да и нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ того, чтобы наши крестьяне собирались отказаться отъ своей земли, или, при желаніи, не могли сохранить ее, напр., въ громадномъ районѣ, гдѣ господствуетъ такъ называемое подворно-наслѣдственное право. Наши четвертные крестьяне искони сохранили право отчуждать свои надѣлы, и тѣмъ не менѣе земля четвертныхъ до сихъ поръ остается въ ихъ рукахъ. Земскіе статистики и другіе изслѣдователи неоднократно пытались доказать, будто въ селеніяхъ четвертныхъ развивается пролетаріатъ, что благосостояніе крестьянъ значительно ниже, чѣмъ у душевыхъ. Но неумолимая дѣйствительность и тутъ опровергаетъ тенденціозныхъ уравнителей. Такъ въ Рязанской губерніи, гдѣ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ сохранилось много четвертныхъ владѣльцевъ (государственныхъ крестьянъ), сравнительное благосостояніе четвертныхъ видно изъ слѣдующихъ цифръ земской статистики ¹⁾:

¹⁾ Сборникъ по Рязанской губ., т. XI, 1892 г.

	бывш. помѣщ.,	государств. душев.,	четвертн.,	душево- четвертн.
<i>На одного домохозяина</i>				
приходится земли.....	5.7 дес.	6 дес.	8.4 дес.	12.3 дес.
<i>Безземельныхъ приходится:</i>				
0/0 безземельн. къ общему числу домохозяевъ.....	7.6 >	2.4 >	3.8 >	1.2 >
<i>Крупнаго скота (съ пере- водомъ мелкаго на круп- ный) приходится: на 100</i>				
<i>душъ обоего пола.....</i>	55 >	53 >	74 >	66 >
<i>на семью.....</i>	3.4 >	3.5 >	5 >	4.3 >
<i>На 100 дворовъ приходится:</i>				
Безлошадныхъ.....	38 >	39 >	26 >	29 >
Безлошадн. и безкоров- ныхъ.....	26 >	28 >	18 >	19 >

Болѣе детальное распределеіе скота по семьямъ (съ 1, 2, 3 и болѣе головами скота) тоже отгѣняетъ положеніе четвертниковъ болѣе благопріятно, чѣмъ крестьянъ бывш. помѣщичьихъ и государственныхъ, такъ что самъ статистикъ признаетъ, что въ „наиболѣе благопріятномъ положеніи находятся крестьяне четвертные и душево-четвертные“, чѣмъ прочіе разряды крестьянъ. А между тѣмъ четвертные отличаются отъ душевыхъ только тѣмъ, что владѣютъ своей землей на подворно-наслѣдственномъ правѣ и сохранили за собой право отчуждать свои надѣлы. Всѣ остальные земельные порядки у нихъ тѣ же, что и у душевыхъ: земли ихъ разбиты на холмы или коны и полосы, господствуетъ обыкновенная дробимость и черезполосица пашень, происходятъ и передѣлы полей (съ сохраненіемъ размѣра жеребьевъ владѣльцевъ); земельная путаница у четвертныхъ даже хуже, чѣмъ у душевыхъ, благодаря неопредѣленности термина „четверть“.

Если бы правительство оказало свое содѣйствіе къ уничтоженію путаницы, дробимости и черезполосицы полей четвертныхъ, то этотъ разрядъ крестьянъ образовалъ бы въ самомъ черноземномъ центрѣ прочныя подворныя культурныя крестьянскія хозяйства, что, несомнѣнно, имѣло бы важное значеніе, какъ живой примѣръ, и для прочаго крестьянства этого района. Къ сожалѣнію, даже въ этомъ отношеніи мы не можемъ питать ни малѣйшей надежды.

Восьмидесятые годы истекшаго столѣтія ничего не принесли нашему крестьянству кромѣ горя. Да, обязательный выкупъ крестьянами (бывш. помѣщичьими и государственными) своей земли былъ благодѣтельной и необходимой мѣрой, но эта мѣра явилась лишь заключительнымъ звеномъ освобожденія и все-таки не принесла тѣхъ благодѣтельныхъ результатовъ, которые должны были явиться ея необходимымъ послѣдствіемъ, потому что на практикѣ оказалось, что крестьяне выкупаютъ землю не для себя, а для какой-то фикціи, именуемой крестьянскимъ обществомъ, а, по словамъ нашихъ уравниателей, даже для государства, что выходитъ прямо какой-то мистификаціею. Не можетъ существовать блага тамъ, гдѣ явно нарушается правомѣрность — право и справедливость.

Что же касается до обычнаго у насъ киванія на западъ Европы, въ которомъ практикуется и г. Ходскій, и голословныхъ указаній на „соціальную дезорганизацію въ бытѣ крестьянства европейскихъ государствъ“, то вышедшій въ 1901 году превосходный трудъ г. П. Лохтина своими голыми, но краснорѣчивыми цифрами долженъ былъ убѣдить г. Ходскаго и всѣхъ русскихъ людей, способныхъ убѣждаться неопровержимыми фактами, что въ Европѣ существуетъ только одна страна, гдѣ дѣйствительно крестьянство дезорганизовано и бѣдствуетъ, а земледѣліе и именно крестьяскія хозяйства находятся въ самомъ жалкомъ состояніи, и эта страна — наша родина Россія.

Мѣры къ прочной организациі нашего крестьянства въ сущности сводятся къ осуществленію въ жизни Положеній 19-го февраля 1861 г., Положенія о государственныхъ крестьянахъ и другихъ разрядахъ сельскаго населенія. Въ этихъ видахъ слѣдуетъ: 1) возстановить всю силу и значеніе 165 ст. Положенія о выкупѣ, 2) издать правила для консолидаціи крестьянскихъ подворныхъ домохозяйствъ посредствомъ сведенія черезполосныхъ участковъ въ отрубные (по Нассауской системѣ), 3) издать правила для расселенія крупныхъ общинъ нашего чернозема въ хуторскія подворныя хозяйства, 4) всѣ административныя обязанности сельскихъ обществъ передать волости — этому исконному органу общиннаго крестьянскаго

самоуправленія (міра), 5) безусловно отмѣнить круговую отвѣтственность крестьянъ по платежамъ и повинностямъ, 6) предоставить волости право владѣть, завѣдывать и управлять общинными землями въ качествѣ юридическаго лица, а не общества, 7) предоставить крестьянамъ свободно соединяться въ общества для хозяйственныхъ цѣлей, 8) организовать уѣздныя земскія товарищества для крупныхъ меліорацій съ содѣйствіемъ и безъ содѣйствія казны и 9) возстановить всѣ права личныя, семейственныя и имущественныя, предоставленныя крестьянамъ Общимъ Положеніемъ 19-го февраля 1861 года.

Участіе земства во всѣхъ означенныхъ мѣропріятіяхъ обнаружится само собою, какъ скоро крестьяне получатъ не только право, но и возможность принимать въ немъ участіе, а до тѣхъ поръ едва ли интеллигенція, составляющая наше земство, что-либо предприметъ для народа въ указанномъ направленіи.

Мы, конечно, никакихъ иллюзій себѣ не дѣлаемъ, а потому изложили въ краткихъ пунктахъ наши положенія. Подробное изложеніе указанныхъ нами мѣропріятій неумѣстно, ибо не можетъ имѣть никакого практическаго значенія.

Настоящее наше поколѣніе и то, которое мы воспитываемъ, ничего не сдѣлаютъ въ пользу нашего крестьянства въ указанномъ нами направленіи, а, напротивъ, будутъ стремиться поддержать разлагающійся общинно-крѣпостной строй нашей деревни. Задача усложнится, когда сибирская деревня будетъ обращена въ душевую и почувствуетъ то же „утѣшеніе“, которое нынѣ господствуетъ въ Европейской Россіи. Сибирь велика, но и переселенческій наплывъ великъ. Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ общинныхъ земляхъ волости.

Въ Западной Европѣ (на континентѣ) сохранились общинныя земли. Во Франціи онѣ признаются собственностью коммуны какъ юридическаго лица, и потому еще законъ 21 февраля 1838 г. запретилъ ихъ раздѣлъ въ собственность пользователей („qui comprendrait la propriété du fonds et qui serait définitive“). Въ Германіи много общинныхъ земель сохранилось на юго-западѣ—тамъ, гдѣ господствуетъ свободная мобилизація земли:

въ Вюртембергѣ общинныхъ земель въ 1883 г. было 735.722 морг.; въ Баденѣ (на горахъ) 249.654 морг. лѣсного пространство и 125.697 морг. культурной площади находится въ общинномъ землевладѣніи; въ Пруссіи общинныхъ земель больше всего въ Рейнскихъ провинціяхъ, въ Баваріи — въ горныхъ мѣстностяхъ.

Больше же всего сохранилось общинныхъ земель въ Швейцаріи — 519.630 гект. (въ 1864 г.). Общинныя земли въ Германіи имѣютъ двойкій характеръ: онѣ или составляютъ собственность коммуны, или принадлежатъ членамъ общины какъ общая собственность; къ послѣднимъ преимущественно и слѣдуетъ отнести „Almenden“.

Вообще общинныя земли въ Германіи эксплуатируются плохо ¹⁾. Но ученые нѣмецкіе экономисты мирятся съ этими недостатками: по выраженію Бухенбергера этотъ недостатокъ общиннаго землепользованія „muss mit in den Kauf genommen werden“, въ виду той пользы, которую приносятъ эти земли бѣднымъ членамъ общины.

Въ Швейцаріи, — странѣ Запада съ общиннымъ землепользованіемъ по преимуществу — эксплуатация общинами „Almenden“ привела къ самымъ печальнымъ результатамъ: вырубкѣ лѣсовъ со всѣми фатальными послѣдствіями подобныхъ сплошныхъ вырубокъ въ горныхъ мѣстностяхъ, почему правительство кантоновъ принуждено было издать строгія правила пользованія общинными лѣсами (Union forestière suisse).

Еще печальнѣе тѣ порядки, которые установились между членами общинъ относительно пользованія общинными угодьями. Характеръ этого пользованія пасторъ Беккеръ прекрасно опредѣлилъ, приводя извѣстное евангельское изреченіе: „имущему дастся и приумножится, а у неимущаго отнимется и послѣднее“ ²⁾. Общинное землепользованіе превращается въ привилегію богатыхъ скотомъ.

¹⁾ Листъ называетъ Almenden нецѣлесообразными богадѣльнями, которыя содѣйствуютъ лишь праздности и безхозяйственности.

²⁾ E. Laveleye, De la propriété et de ses formes primitives, edit. 5, 1901, p. 135. Книга Лавелэ трудъ дилеттанта. Она написана съ талантомъ, но очень тенденціозна. Тенденціозность Лавелэ крайне наивна, почему даже Fustel de Coulanges относится къ этому автору снисходительно и симпатично.

Въ общинахъ постоянно идетъ борьба между большими и малыми, „жирными и тощими“, и побѣждаютъ большіе и жирные. „Въ отличіе отъ того, что существуетъ въ большихъ государствахъ Европы“, говоритъ Лавелэ, „въ кантонѣ Ури жирные въ большинствѣ. Изъ 2700 семействъ—1665 имѣютъ скоть, а 1035 безскотные“. Такимъ образомъ мы здѣсь встрѣчаемъ порядки, схожіе съ нашими общинными порядками со всѣми ихъ послѣдствіями. *Almenden* достигаютъ своей цѣли въ Германіи и Швейцаріи только тамъ, гдѣ ихъ немного и гдѣ онѣ составляютъ собственность коммуны какъ юридическаго лица. Такъ слѣдуетъ организовать институтъ общиннаго землепользованія и у насъ, возстановивъ древнее значеніе волости — *міра*. Управление общинными угодьями, которыя образуются или изъ вымороченныхъ земель крестьянъ волости, или изъ пріобрѣтенныхъ міромъ покупкою, должно лежать на обязанности волостного правленія, подъ контролемъ избраннаго крестьянами волости схода. Цѣль сохраненія этихъ общинныхъ земель—предоставленіе ихъ въ пользованіе бѣднѣйшимъ членамъ общины, т.-е. цѣль исключительно благотворительная, но, конечно, съ небольшою платою для тѣхъ бѣдныхъ, которые въ состояніи ее производить. Общій надзоръ и контроль по эксплуатаціи этихъ земель должны при-

тично. Расписывая, на примѣръ, прелести общиннаго землепользованія въ швейцарскихъ *Almend'ахъ*, Лавелэ утверждаетъ, что нигдѣ земледѣлецъ не имѣетъ такихъ прекрасныхъ жилищъ какъ въ Швейцаріи („*On comprend maintenant d'ou viennent ces ravissants chalets, qu'admire l'étranger*“). „Принципъ, который управляетъ распредѣленіемъ общинной земли“, продолжаетъ Лавелэ, принадлежитъ къ первоначальному времени: каждому—по его потребностямъ; но такъ какъ потребности различествуютъ для лицъ не въ силу естественной необходимости (*nécessités*), которая одинакова для всѣхъ, а въ силу индивидуальных особенностей каждаго, которыя у всѣхъ людей различны, то и выходитъ, что богатые получаютъ преимущества, а бѣдные принесены въ жертву“. Такова постоянная аргументація Лавелэ. Книга Лавелэ горячо рекомендуется германистами и социалистами каѳедры и очень популярна въ Германіи и у насъ, но научнаго въ ней мало.

Лавелэ знакомъ съ памятниками изъ вторыхъ рукъ и перевираетъ и смыслъ и тексты ихъ; легкомысленныя обобщенія у Лавелэ на каждомъ шагу. Пятое изданіе значительно лучше первыхъ, такъ какъ Лавелэ воспользовался дополненіями К. Бюхера, переводившаго этотъ трудъ на нѣмецкій языкъ.

надлежать государству. Исторія Западной Европы показываетъ намъ, что только подобная организація оправдываетъ сохраненіе общинныхъ земель и общиннаго землепользованія. Съ этимъ фактомъ слѣдовало бы примириться и нашимъ уравнителямъ.

Г Л А В А VIII.

Крестьянство—есть хозяйство двора-семьи, иначе говоря, хозяйство домашняго очага. Поэтому къ крестьянству стоятъ близко и такъ называемыя домашнія индустріи, заключаая въ себѣ общіе крестьянству экономическіе элементы. То обстоятельство, что подъ крестьянствомъ разумѣется обыкновенно земледѣльческій классъ, объясняется тѣмъ, что въ земледѣліи элементы, присущіе крестьянству, какъ экономической категоріи, выражаются наиболѣе полно и ясно. Въ крестьянствѣ соединяются всѣ факторы производства (земля, трудъ, капиталъ и хозяинъ-организаторъ). Анализъ крестьянскаго хозяйства подтверждаетъ это положеніе безусловно, хотя, конечно, жизненныя явленія никогда не осуществляются въ идеальной формѣ, допуская отклоненія въ ту и другую сторону: или крестьянское хозяйство приближается къ типу рабочей семьи, или къ хозяйству мелкаго частнаго владѣльца, или даже къ типу мелкаго индустріальнаго промышленника. Подобныя отклоненія не только не представляютъ, сами по себѣ, извращенія крестьянства, но служатъ лишь къ укрѣпленію послѣдняго, представляя собою естественные результаты экономической свободы, безъ которой крѣпкое крестьянство невысказано.

Подворныя переписи и въ особенности бюджетныя изслѣдованія земской и правительственной статистики вполне подтверждаютъ правильность изложенныхъ нами положеній ¹⁾.

¹⁾ Замѣтимъ только, что земская статистика вообще мало интересовалась подворнымъ характеромъ крестьянскаго хозяйства, совершенно ошибочно направляя свои изслѣдованія на выясненіе экономической жизни селеній-общинъ, затемняя тѣмъ выясненіе истинныхъ элементовъ нашего крестьянства.

Прежде всего слѣдуетъ выяснитъ себѣ составъ крестьянской семьи. Въ дѣйствительности крестьянскія семьи представляють, по количественному составу, чрезвычайное разнообразіе: въ 2, 3, 4, 5—40 душъ и болѣе. Нѣкоторые земскіе статистики ставятъ величину крестьянскихъ семействъ въ зависимости отъ этнографическихъ условій; на примѣръ, у великороссовъ семья крупнѣе, чѣмъ у малороссовъ. Средняя семья колеблется также по разнымъ разрядамъ крестьянъ. Наибольшая по составу своему семья оказывается у государственныхъ крестьянъ, затѣмъ постепенно уменьшается у помѣщичьихъ, у дарственныхъ, у бывшихъ дворовыхъ, у мѣщанъ и т. д. Въ этомъ обстоятельствѣ земскіе статистики видятъ у великороссовъ наличность признака особой „патріархальности“ семейнаго быта, утраченной будто бы малороссами¹⁾.

Подобныя скороспѣлыя сужденія не имѣютъ подъ собою твердой почвы.

Великороссійскій крестьянскій дворъ при крѣпостномъ правѣ заключалъ въ себѣ весьма мало „патріархальности“, находясь въ полной зависимости отъ вотчинной власти, которая, соединяя и разлагая тягла, давала ему ту или другую организацію, принимая въ соображеніе лишь свои экономическіе интересы. Если у б. помѣщичьихъ крестьянъ нынѣ семья обладаетъ меньшимъ составомъ, чѣмъ у б. государственныхъ, то только потому, что вскорѣ по освобожденіи всѣ крестьянскія семьи въ помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ передѣлились; государственные же крестьяне вначалѣ имѣли менѣе побужденій къ семейнымъ раздѣламъ. Главная же причина мелкаго состава семьи у малороссовъ заключалась въ правѣ наследованія, котораго великорусская деревня, при крѣпостномъ правѣ, совершенно не знала. Точно также нельзя признать правильнымъ мнѣніе г. Щербины, будто средняя семья мельчаетъ по мѣрѣ того, какъ извѣстная группа населенія отодвигается отъ крестьянъ-земледѣльцевъ, переходя въ другіе разряды производителей-хозяйствъ.

Торговые мѣщане и купцы нашихъ городовъ и сейчасъ

¹⁾ Въ дѣйствительности самыя крупныя семьи мы встрѣчаемъ у заимщиковъ (въ Сибири), затѣмъ идутъ удѣльные крестьяне и государственные.

во многих мѣстностяхъ обладаютъ весьма крупнымъ семейнымъ составомъ.

Величина крестьянской семьи зависитъ отъ величины хозяйства: чѣмъ крупнѣе крестьянское хозяйство, тѣмъ большимъ составомъ она обладаетъ. Самыми малыми оказываются семьи упалыхъ хозяйствъ (безъ работника), за ними слѣдуютъ семьи безземельныя, затѣмъ бездомовыя и, наконецъ, семьи безъ рабочаго скота ¹⁾.

Главную роль въ составѣ крестьянской семьи играетъ рабочая сила—трудоу элементъ. Такъ въ селеніяхъ Воронежской губерніи средняя семья безъ работника состоитъ изъ 3.₄ д., семья съ однимъ работникомъ — изъ 5.₅₂ д., съ двумя работниками—изъ 8.₀ д., съ тремя работниками и выше — изъ 12.₂₈ душъ. Г. Щербина объясняетъ это явленіе наличностью рабочей „пары“, но это опять слишкомъ скороспѣлое сужденіе воронежскаго ученаго статистика: работники въ нашей крестьянской семьѣ бываютъ и неженатые.

Въ связи съ величиной семьи стоятъ и всѣ остальные факторы крестьянскаго хозяйства и прежде всего размѣры земельнаго надѣла, земельного обезпеченія хозяйства двора-семьи. Въ той же Воронежской губерніи размѣры семьи колеблются по земельнымъ группамъ хозяйствъ такъ: у безземельныхъ—3.₄₆ душъ, у владѣющихъ до 5 десятинъ—5.₀₅ д., у имѣющихъ 5—15 дес.—6.₅ д., у владѣльцевъ 15—25 дес.—8.₉₁ дес., а у владѣльцевъ выше 25 десятинъ — 12.₆₃ душъ.

Въ Таврической губерніи земская статистика констатировала связь между составомъ семьи и размѣрами посѣва, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

¹⁾ См. у Щербины: семьи безъ работника имѣютъ 3, 4, души, безземельныя 3.₄₆ д., бездомовыя 3.₇₆ д. и безъ рабочаго скота 4.₅ д.

По изслѣдованію П. П. Семенова (1880 г.) Мураевинской волости, Рязанской губ., типъ богатаго двора имѣетъ составъ семьи изъ 22 душъ обоого пола, при 2 рабочихъ и 2 полурабочихъ м. п. и 5—6 женскаго пола., типъ зажиточнаго двора 10—14 душъ об. п., при 3 рабочихъ м. п. и 3—4 ж. п.; типъ бѣднаго—4—9 д. об. п., при 1—2 рабочемъ м. п. и 1 ж. п.; неимущіе дворы имѣли составъ изъ 3—4 д. об. п. и одного рабочаго м. п. и 1 жен. п. (См. Сборникъ матер. изд. Имп. Вольнаго Эконом. и Русскаго Географическаго Обществъ, стр. 141 и слѣд.).

	Бердянскаго у. душъ.	Мелитопольск. у. душъ.	Днѣпровскаго у. душъ.
Не имѣющихъ посѣва	4.5	4.1	4.6
Сѣющихъ до 5 дес.	4.9	4.6	4.9
„ отъ 10 до 25 д.	7.1	6.8	6.3
„ „ 25—50 дес.	8.2	8.6	8.2
„ болѣе 50 дес.	10.6	10.8	10.1

Такимъ образомъ чѣмъ больше составъ крестьянской семьи, тѣмъ большимъ размѣромъ земельного участка она владѣеть. Г. Щербина изъ приведенныхъ данныхъ по Воронежской губерніи сдѣлалъ какъ разъ обратный выводъ. По его мнѣнію, чѣмъ больше земли у крестьянскаго двора, тѣмъ значительнѣе по количественному составу крестьянская семья. Иначе говоря, г. Щербина увѣренъ, что земля плодитъ крестьянскую семью. Мы же какъ разъ обратнаго мнѣнія: съ развитіемъ производительной и потребительной силы крестьянской семьи увеличивается посѣвная площадь и вообще земельный размѣръ крестьянскаго двора ¹⁾).

Г. Щербина допустилъ, по нашему мнѣнію, еще одинъ неправильный выводъ: съ одной стороны, опредѣляя количество умершихъ по разнымъ группамъ крестьянскаго землевладѣнія въ ‰ отношении къ общему числу населенія, г. Щербина прирость населенія для тѣхъ же группъ опредѣлилъ на 10,000 душъ. Но такъ какъ численный составъ группъ не одинаковый, то выведенный ‰ умершихъ малоказателенъ; большій же прирость въ высшихъ группахъ объясняется ихъ большимъ семейнымъ составомъ брачныхъ паръ: семья владѣющая 5 десятинами, имѣетъ обыкновенно одну брачную пару, семья же, владѣющая 15—25 десятинахъ, можетъ имѣть двѣ брачныя пары и т. д. ²⁾).

¹⁾ При заимочномъ землепользованіи крестьянъ этотъ фактъ ясенъ до очевидности. См. нашу книгу „Уравнительное землепользованіе и крестьянское хозяйство въ Забайкальскомъ краѣ“, стр. 77. Г. Щербина говоритъ такъ: „бѣдняки—бѣднѣе, а богачи—богаче, и послѣдніе могутъ содержать большія семьи“. Такъ у интеллигентовъ, но у крестьянъ наоборотъ; малыя семьи—всегда бѣдняки, большія—всегда богачи.

²⁾ Читатель можетъ усмотрѣть противорѣчіе въ нашихъ словахъ изложенному нами выше, но мы нисколько не отрицаемъ связи между числен-

Слѣдовательно предположеніе г. Щербины, что большее количество земли на дворѣ имѣетъ вліяніе на смертность и рождаемость ничѣмъ не доказано. Земля въ данномъ случаѣ играетъ роль какъ показатель зажиточности семьи-двора вмѣстѣ съ другими факторами, ибо, конечно, зажиточность двора въ крестьянской семьѣ должна вліять какъ на рождаемость, такъ и на смертность вообще. Г. Щербина представляетъ себѣ экономическіе элементы крестьянскаго хозяйства совершенно превратно. Онъ утверждаетъ, что измельчаніе крестьянской семьи и задержка въ ея приростѣ происходятъ вслѣдствіе плохого удовлетворенія потребностей, тогда какъ плохое удовлетвореніе потребностей является результатомъ недостатка производительныхъ силъ семьи вслѣдствіе ея измельчанія, т.-е. г. Щербина принимаетъ слѣдствіе за причину явленія.

Поэтому и другой факторъ крестьянскаго хозяйства—рабочій скотъ находится въ связи съ численнымъ составомъ семьи. По Воронежской губерніи семьи, имѣющія 1—2 головъ крупнаго скота, имѣютъ (въ среднемъ) составъ 5.₇₄ душъ, при 5—10 головахъ скота—7.₄₉ душъ, свыше 10 головъ скота—9.₂₉ душъ, т.-е. количество скота растетъ и падаетъ вмѣстѣ съ численнымъ составомъ семьи (г. Щербина и тутъ дѣлаетъ обратный выводъ).

нымъ составомъ крестьянской семьи и ея рабочей силой. Мы только возражали противъ обобщенія, допущеннаго г. Щербиной, такъ какъ могутъ быть крестьянскія семьи, крупныя по своему составу, съ большимъ количествомъ работниковъ и съ одной брачной парой. Такія семьи встрѣчаются въ Новгородской губерніи (а также и въ Нижегородской). Семья состоитъ иногда изъ 15 членовъ и болѣе съ 5—6 рабочими, но брачная пара одна. По обычаю этой семьи, только старшіе сыновья имѣютъ право вступать въ бракъ, остальные же члены семьи остаются безбрачными.

Права хозяина тоже переходятъ къ старшему женатому сыну, но каждый членъ семьи—работникъ ведетъ порученную ему отрасль хозяйства болѣе или менѣе самостоятельно подъ личной своей отвѣтственностью. Эти семьи очень богаты, владѣютъ цѣлыми капиталами и тѣмъ не менѣе, по своему характеру, остаются крестьянскими хозяйствами, хозяйствами домашняго очага, соединяющими въ себѣ всѣ факторы производства. Конечно, нормальными подобныя хозяйства признать нельзя, въ виду безбрачія рабочихъ членовъ семьи; вѣроятно же всего, что подобный обычай образовался подъ вліяніемъ вотчинно-крѣпостнаго порядка.

Что же касается до повозрастного состава семьи, то и въ этомъ отношеніи земскіе статистики допускаютъ неточности и неправильныя обобщенія. Такъ г. Щербина утверждаетъ, будто распредѣленіе дѣтей и взрослыхъ лицъ, по группамъ, различно обезпеченныхъ землей, носитъ слѣдующія характерныя особенности: чѣмъ больше земли у двора, тѣмъ больше процентъ дѣтскихъ возрастовъ и меньше процентъ рабочихъ и полурабочихъ, такъ что, если распредѣлить населеніе на шесть возрастныхъ группъ: до 1 года, 1—6 лѣтъ, 6—13 лѣтъ, 18—60 лѣтъ и свыше 60 лѣтъ, то оказывается, что между тѣмъ какъ цифры по первымъ тремъ группамъ увеличиваются отъ мало-земельныхъ группъ къ многоземельнымъ, цифры остальныхъ трехъ группъ уменьшаются въ томъ же направленіи. Однако въ приведенной табличкѣ г. Щербина даетъ только одну повозрастную группу 1—13 лѣтъ (стр. 217), между тѣмъ таблицы его (о составѣ типичныхъ хозяйствъ) для группы дѣтей до 7-лѣтняго возраста даютъ иной результатъ: у малоземельныхъ (до 5 дес.) малолѣтнихъ дѣтей оказывается больше, чѣмъ въ семьяхъ, обезпеченныхъ большимъ количествомъ земли (до 15 дес.), мы получаемъ отношеніе 2.₁ : 1.₇. Это подтверждаетъ обычное явленіе въ крестьянскомъ хозяйствѣ: по мѣрѣ возрастанія малолѣтнихъ, семья-дворъ переходитъ въ высшую группу по своей состоятельности. Разумѣется, наиболѣе состоятельныя крестьянскія семьи обыкновенно имѣютъ болѣе обширную семью, обезпеченную и большимъ количествомъ рабочей силы, т.-е. работниковъ. Во всякомъ случаѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, съ увеличеніемъ земельного обезпеченія двора, увеличивается и количество работниковъ, какъ это видно и изъ таблички г. Щербины по Воронежской губерніи:

Хозяйства имющія:	На одну семью приходится:
до 5 десятинъ	1.20 наличныхъ работниковъ
отъ 5 до 15	1.52 " "
" 15 " 25	2.07 " "
свыше 25	2.88 " "

Такимъ образомъ многомощность семьи, т.-е. наличность значительной рабочей силы въ крестьянскомъ хозяйствѣ, составляетъ одну изъ главныхъ причинъ благосостоянія крестьянъ

янскаго двора; не даромъ сами крестьяне называютъ такіе дворы богатырями ¹⁾).

Не меньшее значеніе имѣютъ въ этомъ отношеніи и личныя качества домохозяина, какъ организатора, распорядителя и главнаго рабочаго.

Къ сожалѣнію этотъ въ высшей степени важный, но субъективный элементъ не поддается статистическимъ изслѣдованіямъ, а потому оставленъ статистиками безъ всякаго вниманія. Между тѣмъ этотъ элементъ всегда игралъ видную роль въ экономическомъ развитіи человѣчества, такъ какъ на немъ именно и основана эволюція хозяйствъ. Г. Щербина въ своемъ изслѣдованіи „о крестьянскихъ бюджетахъ“ выводитъ „три историческихъ закона“, которыми регулировала жизнь людей: 1) законъ однообразныхъ потребностей, 2) законъ среднихъ потребностей и 3) законъ обособленныхъ потребностей. Первый законъ господствуетъ у дикарей, не имѣющихъ представленія о собственности. Природа даетъ имъ въ изобиліи плоды, а потому человѣку мало нужды, кто и сколько беретъ на свою долю, такъ какъ для всѣхъ хватало съ избыткомъ, потребности однообразны и удовлетворяются однообразно. Но о подобномъ состояніи исторія ничего не

1) Для тѣхъ нашихъ читателей, которые мало знакомы съ нашей крестьянской деревней, мы должны сдѣлать оговорку. Можетъ показаться совершенно естественнымъ, что при уравнительномъ землепользованіи большія семьи владѣютъ и большимъ количествомъ земли, но уравнительный процессъ никакого вліянія на многомощность семьи не имѣетъ; напротивъ, онъ всегда ведетъ къ уменьшенію семейнаго состава, хотя многіе статистики, разумѣется, утверждаютъ обратное. Всѣ статистическія данныя г. Щербины и др. относятся къ селеніямъ, не производящимъ передѣловъ, т. е. фактически перешедшимъ къ подворно-наслѣдственной формѣ (конечно, до поры до времени). Поэтому и г. Щербина умалчиваетъ о вліяніи передѣловъ на многомощность семьи, и въ этомъ случаѣ поступаетъ вполне благоразумно. Семейные раздѣлы всегда составляютъ главную причину измельченія семьи, но семейные раздѣлы присущи только уравнительному землепользованію. Вотъ почему семьи заимщиковъ въ Сибири имѣютъ иногда громадный составъ. Но и при передѣлахъ многомощная семья получаетъ большій надѣлъ не въ силу принципа уравниенія, а потому что она *можетъ* владѣть большимъ надѣломъ, т.-е. получаетъ большій надѣлъ *вопреки уравнительнаго принципа*, такъ какъ передѣлы по работникамъ увеличиваютъ дифференціацію крестьянскихъ хозяйствъ, а не уменьшаютъ таковую.

знаеть. Г. Щербина принялъ фантазіи одностороннихъ изслѣдователей за чистую монету. Исторія челоуѣчества не знаеть примитивнаго коммунизма, кромѣ коммунизма семьи, который благополучно сохранился до нашего времени у цивилизованныхъ народовъ. Конечно, было время, когда челоуѣкъ бродилъ по землѣ какъ животное, и питался, какъ питаются животные. Но тогда онъ не хозяйничалъ. Когда же челоуѣкъ опредѣлилъ себя какъ хозяйственный субъектъ, онъ сталъ производить и, слѣдовательно, потреблять. А такъ какъ самоопредѣленіе есть актъ индивидуальной воли, то и удовлетвореніе потребностей не могло быть однообразнымъ, но сообразовалось съ желаніемъ или волею даннаго субъекта и соразмѣрялось съ его энергіею какъ производителя. Разумѣется, въ тѣхъ мѣстностяхъ земнаго шара, гдѣ природа особенно таровата, гдѣ для удовлетворенія своихъ естественныхъ потребностей отъ челоуѣка требовалась минимальная доля энергіи, производительная дѣятельность была ничтожна, и потребности удовлетворялись однообразно, но и хозяйственная дѣятельность челоуѣка была тоже ничтожна. Тутъ, строго говоря, и закона-то никакого нѣтъ, потому что не къ чему его приложить. Но какъ только челоуѣкъ начинаетъ производить, развиваются и его потребности и обособляются въ той мѣрѣ, въ какой обособляется личность челоуѣческая и его производительная энергія. Извѣстное однообразіе потребностей и такъ называемыя среднія потребности являются результатами соціальныхъ условій, болѣе или менѣе однообразныхъ для данныхъ группъ населенія, при чемъ богатые удовлетворяютъ свои потребности почти одинаково съ болѣе бѣдными того соціального класса, къ которому они принадлежатъ ¹⁾. Обособленіе классовъ, какъ соціальная эволюція, является естественнымъ ходомъ исторіи челоуѣчества и вовсе не было результатомъ „грубой силы“, какъ выражается г. Щербина. Такъ владѣніе землею въ эпоху вотчинную требовало отъ челоуѣка особой энергіи—самопожертвова-

¹⁾ Это тоже подтверждается нашимъ анализомъ крестьянскаго хозяйства въ Забайкальскомъ краѣ. Бѣдные дворы питаются совершенно такъ же, какъ и богатые (см. стр. 104).

нія, на которое были способны не всѣ люди, и которое въ то время называлось доблестью. Точно также и въ наше время тѣ же процессы совершаются путемъ не „утонченной капиталистической экспроприаціи“ (слова г. Щербины), а той же энергіей, которая не у всѣхъ людей одинакова. „Капиталистическій“ строй нашего времени нисколько не увеличилъ обособленіе потребностей въ классахъ населенія, а, напротивъ, скорѣе нивеллируетъ ихъ, приближая низшіе классы къ высшимъ по удовлетворенію ихъ потребностей. То, что прежде считалось чуть ли не роскошью даже въ высшихъ классахъ, въ настоящее время признается необходимой потребностью низшихъ. Выдуманные г. Щербиной „законы“ потребностей принадлежать его фантазіи.

Сущностью крестьянства, какъ хозяйства домашняго очага, опредѣляются и всѣ его элементы производительные и потребительные.

Крестьянинъ производитъ продукты прежде всего для личнаго своего потребленія; крестьянское хозяйство всегда сохраняетъ въ себѣ характеръ натурального; оно производитъ то, что само потребляетъ. Для земледѣлія этотъ фактъ имѣетъ громадное значеніе, ибо, рано или поздно, приводитъ къ самой раціональной культурѣ полей—къ интенсификаціи земледѣлія, увеличивающей постоянно плодородіе земли. Но и въ другихъ отношеніяхъ крестьянское хозяйство является весьма важнымъ факторомъ, производства для страны.

Геній мелкаго хозяйства заключается въ разнообразіи культуръ, а результатомъ этого разнообразія являются продукты высшаго достоинства. Индивидуализмъ крестьянскаго хозяйства даетъ возможность хозяину-производителю посвящать всю свою энергію на лучшій уходъ и выращиваніе того, что онъ производитъ. Конечно, подобное разнообразіе культуръ возможно лишь при наличности рынковъ, слѣдовательно крестьянское хозяйство отчасти теряетъ свой характеръ, обращаясь въ мѣновое, денежное; но сохраняя въ себѣ всѣ остальные черты семейнаго хозяйства, оно остается, по существу своему, крестьянскимъ. И при разнообразіи культуръ крестьянинъ продолжаетъ производить то, что ему выгоднѣе для личнаго своего потребленія, употребляя лишь особую энергію

на производство предметовъ, наиболѣе выгодныхъ для обмѣна, т.-е. для продажи на рынкѣ. Въ случаѣ измѣненія требованій рынка, крестьянинъ разнообразить и свои спеціальныя культуры, легко переходя отъ одной къ другой, болѣе цѣнной, что для крупнаго производства представляется иногда невозможнымъ, ибо ведетъ къ полной ломкѣ всего хозяйства. Потому-то упадокъ хлѣбныхъ цѣнъ на европейскихъ рынкахъ отразился весьма слабо на благосостояніи крестьянскихъ хозяйствъ культурныхъ народовъ Европы, что рѣшительно удостоверяется всѣми экономистами, близко знакомыми съ земледѣліемъ и крестьянскимъ хозяйствомъ своей страны.

Натуральный характеръ крестьянскихъ хозяйствъ, разумѣется, наиболѣе отражается на потребительныхъ элементахъ этихъ хозяйствъ. Личныя потребности крестьянина всегда составляютъ львиную долю его расходовъ и удовлетворяются они преимущественно натурою. И хозяйственныя свои потребности крестьянинъ стремится удовлетворить по возможности тоже натурою, но все-таки тратитъ деньгами здѣсь значительно болѣе, чѣмъ при удовлетвореніи своихъ личныхъ потребностей. Чѣмъ обширнѣе и богаче крестьянское хозяйство, тѣмъ больше тратитъ оно денегъ на свои хозяйственныя потребности ¹⁾. Конечно, при этомъ играютъ особую роль формы крестьянскаго хозяйства. Крестьяне, арендующіе землю для своего хозяйства, занимающіеся домашними индустріями, промыслами и заработками, будутъ всегда получать болѣе денежныхъ доходовъ для своего потребленія, чѣмъ чисто земледѣльческія хозяйства.

Вслѣдствіе этого потребности первой категоріи крестьянъ болѣе разнообразны, и они удовлетворяютъ ихъ съ большею роскошью, чѣмъ крестьяне земледѣльцы. Этотъ фактъ отмѣченъ земскими статистиками ²⁾. У г. Щербины ³⁾ приведена

¹⁾ Это мы старались выяснить въ нашемъ анализѣ врестьянскихъ хозяйствъ въ Забайкальскомъ краѣ, см. стр. 88. То же подтверждается и выводами г. Щербины, хотя онъ почему-то счелъ нужнымъ примѣнить этотъ анализъ къ хозяйствамъ, дающимъ батраковъ и нанимающихъ ихъ,

²⁾ У г. Щербины, стр. 233.

³⁾ Бюджеты, стр. 235.

слѣдующая табличка, выражающая денежные доходы крестьянскихъ хозяйствъ въ различныхъ группахъ:

Хозяйства:	Доходы на одну душу въ руб. и коп.					Итого:
	Торг. и торг. пром. пред.	Сельск. хоз.	Личные пром.	Промыш. завед.	Разныя статьи.	
Безземельныя . . .	56.64	6.78	20.60	7.31	6.81	93.15
Имѣющія до 5 дес. .	15.54	20.01	14.01	2.58	2.21	54.26
„ 5—15 „ .	11.95	25.82	8.09	2.33	2.05	50.18
„ 15—25 „ .	8.05	25.75	5.59	2.09	1.53	43.01
„ свыше 25 „ .	11.36	32.95	3.05	2.70	1.17	52.25

Г. Щербина дѣлаетъ такое заключеніе изъ приведенныхъ данныхъ: противорѣчіе съ ходячими (!) понятіями и статистическими данными, неопровержимо (!?) доказывающими, что земля служитъ основнымъ факторомъ крестьянскаго благосостоянія, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что накопленіе капитала въ данныхъ эксплуатирующихъ хозяйствахъ совершается не столько прямымъ производительнымъ путемъ на счетъ „прибавочныхъ цѣнностей“, получаемыхъ хозяиномъ-предпринимателемъ непосредственно отъ производства, сколько отъ процессовъ такъ назыв. предкапиталистическаго накопленія путемъ полученія „непомѣрныхъ“ процентовъ, нажимокъ, высокой торговой прибыли, чисто кулацкихъ предприятий, какъ переарендовка земли, ссуды денегъ, барышничества и т. п. По объясненію г. Щербины, личные промыслы безземельныхъ оказываются доходами „свободныхъ профессій“ въ роляхъ сидѣльцевъ, приказчиковъ и пр. посредниковъ по обираиію крестьянина. Намъ кажется, что земскимъ статистикамъ и другимъ изслѣдователямъ того же направленія слѣдовало бы уже давно отказаться отъ рекламныхъ выходовъ, вовсе не научныхъ и ничего не разъясняющихъ въ экономическихъ явленіяхъ крестьянской жизни ¹⁾

¹⁾ Поэтому мы посовѣтовали бы и г. Щербинѣ отказаться отъ выраженія „прибавочная цѣнность“. Цѣнности создаютъ всѣ факторы производства; терминологія К. Маркса не принята наукою. Крестьянинъ, конечно, тратитъ большую часть своей «прибавочной цѣнности» на содержаніе себя и своего семейства, но добрый хозяинъ экономитъ и увеличиваетъ свое производство, стараясь поднять плодородіе земли и улучшить свой инвен-

По справедливому замѣчанію А. Н. Энгельгардта („Письма изъ деревни), всякій крестьянинъ болѣе или менѣе „кулакъ“, всякій желаетъ быть „щукою“, и никто не желаетъ играть роль „карася“. Въ этихъ, конечно, наивныхъ по формѣ, выраженіяхъ крестьянинъ совершенно вѣрно опредѣляетъ сущность и цѣль экономическихъ дѣйствій, относя ихъ къ категоріи личнаго интереса и пользы. Обязательными же нормами для этихъ дѣйствій, по существу своему свободныхъ, могутъ быть только нормы юридическія, правомѣрныя ¹⁾. Если же въ нашей деревнѣ экономическія явленія получаютъ аномальный характеръ кулачества и т. п., то нашъ крестьянинъ въ этомъ менѣе всего виноватъ. Наша русская интеллигенція, создавъ и поддерживая въ нашей деревнѣ строй жизни, лишенный всякой правомѣрности, тѣмъ самымъ силою вещей заставляя нашего крестьянина опредѣлять свои экономическія дѣйствія и отношенія не въ предѣлахъ установленнаго правопорядка и нормальныхъ экономическихъ явленій, а соображеніями, относящимися къ категоріи случайностей, гдѣ хитрость, пронырство и „счастіе“ играютъ главную роль.

И вотъ земская интеллигенція, въ лицѣ своихъ статистиковъ и другихъ изслѣдователей, обвиняетъ какъ разъ наиболее обездоленный классъ крестьянъ (безземельныхъ) за то, что онъ старается приноровиться къ ложной соціальной конъюнктурѣ и не желаетъ помирать съ голода и морить своихъ присныхъ. Впрочемъ обвиненіе г. Щербины безземельныхъ въ кулачествѣ не подтверждается фактами. Мы пересмотрѣли

тарь, слѣдовательно, увеличиваетъ ренту (или даже прикупаетъ землицы) и капиталъ; разумѣется, въ богатомъ дворѣ рабочіе и лучше ѣдятъ и лучше одѣты.

Въ нашемъ анализѣ хозяйствъ крестьянъ въ Забайкальскомъ краѣ мы указывали на тотъ фактъ, что богатые крестьянскіе дворы отъ земледѣлія и скотоводства выручаютъ пропорціанально болѣе по своему бюджету, чѣмъ бѣдные. Изслѣдованіе г. Щербины подтверждаетъ указанный нами фактъ. У богатыхъ земледѣліе даетъ 39.31% денежнаго дохода, скотоводство—17.06%, а личные промыслы—11.88%; у бѣдныхъ—личные промыслы—62.86% денежныхъ поступленій, отъ земледѣлія — 16.49%, отъ скотоводства—10.37%.

1) Такъ какъ юридическія нормы обязательно принудительныя.

всѣ характеристики безземельныхъ хозяйствъ, приложенныя къ бюджетнымъ таблицамъ книги г. Щербины, и не нашли ни одного „кулацкаго“ хозяйства, не нашли ни одного хозяина, занимающагося „переарендовкою“ земли ¹⁾.

Интересно, что г. Щербина раздѣлилъ крестьянскія хозяйства на три группы: батрачныя, нейтральныя и съ наемными батраками.

Первая группа заключаетъ въ себѣ, по его мнѣнію, хозяйства эксплуатируемыя, т.-е. такія, которыхъ другія эксплуатируютъ въ свою пользу, а послѣдняя группа, наоборотъ, представляетъ эксплуататоровъ.

Приведенная г. Щербиной табличка даетъ слѣдующія цифры (принято за сто 176.821 хозяйство 6 уѣздовъ):

По хозяйствамъ:	Сколько составляютъ хозяйства:			Итого.
	батрачныя,	нейтральныя,	съ наемными батраками,	
Безземельнымъ	0.63	3.77	0.06	4.46
Имѣющимъ до 5 дес.	3.09	20.57	0.77	24.43
„ 5—15 „	5.64	38.27	2.21	46.12
„ 15—25 „	1.96	14.00	1.39	17.35
„ свыше 25 „	0.46	5.97	1.21	7.64
По 6 уѣздамъ	11.78	82.58	5.64	100 ⁰ / ₀

1) Только два хозяина оказались «средними» по зажиточности: № 2 съ ремесленно-промышленнымъ характеромъ (кузнецъ) и № 5, земледѣльческое на арендной землѣ. Въ группѣ «богатѣевъ» (владѣющихъ свыше 25 дес.) мы тоже не нашли «кулацкихъ» занятій. Лишь про № 214 сказано, что прежде землю не арендовали, но послѣдніе урожайные годы «подзадорили» и начали арендовать «съ промышленною цѣлью»; что означаетъ послѣдняя фраза—неизвѣстно. № 228, судя по характеристикѣ, богатое и сложное; его заподозрили въ „утайкѣ“. Однако составитель бюджета характеризуетъ хозяина и его братьевъ-работниковъ какъ „сѣрыхъ мужиковъ“, любящихъ землю и земледѣліе. Если эти хозяйства не типичныя, то зачѣмъ же статистики ихъ регистрировали?

П. П. Семеновъ въ своемъ изслѣдованіи, приводитъ примѣръ богатаго двора (отстав. солдата) съ оборотнымъ капиталомъ въ 3000 руб. Это несомнѣнно кулакъ, арендующій и сдающій крестьянамъ землю, скупающій у нихъ хлѣбъ на корню; во дворѣ только 1 свой рабочій, но 2 батрака зимою и 4 лѣтомъ. И все-таки и этотъ кулакъ—пахарь, а вовсе не „кровопійца“. Другой примѣръ богатаго двора съ оборотнымъ капиталомъ въ 1000 руб. крестьянскій земледѣльческій, а вовсе не кулацкій; запашки 10 десятинъ въ полѣ. Дворъ имѣетъ 12 человекъ, мельницу, молотилку и занимается извозомъ.

Такимъ образомъ въ каждой земельной группѣ оказываются „эксплоатируемыя и эксплуатирующія“. Что группа, имѣющая свыше 25 дес., нуждается въ батракахъ, болѣе чѣмъ другія; само собою разумѣется; высокій же $\%$ съ наемными батраками объясняется сравнительно ничтожнымъ числомъ этой группы (7.64): совершенно очевидно, что при ничтожности этого числа всякое хозяйство съ батраками составитъ весьма большой процентъ общаго ея числа. Между тѣмъ г. Щербина даетъ заключеніе въ томъ смыслѣ, что данныя о батрачныхъ хозяйствахъ имѣютъ нѣкоторую тенденцію понижаться сверху внизъ, а данныя о хозяйствахъ съ наемными батраками, наоборотъ, повышаются въ томъ же направленіи, чего мы рѣшительно не видимъ. Группу же безземельныхъ, конечно, нельзя сопоставлять съ группой владѣющихъ болѣе 25 дес. (какъ это сдѣлалъ г. Щербина). Вообще мы здѣсь встрѣчаемся съ однимъ изъ тѣхъ приемовъ, которыми земскіе статистики любятъ „пускать пыль въ глаза большой публики съ извѣстной тенденціозной цѣлью ¹⁾).

Нѣкоторыя отрасли сельскаго хозяйства по самому существу своему, по техникѣ, требуютъ мелкой крестьянской формы культуры, а не крупной капиталистической (торгово-промышленной). Таково садоводство, огородничество и элеважъ скота. Относительно послѣдняго всѣ сомнѣнія разсѣяны французскими изслѣдователями-экономистами. И точно: лучший уходъ за скотомъ тотъ, который приноравливается къ индивидуальнымъ свойствамъ и качествамъ cadaго экземпляра выращиваемаго скота.

Посмотримъ теперь, насколько общинный принципъ согласуется съ сущностью крестьянства, какъ особой экономической категоріи. Ученый иностранецъ, путешествовавшій по Россіи, усмотрѣлъ въ нашей великорусской общинѣ „патріархальныя“ начала. Что иностранецъ могъ ошибиться при опредѣленіи бытовыхъ институтовъ русскаго народа, совер-

¹⁾ Замѣтимъ, что эта „пыль“ даже не достигаетъ цѣли: мы видѣли, что земельное обезпеченіе у крестьянъ всегда идетъ рука-объ-руку съ обезпеченіемъ хозяйства другими элементами и прежде всего — рабочею силою. Этимъ именно объясняется, почему даже группа, владѣющая 5—15 дес., имѣетъ 2.21 $\%$ съ наемными батраками.

шенно естественно, но какъ могли ошибаться русскіе люди, русскіе изслѣдователи? Правда, помѣщичья власть всегда считала себя „патріархальною“: вотчинная власть искала себѣ опоры въ этомъ началѣ потому, что всякое иное частное начало вело къ ея крушенію. Рабы и крѣпостные всегда причислялись къ семейству господина. Римское выраженіе „familia“ означало рабство, да и у насъ выраженіе рабъ и ребенокъ — одного корня. Но въ дѣйствительности крѣпостное право всегда было вотчиннымъ институтомъ съ соціально-политическимъ характеромъ; семейно-патріархальнымъ оно никогда не было.

У насъ же въ Россіи оно получило значеніе государственнаго тягла; помѣщичьи крестьяне были такими же государственными тягольщиками, какъ и государственные, хотя и состояли подъ частной властью вотчинника. Поэтому никакими семейственными правами наши крестьяне не пользовались; помѣщикъ спаривалъ своихъ „подданныхъ“, какъ спариваютъ скотъ — власть его въ этомъ отношеніи была безгранична. Въ настоящее время такое же разлагающее вліяніе на крестьянскую семью оказываетъ община. Общинный дворъ — не семейный дворъ; большакъ не родительская власть. Большакъ — тягольщикъ, отвѣтственный податной субъектъ. Семейные раздѣлы нашихъ крестьянъ-общинниковъ служатъ прямымъ указаніемъ разлагающаго вліянія общины на семейный бытъ крестьянъ. И вотъ государственная власть, руководствуясь старой традиціонной привычкой вотчинно-крѣпостныхъ порядковъ, издало „законъ“ о семейныхъ раздѣлахъ.

Только невѣроятной односторонностью предвзятой мысли можно себѣ объяснить упорную защиту этого нелѣпаго закона. Всѣ признаютъ, что онъ не имѣлъ никакого вліянія на уменьшеніе семейныхъ раздѣловъ: крестьяне продолжаютъ дѣлиться „самовольно“, вопреки приговорамъ міра; возникли осложненія, въ высшей степени вредныя и въ экономическомъ, и въ нравственно-бытовомъ отношеніи. И тѣмъ не менѣе всѣ требуютъ сохраненія закона, давая разные рецепты для тѣхъ или другихъ измѣненій или дополненій его правилъ. На первомъ мѣстѣ ставятъ необходимость уста-

новленія репрессій до розогъ включительно. Но эта репрессія примѣнялась неоднократно и не привела къ цѣли: послѣ наказанія, крестьяне, возвратясь домой, продолжались жить раздѣльно. Невольно вспоминается юмористическій разсказъ А. Н. Энгельгардта о нѣмцѣ и бѣломъ медвѣдѣ¹⁾.

Добрые пахари, умные дѣльные крестьяне прекрасно сознаютъ связь между общиной и семейными раздѣлами. Родительская власть не имѣетъ никакого значенія въ общинномъ дворѣ; напротивъ, община только ее развращаетъ. Съ одной стороны развивается непростительная грубость дѣтей къ родителямъ, а съ другой стороны—деспотизмъ родителя-большака надъ сыновьями-работниками и взаимная эксплуатація другъ друга. Ничего подобнаго въ подворно-семейномъ русскомъ крестьянствѣ мы не встрѣчаемъ. Община развращала и развращаетъ русское крестьянство въ конецъ.

Наши уравниатели не отрицаютъ противорѣчія между крестьянскимъ подворнымъ хозяйствомъ и общиннымъ уравниательнымъ землепользованиемъ. Они смотрятъ на послѣднее какъ на „эмбрионъ“ будущаго социальнаго строя. Противорѣчїе должно разрѣшиться въ формѣ „общиннаго производства“²⁾, и вся задача аграрной политики должна заключаться въ томъ, чтобы поддержать жизнеспособность „эмбриона“, пока русское крестьянство, окончательно разложившись, не принуждено будетъ перейти къ этой высшей формѣ социальнаго строя. Во всякомъ случаѣ нашимъ уравниателямъ слѣдуетъ высказать свои мечтанія и вожделѣнїя ясно и прямо, съ полною откровенностью, высказать, что крестьянство вообще, и русское въ особенности, они признаютъ отжившей экономической категорїей. Г. Качоровскій критикуетъ „Марксистовъ“, которые проповѣдуютъ въ сущности то же самое, что и онъ, и защищаетъ „народниковъ“ только потому, что тѣ не отдають себѣ ясно отчета въ томъ, что проповѣдуютъ. Крестьянство и общинное производство,—какъ экономическія категорїи, основаны на различныхъ принципахъ, другъ другу противоположныхъ. Крестьянство основано на полномъ инди-

1) А. Н. Энгельгардтъ, «Письма изъ деревни», стр. 152.

2) Качоровскій стр. 430.

видуализмъ, требуетъ полной свободы, личной и имущественной, и непременно твердаго правомѣрнаго порядка; общинное производство допустимо только подъ условіемъ принудительной организаціи, съ отрицаніемъ личной и имущественной свободы и семейственнаго права: установленіе правомѣрнаго порядка здѣсь немислимо, такъ какъ отрицаются главные его основы: личность и собственность; „блага“ земныя будутъ распредѣляться между членами общины велѣніями большинства, а такъ какъ велѣнія большинства являются результатами ожесточенной борьбы интересовъ отдѣльных членовъ общины, то общины будутъ находиться въ положеніи постоянной анархіи и неправомѣрнаго порядка; всѣ работы и проч. тоже будутъ организоваться велѣніями большинства принудительно, и такъ какъ человѣку свойственно сваливать свои тяготы на другихъ, то должна быть организована система репрессій; имущественная репрессія здѣсь не мыслима, ибо члены не имѣютъ собственности, остается репрессія личная. Но и личная репрессія въ формѣ лишенія свободы непримѣнима къ лѣнтяямъ, и придется приложить къ нимъ репрессію тѣлесную въ той или другой формѣ ¹⁾).

Наши уравниатели не дали намъ даже легкаго абриса организаціи обобщественнаго производства для сельскаго хозяйства. Существующіе „эмбрионы“ уравнительнаго землепользованія созданы искусственно: крестьяне были „водворены“ на земляхъ помѣщиковъ и казны и составили общинные союзы владѣльцевъ земли въ силу выкупныхъ актовъ.

Мы видѣли, что эти союзы водворенныхъ земледѣльцевъ заключаютъ въ себѣ крупныя экономическіе и иные дефекты. Общинное производство не можетъ быть организовано при посредствѣ подобныхъ союзовъ; нужно выдумать другіе. Если это будутъ фермы, то необходимо предварительно обсудить цѣль и назначеніе этихъ фермъ, сообразуясь съ почвенными и климатическими условіями, рынками и проч. Кто же все обсудитъ и организуетъ: земство или правительство?

¹⁾ Такихъ „союзовъ“ исторія человѣчества не знаетъ. Въ Римѣ были рабы республики, но они не были организованы въ союзы, распредѣляющіе ихъ работу и „блага земныя“.

Фантазировать на эту тему можно сколько угодно, но разрушать и разлагать вѣковое русское крестьянство во имя этихъ фантазій даже не смѣшно. Русское крестьянство было закрѣпощено и организовано въ общины съ уравнительнымъ землепользованиемъ, но оно не потеряло окончательно своего подворно-семейнаго характера, потому что крестьянинъ остался человѣкомъ, не выродился въ двуногое животное, и вотчинная власть не отрицала въ немъ образа Божьяго, раздѣляя вмѣстѣ съ крестьянствомъ, которымъ оно владѣло, религиозно-нравственныя воззрѣнія христіанскаго міросозерцанія. Крестьянство на Руси не погибло и дотянуло до великаго дня 19 февраля 1861 года. Оно не подверглось участи несчастнаго чернаго племени Сѣв.-Американскихъ Штатовъ. Крѣпостное право не было рабствомъ; оно сохранило форму семейно-подворнаго хозяйства, хотя пользовалось нерѣдко приемами „обобществленнаго“ труда. Да и самое общинное землепользованіе носило иной характеръ, чѣмъ нынѣ; уравнительный процессъ примѣнялся изрѣдка въ исключительныхъ случаяхъ.

Для развитія „эмбриона“ не хватало почвы; попытки нѣкоторыхъ помѣщиковъ встрѣтили противодѣйствіе въ прямыхъ или непрямыхъ распоряженіяхъ государственной власти. Пролетаризація крестьянъ вела къ учрежденію правительственныхъ опекъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго, мы думаемъ, что для развитія общиннаго производства у насъ нѣтъ твердой почвы, а потому „эмбрионъ“, высосавъ всѣ соки изъ нашего крестьянства, при содѣйствіи уравнительнаго землепользованія, помереть вмѣстѣ съ этой крѣпостной формой земельныхъ отношеній крестьянъ. Разумѣется, этотъ процессъ разложенія „эмбриона“ можетъ затянуться. Въ настоящее время наша интеллигенція придумала новый способъ оживленія эмбриона—посредствомъ учрежденія мелкой земской единицы. На первый взглядъ придумано недурно. Освобожденное крестьянство даетъ все менѣе и менѣе соковъ для оживленія „эмбриона“; необходимо привлечь для его питанія индустрію. Расчетъ этотъ, однако, невѣренъ. Наша молодая индустрія распредѣлена крайне неравномѣрно по русской территоріи.

Большая часть сельской Россіи почти совершенно ея лишена. На чей же счетъ будутъ содержаться въ черноземной полосѣ Россіи и отчасти на ея сѣверѣ новыя „всесловныя“ (?) земскія единицы? Если наши землевладѣльцы-дворяне молчатъ или даже сочувствуютъ новой интеллигентной затѣѣ, то не безъ лукавства. Они знаютъ, что всѣ ихъ земли и сейчасъ находятся въ рукахъ крестьянъ, а потому новую податную тягость они преспокойно свалятъ на того же мужика-крестьянина. Въ результатѣ мы получимъ новое бюрократическое учрежденіе съ должнымъ штатомъ земскихъ „пустырниковъ“ съ приличными окладами, оплачиваемыми тѣмъ же русскимъ мужикомъ.

Конечно, земскія агрономическія организаціи промышленнаго района процвѣтутъ, но и наша молодая индустрія не можетъ вѣчно играть роль дойной коровы для земства и его организацій; весьма легко можетъ случиться нѣчто, что заставитъ нашу земскую интеллигенцію вздохнуть о томъ блаженномъ времени, когда никакихъ агрономическихъ земскихъ организацій не было и о мелкой земской единицѣ никто не мечталъ ¹⁾.

Мы считаемъ неумѣстнымъ говорить здѣсь подробно о новой затѣѣ нашей интеллигенціи ²⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что, рано или поздно, въ нашей сельской жизни появятся новые элементы, требующіе реорганизаціи нашего волостного самоуправленія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такіе элементы уже существуютъ, и сама жизнь начинаетъ создавать нѣчто въ родѣ „всесловной“ земской единицы или всесловнаго завѣдованія хозяйственными дѣлами общины. Для выясненія нашей мысли приведемъ примѣры, интересные и въ другомъ отношеніи. Ижевская волость Зарайскаго у. Рязанской губерніи состоитъ изъ селъ Ижевскаго, Малышева (Николь-

¹⁾ Замѣтимъ, что обремененіе индустріи налогами въ пользу земской интеллигенціи и ея крестьянскихъ „агрономій“ встрѣтитъ препятствіе со стороны правительства, которое и сейчасъ послѣдовательно увеличиваетъ податное бремя за счетъ нашей индустріи, а съ „одного вола двухъ шкуръ не дерутъ“.

²⁾ Впрочемъ, это затѣя не особенно новая. Нова лишь энергія агитаціи въ пользу всесловной земской единицы.

ское) и Стариково и деревень: Воскресенской, Дмитриевской, Малевской, Зыкеевой и Аграфенинской. Всѣ эти селенія составляли собственность ген.-ад. Николая Ивановича Демидова, который въ 1832 г. отпустилъ своихъ крестьянъ на волю, на основ. закона 1803 г., въ классъ „свободныхъ хлѣбопашцевъ“, по договору, заключенному 29 сентября 1832 года. Въ силу этого договора крестьяне Демидова въ составѣ 5.135 душъ м. п. по 7-й ревизіи, получили въ вѣчную потомственную собственность всѣ земли при с. Ижевскомъ въ количествѣ 34.850 дес. 1.758 саж. на слѣдующихъ условіяхъ: они приняли на себя обязательство заплатить въ продолженіе 36 лѣтъ долги своего помѣщика по 77.250 р. асс. ежегодно, уплатить помѣщику въ теченіе трехъ лѣтъ выкупа 650.000 р. и, сверхъ того, до уплаты означеннаго капитала обязались вносить въ теченіе 15 лѣтъ оброка въ количествѣ 22.000 руб. ¹⁾).

„По состоянію въ общемъ владѣніи уступаемыхъ земель“, говорится въ условіи, „предоставляется самимъ крестьянамъ размежевываться въ оныхъ съ смежными владѣльцами при посредствѣ мѣстнаго начальства и раздѣлить ихъ между собою на участки по семействамъ съ общаго согласія уравнительно и безобидно, безъ всякаго въ томъ со стороны помѣщика участія“. Однако крестьяне не разверстались на семейные участки, а продолжали владѣть черезполосно, при чемъ установился порядокъ землепользованія съ буквальной точностью напоминающей пореформенное землепользованіе нашихъ крестьянъ съ ревизской разверсткой (наслѣдственное). Въ Ижевскомъ волостномъ правленіи была заведена книга, въ которой отмѣчалось за каждымъ домохозяевымъ: 1) число ревизскихъ душъ, 2) число выкупленныхъ до срока ²⁾ участковъ и оброчныхъ и 3) количество недоимокъ за каждымъ владѣльцемъ. Въ двухъ послѣднихъ графахъ записывались опредѣленія „комитета“ (выбр. отъ крестьянъ) и приговоры волостнаго схода по болѣе важнымъ случаямъ. Сначала между крестьянами практиковалась широко свалка - навалка

1) Читатель можетъ судить по этому примѣру, какъ либеральны и легки „тяжести“ крестьянъ, освобожденныхъ Положеніемъ 19 февраля 1861 г.

2) Такимъ образомъ крестьяне сами установили для себя 165 ст. Полож. о выкупѣ. Avis au lecteur!

душъ, что неудивительно въ виду тяжелыхъ условій выкупа. Въ 1867 г., когда крестьяне откупились, былъ произведенъ комитетомъ учетъ всѣмъ участкамъ, и свалка-навалка прекратилась. Съ этого года участки отбираются у недоимщиковъ временно и, по уплатѣ недоимки, возвращаются владѣльцамъ обратно, т. е. землепользованіе получило характеръ подворно-наслѣдственнаго владѣнія нашихъ окраинъ. До 1875 года отбирали землю за недоимку въ 30 р., но въ 1877 г. состоялось постановленіе отбирать землю за недоимку въ 20 р. Въ 1887 г. такихъ участковъ было отобрано обществомъ 367, но въ настоящее время, вслѣдствіе высокой арендной платы, отбирание участковъ прекратилось. Вся надѣльная земля Ижевской общины распредѣляется на 5207 участковъ (на каждый участокъ приходится 5,7 дес. разныхъ угодій). Пашня расположена черезполосно (передѣлы производятся чрезъ 15 лѣтъ), луга (заливные) раздѣляются на круга въ 5100 участковъ съ жеребьевкой каждые 5 лѣтъ по тысячамъ и ежегодно по жребію, но доли владѣльцевъ, конечно, неизмѣнны и наслѣдственны. Каждая тысяча дѣлится на сотни, четвертки и десятки, 47 участковъ не передѣляются, а 60 (двухъ упраздненныхъ деревень Собиной и Красной) отведены въ опредѣленномъ мѣстѣ навсегда. Передѣлы пахотной земли тѣ же жеребьевки, такъ какъ доли владѣльцевъ наслѣдственныя. Лѣсная площадь дѣлится на тысячную и общественную. Общественной пользуются всѣ владѣльцы 5147 участковъ, тысячной—каждый домовладѣлецъ только въ извѣстной тысячѣ. Крестьяне деревень Красной и Собиной имѣютъ свой отдѣльный лѣсъ. Каждый домовладѣлецъ имѣетъ право выпускать на каждый участокъ—бесплатно не болѣе 2-хъ штукъ рогатаго скота, не считая телятъ, и по 2 штуки овецъ. Безземельные пользуются правомъ выпаса подворно. Атава сдается въ аренду и деньги съ нея идутъ въ особый капиталъ на мірскіе расходы, но доходъ съ аренды участковъ и полевой земли распредѣляется между всѣми совладѣльцами (по сотнямъ). При выходѣ крестьянъ изъ общества земля остается въ пользу общины. 27 мая 1890 г. состоялось постановленіе схода о принятіи въ общество отъ желающихъ продать землю съ выдачею имъ 125 р. за участокъ (3 десятины). Такимъ

путемъ во владѣніи общества накопилось $154\frac{1}{2}$ участка—881 десят. 549 саж., а всего съ отобранными за недоимки 2974 дес. 1113 саж. или около $\frac{1}{10}$ всего надѣла Ижевскаго общества.

Въ самомъ с. Ижевскомъ есть банкъ, лавки и разныя промышленныя заведенія; между крестьянами есть настоящіе богачи. Ижевцы искони славились какъ бондари. За аренду рыбной ловли общество получаетъ свыше 1000 руб.; разумѣется, недоимокъ на обществѣ въ настоящее время не можетъ быть. Всего перешло изъ рукъ прежнихъ владѣльцевъ по даннымъ, купчимъ и исковымъ порядкомъ $252\frac{1}{2}$ участка: 65 участковъ къ мѣстнымъ крестьянамъ, $68\frac{1}{2}$ участковъ крестьянамъ постороннимъ, 31 участокъ купцамъ, 22—мѣщанамъ, 4—дворянамъ, 25—чиновникамъ, 17—церковно-служителямъ и 20—притчу (по владѣльцамъ: 5 своихъ крестьянъ, 13 чужихъ, 7 мѣщанъ, 3 купца, 2 дворянина, 2 чиновника и 2 духовныя лица).

Управляетъ обществомъ волостной сходъ изъ выборныхъ 119 человекъ и рѣшаетъ всѣ дѣла $\frac{2}{3}$ голосовъ. Но хозяйственныя дѣла владѣльцевъ рѣшаютъ на тысячныхъ сходахъ домохозяева, при чемъ безземельные не пользуются правомъ голоса. Разночинцы, владѣющіе участками, принимаютъ участие въ обсужденіи хозяйственныхъ дѣлъ, но тоже не пользуются правомъ голосованія. Этотъ недочетъ — результатъ вмѣшательства „начальства“ въ дѣла общины, и этотъ недочетъ сознаютъ крестьяне. Земскій начальникъ, въ виду „вторженія“ въ землевладѣніе Ижевской общины „постороннихъ лицъ“ далъ старшинѣ строгій приказъ отказывать судебной власти (судебнымъ приставамъ) въ своемъ содѣйствіи при исполненіи опредѣленій суда объ аукціонной продажѣ земель владѣльцевъ с. Ижевскаго, такъ какъ, по его мнѣнію, суды неправильно примѣняютъ къ крестьянамъ правила судебныхъ уставовъ 1864 г. вмѣсто сельскаго судебного устава (дореформеннаго!). Рязанскій земскій статистикъ, разумѣется, находитъ „разъясненія“ земскаго начальника правильными ¹⁾, но въ вопросѣ права земскіе статистики вообще отличаются

¹⁾ Земск. Сб. по Рязанской губ., Т. XI, стр. 105.

дѣтскою наивностью. Поэтому мы не поставимъ г. Селиванову въ вину его утвержденія, что землевладѣніе ижевскихъ крестьянъ „никакъ не можетъ считаться подворно-участковымъ въ смыслѣ, установленномъ закономъ, такъ какъ принципъ подворно-наслѣдственнаго пользованія примѣняется лишь относительно права на опредѣленную долю въ общемъ владѣніи, но не по отношенію къ опредѣленному участку земли въ разъ навсегда опредѣленномъ мѣстѣ“.

Такою же почти организацію общины имѣютъ крестьяне с. Верхняго-Бѣлоомута, принадлежавшіе извѣстному Н. П. Огареву. Въ количествѣ 1820 душъ 8-й ревизіи они были уволены своимъ помѣщикомъ въ званіе „свободныхъ хлѣбопашцевъ“ согласно договору отъ 18 октября 1840 г. Крестьяне обязались уплатить 142.857 р. 14 к. выкупной суммы, изъ коей 57.142 р. 85 к. были уплачены въ 1840 году, а остальные разсрочены на 10 лѣтъ. Кромѣ того они обязались уплатить долгъ сохранной казнѣ въ 310.000 р. асс. въ теченіе 2 лѣтъ и въ 3 года выплатить оброчную недоимку въ 11.428 р. 57 к. Повидимому крестьяне затаили исполненіе принятыхъ на себя обязательствъ, такъ какъ развязались съ ними только въ 1878 г. По договору съ Огаревымъ, крестьяне получили землю въ полную собственность, раздѣль луговой земли по ревизскимъ душамъ они были обязаны сдѣлать въ теченіе трехъ лѣтъ, послѣ чего „составленные ими между собой луговые участки и остаются въ семействахъ ихъ собственными и наслѣдственными, лѣсныя же дачи, дабы сохранить ихъ отъ произвольнаго истребленія, на участки не дѣлятся, а должны быть въ общемъ владѣніи съ правомъ пользоваться изъ оныхъ“, при чемъ отпускъ лѣса на необходимыя потребности опредѣляется мірскимъ сходомъ. Выгонная земля, рыбныя ловли и пр. тоже остаются въ общемъ владѣніи крестьянъ. Въ первое десятилѣтіе выкупа происходила у крестьянъ обычная свалка-навалка душъ, но въ 1852 г. былъ проданъ лѣсъ на расплату съ долгомъ въ опекунскій совѣтъ и составленъ комитетъ, который отобралъ у временныхъ владѣльцевъ участки и оставилъ ихъ во владѣніи общества (всего 253 участка). Луговыя земли (1197 дес. 1649 с.) дѣлятся на 1820 участковъ (слѣдовательно по числу ревизскихъ душъ), изъ коихъ 1411

принадлежать крестьянамъ села, 156—разночинцамъ и 253 обществу. Всѣ участки группируются на 7 десятковъ, каждый десятокъ на 6 урочищъ, каждое урочище на 4 выти. Каждая выть дѣлится на 65 частей. Жеребьевка участковъ ежегодная. Относительно лѣса въ общинѣ вышло недоразумѣніе. Съ уплатою выкупа началась мобилизація земли владѣльцевъ (исковымъ порядкомъ). 26 участковъ перешло къ купцамъ, 68—къ мѣщанамъ, 56—къ крестьянамъ преимущественно с. Нижняго-Бѣлоомута. Подъ вліяніемъ „начальства“ общество отказало новымъ владѣльцамъ въ пользованіи лѣсомъ, и двое новыхъ владѣльцевъ, крестьянъ с. Нижняго-Бѣлоомута, предъявили искъ къ обществу. Окружный судъ призналъ исковыя требованія истцовъ, но Палата отмѣнила рѣшеніе окружнаго суда, признавъ, что лѣсъ, въ силу акта 1846 г. (договора съ Огаревымъ), „составляя собственность общинную“, принадлежитъ обществу крестьянъ. Не знаемъ, чѣмъ кончилось это дѣло, но куріозное рѣшеніе Московской Судебной Палаты служить новымъ доказательствомъ, какъ неразборчива наша интеллигенція, даже судебная, по вопросамъ, относящимся къ имущественнымъ правамъ крестьянъ. Признавъ лѣсъ крестьянъ Верхняго-Бѣлоомута общинной собственностью, Палата не привела въ своемъ рѣшеніи ни одной статьи Положеній 19 февраля 1861 г., значить, даже не раскрывала ихъ ¹⁾!

Нѣсколько иную организацію получила община б. свободныхъ хлѣбопашцевъ с. Ловець, отпущенная помѣщикомъ Рославлевымъ въ 1814 г. въ количествѣ 1014 душъ м. п. Здѣсь луговые участки раздѣлены на пай и распредѣляются по жребію. Масса участковъ перешла въ руки другихъ лицъ (преимущественно крестьянъ) и въ настоящее время въ Ловецкомъ обществѣ двѣ группы населенія: группа владѣль-

¹⁾ Не подлежитъ сомнѣнію, что лѣсъ крестьянъ В.-Бѣлоомута принадлежитъ имъ на правѣ общей собственности. Здѣсь слѣдовало примѣнить правила 38—46 статьи Полож. о б. государственныхъ крестьянъ, о чемъ Палата, повидимому, и понятія не имѣла. Истцы-крестьяне правы. Жребіи собственниковъ были проданы съ аукціона, но общество въ силу 36 ст. Общ. Полож. и ст. 555 X т. зак. гражд. имѣло право оставить участки за собою, внеся слѣдующую по взысканіямъ сумму.

цевъ, въ которую входятъ всѣ кромѣ безземельныхъ, безъ различія сословій, образующихъ поземельный сходъ, и группа приписныхъ крестьянъ, образующихъ сословный сходъ. Натуральная повинности (административныя) и расходы по сельской администраціи несутъ только приписные по числу душъ. Явная несообразность! Здѣсь всѣ элементы сословной мелкой земской единицы налицо, и правительству слѣдовало бы дозволить обществу организовать такъ, какъ выработала сама жизнь. Всѣ сборы этой общины распределяются такъ: 1) окладные, поземельные (государственные и земскіе); ихъ несутъ всѣ владѣльцы безъ различія сословій; 2) дополнительные, которые тоже несутъ землевладѣльцы; 3) мірскіе въ тѣсномъ смыслѣ, ихъ несутъ только приписные крестьяне; 4) податные (страховые, на содержаніе пожарныхъ старость, обозъ и пр.), ихъ несутъ домовладѣльцы, т. е. всѣ владѣльцы усадебъ (и безземельные).¹⁾ Читатель видитъ, что крестьяне рѣшили довольно правильно податной вопросъ; остается лишь одно—упразднить сословный міръ, замѣнивъ его сословнымъ міромъ.

Община с. Любичъ того же уѣзда представляетъ подобныя же мірскіе порядки.

Приведенные нами примѣры организаціи самоуправляющихся общинъ крестьянъ б. свободныхъ хлѣбопашцевъ представляютъ интересъ во многихъ отношеніяхъ. Конечно, эти крестьяне были подчинены казенному вѣдомству на общемъ основаніи, но нельзя не видѣть въ ихъ организаціи творческой дѣятельности самихъ крестьянъ, иначе правительство привело бы ихъ организацію къ одному знаменателю—уравнительному землепользованію. Получивъ свободу, крестьяне попали въ то же положеніе какъ и освобожденные Положеніями крестьяне нашего времени. Явились недоимщики, и крестьянамъ пришлось рѣшить вопросъ объ ихъ имущественныхъ правахъ. Сначала свободные хлѣбопашцы рѣшили этотъ вопросъ такъ же, какъ и наши современные крестьяне, лишая недоимщиковъ надѣловъ и наваливая эти надѣлы на

¹⁾ Въ настоящемъ году (1903 г.) с. Ловець почти все выгорѣло. Прекращеніе ужасныхъ сельскихъ пожаровъ возможно лишь при подворномъ расселеніи крестьянскихъ дворовъ.

плательщиковъ, но вскорѣ крестьяне пришли къ убѣжденію въ неправомѣрности подобнаго рѣшенія вопроса, и мы видимъ, что община рѣшила его такъ, какъ это установлено Положеніями 19 февраля: владѣльцамъ предоставляется полная свобода въ распоряженіи надѣлами, но съ сохраненіемъ права за обществомъ оставить надѣлы за собою, т. е. буквально примѣняется 36 ст. Общаго Положенія 19 февраля 1861 года.

Описанныя общества не земледѣльческія, и потому естественно, что въ нихъ внѣдрились посторонніе элементы. Общество приняло ихъ и, повидимому, имѣло въ виду установить для нихъ одинаковыя права и обязанности въ вопросахъ самоуправленія какъ и для прочихъ общественниковъ, но вліяніе современнаго „начальства“ помѣшало этому естественному ходу вещей.

Конечно, явились и безземельные, что совершенно понятно въ промышленныхъ селеніяхъ; въ В.-Бѣлоомутѣ, гдѣ главную роль играютъ заливные луга и лѣсъ, надѣлы обезземеленныхъ перешли преимущественно къ крестьянамъ, и притомъ къ крестьянамъ сосѣдняго с. Н.-Бѣлоомута, въ которомъ и сейчасъ много безземельныхъ; такимъ образомъ крестьянское землевладѣніе отъ мобилизаціи ничего не потеряло. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что описанныя общины быв. свободныхъ хлѣбопашцевъ должны составлять всесословныя мелкія единицы съ полнымъ самоуправленіемъ, такъ какъ здѣсь налицо всѣ элементы „всесословности“. Но распоряженіе землепользованіемъ можетъ быть предоставлено общинамъ лишь въ предѣлахъ гражданскихъ правъ, пріобрѣтенныхъ ими скупкою надѣловъ. Эти надѣлы и составляютъ „Almende“ нашихъ общинъ, которыя постепенно пріобрѣтутъ значеніе юридическихъ лицъ и самоуправляющихся административныхъ управленій. Правительству придется признать то, что создала сама жизнь.

Мы, разумѣется, отнюдь не думаемъ отрицать необходимости вмѣшательства государственной власти при организаціи податныхъ мелкихъ земскихъ самоуправленій, но это вмѣшательство допустимо лишь послѣ тщательнаго излѣдованія каждаго отдѣльнаго случая, при соблюденіи и охранѣ

частныхъ правъ совладѣльцевъ. Постепенно скупленные общиною надѣлы сдѣлаются собственностью юридическаго лица — общины и поступятъ въ управленіе комитета или волостного управленія, которое будетъ сдавать землю бѣднѣйшимъ членамъ общины. Въ чисто земледѣльческихъ селеніяхъ едва ли подобныя общинныя земли необходимы, но во всякомъ случаѣ рѣшеніе этого вопроса должно быть предоставлено самой жизни, а потому постановленіе 36 ст. Общаго Положенія необходимо сохранить. Въ заключеніе отмѣтимъ одну черту нашей интеллигенціи, по нашему мнѣнію, очень некрасивую — какую-то злобу и ненависть къ производительнымъ силамъ русскаго народа. Съ ея точки зрѣнія эти силы въ индустрии — „толстосумы“, эксплуатирующіе рабочихъ и общество; въ землевладѣніи — ростовщики-владѣльцы, обирающіе крестьянъ; въ земледѣліи — кулаки, сосущіе кровь русскаго народа. Честной и плодотворной силою въ Россіи является только она сама — интеллигенція. На самомъ же дѣлѣ только одна русская интеллигенція и живетъ соками производителей. И свое воспитаніе, и свое образованіе, и всю свою карьеру она получаетъ и строитъ на средства „толстосумовъ“ — промышленниковъ, „ростовщиковъ“ — помѣщиковъ и „кулаковъ“ — земледѣльцевъ.

Эту замѣчательную ненависть нашей интеллигенціи къ производителямъ мы объясняемъ себѣ традиціями крѣпостнаго права; праздная жизнь и привычки „баръ“ еще въ крови нашей интеллигенціи. Много темнаго въ нашей индустрии, землевладѣніи и земледѣліи, но виноваты въ этомъ ложныя соціальныя конъюнктуры, а не производители. Между тѣмъ наша интеллигенція, ничего сама не производящая, отличается страстнымъ чувствомъ властолюбія и самодовольнымъ невѣжествомъ. Будемъ надѣяться, что въ будущемъ наша интеллигенція постепенно отдѣлается отъ своихъ крѣпостныхъ привычекъ и, съ своей стороны, сторицею будетъ возвращать русскому народу и обществу все то, что она отъ нихъ получаетъ.

Россія бѣдна, и бѣдна потому, что русскій народъ, неся свое тяжелое тягло, не могъ развить своей производительной энергіи. Достигнувъ своего идеала, ради котораго онъ

несъ на своихъ могучихъ плечахъ податное крѣпостное тягло, создавъ великую міровую Державу, русскій народъ нуждается теперь въ свободѣ: не политической, а гражданской, безъ которой хозяйственная дѣятельность субъекта не мыслима. Государственной и муниципальной хозяйственной дѣятельностью нельзя замѣнить личную энергію хозяйственнаго субъекта, ибо государственное и муниципальное хозяйства всегда основаны на монополіи, которая допустима лишь какъ исключеніе.

Главный недостатокъ общественныхъ хозяйствъ заключается въ томъ, что они неспособны приспособляться къ конъюнктурамъ, которыя неустранимы и при обобществленномъ производствѣ. Между тѣмъ международная конкуренція растетъ и обостряется. Только при условіи широкаго развитія экономической свободы и твердаго правомѣрнаго порядка государство можетъ развить въ своихъ гражданахъ ту энергію, которая необходима для сохраненія нашего государства на должной высотѣ политическаго могущества, достигнутаго вѣковыми усиліями русскаго народа¹⁾.

1) Наши марксисты признаютъ индивидуальную форму хозяйства „анархіей“, а обобщественную «порядкомъ». Мы какъ разъ обратнаго мнѣнія. Индивидуальное хозяйство, основанное на правомѣрномъ порядкѣ, не можетъ быть названо «анархією», въ основѣ его лежатъ всегда титулы гражданского права. Обобщественныя производства лишены всякихъ правовыхъ титуловъ, а потому непременно создадутъ «анархію». Какъ обстоитъ это дѣло съ экономической точки зрѣнія, мы здѣсь разъяснить не можемъ, но сдѣлаемъ это въ другомъ нашемъ трудѣ.

Во всякомъ случаѣ не можемъ не отмѣтить здѣсь невѣроятнаго противорѣчія нашихъ уравнивателей. Они нисколько не отрицаютъ полного упадка нашего крестьянства. Г. Щербина, напримѣръ, самъ указываетъ, что крестьяне Воронежской губ. въ 1892 г. не только не имѣли обычнаго до 1.5% прироста, но дали даже убыль въ 1.3%. «Плохо питающееся населеніе», продолжаетъ г. Щербина, «не только населеніе вымирающее, но и населеніе больное, дряблѣе, обезсиленное физически, бѣднѣющее и разстраивающее хозяйство въ экономическомъ отношеніи. Только хорошо питающееся и здоровое населеніе можетъ хорошо поставить и хорошо вести хозяйство. Если въ здоровомъ тѣлѣ—здоровый духъ, то и въ здоровой только пищѣ—здоровый трудъ». Все это — сама истина; но никто не можетъ дать нашему крестьянину здоровую пищу кромѣ его самого. Кормить крестьянина нельзя; онъ самъ долженъ себя кормить. Кормить крестьянина

Подводя итоги нашего настоящего труда, мы должны будем притти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Общинное уравнительное землепользованіе, съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, является неправомѣрнымъ институтомъ земельныхъ отношеній между людьми, ибо не заключаетъ въ себѣ правомѣрнаго титула, оправдывающаго подобныя отношенія. Земля распредѣляется велѣніями большинства членовъ общины, но эти велѣнія представляютъ чистѣйшій произволь, Если принять въ основаніе этихъ велѣній податную обязанность сельскихъ обществъ, то послѣднія являются не свободными союзами субъектовъ правъ, а рабскими или крѣпостными; только рабовъ и крѣпостныхъ „надѣляютъ“ имуществомъ, для отнесенія податей и повинностей“. Въ такомъ случаѣ для члена общества не существуетъ ни владѣнія, ни права, онъ несетъ лишь повинность. Субъекты правъ платятъ повинности съ своихъ имуществъ, которыми владѣютъ, а не надѣляются имуществомъ ради несенія повинности. Если принять въ основаніе велѣній большинства „потребности“ членовъ союза, то и тутъ мы не найдемъ никакого правомѣрнаго титула владѣнія. Надѣленіе членовъ общества благами ради удовлетворенія ихъ потребностей—предметъ благотворительности, а не права. Въ такомъ случаѣ наши сельскія общества превращаются въ благотворительныя заведенія, и крестьяне лишаются всякихъ вещныхъ правъ на свои надѣлы. Но тогда не только выкупъ, но и всѣ платежи крестьянъ за землю оказываются совершенно неправомѣрными; принудительное же причисленіе крестьянъ къ обществамъ равносильно тому, что ихъ посадили въ богадѣльню насильно, какъ одержимыхъ опасною для общества и неизлѣчимою болѣзнью. Подобное основаніе оказывается еще нелѣпѣе податного.

его собственная хозяйственная энергія, а потому на обязанности государства и общества лежитъ возбудить и поддержать эту энергію, а не подавлять ее. Уравнительный же процессъ подавляетъ эту энергію въ самомъ ея корнѣ. Распредѣлять землю и все связанное съ нею достояніе хозяина вопреки воли владѣльца—равносильно расхищенію энергіи земледѣльца. Неудивительно, что наше крестьянство пришло въ бѣдственное состояніе.

2) Не менѣе важны экономическія послѣдствія общиннаго уравнительнаго землепользованія. Земля, раздѣленная на коны, холмы и жеребьи, все болѣе и болѣе дробится черезполосно, пока не потеряетъ для домохозяина всякую цѣнность. Длинноземелье препятствуетъ удобренію полей, земля выпахивается до полного безплодія и становится балластомъ для крестьянина; съ уничтоженіемъ выкупа ¹⁾, крестьянинъ броситъ землю и обратится въ полного пролетарія.

Передѣлы и „уравненія“, послѣдовательно разрушая хозяйства зажиточныхъ крестьянъ и добрыхъ пахарей, съ одной стороны, создаютъ въ селеніяхъ поголовное нищенство, а съ другой—кулачество,

3) Принудительная обработка, уничтожая инициативу и и самодѣятельность хозяина, заставляетъ его вести то шаблонно-рутинное хозяйство, которое мы наблюдаемъ въ нашей крестьянской деревнѣ. Вводимыя со стороны земства улучшения не измѣняютъ этого безотраднaго положенія нашего крестьянства. Земское травосѣяніе на поляхъ крестьянъ плохо задумано и плохо выполнено; увеличивъ количество кормовъ въ селеніяхъ, оно не увеличило количества скота у крестьянъ и повело лишь къ тому, что крестьяне стали заваливать городскіе рынки клевернымъ сѣномъ, еще болѣе истощая свои поля. Пока московскіе крестьяне пахали на 2 вершка своими сохами, они истощали поверхностный слой; съ посѣвами клевера и плужной вспашкой, крестьяне нынѣ истощаютъ болѣе глубокой почвенный слой, ничего въ него не внося, т. е. ведутъ болѣе хищническое полеводство, чѣмъ прежде. И все это творится за счетъ платежей сравнительно богатаго индустриальнаго населенія Московской губерніи!

4) Отсутствие мобилизаціи между селеніями и невѣроятная мобилизація между членами общинъ создаетъ въ высшей степени аномальныя явленія въ крестьянскомъ землевладѣніи, которыя со временемъ могутъ только увеличиться. Въ однихъ селеніяхъ будутъ образоваться пустыри, въ другихъ крестьянину некуда будетъ податься; разовьется величайшая

¹⁾ Отмѣтимъ, что выкупъ можетъ быть уничтоженъ двоякимъ путемъ. или его уничтожитъ Правительство, (что мало вѣроятно для Европейской Россіи), или его сведетъ на нѣтъ община передѣлами и повинностями.

неравномѣрность въ платежахъ и повинностяхъ и т. д. Мы устроили своеобразныя китайскія стѣны между селеніями, позабывая, что всѣ эти селенія сложились искусственно, подъ вліяніемъ интересовъ вотчинно-крѣпостного режима. Исторія ломки хуторовъ нашего юга можетъ служить тому доказательствомъ. Можно положительно сказать, что въ громадномъ большинствѣ наши селенія сложились не въ интересахъ землепользованія и хозяйства крестьянъ, а вопреки имъ; вотчинная власть руководилась, при образованіи селеній, исключительно видами управленія и интересами барщиннаго хозяйства, которое она заводила по мѣрѣ разработки дикой земли степей и лѣсной тайги и обращенія таковыхъ въ культурную землю. Государство же, какъ мы видѣли, пользовалось культурной работою заимочниковъ, устанавливая общинныя территоріи волостей и селеній. Тѣмъ или инымъ путемъ, но земля, созданная трудолюбцемъ крестьяниномъ, уходила изъ его рукъ и уходитъ до сихъ поръ. Г. Качоровскій видитъ „расхищеніе“ общинной земли въ томъ, что крестьянинъ выкупаетъ свои надѣлы въ свою собственность великими трудами и тяготами, согласно закону, освободившему наше крестьянство отъ крѣпостничества; мы же, наоборотъ, видимъ въ уравнительномъ землепользованіи и отмѣнѣ 165 ст. Полож. о выкупѣ экспропріацію крестьянской земли въ пользу фикціи, именуемой „общиною“, предназначенной играть роль органа или правительственной власти, или пустырниковъ интеллигентовъ, образующихъ наше земство. Въ томъ или другомъ случаѣ подобную экспропріацію слѣдуетъ признать и неправомѣрною, и въ высшей степени вредною для русскаго крестьянства.

5) Общинное уравнительное землепользованіе противорѣчитъ идеѣ крестьянства какъ хозяйства семейнаго очага, соединяющаго въ себѣ всѣ факторы производства и, слѣдовательно, владѣніе землею. Если смотрѣть на землю, какъ на „орудіе производства“, то и при такомъ взглядѣ на этотъ необходимый факторъ земледѣлія, земля должна принадлежать производителю, который ею „орудуетъ“, а не фиктивному лицу — обществу. Только земледѣлецъ-хозяинъ можетъ рѣшить, какъ и въ какомъ размѣрѣ ему необходимо

это „орудіе“. Уравнительное землепользованіе противорѣчитъ и другому началу семейнаго института—наслѣдственному праву. Домохозяинъ трудится и хозяйствуется не только лично для себя, но и для своихъ дѣтей, и надежда оставить свое достояніе дѣтямъ придаетъ его хозяйству особую устойчивость. Противорѣчіе уравнительнаго землепользованія семейнымъ началамъ отражается на нашей крестьянской деревнѣ разложеніемъ семьи, упадкомъ авторитета родительской власти и иногда невѣроятнымъ развратомъ. Семейные раздѣлы нашихъ крестьянъ являются естественнымъ слѣдствіемъ разложенія семьи общиною. При подворно-наслѣдственномъ владѣніи дѣти дѣлятъ семейное имущество послѣ смерти своихъ родителей, при уравнительномъ землепользованіи каждый взрослый семейный рабочій имѣетъ право получить „надѣлъ“, и каждый стремится получить его при всякомъ поводѣ, особенно при передѣлахъ. Вдовы же и сироты часто выгоняются на улицу. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если вдовы вновь выходятъ замужъ, а старики отцы женятся. Грубо-матеріальные интересы ставятся на первый планъ, а нравственные подавляются. Нашъ великорусскій крестьянскій дворъ не семейный, а общинно-тягловый дворъ; если отношенія членовъ семьи въ нашей крестьянской деревнѣ представляютъ въ высшей степени прискорбныя картины, то этимъ мы обязаны разлагающему вліянію общины.

Изложенные нами итоги настолько фатальны, что русское крестьянство уже давно бы разложилось, если бы жизнь не протестовала противъ насилія, чинимаго надъ крестьянами общинно-крѣпостными порядками. Вотъ почему изслѣдователи всюду отмѣчаютъ отступленія отъ принциповъ уравнительнаго землепользованія, какъ въ центрѣ Россіи, такъ и на окраинахъ. Но всѣ эти отступленія лишь задерживаютъ разложеніе русскаго крестьянства; постепенный же его упадокъ не отрицается и нашими уравнителями. Какъ долго протянется этотъ процессъ разложенія русскаго народа, мы, конечно, рѣшать не возьмемся.

Упадокъ сельскаго хозяйства въ Россіи вообще, и упадокъ крестьянскаго хозяйства въ особенности признается нынѣ рѣшительно всѣми изслѣдователями нашей деревни; при-

знало его и высшее Правительство, учреждая Особое Совѣщаніе для разъясненія нуждъ сельскохозяйственной промышленности. Учрежденіе Особаго Совѣщанія возбудило не мало розовыхъ надеждъ въ средѣ нашей интеллигенціи. Несомнѣнно, что большинство этихъ надеждъ было преувеличено и плохо обосновано. Традиціонный предразсудокъ, будто Правительство все можетъ у насъ насадить и пересоздать—въ крови нашей интеллигенціи, хотя странно противорѣчить столь обычнымъ ея требованіямъ предоставить ей болѣе широкое пользованіе общественными правами. Задача и мощь правительственной власти и самого общества ограничиваются устраненіемъ вредныхъ для экономки соціальныхъ условій и созданіемъ болѣе благопріятныхъ, иначе говоря, установленіемъ конъюнктуръ для экономической дѣятельности субъектовъ. Но ни Правительство, ни общество не могутъ творить экономическихъ субъектовъ, если только сами, какъ юридическія лица, не выступаютъ въ гражданскій оборотъ въ качествѣ таковыхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что дѣятельность Особаго Совѣщанія и ограничилась обсужденіемъ разныхъ конъюнктуръ, полезныхъ или вредныхъ для сельскохозяйственнаго промысла. Къ сожалѣнію, самая важная конъюнктура, отъ которой зависитъ вся будущность нашего крестьянства, вовсе не подвергалась обсужденію Общаго Совѣщанія, хотя поводовъ къ такому обсужденію было много. Да и сама правительственная власть неоднократно указывала на несомвѣстимость уравнительнаго землепользованія съ организаціею и развитіемъ крестьянства. Конечно, для Особаго Совѣщанія, какъ высшаго правительственнаго органа, обсужденіе и рѣшеніе вопроса представляетъ особыя затрудненія, такъ какъ оно требуетъ изслѣдованія: 1) историческаго, 2) юридическаго и 3) экономическаго; но Особое Совѣщаніе не отклонялось отъ обсужденія и рѣшенія вопросовъ подобнаго же характера. Напримѣръ, недавно было опубликовано опредѣленіе Особаго Совѣщанія по вопросу о мѣстныхъ путяхъ сообщенія, затрогивающему весьма существенно историческія, юридическія и экономическія отношенія владѣльцевъ. Правда Особое Совѣщаніе рѣшило этотъ вопросъ, вовсе не входя въ обсужденіе исторической и юридической сторонъ

его, но подобный способ рѣшенія непременно отразится въ жизни большими пертурбаціями и осложненіями и едва-ли подѣйствуетъ благотворно на развитіе сельскохозяйственной промышленности. Что же касается до уравнительнаго землепользованія, то Особому Совѣщанію предстояло лишь установить принципиальную точку зрѣнія высшаго Правительства на юридическія отношенія крестьянъ къ землѣ въ связи съ Положеніями 19 февраля и др. освободительной эпохи; а затѣмъ тѣ мѣры, которыя необходимы, чтобы развязать общинно-крѣпостной узелъ, какъ мы видѣли выше, никакихъ особыхъ принудительныхъ узаконеній не требуютъ. Было бы уже и то важно, еслибы Особое Совѣщаніе постановило воздержаться впредь отъ всякой принудительной охраны отжившихъ формъ землепользованія нашихъ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ, рано или поздно, правительству придется рѣшать этотъ вопросъ: жизнь его выдвинула и поставила, и уклониться отъ его рѣшенія нѣтъ никакой возможности. Рѣшеніе деталей, безъ обсужденія общаго вопроса, только осложнитъ дѣло и приведетъ къ новымъ ложнымъ конъюнктурамъ. Такъ правила объ отмѣнѣ круговой поруки могутъ привести къ неожиданнымъ послѣдствіямъ; если общество оставитъ за собой надѣлъ недоимщика, то круговая порука останется во всей силѣ; если оно откажется отъ надѣла, то правительству нельзя будетъ его сдать постороннему лицу, даже крестьянину, такъ какъ никто не осмѣлится сунуться въ осиное гнѣздо общиннаго землепользованія, уже не говоря о томъ, что „надѣлъ“ общинника, кромѣ кулаковъ, ни для кого не представляетъ привлекательности и часто лишень всякой цѣнности. Выходъ крестьянина изъ общины безъ надѣла будетъ практиковаться рѣдко и къ сельскому хозяйству не имѣетъ прямого отношенія, выходъ же съ надѣломъ, какъ мы выше показали, противорѣчитъ Положеніямъ 19 февраля 1861 года, если только подъ этимъ выходомъ не разумѣется возобновленіе правила 165 ст. Положенія о выкупѣ.

Мѣстные комитеты, за исключеніемъ весьма немногихъ, совершенно не интересовались главной причиной упадка крестьянскаго и земледѣльческаго хозяйствъ, что и слѣдовало ожидать. Въ печати отнеслись непріязненно къ тому,

что правительство установило для обсуждения мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ нуждъ комитеты, а не обратилось къ земствамъ, но подобное отношеніе представителей нашего общественнаго мнѣнія къ распоряженію правительства ни что иное какъ лицемѣріе, ибо мѣстные комитеты представляли собою квинтъ-эссенцію земской интеллигенціи, а вовсе не сельскихъ хозяевъ, потому что послѣднихъ у насъ такъ мало, что ихъ съ трудомъ найдешь днемъ съ фонаремъ; правительству и земству они и совершенно незнакомы ¹⁾.

Все изложенное нами объясняется тѣмъ, что защитниками общиннаго уравнительнаго землепользованія является у насъ громадное большинство интеллигенціи, въ которой, конечно, принадлежатъ и власть имущіе. Самое изслѣдованіе общинныхъ порядковъ было отдано въ руки этой же интеллигенціи какъ земской, такъ и правительственной. Отмѣтимъ также и тотъ фактъ, что вопросомъ объ общинѣ у насъ интересовались только ученые экономисты и публицисты съ извѣстнымъ направленіемъ; юристы же почему-то устранили себя отъ этихъ изслѣдованій. Только К. П. Побѣдоносцевъ въ своемъ „Курсѣ гражданскаго права“ высказалъ свои соображенія въ пользу сохраненія общиннаго землепользованія крестьянъ. Это мнѣніе ученаго юриста и высшаго сановника Имперіи послужило великимъ подспорьемъ для нашихъ уравнителей, которымъ они, разумѣется, и воспользовались. Какъ ни великъ авторитетъ автора „Курса гражданскаго права“, но онъ нисколько не снимаетъ съ изслѣдователя обязанности подвергнуть мнѣніе ученаго авторитета критическому анализу. Напротивъ, чѣмъ авторитетнѣе мнѣніе ученаго, тѣмъ обстоятельнѣе долженъ быть разборъ его мнѣнія, ибо тѣмъ внимательнѣе слѣдуетъ къ нему отно-

1) Впрочемъ наша печать и нашу интеллигенцію называетъ „людьми земли“. Для характеристики этихъ „людей земли“ приведемъ фактъ, сообщенный либеральнѣйшимъ органомъ нашей печати и защитникомъ земства вообще. Начальникъ одной губерніи отмѣнилъ срокъ земскаго собранія, назначеннаго въ самую жаркую пору весеннихъ посѣвовъ на томъ основаніи, что члены земства не могутъ принять участія въ собраніи, такъ какъ заняты сельскохозяйственными работами въ это время. Либеральная газета сдѣлала начальнику губерніи такой репримандъ: гласные въ своихъ помѣстьяхъ не живутъ, а потому сельскохозяйственными работами не занимаются. Справедливо!

ситься и стараться разяснить себѣ истинный смыслъ высказанныхъ ученымъ писателемъ соображеній. Мы приведемъ подробную выписку изъ „Курса“, подвергнувъ разбору каждое положеніе ученаго автора.

„Законодательство должно съ крайней осторожностью относиться къ вопросу о преобразованіи общиннаго землевладѣнія. Не подлежитъ сомнѣнію, что оно съ государственной точки зрѣнія и для блага общественнаго, представляетъ много выгодъ, въ связи съ общимъ экономическимъ состояніемъ сельскаго быта въ Россіи, которое можетъ измѣниться только со временемъ, при совокупномъ дѣйствіи многихъ экономическихъ условій и *не зависитъ отъ воли законодателя* (курсивъ нашъ). Покуда эти экономическія условія не измѣнились, крайне опасно принимать рѣшительныя мѣры, которыя могли бы привести *искусственно* къ разложенію общины“.

Изложенныя соображенія автора „Курса“ до сихъ поръ говорятъ мало въ пользу нашихъ „уравнителей“. Никто никогда не требовалъ „искусственнаго“ разложенія общиннаго землепользованія посредствомъ рѣшительныхъ мѣръ со стороны правительства. Напротивъ, наши уравнители требовали и требуютъ „искусственной поддержки“ уравнительнаго землепользованія при посредствѣ весьма рѣшительныхъ мѣръ со стороны общества (земства) и правительства. Эти мѣры и были проведены, но, по признанію самихъ уравнителей, оказались недостаточными для поддержанія разлагающагося зданія общиннаго землепользованія. Въ приведенныхъ нами соображеніяхъ К. П. Побѣдоносцевъ стоитъ на почвѣ Положеній 19 февраля 1861 года.

„Общинное землепользованіе и организація сельской общины предметы первой важности для внутренней законодательной политики въ Россіи. Разумѣется, всего легче для рѣшающей мысли сдѣлать скорый выборъ между двумя крайностями и склонить дальнѣйшее развитіе поземельныхъ отношеній къ одной исключительной формѣ личнаго владѣнія и личной собственности. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что какъ только законъ сниметъ свои заставы и откроетъ все широкое поле владѣнія свободному дѣйствію личнаго

начала, поле это скоро наполнится, и всѣ формы быстро сольются въ одну. Но здорово ли это будетъ для государства, хорошо ли для будущихъ судебъ его—это еще весьма сомнительно. Есть государственные вопросы, которые опасно рѣшать исключительно на основаніи *отвлеченныхъ началъ экономической свободы* (курсивъ нашъ).

„Земля такой товаръ который опасно бросить на вольный рынокъ подобно всякому иному товару. Съ землею у насъ, больше чѣмъ гдѣ-либо, связана вся будущность земледѣльческаго сословія, а въ Россіи оно имѣетъ такую важность, какой нигдѣ не имѣетъ. Въ немъ у насъ, какъ справедливо замѣчаетъ иностранецъ Гакстгаузенъ, „корень силы государственной, основаніе для устойчивости всего государственнаго строя, главный запасъ экономическихъ силъ, хранилище естественныхъ элементовъ національности во всѣхъ ея особенностяхъ“. Въ Западной Европѣ сельское населеніе составляетъ среднимъ числомъ $\frac{3}{4}$ населенія, а у насъ $\frac{15}{16}$ всего населенія сельскіе жители. Въ *нынѣшнемъ ихъ состояніи* (курсивъ нашъ) объявить для нихъ всякую землю вольнымъ товаромъ—значило бы, можетъ быть, оставить ихъ безъ всякихъ средствъ къ удержанію земли, къ поддержанію хозяйства, къ обезпеченію отъ нищеты и голода“.

К. П. Побѣдоносцевъ возражаетъ противъ „исключительной“ формы личной собственности, противъ „отвлеченныхъ началъ экономической свободы“ и противъ мобилизаціи земли, въ интересахъ охраны земледѣльческаго сословія отъ обезземеленія, нищеты и голода. Мы, конечно, не можемъ съ этимъ согласиться и доказывали въ нашемъ настоящемъ трудѣ тотъ несомнѣнный для насъ фактъ, что только при условіи личной собственности, экономической свободы и мобилизаціи земли возможно сохранить крѣпкое и сильное крестьянство въ государствѣ. Но если ученый авторъ „Курса“ правъ, то освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было грандіозной ошибкой, ибо сохранить формы крѣпостного уравнительнаго землепользованія совершенно невозможно при личной свободѣ. Личная свобода и право личной собственности—синонимы, по крайней мѣрѣ, для цивилиста. Гражданское право подъ коллективнымъ владѣніемъ разумѣетъ

или общую собственность, или собственность юридических лиц; въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ собственностью многихъ лицъ одной вещью, во второмъ съ собственностью учрежденія какъ юридического лица, слѣдовательно, также съ личной собственностью: самое выраженіе „личная собственность“ — плеоназмъ.

Благо народа — высшій законъ державнаго союза (*salus rei publicae suprema lex*). Это признавалъ и Римъ, что нисколько не мѣшало римскому народу развить во всей полнотѣ начала гражданскаго права и признать неприкосновенность его нормъ. Да и едва ли существованіе современныхъ государственныхъ союзовъ возможно при отсутствіи правомѣрнаго основанія. Крѣпостное право въ Россіи, съ эпохи Великаго Петра, являлось противорѣчіемъ государственнаго порядка, что признавали представители державной власти Имперіи, начиная съ Александра I.

Во всякомъ случаѣ уравнительное землепользованіе необходимо требуетъ наличности вотчинной власти, при отсутствіи которой въ нашей деревнѣ создается анархія. Это поняли и сами крестьяне, что мы и отмѣтили въ одномъ изъ нашихъ трудовъ: „безъ приказа начальства“ землю равнять нельзя, говорили они; „только Царь можетъ установить новую душу“.

Нельзя видѣть въ этихъ наивныхъ лишь по формѣ выраженіяхъ крестьянъ незнаніе ими своихъ правъ; напротивъ, крестьяне прекрасно опредѣлили сущность дѣла: уравнительное землепользованіе отрицаетъ всякое право, и потому надѣлять землю крестьянъ можетъ только власть. Лично мы безусловно переходимъ на сторону крестьянъ при истолкованіи сущности института уравнительнаго землепользованія съ юридической точки зрѣнія; уравнительное землепользованіе ничего общаго съ правомъ не имѣетъ. Но разъ власть надѣляетъ земледѣльцевъ землей, то она обязана опекать ихъ, руководить ими и надзирать за тѣмъ, какъ они обращаются съ этой землей, подвергая нерадивыхъ репрессіямъ, иначе не будетъ справедливости и хозяйственнаго толку. Такимъ образомъ мы возвращаемся къ крѣпостному праву. Серьезнымъ ученымъ и высшимъ сановникамъ не слѣдуетъ скрывать отъ себя естественныхъ слѣдствій уравнительнаго зем-

лепользованія, именно, во имя интересовъ государственнаго блага.

Противъ „отвлеченныхъ началъ экономической свободы“ проповѣдуютъ нынѣ не одни социалисты каѳедры, но и весьма почтенные бюрократы, напр., Бухенбергеръ, на извѣстный трудъ котораго мы уже ссылались. Такую свободу называютъ „манчестерствомъ“. Но требованіе „манчестерства“ ничего общаго съ экономической свободою не имѣетъ. Государство, какъ юридическое лицо, на международномъ рынкѣ само опредѣляетъ свои интересы и, слѣдовательно имѣетъ полное основаніе и право ограждать эти интересы тѣми или другими мѣрами; мы видимъ въ этомъ не нарушеніе свободы, а осуществленіе ея. Внутри же союза государство дѣйствуетъ какъ власть, устанавливая правомѣрныя нормы для экономической свободы субъектовъ и конъюнктуры въ интересахъ общаго блага. Однако нормы права (гражданскаго) не создаются государствомъ, а лишь признаются имъ; создаетъ ихъ самъ субъектъ, ибо законъ лишь регулируетъ отношенія между людьми. Экономическая же свобода никакихъ иныхъ нормъ, кромѣ юридическихъ, не можетъ имѣть, такъ какъ основою экономическихъ дѣйствіе является личный интересъ, судьей котораго можетъ быть лишь самъ субъектъ. Такимъ образомъ государственные вопросы, какъ скоро они касаются экономики, не могутъ рѣшаться иначе какъ „на основаніи отвлеченныхъ началъ экономической свободы“, и опытъ показываетъ, что правительство, принимая въ соображеніе иныя основанія при рѣшеніи этихъ вопросовъ, всегда впадало въ ошибку и приносило государству не пользу, а вредъ. Несомнѣнно, что политика иногда требуетъ отступленій отъ идеальныхъ требованій права, но противъ этого никто и не возражаетъ; идеаль права, какъ всякій идеаль, осуществляется въ жизни въ формѣ процесса, эволюціи, уже не говоря о томъ, что право есть только форма, умозрительная категорія, содержаніе же свое черпаетъ прямо изъ жизненныхъ отношеній между людьми. Но все-таки слѣдуетъ стремиться осуществить идеаль, а не отрицать его. Въ нашемъ трудѣ мы старались показать, что право земельной собственности—идеаль крестьянства какъ особой экономической кате-

горіи, уравнительное же землепользованіе совершенно несомѣстимо съ идеей свободнаго крестьянства.

„Побужденіе отдѣльныхъ членовъ общины выдѣлиться изъ нея и получить свой участокъ въ рѣдкихъ только исключительныхъ случаяхъ можетъ быть у насъ признакомъ нормальнаго стремленія къ экономической самодѣтельности. Въ большей части случаевъ это будетъ произвольное желаніе отдѣльныхъ личностей выйти на волю съ своей долей, по случайному побужденію: трудно предположить инья побужденія тамъ, гдѣ отдѣльной личности не на чемъ и не съ чѣмъ предпринимать отдѣльный трудъ на свой счетъ и на свою долю земли, большею частью мало стоящей: можно быть увѣреннымъ, что въ этихъ случаяхъ отдѣльная личность останется беззащитною, въ нищетѣ, безъ содѣйствія и помощи. Если дать вольный исходъ побужденіямъ этого рода, то послѣдствіемъ будетъ обнищаніе цѣлыхъ массъ и переходы общинной земли отдѣльными участками въ руки стороннихъ скупщиковъ. Приговоръ массы, большей частью безкапитальной и мало развитой, тѣмъ болѣе приговоръ случайнаго *условнаго* большинства этой массы, не можетъ, какъ извѣстно по опыту, служить достаточнымъ свидѣтельствомъ ни о искренности изъявленной воли, ни о серьезной обдуманности рѣшенія; приговоры эти, къ несчастью, слишкомъ часто составляются подъ вліяніемъ случайныхъ увлеченій, или своекорыстныхъ видовъ сильнаго меньшинства. Положиться съ формальной стороны на приговоръ большинства и на немъ успокоиться—было бы недостойно здравой политики, имѣющей въ виду не одни настоящіе интересы управленія, но будущіе интересы цѣлой массы народной и неразрывно связанные съ ними интересы государства“.

Если К. П. Побѣдоносцевъ такого низкаго мнѣнія о приговорахъ „случайнаго“ большинства нашихъ крестьянскихъ сходовъ, то менѣе всего допустимо отдать въ безконтрольное распоряженіе этихъ сходовъ домохозяевъ и всѣ ихъ отношенія къ землѣ и связанные съ нею хозяйственные интересы. Подобная аграрная и экономическая политика менѣе всего „здоровая“. Она именно и разрушаетъ связь земледѣльца съ его землей, тогда какъ нѣтъ и не можетъ быть болѣе тѣсной

связи человека съ землей какъ право собственности; даже принудительная связь крѣпостного права уступаетъ въ этомъ отношеніи праву личной собственности. Крѣпостной крестьянинъ былъ крѣпокъ землѣ потому, что былъ прикрѣпленъ къ лицу владѣльца, т.-е. его личной надъ нимъ власти. Всѣ усилія правительства закрѣпить крестьянина принудительно только къ землѣ оказывались тщетными; формальныя обязательства „не покидать земли впустѣ“, не исполнялись крестьянами, и гулящіе люди продолжали бродить по Руси до Петра I, который велъ съ ними непримиримую борьбу. Подушная подать и ревизія были естественными слѣдствіями закрѣпленія личности крестьянина вотчинной власти; онѣ же и создали общинное уравнительное землепользованіе.

„Въ виду охраненія этихъ интересовъ первой важности, едва ли благоразумно поступить законодатель, разрѣшая слишкомъ широко узы (!) общиннаго землевладѣнія, которыя покуда могутъ быть стѣснительны для немногихъ, но для массы благотѣльны; стремясь, на основаніи общихъ отвлеченныхъ началъ, къ водворенію экономической свободы, можно породить свободу нищенства, которая повсюду бываетъ самымъ худшимъ видомъ рабства. Сверхъ того, законодательство, имѣя въ виду массу народонаселенія, состоящую у насъ покуда изъ людей, которые не могутъ думать объ обогащеніи или о правильномъ производствѣ, но поглощены заботою о *кускѣ насущнаго хлѣба*, не можетъ забыть и о томъ, что всякая недвижимая собственность налагаетъ на владѣльца ея такія гражданскія тягости, которыя человеку безъ капитала, дохода и безъ рыночной производительности, живущему изъ-за насущнаго хлѣба, рѣшительно не подъ силу, такъ что удержаніе отдѣльнаго клочка земли, на нашемъ бѣдномъ рынкѣ, большей частью мало или совсѣмъ непроизводительно, станетъ для большинства крестьянъ невозможнымъ“.

„Особенное владѣніе, уединяя личность, усложняетъ ея юридическія отношенія къ другимъ владѣющимъ личностямъ и къ государству, возбуждая столкновенія, тѣмъ самымъ налагаетъ на владѣльца заботу о поддержаніи, защитѣ и опредѣленіи правъ, соединенныхъ со владѣніемъ—заботу не только обременительную, но и весьма дорого стоящую, особливо при

дѣйствию новыхъ уставовъ объ укрѣпленіи, удостовѣреніи и защитѣ правъ гражданскихъ. Такой заботы не въ силахъ вынести въ большинствѣ массы нашъ крестьянинъ отдѣльно отъ общины, при нынѣшней своей скудости, при бѣдности капиталовъ и промысловъ и на нынѣшней степени гражданского своего развитія. Опытъ показываетъ, что и въ другихъ государствахъ, при значительномъ экономическомъ развитіи, при множествѣ капиталовъ, при полной опредѣлительности, до которой достигла рыночная цѣнность земли и рабочей силы—положеніе мелкаго владѣльца становится часто невозможнымъ и заставляеть или уклоняться отъ пріобрѣтенія земли или продавать мелкіе участки; тѣмъ болѣе у насъ затруднительно было бы положеніе каждаго крестьянина, когда бы онъ вынужденъ былъ выдѣлиться изъ общины съ своимъ участкомъ (укажемъ для примѣра на издержки по обмежеванію дачи, по совершенію актовъ, платежу податей и сборовъ—при безграмотности массы населенія, по отношенію къ властямъ и чиновникамъ всякаго рода, наконецъ по судебнымъ и полицейскимъ дѣламъ, неизбѣжно вытекающимъ изъ личнаго владѣнія). Всѣ тягости личнаго владѣнія можетъ и долженъ выносить тотъ, кто, по экономическимъ расчетамъ, въ интересѣ личной производительности или промысла, пріобрѣтаетъ землю на сторонѣ, въ особое свое владѣніе — и такихъ находится не мало; но превращеніе массы общинныхъ владѣльцевъ съ прожиточными ихъ надѣлами, которые во многихъ случаяхъ не обезпечиваютъ имъ и насущнаго хлѣба, въ мелкихъ отдѣльныхъ землевладѣльцевъ было бы безъ сомнѣнія, пагубно для нихъ и вредно въ высшей степени для государства. Нельзя забыть о томъ, что наша сельская община находится еще большей частью въ первобытной формѣ земледѣльческаго хозяйства, въ состояніи уединенномъ, и не въ силахъ еще войти въ кругъ того общенія и размѣна производительныхъ силъ, въ которомъ личность крѣпнетъ, развивается и богатѣетъ промысломъ, по мѣрѣ своего освобожденія изъ мѣстнаго хозяйственнаго союза. Эта пора можетъ наступить, и это предположеніе можетъ быть согласно съ дѣйствительностью только тогда, когда образовалось между массою достаточно капиталовъ и сбереженій, когда они рас-

предѣлены между многими и открылись доступные способы къ производительному ихъ употребленію. До сихъ поръ масса нашего крестьянскаго населенія находится въ такомъ состояніи, въ которомъ дѣло идетъ не о сбереженіяхъ, а о возможности добыть хлѣбъ насущный, и удобнѣйшія для того средства состоятъ для нея покуда совсѣмъ не въ денежномъ хозяйствѣ, а въ хозяйствѣ непосредственномъ, въ коемъ первыя потребности обезпечиваются исключительно землею. Въ такомъ состояніи только общинное хозяйство можетъ обезпечить крестьянина отъ нищеты и бездомности или въ самой нищетѣ, составляющей обыкновенное у насъ явленіе,—отдалить опасность голодной смерти. Нельзя забывать, что общинное хозяйство у насъ до сихъ поръ большей частью бѣдное, скудное, на тощей землѣ. Но при общинномъ хозяйствѣ есть возможность—обрабатывать поле безъ затраты капитала, кое-какъ (ибо иначе нѣтъ силы, стало быть, нѣтъ побужденія обрабатывать), пробавляться топливомъ изъ общаго лѣса, держать скотину на общемъ выгонѣ: раздѣлите землю по участкамъ — эта возможность пропадетъ, и разбросанныя единицы, сами по себѣ хозяйственно безсильныя, утративъ сознаніе общаго угодья и возможность общаго пользованія, во многихъ мѣстахъ потеряютъ скоро и возможность считать что-либо своимъ, и сами себя поддерживать“.

„Вотъ главнѣйшія соображенія, въ силу коихъ приходимъ къ убѣжденію, что не настало еще то время прямо или косвенно способствовать разложенію общинаго землевладѣнія, а надлежитъ, напротивъ, до времени оберегать его. Время это придетъ само собою, съ естественнымъ развитіемъ производительныхъ силъ и съ измѣненіемъ хозяйственныхъ условій“.

Мы привели подробно мотивированное мнѣніе К. П. Побѣдоносцева не только изъ уваженія къ личности ученаго юриста, но и съ цѣлью показать, почему въ теченіе сорока лѣтъ со стороны правительства ничего не было сдѣлано для организациі крестьянскихъ хозяйствъ, почему Положенія 19-го февраля 1861 г. не были осуществлены на дѣлѣ и почему, напротивъ, нѣкоторыя основныя статьи освободительныхъ актовъ были отмѣнены. Понятно, что при могущественной поддержкѣ консервативнѣйшихъ сановниковъ государства, при извѣстномъ

настроеніи либеральнѣйшихъ, громаднаго большинства нашей интеллигенціи и всей печати, о развязкѣ узла нашей крестьянской деревни не могло быть и рѣчи, и если этотъ узелъ все-таки мѣстами сталъ какъ будто развязываться, то только потому, что противъ требованій жизни, если они согласуются съ главными устоями политическаго союза и его идеалами, не имѣютъ силы и весьма энергическія дѣйствія правительства и общества.

Замѣтимъ, впрочемъ, что К. П. Побѣдоносцевъ ничего не говоритъ въ пользу „уравнительнаго общиннаго землепользованія“, такъ что наши уравнители не совсѣмъ правильно ссылаются на его авторитетъ. Общинное землевладѣніе господствовало въ средніе вѣка и на западѣ Европы; принципъ мірской земли признавался на нашихъ окраинахъ при такъ наз. подворно-наслѣдственномъ землепользованіи. Едва ли К. П. Побѣдоносцевъ, какъ юристъ, могъ назвать землевладѣніемъ такое отношеніе людей къ землѣ, которое лишено всякаго правомѣрнаго титула. Какъ бы то ни было, но ученый авторъ „Курса“ несомнѣнно защищаетъ институтъ мірской земли, установленный Положеніями 19 февраля 1861 г. для крестьянъ временно-обязанныхъ. Мы не будемъ отрицать важности и справедливости изложенныхъ выше соображеній К. П. Побѣдоносцева въ пользу общиннаго землевладѣнія, но мы воспользуемся этими соображеніями какъ оружіемъ противъ самого ученаго автора.

Да, конечно, при общинномъ землепользованіи хозяйственная дѣятельность нашего крестьянина ничтожна, и онъ не можетъ думать объ „обогащеніи“ и едва добываетъ простой кусокъ насущнаго хлѣба: энергія его какъ хозяина ничтожна, капиталъ его состоитъ изъ грошей, земля его некультурна, разбросана полосками по общинной территоріи, не имѣетъ почти никакой цѣнности, и самая трудоспособность крестьянина-общинника очень, очень низкая. Все это правда. Но развѣ такова была цѣль дѣянія великаго Преобразователя Россіи и Его славныхъ помощниковъ-слугъ (въ числѣ которыхъ былъ и самъ ученый авторъ „Курса“), чтобы нашъ крестьянинъ оставался на столь низкомъ экономическомъ и соціальномъ уровнѣ? Справедливо и то, что владѣніе землей налагаетъ на

владѣльца разныя тяготы, соединено въ лишеніями, требуетъ особой энергіи и заботъ, иначе земля не была бы цѣнностью, а владѣлецъ экономическимъ субъектомъ. Но развѣ не такова, повторяемъ, была цѣль освобожденія, чтобы создать изъ крѣпостныхъ крестьянъ экономическихъ и, слѣдовательно, юридическихъ субъектовъ? Экономическая свобода тѣсно связана съ юридическими отношеніями: гдѣ нѣтъ экономической свободы, тамъ нѣтъ и правъ. Это мы и видимъ на нашихъ крестьянахъ; они обособлены какъ особая каста, лишенная гражданскихъ правъ, а потому, вопреки освободительнымъ актамъ, и отрицаютъ ихъ права собственности на землю, которую они выкупаютъ. Не потому ли такъ низко ихъ хозяйственное положеніе?

Несомнѣно такъ! К. П. Побѣдоносцевъ самъ признаетъ такое положеніе временнымъ, т. е. аномальнымъ, и требуетъ, чтобы государство охраняло неправомѣрныя отношенія крестьянъ къ землѣ, пока крестьяне не разбогатѣютъ. Но богатѣть можетъ только экономической субъектъ-хозяинъ свободный, а не крѣпостной общинникъ; исключенія лишь подтверждаютъ правило, и подобныя исключенія бывали и при полномъ господствѣ крѣпостного права. Разсчитывать на эти исключенія въ будущемъ опасно, ибо исторія не ждетъ; намъ необходимъ экономическій подъемъ массъ, а не одиночныхъ весьма рѣдкихъ хозяевъ. Нельзя ссылаться на бытовыя условія дореформенной эпохи; тогда существовала надъ крестьянами попечительная власть съ ея средствами репрессіи для лѣнивыхъ и др., теперь ея нѣтъ; земскіе начальники ея не замѣнили и замѣнить не могли.

К. П. Побѣдоносцевъ предлагаетъ *ждать*, но мы ждали болѣе сорока лѣтъ и ничего не дѣлали въ пользу экономической свободы крестьянъ, а дѣлали все напротивъ.

Правительство нынѣ серьезно озабочено упадкомъ крестьянской деревни и проектируетъ разныя конъюнктуры съ цѣлью поднять благосостояніе крестьянъ. Но какъ скоро въ нашей деревнѣ отсутствуютъ свободныя экономическіе субъекты, то некому будетъ и приспособляться къ конъюнктурамъ кромѣ кулаковъ, и въ сущности всѣ эти конъюнктуры сводятся къ подачкамъ или богадѣльнямъ, устраиваемымъ зачетъ классовъ дѣйствительныхъ производителей.

Законодатель, начертавшій Положенія 19 февраля 1861 г., весьма мудро оставилъ открытую дверь для выхода производительныхъ силъ крестьянства; мы видѣли, что эта дверь не вела къ разложенію крестьянской общины, а лишь къ организаціи крѣпкаго русскаго крестьянства. Зачѣмъ ее захлопнули?

Если наша интеллигенція громко кричала противъ открытой двери, то мудрое правительство обязано было произвести точное и безпристрастное изслѣдованіе того, какъ воспользовались крестьяне 165 статьей Положенія о выкупѣ. Никакого изслѣдованія не было произведено; напротивъ, прямо было засвидѣтельствовано, что примѣнялась 165 ст. нашимъ крестьянствомъ въ ничтожномъ размѣрѣ. Повѣрили на слово крикунамъ и захлопнули дверь; мудрой подобную политику нельзя назвать. Еще менѣе понятенъ законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ. И тутъ факты свидѣтельствовали, что крестьяне не теряли, а увеличивали крестьянскую землю. Да и кому нужна крестьянская земля? Разумѣется, ссылались на кулаковъ, но кулаки тѣ же крестьяне; при чемъ же тутъ законъ о неотчуждаемости надѣловъ? Опасно было не то, что отдѣльные крестьяне могли продать свои надѣлы „постороннимъ“ лицамъ; опасно было то, что общество могло продать всю землю селенія или большую ея часть велѣніями мнимаго большинства $\frac{2}{3}$ всѣхъ домохозяевъ: вотъ этотъ неправомѣрный порядокъ и слѣдовало отмѣнить, ибо никто не вправе распоряжаться моимъ имуществомъ безъ моего согласія; права крестьянъ на надѣлы не обязательственныя, а вещныя, сельское общество—не акціонерная компанія.

Такимъ образомъ мы не думаемъ, что аргументація К. П. Побѣдоносцева въ пользу охраны общиннаго землепользованія оправдывала ту политику, которая препятствовала осуществленію въ жизни освободительныхъ актовъ Государя Александра II и организаціи крѣпкаго и производительнаго русскаго крестьянства.

Когда мы уже закончили нашъ настоящій трудъ, вышла новая книга по нашему предмету: „Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье“ А. Е. Воскресенскаго. Г. Воскресенскій стоитъ по крестьянскому вопросу на той же почвѣ

какъ мы и, разумѣется, приходитъ къ одинаковымъ съ нами результатамъ. Но мы не согласны съ нѣкоторыми воззрѣніями г. Воскресенскаго и позволимъ себѣ подвергнуть ихъ критикѣ потому, что эти, по нашему мнѣнію, неправильныя воззрѣнія даютъ оружіе въ руки нашихъ уравнителей во вредъ конечной цѣли, которую имѣлъ въ виду авторъ.

Такъ авторъ совершенно вѣрно удостовѣряетъ, что общинное землепользованіе ведетъ къ малоземелью; но онъ рѣшительно ошибается, полагая, что число дворовъ и размѣры ихъ надѣловъ послѣ передѣловъ остаются одинаковыми. И при періодическихъ передѣлахъ всегда въ селеніяхъ бываютъ безземельные и даже бездомовые; семейные же раздѣлы, при передѣлахъ, происходятъ чаще, чѣмъ въ селеніяхъ безъ передѣловъ; при подворно-наслѣдственной формѣ семейные раздѣлы бываютъ только послѣ смерти домохозяина, слѣдовательно число дворовъ увеличивается не такъ скоро, какъ при уравнительномъ землепользованіи. Нельзя также признать правильнымъ утвержденіе автора, что при безпредѣльной общинной формѣ отдѣльные дворы скорѣе приходятъ къ малоземелью, чѣмъ при передѣлахъ. Авторъ имѣетъ въ виду мужскія души, но позабылъ о женскихъ; дворъ, имѣющій одну ревизскую душу при ревизской разверсткѣ, можетъ владѣть надѣломъ одинаковымъ по величинѣ съ дворомъ, имѣющимъ двѣ или даже три наличныя души, такъ какъ ревизская душа крупнѣе наличной. Временно при безпредѣльной формѣ можетъ возникнуть неравномѣрность: у одного двора сохранится надѣлъ въ пять душъ, у другого въ одну душу, но уже при слѣдующемъ поколѣніи неравномѣрность сглаживается: дворы, рождавшіе дѣвочекъ, рождаютъ мальчиковъ, и наоборотъ. Впрочемъ расчеты автора вообще не имѣютъ значенія, такъ какъ онъ принялъ въ соображеніе не ѣдоковъ, а мужскія наличныя души. Мы уже видѣли, что при распределеніи надѣловъ по ѣдокамъ распределеніе земли въ общинахъ, не практикующихъ передѣловъ, почти такое же какъ и въ общинахъ съ передѣлами.

Такимъ образомъ малоземелье наступаетъ одинаково какъ для общинъ съ передѣлами, такъ и для общинъ безъ передѣловъ; передѣлы нисколько не отдалаютъ срока наступленія

малоземелья, но, несомнѣнно, ускоряютъ его, такъ какъ без-передѣльная община переходитъ въ подворно-наслѣдственную съ мобилизаціею земли вопреки дѣйствующихъ узаконеній. Если авторъ не наблюдалъ этого явленія въ Пронскомъ уѣздѣ, то этотъ уѣздъ составляетъ въ данномъ случаѣ исключеніе.

Главное зло уравнительнаго землепользованія заключается не въ измельчаніи „душъ“, а въ разстройствѣ хозяйствъ добрыхъ пахарей, произволѣ міра и въ шаблонно-рутинномъ хозяйствѣ крестьянъ, о чемъ мы говорили въ настоящемъ нашемъ трудѣ. Само собою разумѣется, что мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ автора, что для процвѣтанія лучшихъ пахарей нужно обезземелить худшихъ. Крестьянское хозяйство и землевладѣніе должны быть такъ же разнообразны, какъ и частновладѣльческія: должны быть крупные средніе и мелкіе хозяйственные дворы, что и достигается посредствомъ полной мобилизаціи крестьянской земли. Земля перейдетъ къ „богатырямъ“, но настолько, насколько хватаетъ силъ у этихъ семейныхъ богатырей; не останется и семейный рабочій безъ крова. Лучшей аграрной политики не можетъ быть и уравнительное землепользованіе въ сущности такъ же распредѣляетъ землю, но при этомъ приводитъ крестьянство къ полному обѣднѣнію. Несомнѣнно, крестьянство будетъ всегда поставщикомъ рабочихъ силъ для городовъ, но многіе изъ этихъ рабочихъ не прервутъ своихъ связей съ деревней. Намъ извѣстны случаи, что крестьянинъ-рабочій, прослуживъ 25 лѣтъ на заводѣ и скопивъ капиталецъ, возвращался въ свою деревню и заводилъ прочное хозяйство, благодаря наличности взрослыхъ сыновей и другихъ семейныхъ ¹⁾.

1) Г. Воскресенскій ставитъ такую альтернативу: или безземеліе части населенія, или массовое малоземелье. Вовсе нѣтъ: ни того, ни другого. Мы видѣли, что крестьянское населеніе Германіи и Франціи значительно увеличилось съ освобожденіемъ отъ крѣпостныхъ узъ общиннаго землевладѣнія. Если же индустрія оттянула и поглотила болѣе $\frac{1}{3}$ этого населенія, то и Россія нисколько не гарантирована отъ этого естественнаго хода вещей. Существованіе большихъ культурныхъ націй безъ индустріи не мыслимо, а такъ какъ города населяются изъ деревни, то и для насъ другого пехода нѣтъ какъ передать часть сельскаго населенія городу. Безъ промышленныхъ индустріальныхъ центровъ не мыслима и сельская промыш-

Что же касается до формъ крестьянскихъ хозяйствъ, то онѣ могутъ быть такъ различны, что опредѣлить степень ихъ интенсификаціи невозможно. Но расчеты автора относительно невозможности развитія крестьянскаго скотоводства совершенно невѣрны. Въ продуктахъ скотоводства нуждается не одинъ городъ, но и само крестьянство; нынѣ оно ихъ не употребляетъ только потому, что имѣетъ ничтожное количество скота.

Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что защитники общиннаго землепользованія имѣютъ весьма низкое представленіе о русскомъ крестьянствѣ и относятся къ его хозяйственнымъ и инымъ способностямъ съ явнымъ недоувѣріемъ. Подобное воззрѣніе лишено всякаго основанія. Хозяйственная сила крестьянства заключается въ слѣдующемъ: 1) крестьянинъ замѣчательно цѣпокъ къ землѣ; нѣмецкіе экономисты видятъ въ этомъ даже порокъ и называютъ эту цѣпкость „das Kleben an der Scholle“. 2) Крестьянинъ самъ потребляетъ продукты, которые производитъ и потому рыночныя пертурбаціи мало его беспокоятъ. 3) Крестьянинъ не нуждается въ наемныхъ рабочихъ, по крайней мѣрѣ, въ крайности можетъ обойтись безъ нихъ. 4) Крестьянинъ легче другихъ производителей приспособляется ко всякимъ конъюнктурамъ; у насъ онъ перенесъ самую тяжелую форму крѣпостного права. 5) Крестьянинъ легко переноситъ ипотечные долги и можетъ платить за землю наивысшія цѣны. 6) Благодаря разнообразію культуръ, крестьянское хозяйство способно на самую высшую интенсификацію земледѣлія.

ленность, особенно у насъ, въ виду климатическихъ и иныхъ условій. Превратить же нашего крестьянина въ бродягу между городомъ и деревней невозможно, и если въ настоящее время происходитъ подобный процессъ, то потому, что у насъ плохи и сельское хозяйство, и индустрія. Но русское крестьянство не уменьшится численностью при свободѣ, а значительно увеличится; площадь земли, которая теперь кормитъ одного, будетъ кормить двухъ и даже трехъ. Законъ предѣльнаго плодородія земли—мигъ, рано или поздно, городъ возвратитъ деревнѣ сторицею то, что у нея взялъ.

Напротивъ общинное землевладѣніе непременно приведетъ къ преждевременному вымиранію сельскаго населенія, что уже замѣчается въ нѣкоторыхъ губерніяхъ черноземнаго центра, но и это вымираніе отнюдь не поможетъ крестьянству, нисколько не возвыситъ его производительной энергіи.

Если русскій крестьянинъ плохъ, то только потому, что связанъ общинно-крѣпостнымъ узломъ. Отъ правительства и общества зависитъ развязать этотъ узелъ, а потому вся вина обѣднѣнія нашихъ крестьянъ лежитъ на нихъ.

Вопросъ о пользѣ или вредѣ передѣловъ былъ предметомъ изслѣдованій земскихъ статистиковъ. Къ сожалѣнію эти изслѣдованія не только отличаются крайней тенденціозностью, но и полнымъ непониманіемъ хозяйственныхъ условій земледѣльческаго промысла. Земскіе статистики рѣшаютъ этотъ вопросъ по трафареткѣ, чисто бюрократической. Составляются таблички съ графами: сколько десятинъ приходится на домохозяина, $\%$ безземельныхъ, безлошадныхъ, безкоровныхъ, неимѣющихъ ни лошади, ни коровы, бездомовыхъ, сдающихъ свои надѣлы и пр., для той или другой группы селеній волости или уѣзда, и всѣ эти фиктивные цифры принимаются какъ свидѣтельство конкретныхъ фактовъ. Замѣтимъ, что при этомъ статистики почти никогда не указываютъ тѣхъ источниковъ, по которымъ они составляли свои таблички: селенія не обозначены, а потому мы должны вѣрить статистику на слово. Такимъ образомъ неизвѣстны ни размѣры надѣловъ каждаго населенія, ни другія экономическія условія селеній. Читатель можетъ подумать, что это безразлично, такъ какъ вопросъ рѣшается большими цифрами. Вовсе нѣтъ! Группы селеній весьма не велики, что для волостей совершенно понятно, а для уѣздовъ бездоказательно, такъ какъ берутся въ основаніе исчисленій общины, а не дворы, и если показывается въ особой графѣ число дворовъ, то только для отвода глазъ неопытнаго читателя (цифры числа дворовъ въ этихъ случаяхъ всегда несоизмѣримы). Интереснѣе же всего тотъ фактъ, что выводы изслѣдователей никогда не соотвѣтствуютъ показаніямъ самихъ таблицъ. Напримѣръ, въ сводѣ данныхъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ Рязанской губерніи (Т. XI сборн.) статистикъ, приводя таблички, составленныя указанными нами приѣмами, изрекаетъ: „благотворное вліяніе передѣловъ обнаруживается по всѣмъ экономическимъ признакамъ“ (стр. 89). Наивный читателя, не отдающій себѣ отчета въ значеніи приведенныхъ цифръ, разумѣется вѣритъ статистику, но въ дѣйствительности подобные вы-

воды напоминают „итоги“ почтеннаго г. В. В. На самомъ же дѣлѣ таблицы свидѣлствуютъ, что въ одной группѣ данной волости повышается одинъ неблагопріятный признакъ (условный!), въ другой повышение отмѣчено по другому признаку; но въ общемъ разница въ цифрахъ настолько ничтожная, что никакъ не можетъ служить сама по себѣ показателемъ лучшаго или худшаго состоянія хозяйства данныхъ селеніи. Такъ по Михайловскому уѣзду въ Малинковской волости въ 14 селеніяхъ, практикующихъ передѣлы, съ 885 домохозяевами, показывается: десятинъ на домохозяина 6,3, $\%$ безземельныхъ—6,1, $\%$ безлошадныхъ—43, безкоровныхъ—36,3, $\%$ не имѣющихъ ни лошади, ни коровы—29,9, $\%$ безземельно-бездомовыхъ—5,2, $\%$ сдающихъ надѣлы—13,4; въ 9 общинахъ безъ передѣловъ съ 307 домохозяевами: десятинъ на домохозяина 6,7, $\%$ безземельныхъ—7,5, $\%$ безлошадныхъ—42, $\%$ безкоровныхъ—36,8, $\%$ не имѣющихъ ни лошади, ни коровы—30,6, $\%$ безземельно-бездомовыхъ—5,9, $\%$ сдающихъ надѣль—17,9. Приблизительно такія разницы въ цифрахъ мы имѣемъ и для другихъ волостей ¹⁾; подобранныхъ статистикомъ. Въ Сапожковскомъ уѣздѣ въ Клинской волости въ 6 общинахъ съ 877 домохозяевами, практикующими передѣлы: десятинъ на домохозяина 5,0, $\%$ безземельныхъ—3,9, $\%$ безлошадныхъ—42, $\%$ безкоровныхъ—45, $\%$ не имѣющихъ ни коровы, ни лошади—31,0, $\%$ безземельно-бездомовыхъ—3,0, $\%$ сдающихъ надѣль—13,0; въ 5 общинахъ безъ передѣловъ съ 253 домохозяевами: десятинъ земли на домохозяина 5,3, $\%$ безземельныхъ 4,0, $\%$ безлошадныхъ—40, $\%$ безкоровныхъ—48, $\%$ не имѣющихъ ни лошади, ни коровы—33, $\%$ безземельно-бездомовыхъ—3,0, $\%$ сдающихъ надѣль—15. Для характеристики пріема земскаго статистика

¹⁾ Напримѣръ Остроуховская вол.:

	Число домох.	$\%$ безлош.	$\%$ безкор.	$\%$ бездом.	$\%$ безъ к. и л.
съ передѣл. въ 6 общ...	445	47,2	43,1	20,0	37,5
безъ перед. „ 20 „ ...	720	45	44,2	19,1	35,7

отмѣтимъ ничтожность числа общинъ и домохозяйствъ, при чемъ для сравненія статистикъ беретъ селенія, не практикующія передѣловъ, съ малымъ числомъ домохозяйствъ, а селенія съ передѣлами съ значительно большимъ ихъ числомъ. Но чѣмъ меньше число домохозяйствъ въ селеніи, тѣмъ большій % каждое экономически неблагоприятное домохозяйство составитъ въ общемъ числѣ домохозяевъ селенія.

Во всякомъ случаѣ читатель видитъ, что разница въ неблагоприятныхъ признакахъ между селеніями ничтожная, и одни признаки даютъ большія цифры въ одной группѣ, а другіе однородные—большія въ другой группѣ. Если же статистикъ утверждаетъ, что „экономическое положеніе крестьянскихъ общинъ, въ которыхъ передѣлы практикуются, значительно выше, чѣмъ въ тѣхъ общинахъ, гдѣ передѣловъ не бываетъ“, то, значитъ, статистикъ надѣлъ своеобразные очки, которые ему показываютъ то, чего нѣтъ. Не менѣе бездоказательны и составленная имъ табличка на весь уѣздъ (Михайловскій):

Въ общинахъ:	Общинъ.	Дворовъ.	Земли на домохоз.	% беззем.	% безлошад.	% безкор.	% беззем. бездом.	% безлош. и безкор.	% сдающ. надѣль.
съ передѣлами:	165	16,073	7,6	1,9	42,9	36,3	1,0	29,6	16,9
безъ передѣловъ:	224	6,920	5,8	4,5	40,6	36,8	2,9	30,5	19,4

Для общинъ съ передѣлами взяты крупныя селенія съ сравнительно крупными надѣлами, для общинъ безъ передѣловъ—мелкія селенія съ малыми надѣлами и все-таки—существенной разницы въ показаніяхъ неблагоприятныхъ признаковъ мы не видимъ. Почему г. Селивановъ не сравнилъ статистическія данныя общинъ, производящихъ передѣлы, съ четвертными селеніями Рязанской губерніи, которыя никогда уравнильныхъ передѣловъ не производили? Подобныя сопоставленія для опредѣленія экономическаго положенія крестьянъ позволяютъ себѣ дѣлать всѣ земскіе статистики, а потому всѣ ихъ работы въ этомъ отношеніи мало пригодны и могутъ лишь ввести въ заблужденіе лицъ, плохо знакомыхъ съ крестьянскимъ хозяйствомъ. Разъяснимъ имъ ихъ ошибку. Для статистическихъ выводовъ годны лишь боль-

шія цифры; напрімѣръ, если мы возьмемъ всѣ селенія Россіи, производящія передѣловъ, и сравнимъ ихъ экономическое положеніе съ экономическимъ положеніемъ всѣхъ селеній, производящихъ передѣлы, и если тѣ и другія селенія находятся въ однородныхъ экономическихъ условіяхъ. Такъ какъ подобныхъ сравненій произвести нельзя, то статистикамъ слѣдовало бы воздерживаться отъ приемовъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго научнаго значенія и ничего не доказывающихъ. Но статистики поступаютъ еще хуже. Приведя табличку по Егорьевскому уѣзду, г. Селивановъ самъ нашель, что изъ 15 волостей въ 11-ти безземельныхъ оказалось больше у общинъ съ передѣлами и что, такимъ образомъ, получился результатъ совершенно противоположный тому, который онъ желалъ доказать. Но, рассуждаетъ статистикъ, признаки, по которымъ составлены таблички, не годятся для выясненія экономическаго положенія селеній заокскихъ уѣздовъ губерніи, ибо $\%$ безземельныхъ и безлошадныхъ и даже безкоровныхъ въ этой промышленной полосѣ не имѣетъ того значенія, которое имѣютъ эти признаки экономическаго положенія селеній для уѣздовъ земледѣльческихъ. Затѣмъ г. Селивановъ заканчиваетъ свои рассужденія такимъ заключеніемъ: „Такимъ образомъ, въ общинахъ, гдѣ передѣлы производятся, населеніе является болѣе застрахованнымъ отъ нищеты, чѣмъ въ общинахъ, гдѣ передѣловъ не бываетъ; обѣднѣвшіе и ослабѣвшіе члены общинъ послѣдней категоріи какъ бы силою прикрѣплены къ землѣ и обречены на владѣніе ею безъ права и возможности отъ нея отказаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изыскивать себѣ какія-либо иныя средства къ существованію“ (стр. 87). Приведенныя строки статистика, какъ нельзя лучше характеризуютъ точку зрѣнія защитниковъ общинно-уравнительнаго землепользованія. Нужно замѣтить, что здѣсь идетъ рѣчь о селеніяхъ, гдѣ земля, по выраженію самого статистика, представляетъ собою лишь обузу для крестьянина. Едва-ли мы преувеличимъ, если скажемъ, что изложенная точка зрѣнія на уравнительное землепользованіе нашихъ крестьянъ граничитъ съ фанатизмомъ ¹⁾.

¹⁾ Отмѣтимъ еще другую ошибку статистиковъ и притомъ самую су-

Если бы крестьянинъ Егорьевскаго уѣзда былъ собственникомъ своей земли и сознавалъ свое право собственности, то земля не только не казалась бы ему обузою, но цѣнилась бы какъ великая драгоценность, какова бы она ни была и какимъ бы маленькимъ клочкомъ онъ ни владѣлъ. Давая ему или его семьѣ кровь, земля удовлетворяла бы многимъ его насущнымъ потребностямъ и дала бы должную устойчивость всѣмъ его занятіямъ и заработкамъ. Князь Бисмаркъ совершенно правъ въ этомъ отношеніи, а обычная цѣнность земли для крестьянина вытекаетъ именно изъ подобныхъ побужденій. Такимъ образомъ то, что при уравнительномъ землепользованіи оказывается иногда невыносимою обузою, при правѣ собственности является великимъ благомъ ¹⁾. Пора бы нашимъ уравнителямъ это понять.

Какъ на одно изъ слѣдствій общинно-уравнительнаго землепользованія мы укажемъ на тотъ странный фактъ, что

щественную. Въ продолжительный промежутокъ между передѣлами энергія крестьянъ накапливаетъ „блага“; разумѣется, при этомъ образуется неравенство. Передѣлы производятъ уравненіе этихъ „благъ“, и потому совершенно понятно, что тѣ признаки, которые условно признаются статистиками неблагоприятными для селенія ($\frac{0}{0}$ безземельныхъ, безлошадныхъ и пр.), улучшаются. Въ сущности „благъ“ стало меньше, но они распредѣляются иначе; статистики же ошибочно смѣшиваютъ распредѣленіе „благъ“ съ производствомъ ихъ. На самомъ же дѣлѣ передѣлъ уменьшилъ производительную энергію крестьянъ селенія и понизилъ ихъ экономическую мощь. И подобное пониженіе повторится при новомъ передѣлѣ, пока всѣ крестьяне селенія не обратятся въ нищихъ.

1) Этотъ безспорный фактъ можетъ служить лучшимъ опроверженіемъ главнаго довода К. П. Побѣдоносцева въ пользу общиннаго землевладѣнія и вполне подтверждаетъ нашу теорію цѣнности и причины возникновенія земельной ренты. Ренту создаетъ энергія владѣльца, а гдѣ этой энергіи нѣтъ—и ренты нѣтъ. Не тяжесть податей и повинностей обезцѣниваетъ крестьянскую землю, напротивъ, выкупъ придалъ ей цѣнность, которой она для временно-обязанныхъ не имѣла. Подати и повинности экспроприруютъ ренту владѣльца въ пользу общества и государства, но не обезцѣниваютъ земли, пока существуетъ и дѣйствуетъ энергія землевладѣльца. Правительству и обществу слѣдовало бы принять въ соображеніе этотъ экономическій законъ и щадить землевладѣльца. Къ счастью, крестьянинъ, благодаря своеобразному свойству своего хозяйства, выносливѣе крупныхъ землевладѣльцевъ. Но если вы затронете главную основу крестьянства—земельную собственность,—то вы погубите и его.

въ нашихъ селеніяхъ индустріальныя занятія получили характеръ какого-то цехового устройства. Если вамъ нуженъ хорошій плотникъ, слесарь, печникъ, маляръ, огородникъ, сапожникъ и пр., то вы не найдете ихъ въ вашей деревнѣ, ни въ окрестныхъ селеніяхъ. Такихъ мастеровъ въ нашихъ селеніяхъ нѣтъ, но у насъ есть цѣлыя селенія плотниковъ, каменщиковъ, печниковъ, бондарей, маляровъ, огородниковъ, граборовъ и пр. Подобное распредѣленіе занятій выгодно для подрядчиковъ большихъ работъ, но для деревни очень невыгодно. Возведенныя крѣпостнымъ правомъ китайскія стѣны между селеніями, отчасти способствовали этому явленію; несомнѣнно, и теперь оно поддерживается отсутствіемъ мобилизаціи земли. Общинно-крѣпостной институтъ создаетъ и не столь невинныя или полезныя профессіи; у насъ на Руси существуютъ селенія и даже волости, поголовно занимающіяся нищенствомъ.

Земскія статистическія изслѣдованія, несомнѣнно, дали значительный матеріаль по вопросу объ общинномъ землепользованіи нашихъ крестьянъ, но этотъ матеріаль прежде всего слѣдуетъ подвергнуть подробному и безпристрастному критическому анализу; только тогда онъ будетъ годенъ для той работы, которую предпринялъ г. Качоровскій; сводка же этого матеріала безъ необходимой критики, а тѣмъ болѣе постройка на немъ цѣлаго изслѣдованія о вліяніи уравнительнаго землепользованія на хозяйство крестьянъ приведутъ къ ложнымъ выводамъ.

Г. В. В. въ своей книгѣ „Крестьянская община“, имѣлъ въ виду одну сторону вопроса—вліяніе уравнительнаго землепользованія на земельныя отношенія крестьянъ съ точки зрѣнія распредѣленія земныхъ (хозяйственныхъ) благъ, но не производства ихъ. Главная заслуга г. В. В. заключается въ описаніи, на основаніи статистическаго матеріала, функціи общины. Несмотря на излишекъ субъективизма, внесеннаго авторомъ въ свой трудъ, и односторонность точки зрѣнія на общину, книга г. В. В. единственная въ своемъ родѣ и долго будетъ служить матеріаломъ для изслѣдователей нашей крестьянской деревни, чего никакъ нельзя сказать о I томѣ книгѣ г. Качоровскаго. Книга г. В. В. описываетъ

общину и справедливо можетъ быть названа сводкой изслѣдованій земской статистики, господинъ же Качоровскій „сочиняетъ“ эволюцію общины по своему вкусу, сообразно своимъ юридическимъ и экономическимъ познаніямъ, далеко недостаточнымъ для столь сложнаго и важнаго вопроса, какъ вопросъ о крестьянской общинѣ и уравнительномъ землепользованіи; ссылки же его на статистическіе матеріалы имѣютъ мало значенія. Изслѣдованіе г. В. В., которое мы излагали въ I главѣ нашего настоящаго труда, отличается тѣми же достоинствами, которыя мы отмѣтили выше, и мы надѣемся, что г. В. В. вполне добросовѣстно использовалъ матеріалъ архива, къ которому имѣлъ доступъ, а потому и это его изслѣдованіе будетъ имѣть значеніе цѣннаго матеріала для изслѣдователей русской общины.

При существующихъ настроеніяхъ нашего интеллигентнаго общества и путаницѣ понятій, внесенной въ умозрительныя науки материалистическимъ направленіемъ, которое, впрочемъ, постепенно теряетъ подъ собою почву, едва ли мы въ ближайшемъ будущемъ получимъ строго научное изслѣдованіе о русской общинѣ. Еще менѣе вѣроятно предположеніе, что правительство и общество примутъ въ настоящее время энергическія мѣры съ цѣлью распутать общинно-крѣпостной клубокъ земельныхъ отношеній нашихъ крестьянъ, а потому беспокоиться г. В. В. о судьбѣ любезной ему общины и съ этой стороны не предстоитъ надобности, и, слѣдовательно, онъ могъ бы хладнокровнѣе относиться къ трудамъ „противниковъ“ общиннаго землепользованія. Полное же обнищаніе крестьянъ и упадокъ земледѣлія въ Россіи всегда весьма мало беспокоили нашихъ уравнителей.

Знакомство съ изслѣдованіями лицъ, посвятившихъ свой трудъ тому же вопросу, всегда поучительно. Изслѣдователь знакомится прежде всего съ тѣми возраженіями, которыя могутъ быть сдѣланы на его соображенія, и получаетъ болѣе полное освѣщеніе интересующаго его предмета. Страницы 173—201 книги г. Воскресенскаго заключаютъ въ себѣ прекрасное изложеніе экономическаго развитія культурныхъ народовъ при господствѣ экономической свободы и тѣ печальныя послѣдствія, которыя возникаютъ для экономическаго

общества, когда эта свобода искусственно подавлена, особенно въ отношеніяхъ людей къ землѣ. Съ нашей точки зрѣнія мы сдѣлаемъ лишь одно замѣчаніе. Г. Воскресенскій смотритъ на экономическія отношенія людей слишкомъ материалистически, какъ и большинство экономистовъ (придерживаясь характеристики экономическихъ теорій, сдѣланной ф. Бёмъ-Баверкомъ, мы называемъ подобную точку зрѣнія наивной). Производительная дѣятельность человѣка всегда превышаетъ его потребительную, иначе нѣтъ хозяйства. И социалисты каѳедры признаютъ, что „сбереженіе“ (Sparen) составляетъ необходимѣйшій актъ хозяйственной дѣятельности человѣка. Сберегать могутъ и потребитель и производитель; производитель никогда не будетъ сберегать, если его лишатъ права или возможности распредѣлять „блага“, имъ созданныя, по своему усмотрѣнію, но и потребитель не будетъ сберегать, если его лишатъ экономической свободы. Это именно и происходитъ въ нашихъ общинахъ при уравнительномъ процессѣ и составляетъ главную причину, почему наши крестьяне не производятъ излишковъ и ничего не сберегаютъ. На низшихъ ступеняхъ экономической дѣятельности индустрія всегда связана съ силами природы, т. е. съ дѣятельностью человѣка, направленной на овладѣніе ими; охотникъ приготовляетъ самъ сѣти, лукъ, кожи, мѣха и проч., необходимые для его промысла; скотоводъ самъ приготовляетъ все, что нужно для его промысла, и даже свои переносныя жилища; также поступаетъ и земледѣлецъ на низшихъ ступеняхъ своего развитія. Выдѣленіе индустріи составляетъ высшій разцвѣтъ экономической дѣятельности челоѣка. Нѣтъ ничего удивительнаго, что высшая энергія создаетъ интенсификацію земледѣлія и подъемъ экономическаго благосостоянія общества. Поэтому, при крѣпостномъ правѣ, когда челоѣкъ искусственно былъ прикрѣпленъ къ земледѣлію, индустрія не могла развиться, несмотря на всѣ усилія помѣщиковъ. Прикрѣпленіе крестьянъ къ заводамъ и фабрикамъ мало помогло дѣлу.

Такимъ образомъ причина низкаго состоянія крестьянскаго хозяйства — уравнительный процессъ и отсутствіе экономической свободы; одно явленіе вызываетъ другое, такъ какъ оба явленія неразрывно связаны другъ съ другомъ. Экономиче-

ская же свобода необходимо ведетъ къ развитію индустріи и интенсификаціи земледѣлія. Уравнительный процессъ, нарушая человѣческую этику, право и экономическую свободу, отнимаетъ у крестьянъ-производителей ихъ сбереженія, а потому и уничтожаетъ ихъ производительность въ самомъ корнѣ. Малоземелье крестьянъ является только внѣшнимъ признакомъ указанной нами основной причины упадка хозяйственной дѣятельности нашихъ крестьянъ.

И если мы обратимся къ фактамъ повседневной жизни, то встрѣтимся съ прямыми подтвержденіями вышесказаннаго. Крестьянинъ съ трудомъ себя прокармливаетъ, земледѣліе его неудовлетворительно, надѣль его недостаточенъ, заработокъ неустойчивъ, а между тѣмъ сундуки его бабъ полны нарядами, а самъ онъ свои сбереженія пропиваетъ. Пьянство мужиковъ (даже бабъ и дѣвокъ!) и безпутное тщеславіе женщинъ, тратящихъ всѣ свои заработки на наряды, несомнѣнно свидѣлствуютъ о неумѣннн и нежеланнн нашихъ крестьянъ дѣлать хозяйственныя сбереженія. Кто не умѣетъ сберегать копѣйки, — не будетъ сберегать и рубли. Очевидно, нашъ крестьянинъ не видитъ смысла въ сбереженіяхъ и потерялъ къ нимъ вкусъ. Въ этомъ отношеніи положеніе нашего крестьянина хуже, чѣмъ положеніе французскихъ крестьянъ до революціи. Угнетенный невѣроятными налогами и повинностями, французскій крестьянинъ жилъ въ логовищахъ, ходилъ въ рубищѣ, имѣлъ ничтожный инвентарь и проч.; но когда продавался тотъ или другой клочекъ господской земли, покупателемъ являлся этотъ же нищій крестьянинъ. Передавая этотъ фактъ, Тэнъ признаетъ его невѣроятнымъ, но вполне доказаннымъ. Нашъ крестьянинъ не можетъ покупать землю въ собственность; государство постаралось устроить такъ свою аграрную политику, чтобы всѣ дворянскія земли, поступающія въ продажу, поступали крестьянамъ въ общее или общинное владѣніе. Крестьянскій банкъ иначе не продаетъ дворянскихъ земель, а другихъ учрежденій для пріобрѣтенія этихъ земель не существуетъ. К. Д. Кавелинъ и другіе консервативные защитники общины полагали дать возможность наиболѣе дѣятельнымъ крестьянамъ выходить на свободу посредствомъ пріобрѣтенія земли въ собственность; но

мы нарочито установили такую аграрную политику, которая совершенно лишила отдѣльныхъ крестьянъ возможности приобрести землю, если только они не богатые кулаки, покупающіе цѣлыя имѣнія. Если бы крестьянскій банкъ раздроблялъ большія имѣнія на подворные участки и продавалъ ихъ отдѣльнымъ крестьянамъ, то мы увидѣли бы довольно быструю организацію крестьянскихъ хозяйствъ; этотъ-то исходъ и постарались закрыть нашему крестьянству. Тѣ же мѣры примѣнены и къ арендѣ казенныхъ земель; предпочтеніе при арендѣ дается обществамъ и товариществамъ; крестьянинъ лишенъ возможности основать подворное хозяйство и на арендуемой землѣ. Итакъ, нашъ крестьянинъ на общинной землѣ прочнаго хозяйства завести не можетъ, купить или арендовать для той же цѣли землю тоже не можетъ. Какой же смыслъ могутъ имѣть для него сбереженія? Примемъ также въ соображеніе, что во дворѣ работникъ и работница работаютъ не для себя, работаютъ не для себя и на заработкахъ на сторонѣ. Для бабы и дѣвки во всякомъ случаѣ свое—наряды, она ихъ и копитъ. Заработки молодого работника на сторонѣ немаловажны, но все это идетъ во дворъ, съ которымъ онъ связанъ исключительно податными интересами; неудивительно, если онъ и тратитъ свои заработанные деньги на „прихоти“ и пьянство и вызываетъ репрессию домохозяина, который не выдаетъ ему паспорта. Прочно основаться на сторонѣ работникъ не можетъ, да и не желаетъ. И мы получаемъ такое положеніе: рабочихъ рукъ свободныхъ въ деревнѣ масса, а рабочихъ нѣтъ ни въ городѣ, ни въ деревнѣ. Никто не дорожитъ своимъ мѣстомъ, никто не дорожитъ своимъ занятіемъ, идутъ на заработки изъ крайней нужды. Вотъ почему у насъ всюду ведется „кулацкое“ хозяйство; прочнаго нѣтъ ничего ни у крестьянъ, ни у частныхъ владѣльцевъ. Крестьянинъ не дѣлаетъ никакихъ сбереженій, потому что эти сбереженія для него мало привлекательны или даже вовсе не имѣютъ хозяйственного смысла.

Потому-то и производительная сила нашего крестьянства ничтожна: ее не къ чему примѣнить. Первый же семейный раздѣлъ разрушитъ самое прочное хозяйство, а семейные раздѣлы при общинномъ землепользованіи неминуемы,

и если у насъ еще сохранились многомощные дворы, то только тамъ, гдѣ крестьяне фактически перешли къ подворному землевладѣнію. О внѣшнихъ же препятствіяхъ къ интенсификаціи земледѣлія при общинномъ землепользованіи мы говорили уже много. Крайность, голодъ, конечно, заставляютъ крестьянина итти на всякую работу, но какъ только онъ почувствовалъ сытость онъ бѣжитъ отъ работы и не ищетъ ея. Впрочемъ мы и сами постарались внушить ему, что въ крайности ему всегда поможетъ царевъ паекъ, слѣдовательно для него пропадаетъ и этотъ стимуль. При подобныхъ условіяхъ энергичнаго и трудолюбиваго крестьянства не можетъ быть. А тамъ, гдѣ такое крестьянство образовалось вопреки нашей аграрной политики, мы поспѣшили его разрушить, находя, что это непорядокъ, ибо русскій крестьянинъ не можетъ быть богатымъ.

Г. Ходскій „въ заключеніи“ своей книги пишетъ, что въ своей аграрной политикѣ Россія является выразительницею идеи будущаго XX вѣка для Европы, и что историкъ ея далекаго будущаго скажетъ: мелкое крестьянское землевладѣніе укрѣпило могущество Россіи. Къ сожалѣнію, факты не подтверждаютъ подобнаго „заключенія“. Русское крестьянство, несомнѣнно, въ настоящее время находится въ полной дезорганизаціи, которая грозитъ въ будущемъ его разложениемъ; признаковъ же организаціи крѣпкаго крестьянскаго землевладѣнія весьма мало, но и эти признаки сгинуть съ лица русской земли въ виду довольно энергической дѣятельности общества и государства задушить посредствомъ искусственныхъ конъюнктуръ всякое зарожденіе крестьянской (личной) собственности, а иной формы землевладѣнія для свободнаго крестьянства не можетъ быть. А такъ какъ создаваемая обществомъ и правительствомъ конъюнктура съ цѣлью поддержать общинно-крѣпостной бытъ нашей деревни затрогиваютъ и другіе производительные классы, на которые нынѣ рѣшено перенести не только большую часть государственныхъ тягостей, но и общинныхъ, то въ будущемъ мы вообще должны ожидать полнаго упадка экономическихъ силъ Россіи, по крайней мѣрѣ ея центра. Наша печать уже давно жалуется на то, что мы обездоливаемъ центръ въ пользу

окраинъ; на самомъ же дѣлѣ мы переводимъ или гонимъ производительныя силы изъ центра на окраины. Разумѣется, ликвидація промышленныхъ предпріятій происходитъ медленно, такъ какъ всегда соединена съ разореніемъ предпринимателя, но жалобы на обремененіе податями и повинностями индустріи мы слышимъ всюду, и если принять въ соображеніе, что со дня освобожденія крестьянъ послѣдовательно уменьшались подати земледѣльческаго класса и послѣдовательно увеличивалась податная тягость промышленнаго, то жалобы промышленниковъ индустріи на тягость податей не лишены основаній ¹⁾. Если наша индустрія переноситъ до сихъ поръ тягость наложенныхъ на нее обществомъ и государствомъ податей, то это свидѣтельствуется лишь о ея хозяйственной энергіи. Податная же несостоятельность нашихъ крестьянъ свидѣтельствуется какъ разъ объ обратномъ. Послѣ значительнаго пониженія выкупныхъ платежей (частію совершенно несправедливаго), недоимочность крестьянъ не уменьшилась, а увеличилась. Интересно, что отчеты государственнаго контроля доказали, что въ первое десятилѣтіе послѣ реформы, когда тяжесть повинностей была весьма значительна и соединена съ переходомъ съ барщины на денежный оброкъ, недоимокъ было мало; онѣ стали вырастать съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Выходитъ такъ, что чѣмъ мы больше облегчаемъ крестьянъ, тѣмъ меньше они въ состояніи платить; такъ и должно быть при уравнительномъ землепользованіи. Чѣмъ же объясняютъ этотъ странный фактъ наши уравнители? Ничѣмъ! Ссылки на неурожай 1891 года—не

¹⁾ Сравнительно быстрое развитіе въ пореформенное время нашей индустріи уравнители приписываютъ ложной политикѣ финансоваго вѣдомства. Чѣмъ же эта политика помѣшала развитію нашего крестьянства? Указываютъ на покровительственныя пошлины. Но кто же мѣшалъ нашему крестьянству остаться при его посконной рубахѣ, лучинѣ, лаптяхъ и проч.? Если онъ все это замѣнилъ издѣліями индустріи, то только потому, что они дешевле его домашнихъ произведеній, т. е. онъ выгадалъ, а не потерялъ. Говорятъ: крестьянину не къ чему примѣнить свой зимній трудъ. Будто бы? Почему же въ настоящее время трудно получить даже зимнихъ работниковъ въ экономіяхъ? Притомъ домашнія издѣлія всегда будутъ дешевле для крестьянина чѣмъ покупныя, если ему дѣйствительно не къ чему приложить зимой свой трудъ.

объясненіе: сила и значеніе неурожаевъ зависитъ отъ земледѣльца-хозяина. Да и ростъ недоимокъ начался раньше 1891 г. Въ средне-черноземныхъ губерніяхъ онъ начался въ 1871 г. съ 10% и достигъ въ 1890 г. 38,5%. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ % недоимокъ, по окладу въ 1871 г., составлялъ 41,5, а въ 1890 г. только 4⁶; г. Харьковская губернія въ 1871 г. имѣла 3% недоимокъ, а въ 1890 г.—54,5, тогда какъ Черниговская губернія имѣла въ 1871 г. 39,7% недоимки, а въ 1890 г. только 2,4; Полтавская въ 1871 г. имѣла 3,5% недоимокъ, а въ 1890 г.—1,3. Чѣмъ объяснили наши уравнители это странное явленіе? Опять ничѣмъ! И ростъ недоимокъ присущъ рѣшительно всѣмъ районамъ съ общиннымъ землепользованіемъ; онъ отсутствуетъ только въ районахъ съ подворно-наслѣдственнымъ владѣніемъ. А правительство считало и считаетъ общинное землепользованіе гарантіей правильнаго поступленія государственныхъ податей и повинностей! Вышло совершенно наоборотъ. Но мы укажемъ на еще худшее будущее. Вслѣдствіе подъема индустріи правительство нынѣ довольно хладнокровно смотритъ на недоимочность нашихъ общинниковъ, собирая богатую жатву косвенными налогами. Между тѣмъ черноземный центръ уже пересталъ размножаться и начинаетъ вымирать, а окраины растутъ, особенно съ подворно-наслѣдственнымъ владѣніемъ; скоро почувствуется упадокъ и косвенныхъ налоговъ съ центра. „Утѣшеніе“ въ землѣ въ нашихъ юго-западныхъ, малороссійскихъ губерніяхъ и въ Царствѣ Польскомъ еще сильнѣе, чѣмъ въ нашемъ черноземномъ центрѣ; почему же народонаселеніе въ первыхъ плодится, а въ послѣднихъ перестало плодиться? Поправился видимо и нашъ бѣлоруссъ; отъ всей души желаемъ, чтобы этотъ бѣднякъ, наконецъ, увидалъ лучшія времена, хотя уже не мало сдѣлано попытокъ сбить съ толку и бѣлорусскаго крестьянина. За Литву опасаться нечего: Литва всегда была упряма, упорна и консервативна въ своихъ традиціяхъ, но бѣлорусскій „хлопъ“ мягокъ и податливъ. Наша правящая интеллигенція сначала обошла крестьянъ сѣверо-западныхъ губерній, понижая выкупные платежи, но Царь не позабылъ своихъ вѣрныхъ крестьянъ, такъ честно постоявшихъ за престолъ Его Отца во время панскаго мя-

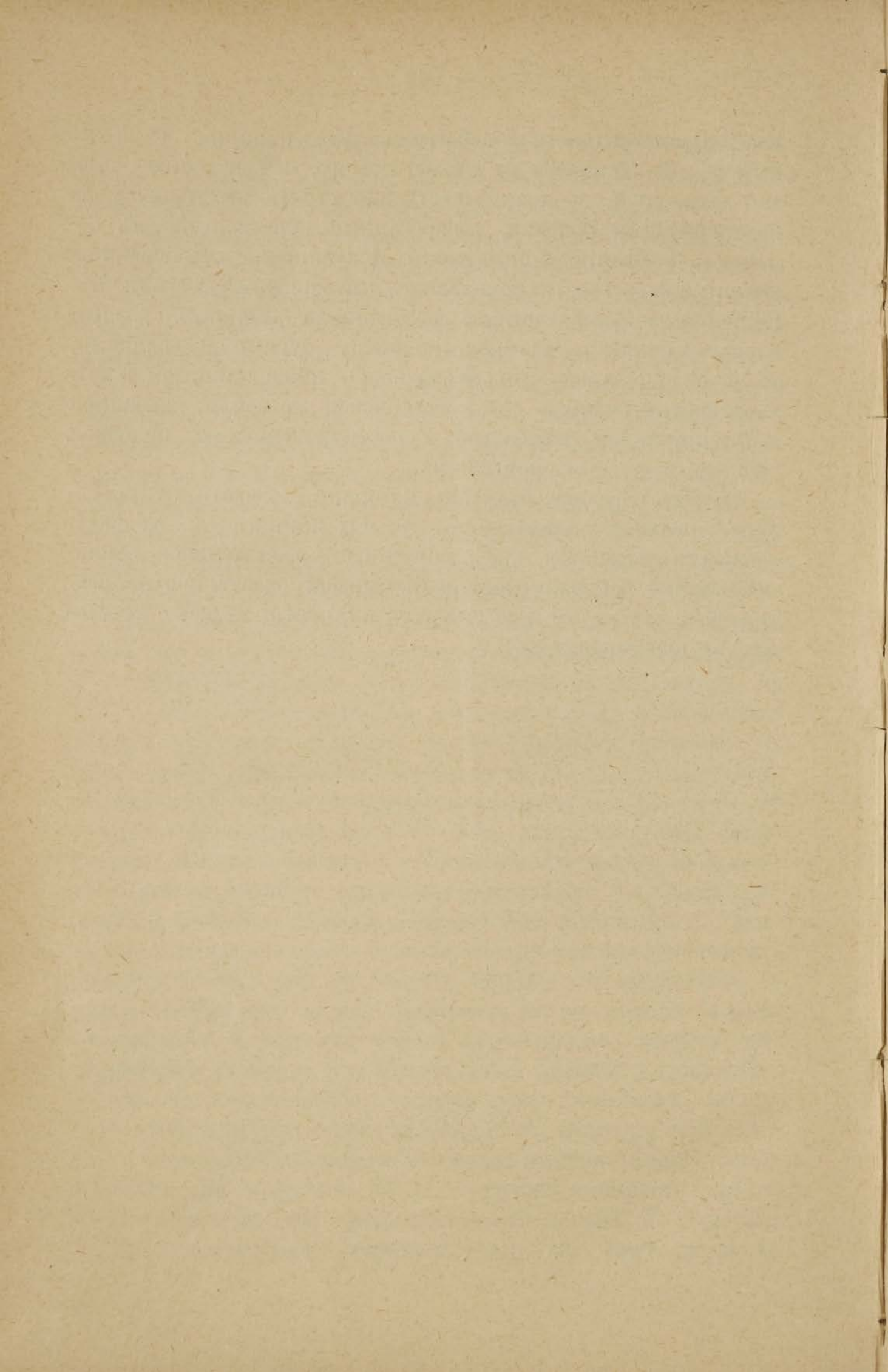
тежа, а такъ какъ бѣлорусскіе крестьяне платили свои выкупные исправно, то и вышло, что многія селенія переплатили лишнее, т. е. давно выкупили свою землю.

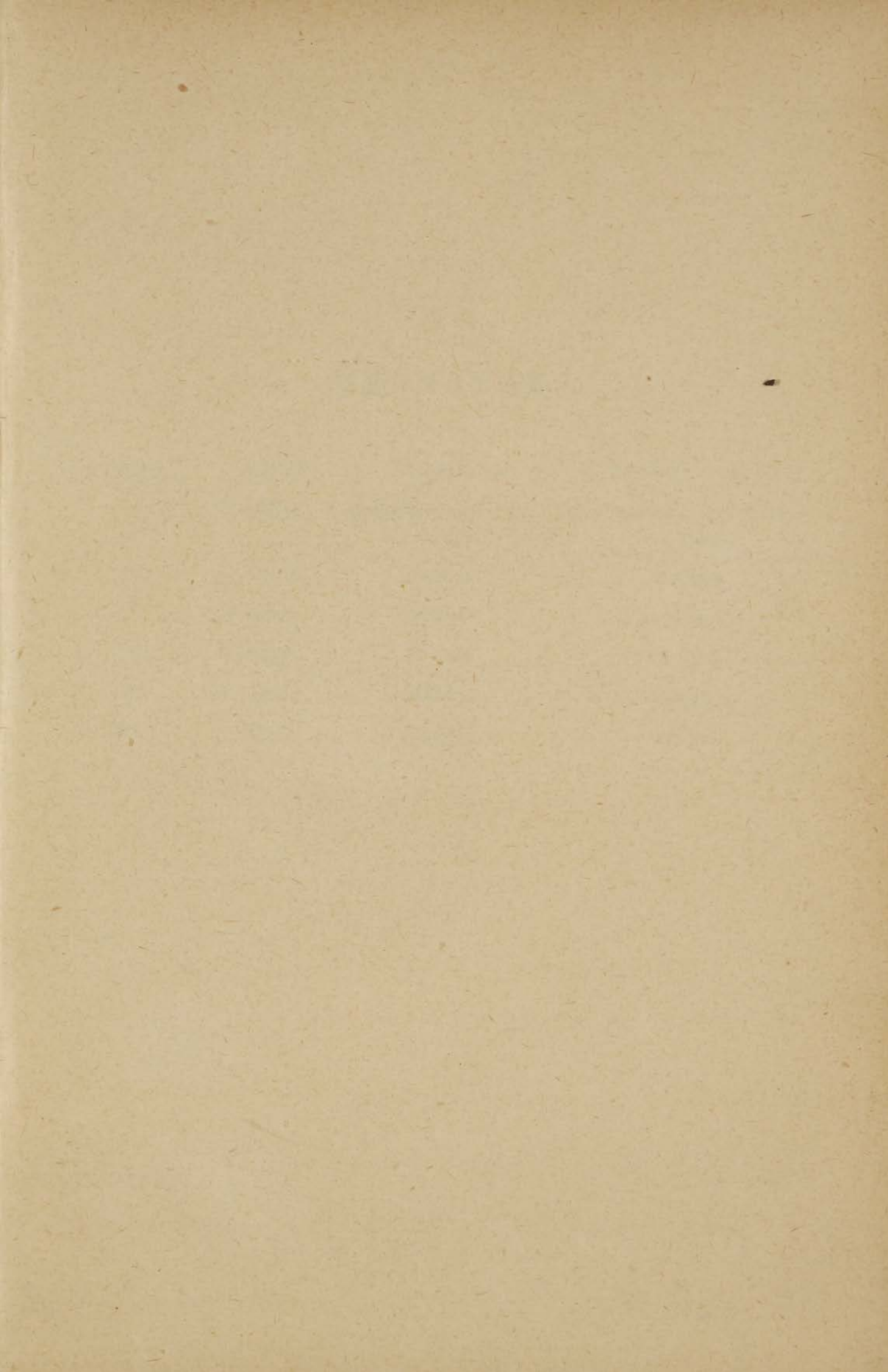
Въ общинномъ землепользованіи г. Ходскій видитъ разрѣшеніе соціального вопроса, поставленнаго XIX вѣкомъ вслѣдствіе развитія индустріи. Ссылаясь на исчисленіе П. П. Семенова чистаго капитала поземельной собственности, какимъ обладаетъ крестьянское сословіе въ центральной земледѣльской области, г. Ходскій полагаетъ, что для всей Россіи этотъ капиталъ далъ бы теперь не менѣе десятка миллиардовъ франковъ. Подобный земельный фондъ, какимъ располагаетъ русскій крестьянинъ, говоритъ г. Ходскій, можетъ поставить Россію на первое мѣсто среди всѣхъ культурныхъ государствъ. Это смѣлое утвержденіе ученаго экономиста показываетъ, что г. Ходскому неизвѣстенъ земельный „фондъ“ крестьянствъ культурныхъ націй.

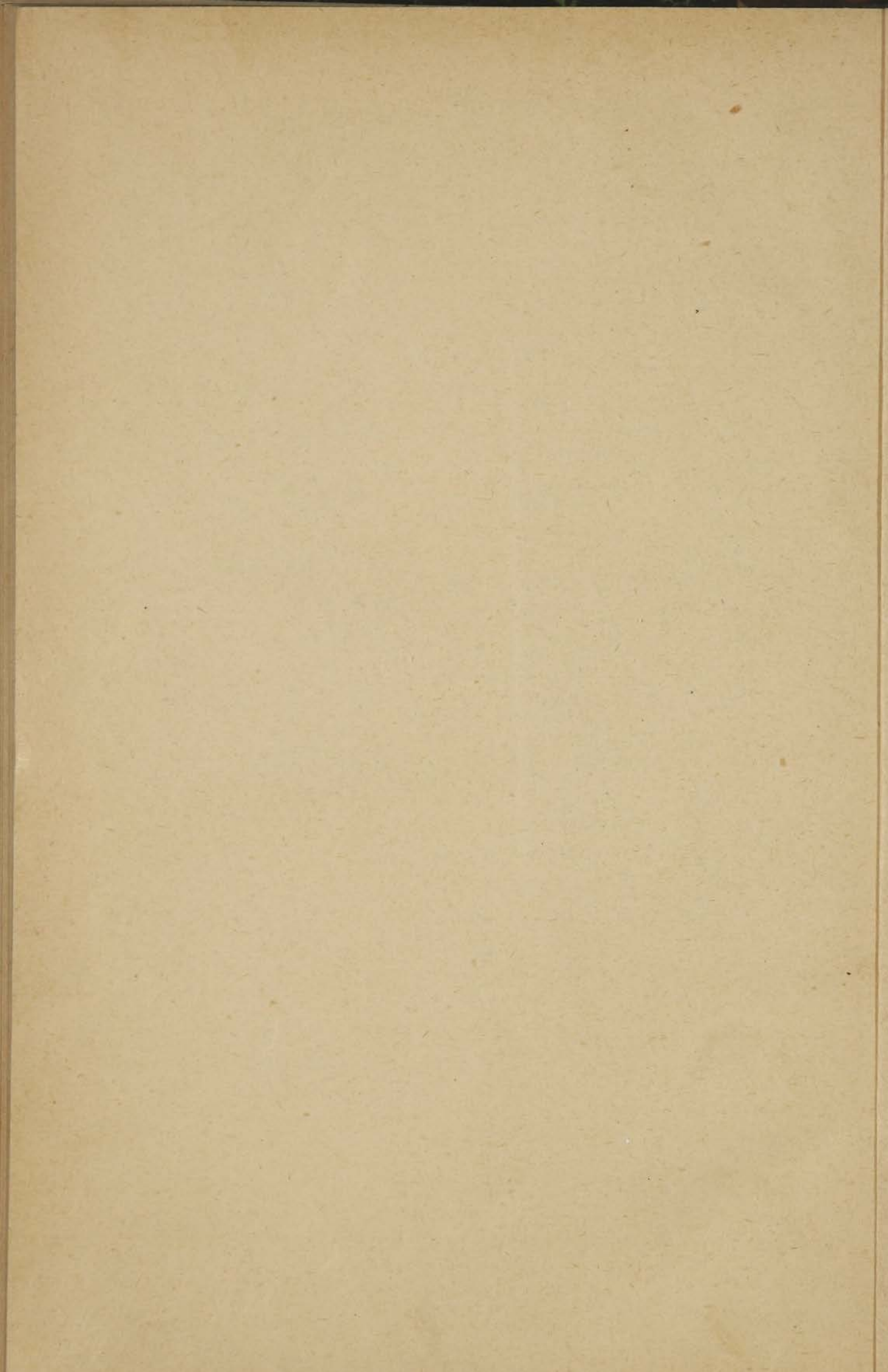
Французскіе экономисты оцѣниваютъ земельный фондъ своей страны въ 85 миллиардовъ франковъ, изъ нихъ $\frac{2}{3}$ принадлежатъ крестьянамъ. Если ипотечный долгъ считать въ 40 миллиардовъ франковъ, то даже при такомъ счетѣ французскіе крестьяне обладаютъ болѣе цѣннымъ фондомъ въ своей землѣ, чѣмъ наши крестьяне; то же самое мы можемъ удостовѣрить и для нѣмецкихъ крестьянъ, между тѣмъ тѣ и другіе составляютъ лишь 37—40% всего населенія своей страны. Какимъ образомъ г. Ходскій могъ видѣть въ *земельномъ фондѣ русскихъ крестьянъ* при такихъ условіяхъ разрѣшеніе рабочаго вопроса, — совершенно непонятно. Г. Ходскому слѣдовало сказать такъ: на западѣ Европы существуетъ многочисленный рабочій классъ, вопросъ объ обезпеченіи котораго составляетъ задачу будущаго; но на западѣ Европы существуетъ и многочисленное крестьянство, вопросъ объ обезпеченіи котораго разрѣшенъ нынѣ вполне удовлетворительно. Въ Россіи рабочій классъ пока ничтоженъ, но существуетъ многочисленное крестьянство, вовсе не обезпеченное и постепенно падающее въ своемъ экономическомъ благосостояніи. Да и расчетъ П. П. Семенова стоимости крестьянской земли нельзя признать основательнымъ. Г. Семеновъ оцѣниваетъ десятину *общинной* земли по цѣнѣ десятины

владѣльческой (частной собственности). Общинная земля не имѣетъ той цѣнности не только потому, что истощена плохой культурой, но преимущественно потому, что раздроблена на ничтожныя полоски, разбросанныя черезполосно въ общемъ пользованіи общинниковъ. Искусственно обезцѣненная земля нашего крестьянина имѣетъ нынѣ ничтожную цѣнность. Если бы десятина частнаго собственника была такъ раздроблена и раскинута черезполосно между другими владѣльцами, то и она цѣнилась бы несравненно ниже принятой П. П. Семеновымъ оцѣнки; для крестьянской же земли, связанной принудительной обработкой и неотчуждаемостью, подобная оцѣнка совершенно немыслима.

Такимъ образомъ будущій историкъ далекаго будущаго Россіи скажетъ далеко не то, что ему приписалъ г. Ходскій, а вѣрнѣе выразится такъ: общинное уравнительное землепользованіе погубило могущество Россіи, оказавшись непреодолимою преградой для развитія крѣпкаго мелкаго крестьянскаго землевладѣнія.

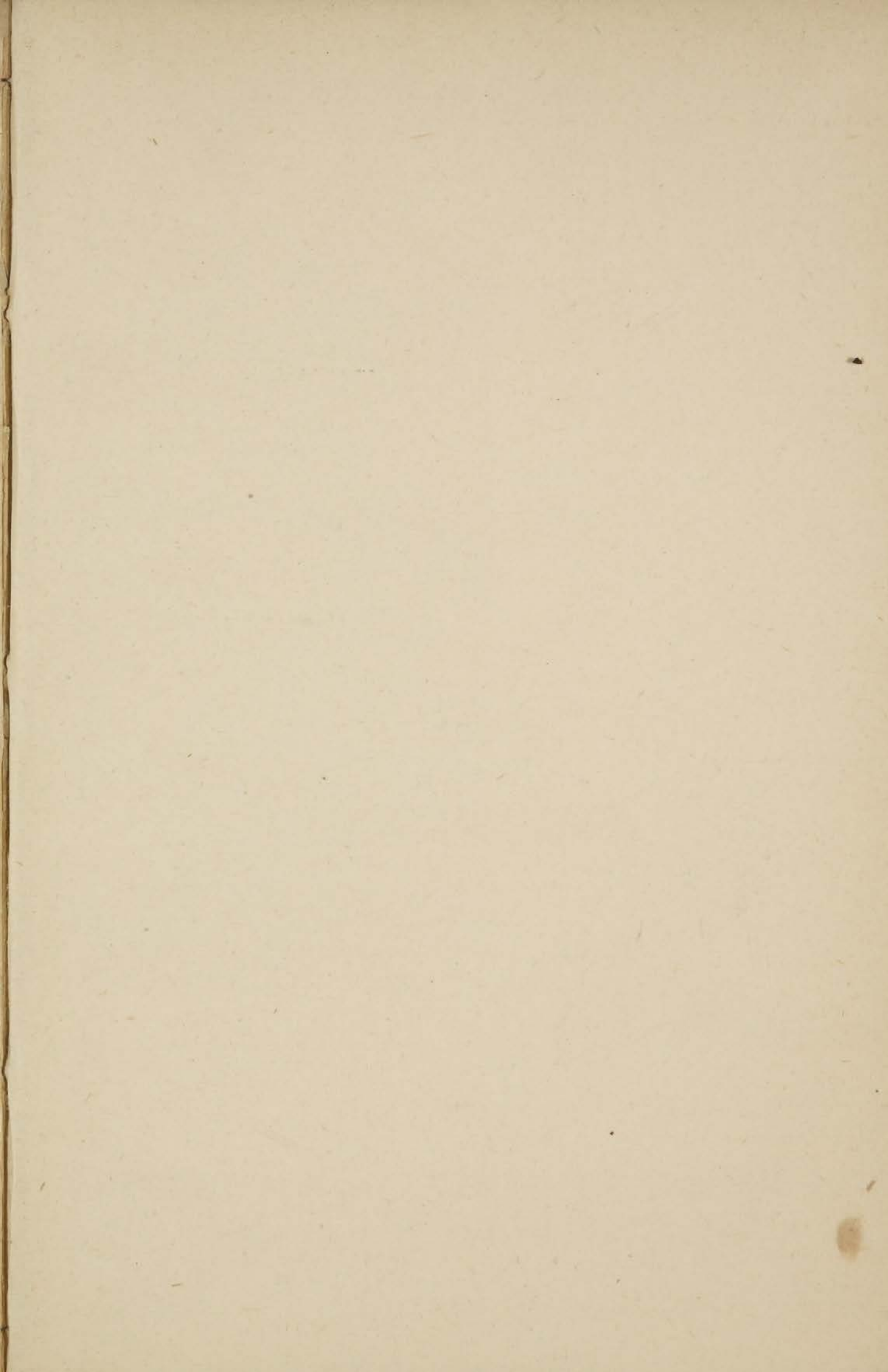

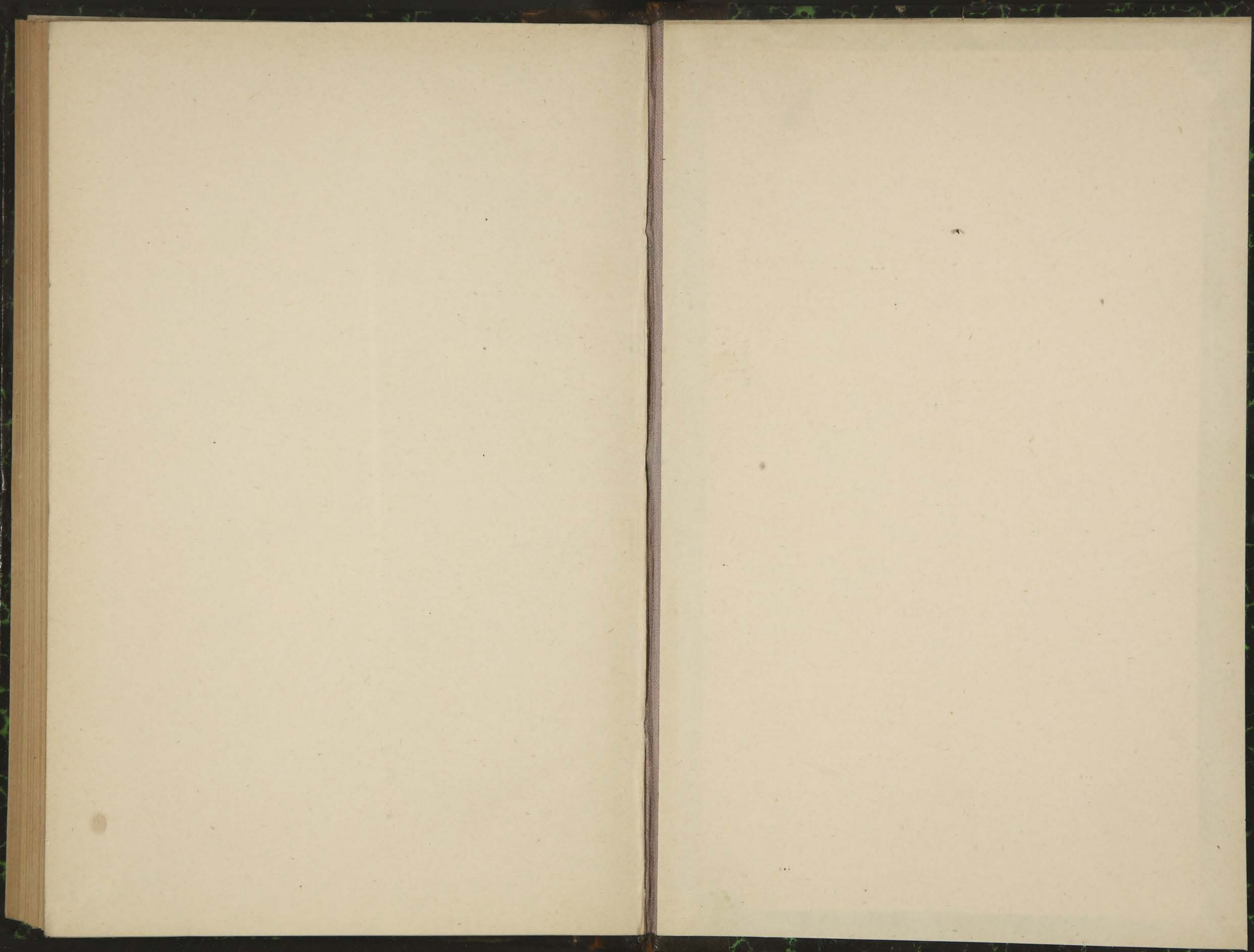

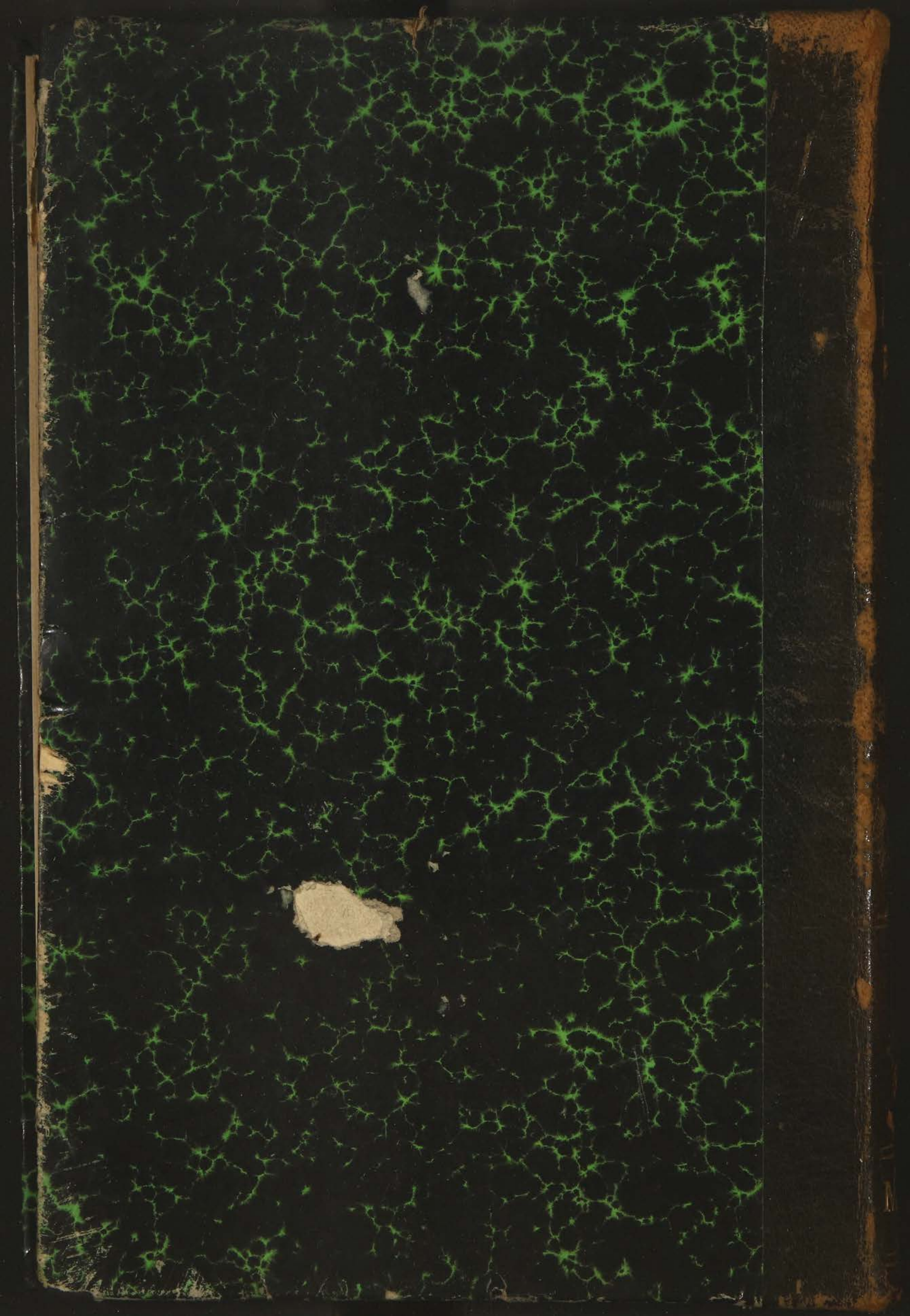

О п е ч а т к и.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
19	3 сверху	приходилось $\frac{1}{2}$ де- сятины	приходилось $\frac{1}{2}$ десятины на душу
—			
24	7 сверху	вопосъ	вопросъ
25	10 снизу	отновить	относить
29	5 снизу	о при	а при
170	17 сверху	Gebrauch	Gebrauch
181	9 снизу	селенія:	селенія;

Г. Д.

ПОПЕССЪ

ОБЪ

ОБЩИНЪ

М. Ф.